

Р 594

ор 1-80
9242

801-16
1747

НАРОДНЫЙ БЫТЪ

великаго сѣвера.

Его нравы, обычаи, преданія, предсказанія, предразсудки, притчи, пословицы, присловія, прибаутки, перегадки, припѣвы, сказки, присказки, пѣсни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинанія.

Составилъ Александръ Евгеніевичъ Буцевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Октября 1897 г.

Печатано въ количествѣ 100 экземпляровъ.

Типографія И. Ефрона. Прачешный пер., № 6.

58677-0

2015170103

ЗАКЛИНАНІЯ

И

ЗАГОВОРЫ.

*Какъ не путай,
а Божья воля распутаетъ.*

Томъ III.

1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- 1— 28. Заговоры приворотные.
28— 35. Заговоры противо-любовные.
36— 43. Заговоры свадебные.
44— 70. Заговоры воинскіе.
71— 83. Заговоры охотничіе.
84— 92. Заговоры на рыбную ловлю.
93— 95. Заговоры отъ всякихъ недуговъ.
96—104. Заговоры отъ истеченія крови.
105—114. Заговоры отъ лихорадокъ.
115—126. Заговоры противъ зубной боли.
127—129. Заговоры отъ болѣзни глазъ.
130. Заговоръ отъ грыжи.
131. Заговоръ отъ жабы въ горлѣ.
132. Заговоръ отъ боли въ ушахъ.
133. Заговоръ отъ мужскаго безсилія.
134. Заговоръ отъ бѣлой грыжи и зубовъ.
135—146. Заговоры на разные случаи.

Заговоры приворотные.

1.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Христосъ воскресъ? Встану я рабъ Божій, А., благославясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми съ улицы за ворота въ чистое поле, перекрестясь. Въ чистомъ полѣ попадетъ мнѣ рабу божіему А. двѣнадцать вѣтровъ вихоревъ дѣтей. А я рабъ Божій А. спрошу: куда вы пошли? А мы пошли за моря въ поморье подъ пещеры зажигать. А я рабъ божій А. вамъ помолюся: вы не ходите за моря подъ пещеры зажигать, а подите ко мнѣ рабу божіему А., зажгите курни, запалите сердце сердцемъ, легкое съ легкимъ, животъ съ животомъ, тѣло съ тѣломъ, кровь съ кровью, чтобы казались

рабы божіе другъ дружкѣ краше краснаго солнца, свѣтлѣ свѣтлаго мѣсяца, любимѣ отца и матери, какъ крещенный человѣкъ безъ хлѣба поѣсть соли не можетъ, не жить, не быть, такъ бы они рабы божіе не могли другъ безъ друга ни дня не быть, въ ночи бы не засыпали, слюнами не заплевали, словесно не заговаривали другъ друга во всякой день, во всякой часъ... другъ друга ухомъ не слышатъ и глазомъ не видятъ, тоскуютъ и горюють, и какъ ухомъ услышатъ и глазомъ увидятъ другъ друга радуются и смѣются, веселятся днемъ при солнышкѣ, а въ ночи при мѣсяцѣ и при чистыхъ звѣздахъ вѣтхе и молодѣ на исходѣ и на перекроѣ, рано и поздно на утреней зорѣ, на вечерней зорѣ, во всякую бы пору не было-бы имъ покою рабамъ божіимъ. Какъ соли жгутъ и варять, такъ бы у нихъ рабовъ божіихъ горѣло и кипѣло сердце съ сердцемъ, легкое съ легкимъ, животъ съ животомъ, тѣло съ тѣломъ, кровь съ кровью жгло и горѣло.... съ животомъ и съ черною печенью, чтобы сердце ихъ тлѣло, горѣло вѣкъ по вѣку отнынѣ по вѣку. Въ коемъ словѣ помѣшался или въ коемъ позабылся, заднее назадъ, а переднее напередъ за сто словъ впередъ будь моя во вѣки плотна заморскаго нерукосозданнаго булата. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(Въ Вологодской губерніи записано Александромъ Бурцевымъ).

2.

Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы. На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ тоска; бьется тоска, убивается тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ полымя, изъ полымя выбѣгалъ сатанина, кричить: «Павушка Романей, бѣги поскорѣе, дуй рабъ (та-

кой-то) въ губы, въ зубы, въ ея кости и пакости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба (такая-то) тосковала всякій часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ; бѣла бы не заѣла, пила не запила, спала бы не заспала, а все бы тосковала, чтобы я ей былъ лучше чужаго молодца, лучше роднова отца, лучше родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью — семью замками, семьюдесятью — семью цѣпями, бросаю ключи въ Окіанъ море, подъ бѣлы горючъ камень Алатырь. Кто мудренѣй меня взыщется, кто перетаскаетъ песокъ изъ всего моря, тотъ отгонитъ тоску.

(Сказ. Русск. Нар. Томъ 1. Сахарова, 1841 г.).

3.

Заговоръ для любви. Исполнена еси земля дивности. Какъ на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ есть горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ устроено огнепалимая баня; въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, и бросаются тоски изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголъ, отъ пола до потолка, оттуда чрезъ все пути и дороги и перепутья, воздухомъ и аеромъ. Мечигесь тоски, киньтесь тоски въ буйную ея голову, въ тылъ, въ локъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретивое сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣнье, во все ея тѣло бѣлое, и во всю кровь горячую, и во все кости и во все суставы, въ 70 суставовъ, полусуставовъ и подсуставовъ и во все ея жилы въ 70 жилъ, полужилъ и поджилковъ, чтобы она тосковала, горевала, плакала-бы и рыдала во всякъ день во всякъ часъ, во всякое время; нигдѣ-бъ пробить не могла, какъ рыба

безъ воды. Кидалась-бы, бросалась-бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ дверь, изъ воротъ въ ворота, на всѣ пути и дороги и перепутъя съ трепетомъ, туженьемъ, плачемъ и рыданьемъ, зѣло спѣшно шла бы и рыдала и пробывать безъ того ни минуты не могла. Думала-бы объ немъ-не задумала: спала бы не заспала, ѣла бы не заѣла, пила бы не запила и не боялась бы ничего, чтобы онъ ей казался милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя, милѣе всѣхъ и даже милѣе сна своего во всякое на молодцу, подъ полнѣ, на перекроѣ и на исходѣ мѣсяца. Сіе слово есть утвержденіе и укрѣпленіе, имъ же утверждается и укрѣпляется, и замыкается. Аще-ли кто отъ чловѣкъ, кромѣ меня, покусуется отмыкать страхъ сей, то буди, яко червь въ свинцѣ орѣховомъ. И ничѣмъ, ни перомъ, ни воздухомъ, ни бурю, ни водою дѣло сіе не отмыкается.

4.

Заговоръ полюбовнаго молодца на любовь красной дѣвицы. За моремъ, за Хвалынскимъ, во мѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодецъ, заточенъ въ неволѣ, закованъ въ семьдесятъ—семь цѣпей, за семьдесятъ—семь дверей, а двери заперты семьюдесятью замками, семьюдесятью крюками. Никто добра молодца изъ неволи не ослобонитъ, никто добра молодца до сыта не накормитъ, до пьяна не напоитъ. Приходила къ нему родная матушка (такая-то) во слезахъ горючихъ, поила молодца сытой медовой, кормила молодца бѣлоснѣговой крупой, а кормивши молодца сама приговаривала: не скакать-бы молодцу по чисту полю, не искать-бы молодцу чужой добычи, не свыкаться бы молодцу съ буйными вѣтрами,

не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускаться-бы молодцу калену стрѣлу по поднебесью, не стрѣлять-бы во бѣлыхъ лебедей, что лебедей княжінхъ, не доставать бы молодцу мечъ кладенецъ врага—супостата; а жить бы молодцу во терему родительскомъ, со отцемъ, со матерью, съ родомъ—племенемъ. Ужъ какъ возговорить добрый молодецъ: не чисто поле меня сгубило, не буйны вѣтры занесли на чужую добычу, не каленой стрѣлой доставалъ я бѣлыхъ лебедей, не мечемъ-кладенцемъ хотѣлъ я достать враговъ—супостатовъ, а сгубила молодца воля молодецкая, во княземъ терему надъ дѣвицей красной (такой-то). Заговариваю я, родная матушка (такая-то) полюбовнаго молодца (такого-то) на любовь красной дѣвицы (такой-то). Вы вѣтры буйные распорите ея бѣлу грудь, откройте ея ретиво сердце, навѣйте тоску со кручиною, чтобы она тосковала и горевала; чтобы онъ ей былъ милѣе своего лица, свѣтлѣе яснаго дня, краше роду племени, привѣтливѣе отца съ матерью, чтобы онъ казался во свѣ и на яву, въ день и полдень, въ ночь и полночь, чтобы онъ ей былъ во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по немъ и безъ него бы радости не видала, утѣхъ не находила. Кто камень Алатырь изложетъ, тотъ мой заговоръ превозможетъ. Моему слову конецъ на любовь красной дѣвицы (такой-то).

5.

Встану я рабъ божій благословясь и пойду перекрестясь изъ избы въ дверми, со двора воротми въ чистое поле къ окіяну морю ко камени Алатарю и острову, къ престолу Господню, къ семидесяти огненнымъ отроковицамъ. Встрѣчу я рабъ божій (имя рекъ) огненную отроковицу и спрошу я

рабъ божій (имя рекъ) куда пошла огненная отроковица? И рече огненная отроковица: я пошла зажигать моря, и рѣки, и озера, мхи и болота, и потоки, и зеленныя дубровы. И возмолюся я рабъ божій (имя рекъ): гой еси ты, огненная отроковица! воротися ты къ окіану морю, ко камню Алатарю, къ семидесяти огненнымъ отроковицамъ, возьми мои огни и зажги у рабы божіей (имя рекъ) сердце, печень и чрево, нутро и кровь горячую, чтобы она не могла ни жить ни быть, ни пить, ни ѣсть, вяхла (ж) и сохла, плакала и тужила бы по мнѣ рабу божіему (имя рекъ), зрѣла бы и смотрѣла на мое на бѣлое лицо, на ясныя очи, на черныя брови и какъ на красное солнце, пила бы и ѣла и единъ кусъ кусала и меня раба божіяго (имя рекъ) съ ней съ очей не спущала. И рече огненная отроковица: та..... раба божія (имя рекъ) взяла твои огни и жгла и тыя рабы божіей (имя рекъ) сердце, печень, чрево, нутро и кровь горячую, не станеть ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть и станеть вяхнуть и сохнуть, плакать и тужить по тебѣ рабу божіему (имя рекъ), и станеть зрѣть и смотрѣть на твое на бѣлое лицо, на ясныя очи, на черныя брови и какъ на красное солнце..... гла бы.....

6.

Заговоръ на любовь. На морѣ на Окіанѣ сѣтъ бѣлъ горючъ (свѣтящійся) камень Алатырь, никѣмъ не вѣдомой, подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы нѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу (на такую-то) красную дѣвицу; сажая я силу могучу во всѣ составы, полусоставы, во всѣ кости и полукости, во всѣ жилы и полужилы, въ ея очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея бѣлу

грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты сила могуча въ (такой-то) красной дѣвицѣ неисходимо, а жги ты сила могуча ея кровь горячую, ея сердце кипучее на любовь къ (такому-то) полюбовному молодцу. А была бы красная дѣвица (такая-то) во всемъ послушна полюбовному молодцу (такому-то), во всю его жизнь. Ничѣмъ бы красна дѣвица не могла отговориться: ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ человѣкъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крѣпко, какъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщиплетъ, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь.

7.

Наговоръ на любовь на пряникѣ. Взойди въ баню и глаголи трижды со вниманіемъ: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ, аминь. На морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на рѣкѣ Ярданѣ, стояла гробница, въ той гробницѣ лежала дѣвица. Раба Божія (имя рекъ)! Встань, пробудись, въ цвѣтно платьѣ нарядись, бери кремень и огниво, зажигай свое сердце ретиво по рабъ Божіемъ (имя рекъ) и такъ зажигай крѣпко, и дайся по рабъ Божіемъ (имя рекъ) въ тоску, въ печаль, какъ удавленному (удавленнику) въ петлѣ, такъ бы рабъ Божіей (имя рекъ) было бы тошно по рабъ Божіемъ (имя рекъ). Какъ утопшему въ морѣ, такъ бы рабъ Божіей (имя рекъ) было бы тошно по рабъ Божіемъ (имя рекъ), какъ дуна съ тѣломъ разстается во вѣки, аминь. Утверждаю Иисусомъ Христомъ и Пресвятою Госпожею Богородицею, и всею небесною силою, во вѣки, аминь. Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Во имя Отца и

Сына, и Святаго Духа, аминь. Отца—аминь, Сына—аминь, Святаго Духа—аминь. (Дай пряникъ съѣсть).

8.

Какъ приворошить дѣвку. Наговоръ на пряникъ. Истопа баню жарко и войди въ нее; когда взойдешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда глаголи трижды сей заговоръ:

На морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стояло древо; на томъ древѣ сидѣло семьдесятъ, какъ одна птица; эти птицы щипали вѣти (вѣтви); эти вѣти бросали на землю; эти вѣти подбирали бѣсы и приносили къ Сатанѣ Сатановичу. Ужъ ты худъ бѣсъ! кланяюсь я тебѣ и поклоняюсь,—ослужи мнѣ службу и сдѣлай дружбу: зажги сердце (имя рекъ) по мнѣ (имя рекъ) и зажги всѣ печеня и легкое и всѣ суставы по мнѣ (имя рекъ), будимое слово крѣпко, крѣпче трехъ булатовъ во вѣки! (Вели пряникъ съѣсть).

9.

Присушить дѣвицу на пряникъ.—Молодой человекъ, желающій возбудить къ себѣ любовь непреклонной дѣвицы, идетъ къ знахарю съ просьбой присушить къ нему ту, которая была къ нему равнодушна.

Колдунъ вынимаетъ пряникъ и, принявъ таинственный видъ, начинаетъ, поводя глазами, и расширяя по временамъ ноздри, заговаривать на этотъ пряникъ: Во имя Отца, и сына, и Святаго Духа, аминь. Стану я рабъ Божій Н., благосло-

вись, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чисто поле за дворами; взмолюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: Вѣтеръ Моусей, вѣтеръ луна, вѣтеръ буйный вихорь! дуйте и винтите по всему бѣлому свѣту и по всему міру крещеному, распалите, разожите и сведите рабыню Н. со мною, съ рабомъ Божиємъ Н., душа съ душой, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хоть съ хотью, не уроните той моей присухи ни на воду, ни на лѣсъ, ни на землю, ни на скотину: въ воду сроните — вода высохнетъ, на лѣсъ сроните—лѣсъ повянетъ, на землю сроните—земля сгоритъ, на скотину сроните—скотина посохнетъ. Снесите и донесите, вяжите и положите въ рабыню Божию (имя рекъ), въ красную дѣвицу, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и въ плоть, чтобы красная дѣвица не могла безъ меня раба Божія (имя рекъ), ни пить, ни быть, ни дневать, ни часа часовать, о мнѣ рабъ Божіемъ (имя рекъ), тужила-бы и тосковала и никогда-бы не забывала. Есть въ чистомъ полѣ, сидитъ баба сводница, у бабы сводницы стоитъ печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоитъ кунганъ литръ, въ томъ кунганѣ литрѣ всякая вещь кипитъ, перекипаетъ, горитъ, перегораетъ, сохнетъ и посыхаетъ. И такъ бы о мнѣ рабъ Божіемъ Н. сердцемъ кипѣла, кровью горѣла, и не могла бы безъ меня раба Божія Н., ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, ни пиѣмъ отпиться, ни думѣмъ отдуматься, и ни въ парной банѣ отпариться. Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, аки ключъ на церкви. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

Стану я, рабъ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами въ чистое поле на три розтани, помолюся я рабъ Божій тремъ братьямъ, тремъ вѣтрамъ: первый братъ, вѣтръ восточный, второй вѣтръ—

западъ, третій вѣтръ—сѣверъ! Внесите тоску и сухоту въ рабину Божию Н., чтобы она о мнѣ рабѣ Божиѣмъ сохла и тоскнула; не могла бы и дня днѣвать, ни часа часовать, отнынѣ и до вѣка и во вѣки, аминь, аминь, аминь!

Получивъ отъ колдуна пріяникъ, молодой человѣкъ долженъ отдать его своей возлюбленной. Если это ему удастся, то она—побѣждена.

(Записано А. Харитоновымъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ).

10.

Слова присушить дѣвицу.—Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану рабъ Божій, благословясь, пойду, перекрестясь, выйду въ чистое поле, въ широкое раздолье; на встрѣчу мнѣ, среди чистаго поля и широкаго раздолья семьдесятъ буйныхъ вѣтровъ, семьдесятъ вихорѣвъ и семьдесятъ вѣтровыхъ и семьдесятъ вихровыхъ. Пошли они на святую Русь зеленаго лѣса ломать, и на полѣ изъ корени вонъ воротить, и пещеры каменные разжигать. И тутъ, я, рабъ Божій (имя рекъ), помолюсь имъ и поклонюсь: о вы, есте: 70 буйныхъ вѣтровъ, 70 вихорѣвъ, и 70 вѣтровичъ, и 70 вихровичъ. Не ходите вы на святую Русь, зеленаго лѣсу ломать, изъ корней вонъ воротить и пещеры каменные разжигать, подьте вы, разожгите у рабы Божіей (имя рекъ), бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятную думу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы и всю ей, чтобы она раба Божія (имя рекъ) не могла бы ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни слова говорить, ни рѣчи творить безъ меня раба Божія (имя рекъ). Какъ меня она, раба Божія (имя рекъ) увидитъ, или гласъ мой услышитъ, то бы радовалась ей (ей) бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятная дума, черная печень,

горячая кровь, кости и жилы, и все у ней суставы веселились. И какъ ждетъ народъ Божій владычнаго праздника Свѣтлаго Христова Воскресенья, и звону колокольнаго, такъ бы она раба Божія (имя рекъ) дождалась: на который день она меня не увидитъ, или гласа моего не услышитъ, такъ бы она сохла, какъ кошенная трава съ поля; какъ не можетъ быть рыба безъ воды, такъ бы не могла бы быть она безъ меня, раба Божія (имя рекъ). Тѣмъ моимъ словамъ и рѣчамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго Сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда).

11.

Господи Иисусе Христе Сыне Божій нашъ, помилуй насъ. Земля мати неслухая (sic), лѣси не перимайте, вѣтры не уносите. Трижды.—Встану я рабъ Божій А., благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, со двора воротами въ чистое поле подъ красное солнце, на восточную сторону. Идетъ изъ восточной стороны семьдесятъ воогненныхъ (sic) святыхъ мужей, несутъ по семидесяти лучей въ..., въ когтяхъ, въ ноздряхъ, въ ясныхъ очахъ, и пошли они вся семьдесятъ воогненныхъ святыхъ мужей въ чистое поле рожигать сѣрова камени, синева камени, кремни камени, бѣлова камени. И гой еси вы вся 70 воогненныхъ святыхъ мужей, не ходите вы въ чистое поле рожигать сѣрова камени, синева камени, кремни камени, бѣлова камени, и что я вамъ наряджу, куды я васъ пошлю, вы вся 70 святыхъ мужей ко рабѣ Божіей (имя рекъ) и зажгите вы вся 70 святыхъ мужей у рабы Божіей (имя рекъ) нутро и брюхо, сердце и печень, кровь и жилы, хоть и плоть юности и

ярость, и чтобы онъ рабъ Божій (имя рекъ) безъ рабы Божіей (имя рекъ) не могъ ни жить, ни быть, ни часу часовать, не кой день, тако же бы онъ рабъ Божій (имя рекъ, на рабу Божию (имя рекъ) зрѣлъ и смотрѣлъ и очей не сносилъ и онъ рабъ Божій (имя рекъ) и раба Божія (имя рекъ) другъ другу казались краснѣе краснаго солнца лучше князя и боярина на кой день, на кой часъ рабъ Божій (имя рекъ) и раба Божія (имя рекъ) не увидитъ и голосу не услышитъ, и они бы: рабъ Божій (имя рекъ) и раба Божія (имя рекъ) тоску тосковали, и отъ той тоски съ подружкамъ не отсидѣться, въ банѣ не отпариться, кислымъ не запить, прѣснымъ не захлебать, по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время, поздно и рано мала молода мѣсяца на ветху, на молоду и на перекроѣ мѣсяца, будьте мои слова ста словъ лучше, кое слово недоговорено и то бы слово шло всѣхъ напередъ и всѣхъ ямще (sic) и всѣхъ прынще (sic) вострѣе шильнаго жала, топорнаго вострея, по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время, поздно и рано. Всѣмъ тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ во вѣки вѣковъ, аминь.

(Въ Вологодской губ. записано Н. А. Иваницкимъ).

12.

Заговоръ на любовь дѣвушки. лягу я рабъ Божій (имя рекъ) помолюсь и встану перекрестясь, и пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле подъ чистыя звѣзды, подъ лунь, (луну) Господень. И лежатъ три дороги: и не пойду, ни на право, ни на лѣво; пойду по средней дорогѣ, и та дорога лежитъ черезъ темный лѣсъ, въ темномъ лѣсу стоитъ древо тоски; тоскуетъ и горюетъ тоска, печалуется (печалится) и поселяю я ту тоску

въ рабу Божию (имя рекъ) взойди въ ея бѣлое тѣло и ретивое сердце, и въ русыя косы, въ кровь горячую—въ руду кипучую, чтобы она по рабѣ Божию (имя рекъ) тосковала, и все бы она обо мнѣ думала; въ питьѣ бы она не заливала, въ ѣствѣ бы она не заѣдала, во снѣ бы она не засыпала и завсегда бы она меня раба Божія на умѣ держала. Какъ солнцу и мѣсяцу помѣхи нѣтъ, такъ бы и моему заговору помѣхи не было. Аминь, аминь, аминь.

13.

На разженіе сердца у дѣвицы. Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ двора не воротами, въ чистое поле. Въ томъ полѣ есть Окіанъ-море, въ томъ морѣ есть Алатырь камень, на томъ камнѣ стоитъ столбъ отъ земли до неба огненный, подъ тѣмъ столбомъ лежитъ змѣя жгуча, опалюча. Я той змѣи поклонюсь и покорюсь: Ой еси, ты змѣя! не жги, не пали меня, полетай подъ восточну сторону, въ высокъ теремъ, въ новый покой (покой), пухову перину, шелкову подушку къ дѣвицѣ Н., разожги распали у той дѣвицы бѣлое тѣло, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, всѣ подпикныя и занокотныя жилы; чтобы она, дѣвица Н., не могла ни жить, ни быть, часу часовать и минуты миновать; по утру вставала—обо мнѣ бы вздыхала, пошла—ко мнѣ бы Н., величала, ни съ кѣмъ бы она думы не думала, мысль не мыслила, плоду не плодила, плодовыхъ рѣчей не говорила, ни съ отцемъ бы, ни съ матерью, ни съ родомъ, ни съ племенемъ, кромѣ меня, раба Божія Н., все бы она, дѣвица Н., со мной, рабомъ Божиимъ Н., думу думала, мысли мыслила, плодъ плодила, плодовые мысли говорила

на ветху и на нову мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцу. Будьте тѣ мои слова недоговорены, переговорены, всѣ сполна говорены, ключъ симъ словамъ въ зубы, замокъ—въ ротъ.

(Доставилъ въ Труды Этнографическаго отдѣла 1877 г. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

14.

На присушеніе.—Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь.

На Русской и на Нѣмецкой землѣ есть огненный царь, высушилъ рѣки и озера, и мелкія источники, и какъ въ нынѣшнихъ вѣтрахъ (высушилъ) такъ бы сохла раба Божія Н., по рабу Божію Н., двадцати четырехъ часу денныхъ и ночныхъ, на новѣ мѣсяцѣ и на перекроѣ мѣсяцѣ, и во вся меженны (промежуточные) дни; и не могла бы ни жить и ни быть, ни истъ, раба Божія Н., безъ меня раба Божія Н.: въ семидесяти суставахъ и въ семидесяти жилахъ, въ подплатное жилие и въ подколенномъ жилии и въ пространной жилѣ въ и вездѣ бы сохло и болѣло, по мнѣ рабѣ Божіемъ Н. Еще есть въ чистомъ полѣ стоитъ Феоклистъ, да все высохло; днемъ на солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ и при частыхъ звѣздахъ, и при частыхъ дождикахъ въ семидесяти суставахъ и въ семидесяти жилахъ, и въ подколенномъ жилии и въ пространной жилѣ въ и вездѣ бы сохло у рабы Божіей Н. Двадцать четыре часу ночныхъ и дневныхъ, на утренней зарѣ на вечерней зарѣ, на новѣ мѣсяцѣ и на ветхѣ мѣсяцѣ, и въ перекроѣ мѣсяцѣ, во вся меженные дни не могла бы она раба Божія Н. безъ меня раба Божія Н., ни жить, ни быть. Есть въ чистомъ полѣ печь мѣдная, на-

кладено дровъ дубовыхъ, какъ отъ тѣхъ дровъ дубовыхъ сколь жарко разгорается, и такъ бы разгорѣлось у рабы Божіей Н., по мнѣ рабу Божіему Н., 24 часу денныхъ и ночныхъ, на новѣ мѣсяцѣ и на ветху мѣсяцѣ, въ вся меженные дни, не могла бы она, раба Божія, безъ меня ни жить ни быть. Всѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, аминь, аминь, аминь.

Трижды плюнь, а говорить на соль, или на пиво, или на пряники, или на вино.

(Списано изъ старинной тетрадки изъ Пинежскаго уѣзда г. Храмцовымъ).

15.

Слова—тоску напускать. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле, въ чистомъ полѣ стоитъ изба, въ избѣ изъ угла въ уголь лежитъ доска, на доскѣ лежитъ тоска. Я той тоскѣ, рабъ Божій (имя рекъ), помолюся и поклонюся: о, сія тоска, не ходи ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), поди тоска навалися на красную дѣвицу, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ ретивое сердце, разожги у ней, рабы Божіей (имя рекъ), ретивое сердце, кровь горячую, по мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крѣпость, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда).

16.

Присушить дѣвку. Выйду я на улицу, на Божій свѣтъ, посмотрю въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ есть 77 мѣдныхъ, свѣтлыхъ каленыхъ печей, на 77 мѣдныхъ, на свѣтлыхъ каленыхъ печахъ по 77 яги-бабъ, у тѣхъ у 77 яги-бабъ, есть по 77 дочерей, у тѣхъ у 77 дочерей есть по 77 клукъ и по 77 метель. Помолюся и покорюся я, рабъ Божій Н., этимъ яги-бабовымъ дочерямъ: «ой еси! вы яги-бабовы дочери, присуните и прилущите рабу Божию Н. къ рабу Божию Н., метлами слѣды запашите, клуками заключите, бейте, убивайте подпаянную жилу, бейте, убивайте подколѣнную жилу, бейте, убивайте корекористый дубъ, бейте, убивайте мѣдны калены печи. Коль горятъ пылко и жарко мѣдныя печи, такъ же бы раба Божія (имя рекъ) пеклась и калилась во всякое время, во всякъ часъ, утра рано, вечера поздно, о середки дня, о полупочи, о утренней зарѣ и на вечерней, на нову и на ветху мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцъ; не могла-бы она раба Божія Н. ни жить, ни быть, ни пить, ни есть, во снѣ не засыпала, въ питіи не заливала, въ ѣдѣ не заѣдала, съ добрыми людьми во бесѣды не засиживала, все меня раба Божьяго Н. на умѣ держала; и казался бы я, рабъ Божій Н., свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца, краснѣе краснаго солнышка, любе отца, матери, толще и матерѣй всего міру крещенаго. Вѣтры вѣтерочки, буйны вихорочки, спущу я съ вами свои слова, свою статію, на свою сторону, гдѣ ее найдете тутъ ее возьмите—на широкой улицѣ, во мшанной хороминѣ, во дверяхъ, воротничкахъ.

17.

Слова—тоску напустить, присушить дѣвокъ.—Четыре зарницы, четыре сестрицы: первая Марья, вторая Марфа, третья Марина, четвертая Макрида: подьте вы, сымайте тоску и великую печаль съ гостей, съ властей, со кручинныхъ, по тюремныхъ людей, солдатовъ-новобранцевъ и съ малыхъ младенцевъ, которые титьку сосали и отъ матерей остались; наложите ту тоску и тѣлесную сухоту, великую печаль на рабу Божию (имя рекъ), чтобы она, раба Божія (имя рекъ), безъ меня раба Божія (имя рекъ) не могла бы она ни жить, ни ходить, ни лежать, ни спать, все по мнѣ рабъ Божию (имя рекъ), тосковать; тѣмъ словамъ и рѣчамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ села Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда).

18.

Старинное заклинаніе налюбовь.—Стану отрокъ (имя рекъ) не благословясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ двора не воротами, и пойду въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ и три, и два, и одинъ: бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ, бѣсъ Асаулъ, и я сойду съ поближе отрокъ (имя рекъ), и поклонюсь пониже а (порвано нѣсколько словъ). Вы тридцать бѣсовъ, три, два и одинъ: бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ и бѣсъ Асаулъ, и какъ вы служили Ироду царю, и такъ послужите мнѣ, отроку (имя рекъ), пойдите по городамъ и по уѣздамъ и по деревнямъ, избирайте тоску и сухоту, со звѣрей и съ птицы и съ рыбы

и со всякаго званія людей, и снесите ту тоску и сухоту въ отроковицу (имя рекъ), въ ясныя очи, въ черныя брови, въ румяное лице въ сахарныя уста, въ горячую кровь, въ черную печень, въ тридевятъ жилъ и въ одну жилу, во сановую, въ подпятную (оторвано), чтобы отроковица (имя рекъ) не могла бы ни жить, ни быть, ни день по солнцу, ночью по мѣсяцу. Какъ младенецъ безъ матернаго молока жить не можетъ, такъ бы жила отроковица (имя рекъ), безъ воды жить не можетъ ни днемъ ни ночью, ни въ которую пору. Есть въ чистомъ полѣ стоитъ дубъ сорочинской и подъ тѣмъ дубомъ сорочинскимъ есть тридевятъ отроковицъ, изъ подъ того дуба сорочинскаго выходитъ яга-баба и пожираетъ тридевятъ саженъ дубовыхъ дровъ и столь жарко (вырвано) разгоралась отроковица (имя рекъ), разгорались ясныя очи и черныя брови, и румяное лицо, сахарныя уста, ретивое сердце и горячая кровь, черная печень, семьдесятъ жилъ и семьдесятъ суставовъ и семьдесятъ одинъ суставъ, чтобы отроковица (имя рекъ) безъ отрока (имя рекъ) не могла бы съ себя тоски и сухоты снять, въ парной банѣ паритце, не могла бы въ чистомъ полѣ разгулятца и прѣннымъ молокомъ нахлебатце, ни сномъ отоспатце, въ бесѣди не отсидѣтце. И тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, и замокъ замкну, и снесу замокъ въ Окянъ-море подъ Алатырь-камень.

(Списанъ со старинной рукописи, доставленной изъ Пинежскаго уѣзда г. Храмцовымъ).

19.

Присушать дѣвокъ (наговоръ на пищу и питье). Держитца, сохнеть, прочь не отходить. Какъ какой младенецъ отъ матери прочь не отходить, держится, сохнеть по

всякій часъ и на всякое время, какъ косякъ косяка держитца, прочь не отходить, такъ бы держалась раба Божія (имя рекъ) крѣпко и плотно, прочь отъ меня раба Божія (имя рекъ), не отходила, держалась и сохла крѣпко: какъ двери отъ ободверины не отходятъ, держатся крѣпко, какъ печная доска отъ печи прочь не отходить, такъ бы не отходила раба Божія (имя рекъ) отъ меня, раба Божія (имя рекъ), сохла, горѣла, прочь не отходила во всякій часъ, во всякое время. Стану я раба Божій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широкую улицу, пойду въ чистое поле, въ чистомъ полѣ красное солнце грѣетъ и огрѣваетъ сыроматерую землю; отъ краснаго солнца сохнеть и обсыхаетъ роса, медвяная, такъ бы сохло и обсыхало ретивое сердце у рабы Божией (имя рекъ) по мнѣ раба Божіемъ (имя рекъ). Какъ красное солнце огрѣваетъ сыроматерую землю, щепитце и колитца, и сохнеть, какъ хмѣль вѣтце и тянетце по сыроматерой земли, такъ бы вялось и тянулось ретивое сердце по мнѣ раба Божіемъ (имя рекъ) на всякой часъ, на всякое время. Пойду я раба Божій по зарю Марью, по зарю Маремьянію, ко Господню престолу, на Господнемъ престолѣ мати Марія и Маремьянія; приду я къ тебѣ раба Божій (имя рекъ) низко помолюся и поклонюся, какъ на тебѣ нетлѣнныя ризы держатся, такъ бы держалась раба Божія (имя рекъ). Пойду я раба Божій (имя рекъ) подлѣснае: есть въ морѣ ковыль щука, безъ воды не можетъ ни жить, ни быть, ни дня, ни ночи, ни малой часъ. Поди та тоска, въ семьдесятъ жилъ, въ семьдесятъ составовъ, во становия въ двѣ жилы, и въ едину попятную, и спинную жилу. Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ. Брошу замокъ въ морскую пучину, тѣмъ моимъ словамъ ключа не бываетъ и того замка не отпиратъ. Аминь, аминь, аминь.

20.

Для присухи (мужчины).—Изъ свѣтлаго вѣника берется прутокъ, который кладутъ на порогъ двери, въ которую пройдетъ тотъ, для кого назначена присуха. Какъ только перешагнуть черезъ пруть, то (пруть) убирается (положившими его) въ такое мѣсто, гдѣ его никто не могъ бы видѣть. Потомъ берутъ и кладутъ въ жарко натопленную баню на полкъ, приговаривая:

«Какъ сохнетъ этотъ пруть, пускай сохнетъ по мнѣ рабъ Божій такой-то».

21.

Навести тоску.—Встану я, рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, стану на западъ хребтомъ, на востокъ лицомъ, позрю, посмотрю на ясное небо, со ясна неба летитъ огненная стрѣла: той стрѣлѣ помолюсь, покорюсь, и спрошу ее: «куда полетѣла огненная стрѣла?» «Во темные лѣса, въ забучія болота, во сырое коренье!» «О ты, огненная стрѣла! воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на Святой Руси красна-дѣвица (имя рекъ), полетай ей въ ретивое сердце, въ черную печень, въ горячую кровь, въ становую жилу, въ сахарныя уста, въ ясныя очи, въ черныя брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнцѣ, на утренней зарѣ, при младомъ мѣсяцѣ, при вихрѣ-холодѣ. На прибылыхъ дняхъ и на убылыхъ дняхъ, отнынѣ и до вѣка.

(Вологодскаго уѣзда).

22.

Наговоръ на присушеніе. Какъ рабъ Божій Н. любитъ рабу Божию Н., такъ чтобы и раба Божія Н., не могла безъ него ни жить, ни пить, ни ѣсть, и любила и почитала его лучше отца и матери, бѣлаго мѣсяца и краснаго ясна солнышка, вѣки по вѣки, отнынѣ до вѣку, аминь.

23.

На людскую любовь (чтобы приобрести общую любовь). Стану я рабъ Божій по утру, благословясь и перекрестясь; выйду я въ чистое поле, погляжу на всѣ четыре стороны: на восточной сторонѣ стоитъ святая церковь. Какъ на эту церковь смотреть и зарятся, такъ бы на раба Божія смотрѣли и зарились, старыя старушки, старые старики, маленькіе ребята, красныя дѣвицы, молодыя молодцы, смотрѣли и зарялись на раба Божія (имя рекъ), будьте слова мои крѣпки и емки, какъ ключи подземельныя, аминь.

Это заклинаніе употребляется для привлеченія любви, какъ дѣвушка, такъ и всѣхъ вообще людей.

(Записано въ гор. Онегѣ).

24.

Напустить тоску парню (по дѣвицѣ). — Пойти въ баню, послѣ паренья стать на тотъ вѣникъ, которымъ парились и говорить.

Выйду из парной бани, стану своимъ бѣлымъ бумажнымъ тѣломъ на шелковъ вѣникъ; дуну и плюну въ четыре вѣтра буйныхъ. Попрошу изъ чиста поля четырехъ братьевъ, четыре птицы востроносы и долгоносы, окованы носы. Лети изъ чистаго поля бѣлый кречетъ, вострый ножъ и остро копье; садись бѣлый кречетъ рабу Божию (имя рекъ) на бѣлы груди, на ретиво сердце, рѣжь же его бѣлы груди тѣмъ же вострымъ ножемъ, коли-же его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ, вынимай изъ его ретива сердца, изъ черной печени, и изъ всей крови горячей еще тоску и кручину. Полети бѣлый кречетъ, понеси бѣлый кречетъ всю тоску и кручину, на воду не опусти, на землю не урони, на стужу не позноби, на вѣтрѣ не посуши, на солнцѣ не повянь; донеси всю тоску-кручину, всю сухоту, чахоту и юноту велику до раба Божія (имя рекъ) гдѣ-бы его завидѣть, гдѣ-бы его слышать, хошь бы въ чистомъ полѣ, хошь бы при растанѣ великомъ, хошь бы при путяхъ—дорогахъ, хошь бы въ парной банѣ, хошь бы въ свѣтлой свѣтлицѣ, хошь бы за столами дубовыми, хошь бы за скатертями перчатными, хошь бы за кушаньями сахарными, хошь при мягкой постели, при высокомъ сголовѣ, хошь при крѣпкомъ снѣ. Садись бѣлый кречетъ на раба Божію (имя рекъ), на бѣлы груди, на ретиво сердце, рѣжь его бѣлы груди, тѣмъ же вострымъ ножемъ, коли его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ, клади въ его бѣлы груди, въ ретиво сердце, въ кровь кипучую всю тоску-кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю вяноту великую, во всю силу его могучую, въ хотъ и плоть его въ семьдесятъ семь жилъ, въ семьдесятъ семь суставовъ, въ становой его суставъ, во всю буйную голову, въ лицо его бѣлое, въ брови черныя, въ уста сахарныя, во всю красоту молодечкую. Рабъ бы Божій (имя рекъ) чахъ бы чахотой, сохъ

сухотой, вялъ вянотой, въ день по солнцу, въ ночь по мѣсяцу на полну и на ветху, въ перекрой мѣсяцу, во все межные дни, въ утренни и вечерни зори, на всякій часъ и минуту. Какъ май мѣсяцъ мается, такъ бы рабъ Божій (имя рекъ) за работой Божіей ходилъ да маялся. Не могъ бы ее ходить и переходить, ни какимъ словомъ обходить, вѣкъ по вѣки, и рабъ Божій (имя рекъ) по рабѣ Божіей (имя рекъ) не могъ бы ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на новцу, ни на полну, ни на ветху, ни на перекрой мѣсяца, во все межны дни. Какъ май мѣсяцъ мается, также бы рабъ Божій (имя рекъ) за работой Божіей (имя рекъ) ходилъ и маялся, и не могъ бы онъ ее ни коимъ словомъ ходить и переходить, и не могъ бы безъ ее ни пить, ни ѣсть, ни жить, ни быть. Эти мои наговорны слова, которы договорены, которы переговорены, которы назади остались,—берите мои слова вострѣ востраго ножа, вострѣ копья, вострѣй сабли, ярѣй ключевой воды. И этимъ моимъ наговорнымъ словомъ заключенны слова ключъ и замокъ, ключъ щукѣ, замокъ въ зубы,—щукѣ въ морѣ. Нынѣ и присно; и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Доставилъ въ Труды Этног. Отдѣла г. Никольскій изъ г. Мезени).

25.

На прилученіе парня.—Пойду я въ чистое поле, есть въ чистомъ полѣ бѣлый кречетъ. Попрошу я бѣлаго кречета: слеталъ бы онъ въ чистое поле, въ спнее море, въ крутыя горы, въ темныя лѣса, въ зыбучія болота, и попросилъ бы онъ окаянную силу, чтобы дала она ему помощи сходить ему въ высокій теремъ и застать его хошь бы середка темной ночи соннаго. И слѣлъ бы бѣлый кречетъ

на бѣлую грудь, на ретиво сердце, на горячую печень и вложилъ бы онъ рабу Божию (имя рекъ) изъ своихъ окаянныхъ устъ, чтобы онъ не могъ безъ рабы Божіей (имя рекъ) ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть.

Доставилъ въ Труды Этног. Отдѣла, кн. V, томъ II, г. Никольскій изъ г. Мезени).

26.

На разженіе дѣвичьяго сердца. — Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благославясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чистое поле, погляжу и посмотрю подѣ восточную сторону; подѣ восточной стороной стоятъ есть три печи. Печка мѣдна, печка желѣзна, печка кирпична. Какъ онѣ разожглись, распалились отъ неба до земли, разжигаются небо и земля и вся подвселенная, такъ бы разжигало у рабы Божіей (имя рекъ) къ рабу Божию (имя рекъ) легкое и печень, и кровь горячу, не можно бы ей ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни спать, ни лежать, все на умѣ меня держать. Недоговорены, переговорены, прострѣлите мои слова, пуще востраго ножа и рысѣяго когтя.

27.

Заговоръ на тоску добру молодцу по красной дѣвицѣ. — Стану я раба (такая-то), благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, пойду въ чистое поле, въ подвосточную сторону, въ подвосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежитъ доска, подѣ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго

свѣта дожидается бѣлый свѣтъ красное солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дожидался, радовался и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней, какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ материна молока, безъ материна чрева не можетъ жить, такъ бы рабъ такой-то, безъ рабы такой-то, не могъ бы жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней, ни въ обыденѣ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ, ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, въѣдайся тоска въ грудь, въ сердцѣ, во весь животъ рабу такому-то, разростись и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ностой и сухотой по рабъ такой-то.

28.

На любовь дѣвушекъ и всѣхъ людей. — Наговорить на кольцо или на крестъ, и положить себѣ за пазуху, или въ платокъ.

Собирайтесь народъ, люди добрые, ко честному Христову празднику. Какъ глядятъ на кресты, да на маковки, на мать Пресвятую Богородицу, на различный образъ, такъ бы на раба Божія Н. глядѣли и смотрѣли старые старики, молодые мужики, старые старухи, молодые молодухи, красныя дѣвицы, малые ребятки; такъ бы раба Божія Н. глядѣла и смотрѣла; такъ бы рабъ Божій Н. (имя заговаривающаго) казался краше краснаго солнца, чище чистаго серебра, будьте мои слова тверды и крѣпки, на вѣки не рушными. Ключъ въ воду, а замокъ въ рукѣ.

(Записано въ гор. Кадниковѣ).

Заговоры противу-любовные.

29.

На остуду.—Ручей съ ручьемъ сбѣгается, гора съ горой не сходится, лѣсъ съ лѣсомъ сростается, цвѣтъ съ цвѣтомъ сливается, трава развивается. Отъ той травы цвѣтъ сорву, съ собой возьму, выйду на долину, на такую большу тропину, возьму себѣ землину, сяду подъ лѣсину, выйду на широкій лугъ, посмотрю на все четыре стороны, нейдетъ-ли рабъ Божій (имя рекъ) и кину, и брошу я въ чисто поле; и какъ гора съ горой не сходится, такъ бы и рабъ Божій (имя рекъ) не сходился и не сдвигался.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

30.

На остуду между молодцомъ и дѣвицею.—
Какъ мать быстра рѣка Волга течетъ, какъ пески со пес-
ками споласкиваются, какъ кусты со кустами свиваются,
такъ бы рабъ (такой-то) не водился съ рабой (такой-то) ни
въ плоть, ни въ любовь, ни въ юность, ни ярость; какъ въ
темной темницѣ и клѣвницѣ, есть нежить простоволоса, и
долговолоса, и глаза выпучивши; такъ бы раба (такая-то)
казалась ему (такому-то) простоволосой и долговолосой, и
глаза выпучивши; какъ у кошки съ собакой, у собаки съ
россомахой, такъ бы у раба (такого-то) съ рабой (такой-то)
не было согласія ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ
полдень, ни въ набѣдокъ. Слово мое крѣпко.

(См. Сказанія Р. Н. Сахарова. Т. I. 1841 г.).

31.

Заговоръ на остуду между мужемъ и же-
но й.—Стану я не благословясь, пойду я не перекрестясь,
не дверьми, не воротами, а дымнымъ окномъ, да подваль-
нымъ бревномъ, положу шапку подъ пята, не на сыру землю,
да въ черный чеботъ. а въ томъ чеботѣ побѣгу я въ тем-
ный лѣсъ, на большо озериче, въ томъ озеричѣ, плыветъ чел-
нище, въ томъ челнищѣ сидитъ чертъ съ чертицей, швырну я съ
подъ пята шапку въ чертица. Что ты чертице, сидишь въ чел-
нищѣ съ твоей чертицей? Сидишь ты чертице, прочь лицомъ отъ
своей чертицы; поди ты чертице къ людямъ въ пепелище,
посели чертице свою чертице къ такому-то въ избище, не

какъ ты чертице съ своей чертицей живутъ людица: мирно,
любезно, другъ друга любить, чужихъ не навидять.—Ты
чертице вели чертищѣ, чтобъ она чертица распустила во-
лосица; какъ жила она съ тобой въ пепелищѣ, такъ жилъ
бы (такой-то), со своей женой въ избищѣ. Чтобъ онъ ее
ненавидѣлъ. Не походя, не подступя, разлилась-бы его не-
навидь по всему сердцу, а у ней по тѣлу, на рожество,
не могла-бы ему ни въ чемъ угодить и опротивѣла бы ему
своей красотой, омерзела бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ
будетъ (отступитъ) отъ тебя, какъ легко достать шапку изъ
озерище тебѣ чертицу, хранить шапку въ озеричѣ отъ рыбы,
отъ рыбака, отъ злаго колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы,
съѣсть, ни рыбака достать, ни злой колдунъ отколдовать
на миръ и на ладъ. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ
я слюну.

(См. Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Томъ I. 1841 г.
Русское чернокнижје).

32.

О студныя слова.— Эти слова употребляются для
того, чтобы сдѣлать немилымъ кого либо, или разлучить съ
другимъ. Обыкновенно (въ Мезени) они наговариваются на
землю, взятую между двухъ горъ, или на воду, взятую,
когда оба берега считаются горами. Эту землю даютъ въ
какомъ либо кушаньѣ. Для большей дѣйствительности при-
бавляютъ въ нее мелко изрубленные медвѣжьи кости. Вотъ
на этотъ случай заговоръ: «Стану не благословясь, выйду
не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ двора не воро-
тами,—мышьей горой, собачьей тропой, окладнымъ бревномъ;
выйду на широкую улицу, спущусь подъ круту гору, возьму
отъ двухъ горъ земельки; какъ гора съ горой не сходится,

такъ же рабъ (имя рекъ) съ рабой Божіей (имя рекъ) не сходилъ, не сдвигался. Гора на гору глядитъ, ничего не говорить, такъ же бы рабъ Божій (имя рекъ) съ рабой Божіей (имя рекъ) ничего бы не говорилъ. Чуръ отъ дѣвки, отъ простоволоски, отъ жонки, отъ бѣлоголовки, чуръ отъ стараго старика, чуръ отъ еретиковъ, чуръ отъ ящерицы.

33.

На разлученіе.—Зайду я во широкій дворъ, во высокій домъ, запишу я (имя рекъ) отстуду велику, отстудился бы рабъ Божій (имя рекъ) отъ рабы Божіей (имя рекъ), чтобъ онъ былъ ей ни на глаза, ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ; чтобъ онъ въ покой, она изъ покоя, онъ бы на улицу, она бы съ улицы, такъ бы она ему казалась, какъ люта медвѣдица. И въ она ни была платьѣ хоть въ цвѣтномъ, хоть въ держимомъ, (будничномъ, рабочемъ) все бы онъ не могъ ее терпѣть, и кажинный бы разъ не сносилъ съ ея зубовъ своихъ кулаковъ. Хоть бы ладно она дѣлала, а ему бы казалось не ладно, и хоть бы по уму дѣлала, а ему все бы казалось не по мыслямъ. Пошелъ бы онъ по улицѣ, рассыпалъ бы грусть, тоску, кручину съ чужими людьми, и пошелъ бы онъ домой и повалился бы на мѣсто (на постель) и есть у него подружка, ночная подушка и разогналъ-бы онъ съ ней грусть тоску.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

34.

На устудну.—Стану я рабъ Н., не благословясь, и пойду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ воротъ

не воротами, выйду подвальнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ (трубою) въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжить рѣка черна, по той рѣкѣ черной ѣздитъ чертъ съ чертовкой и водяной съ водяночкой, на одномъ челнѣ не сидятъ и въ одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ и совѣтъ не совѣтуютъ. Такъ бы рабъ Божій Н. съ рабой Божіей Н. на одной лавкѣ не сидѣли, въ одно бы окно не глядѣли, одной бы думы не думали, одного совѣта не совѣтовали. Собака бѣла, кошка сѣра—одинъ змѣиный духъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

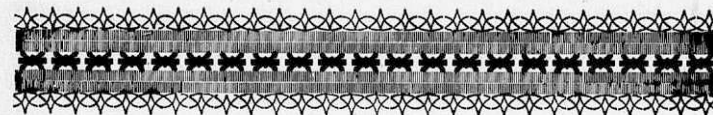
Заговоръ этотъ преимущественно употребляется въ г. Онегѣ, и наговаривается, или на воду, или на съѣстное.

35.

Наговоръ на разлученіе.—Чертъ идетъ водой, волкъ идетъ горой, они вмѣстѣ не сходятся, думы не думаютъ, мыслей не мыслятъ, плоды не плодятъ, плодовыхъ рѣчей не говорятъ. Такъ бы у раба Божія (такіе-то) мыслъ не мысляли, плодовъ не плодили, плодовыхъ рѣчей не говорили, а все бы какъ кошка да собака жили.

(См. Труды Этнографическаго Отдѣла, кн. V, выпускъ II, 1878 г. Сообщено г. Ивановымъ изъ г. Пинеги).

Заговоры свадебные.

36.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Господи Боже, благослови и очисти меня, раба Божіею, А.—Встану я, рабъ Божій А., благословясь, пойду перекрестясь своими словесами на восточную сторону. На восточной сторонѣ стоитъ кипарисъ дерево, подъ тѣмъ кипарисовымъ деревомъ стоитъ сыродубовая бесѣда, на той сыродубовой бесѣдѣ сидитъ самъ Христосъ, да съ Нимъ сидятъ тридевятъ апостоловъ, Козма и Даміанъ и Костянтинъ и Св. Стефанъ, и я, рабъ Божій А., помолюсь самому Христу: гой еси ты самъ истинный Христосъ, сотворивый небо и землю, Адама и Еву

и насъ грѣшныхъ, сошли Господи тридевятъ апостоловъ, чтобы поставили около меня раба Божія А., около князя молодого (имя рекъ) и княгини молодья (имя рекъ), около всего княжева полку. И посылаетъ Господь самъ Христосъ на землю тридевятъ апостоловъ: Козма и Даміана, Константина и Стефанъ (небесные), Николай чудотворецъ; Константинъ несетъ костянь тынь, Козма Даміанъ мѣдныя врата, Стефанъ несетъ желѣзныя верей, небесный Николай чудотворецъ несетъ булатъ верей и становять весь костянь тынь, врата мѣдныя и верей желѣзныя отъ земли и до небесъ, сколь высокъ, столь и въ сыру землю глубокъ, вѣкъ по вѣку отнынѣ и до вѣку, во вѣки вѣковъ, аминь.

37.

Свадебный оберегъ.—Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Есть въ западной сторонѣ море Черное; въ томъ морѣ есть островъ. На томъ же острову выросло древо, на томъ же древѣ корень и вѣтви, на томъ же древѣ сидитъ желѣзный мужъ, осматриваетъ желѣзень мужъ всякаго вѣдуна, колдуна и кудесника, чтобы видѣть мнѣ, сторожу колдуна и вѣдуна, мужика и женку и дѣвку. Окажи мнѣ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, окажи мнѣ сторожу въ избѣ, или на улицѣ, въ пиру или на свадьбѣ, или у заплота, или за плахами, или за рѣкою, вездѣ, кто гдѣ не стоитъ, какъ бы сторожа не тронуть. Тотъ же желѣзень мужъ кабы не колдуна и вѣдуна тянеть онъ лукъ, отворачиваетъ недобрыя словеса, и рѣчи колдунове и вѣдунове, яче онъ врагъ, или на меня вражить, онъ отвораживаетъ тотъ же желѣзень мужъ. Или баба еся съ теми же, тотъ же врагъ ее же, кабы она легонько въ зубки подола зняла и под-

ругу бы оказала, руку бы зняла, своего дьявола взвеселила, да тотъ же желѣзень мужъ, въ избу привяжи ее къ печному столбу, а на улицѣ къ огороду, и мужикъ тотъ же колдунъ, надо мною пытаеця: ты же желѣзень мужъ; кабы насъ не няла ево ни молитва, а ему колдуну печѣмъ бы ему отъ меня не онятия: сведи его тотъ же желѣзень мужъ, сведи его въ баню и поставь его въ каменину головою, иже его врага кой вражить, и повѣсь его же вверхъ ногами, у стропилъ къ одному углу, и броси его же о сыру землю, да тотъ же желѣзень мужъ, не отпущай меня, раба Божія (имя рекъ) его врага о землю поразил, его стречника. Или у меня молодова лошадь подтыкается; отъ подтычки, или у свахи, у тысяцкаго, у дружекъ, у сторожа, у всего княжева поѣзда прибору отъ воженія, которая врагъ повалять захочетъ о крѣпосцѣ, тотъ же желѣзный мужъ обороняетъ меня, раба Божія (имя рекъ), сторожа, князя и княгиню, тысяцкаго, дружекъ, и весь княжой приборъ, бросаетъ его, того же врага, какъ бы на насъ не думалъ, броси его о сыру землю; во вѣкъ вѣковъ, аминь.—

(Списанъ И. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Холм. уѣзда, Дохтуровомъ).

38.

Оберегъ жениха.—Когда молодой идетъ въ домъ невѣсты на жительство (зять—пріемышъ), то, вступая въ избу послѣ вѣнца, произноситъ слова, глядя на потолокъ:

— Я иду, звѣрь ланистъ и гордъ, горластый волкъ зубастый; я есть волкъ, а вы есть овцы мои.

39.

О берегъ невѣсты.—При входѣ послѣ вѣнца въ домъ мужа, молодая говорить:

Первая, другая, я иду третья! всѣ вонъ, мнѣ одной домъ.

Этотъ приговоръ молодой употребляется ею вѣроятно для того, чтобы первенствовать надъ другими снохами.

40.

Подходъ свата.—Въ деревняхъ посылаютъ сватовъ для переговоровъ съ родителями избранной дѣвушки. Сватъ предъ началомъ исполненія порученія, встаетъ предъ иконою Божіей Матери, обтираетъ ее чистымъ полотенцемъ и трижды шепчетъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, войду въ чистое поле, встану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, помолюся Господу нашему, Иисусу Христу, и Матери Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ, и всѣмъ святымъ; надѣну утро-ранній бѣлый свѣтъ и застегаясь утро-ранними мелко-частыми звѣздами, умоюсь мокрою росю Соломонією, утруся бѣлымъ полотенцемъ, бѣлымъ свѣтомъ, положу царскій колпакъ, пойду къ рабу Божію, ко властелину (имя рекъ), въ свѣтлыя очи и въ радостное сердце. Какъ рабъ Божій (имя рекъ) зрѣть и глядѣть на Мать Пресвятую Богородицу и на истиннаго Христа, Царя Небеснаго, такъ и на меня-бъ

(имя рекъ) раба Божія зрѣлъ и глядѣлъ, и ярымъ не взбудилъ, и зубомъ не скрипнулъ, и головой не тряхнулъ, и ногой не топнулъ, и зла лиха не подумалъ. Будьте слова эти сполна и крѣпки на рабѣ Божіемъ (имя рекъ). Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.

(Рукоп. описаніе свадьбы въ Турчасовскомъ приходѣ, Онеж. уѣз., свящ. Алексѣевымъ. Помѣщено въ Трудахъ Этн. Отдѣла, Кн. 2. 1879 г.)

41.

Заговоръ для огражденія свадебнаго поѣзда отъ колдуновъ.—Се азъ, рабъ Божій А. пойду мимо брашную деревню, а въ брашной деревнѣ волхвунъ, волхвунья, колдунъ, колдунья, вѣдунъ, вѣдунья, вѣщикъ, вѣщица, уротчикъ, уротчица и всякой злой человѣкъ захотѣлъ меня раба Божія А., корити, испортить. Се азъ, Боже молюся святому великомученику Георгію, спусти снесь (sic) милость Божію, ударъ деревяннымъ копіемъ волхуна и волхунью, колдуна и колдунью, вѣщика и вѣщицу, призорника, уротчика, и всякаго злаго человѣка, ударъ въ тѣмя, пролей горячую кровь, умъ съ памятью смѣшай, чтобы онъ меня раба Божія А., князя молодого (имя рекъ) и княгиню молодую (имя рекъ) на сегодняшней бѣлой день укорить не могъ, испортить не дай, Господи, лихому человѣку, мѣста въ избѣ за столомъ, средь полу, въ дверяхъ, на калиновомъ мосту, на брусчатой лѣстницѣ, на повитѣ, въ воротахъ, въ прохожей улицѣ, въ отводахъ, преверзинахъ, въ огородахъ, въ тѣсныхъ мѣстахъ не могъ не укорить, не испортить. Будьте мои слова крѣпче крѣпкаго замка булатнаго, съ моимъ словомъ съ востоку и до западу, отнынѣ до вѣку, во вѣки, аминь.

42.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Благослови Господи Боже, благослови отче, Святыя своя говоришь святыми своими молитвами. А., рабъ Божій, въ томъ всемъ на корысть и на радость, и на Божию милость, въ избѣ два, на дворѣ четыре сидятъ святыя Петръ и Павелъ, на золотомъ стулѣ, своимъ золотымъ скипетромъ стережетъ и бережетъ меня раба божія А. и князя молодого (имя рекъ) и княгиню молодую (имя рекъ) и весь княжой полкъ за ворота и перевороты, на встрѣчѣ и на постижкѣ, въ отводахъ и проверзинахъ, пропускаетъ и пасетъ отрока, отроковицу, отбиваетъ и отгоняетъ отъ меня раба Божіа А., князя молодого (имя рекъ) и княгиню молодую (имя рекъ) и весь княжій полкъ своимъ златымъ скипетромъ пр... и... уроки и призоры, волхвуна и волхвуню, вѣдуна и вѣдуню, колдуна и колдуню, вѣщика и вѣщицу, призорщика, и уротчика и всякаго злаго чловѣка бьетъ и колетъ въ нутро и въ печень, и въ кости и въ жилы, во всякія недобрыя мысли, стережетъ и бережетъ меня раба Божіа А. на севодняшней бѣлой день, князя молодого (имя рекъ) и княгиню молодую (имя рекъ). Встрѣчу мнѣ рабу Божию А. Михайло архангелъ и говорить: гой еси ты рабъ Божій, не съ волховствомъ-ли, не съ колдовствомъ-ли уходили? Государь Михайло архангелъ! хочу я рабъ Божій А. съ животворящимъ крестомъ Господнимъ, да Пресвятыя Божіей Матери молитвами. И выпускаетъ Михайло архангелъ свои багровыя выжлята, и его багровыя выжлята рыщутъ по чистому полю, отмечаютъ и отгоняютъ отъ меня раба Божіа А. и князя молодого (имя рекъ) и княгиню молодую (имя

рекъ) на севодняшней бѣлой день уроки, призоры злаго и не добраго чловѣка изав(ь)те. Всѣмъ моимъ словамъ и приговорамъ ключи вторе (sic), уста замокъ, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, во вѣки, аминь.

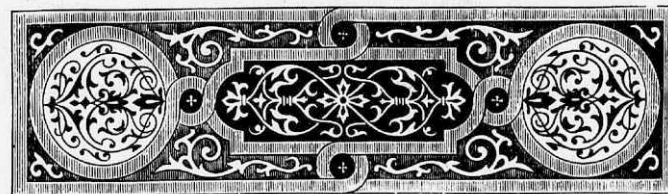
43.

Когда случится отпустить свадьбу, говорить:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божій. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Отчего тѣ слова говорятся? отъ евангелія Христова, Царя Небеснаго. Михайлъ Архистратигъ, святыи Петръ и Павелъ верховнии апостолы, ставятъ тридесять тыновъ мѣдныхъ отъ земли, подошвы и до небесной, до морской глубины, отъ восточныя до западныя, отъ лѣта до сѣвера, отъ земли и до небеси, и со всѣхъ четырехъ сторонъ, стоитъ около меня, раба Божіа (имя рекъ); у тѣхъ же тридцати тыновъ, есть тридцать воротъ, есть тридцать замковъ, у тѣхъ же, у тридцати замковъ— есть тридцать ключей. Приду я рабъ Божій, (имя рекъ) и затворю тѣ тридцать замковъ, и брошу тѣ тридцать ключей во святое Хвалынское море, и придетъ щука золотая, челюстью ухватитъ тѣ ключи и понесетъ во глубину морскую, въ пуповину, подъ колоду бѣлодубовую. И тѣмъ словамъ ключевыи слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда).

Заговоры воинскіе.

44.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіяхъ.
— Именемъ Господа нашего Іисуса Христа иже и меня, раба Божія (имя рекъ), и моихъ товарищевъ никто же не можетъ испортити и сокрушити, и соблюди Господи воинъ моихъ, заговорныхъ товарищевъ во единомъ совершеніи святыхъ о(тецъ), отъ всякаго порченія желѣза кованнаго и некованнаго, и укладу и булату, и отъ хрустали, и отъ мѣди красныя и отъ зеленыя, и отъ проволоки, и отъ свинцу, и отъ всякаго звѣря костей, и отъ жимолости, и отъ всякаго древа и отъ всѣхъ стрѣлъ крестъ Господень побѣда діаволомъ и непріязненнымъ людямъ отъ меня, раба Божія (имя

рекѣ), крестъ и церковная красота, явленіе съ небеси царю Константину побѣди враговъ его, тако и меня раба Божія (имя рекѣ), явись креста неложно, побѣди враговъ моихъ, и всякому ихъ порченію, не будетъ нахожденія пулкѣ и ядру, и дробе и стрѣлѣ до меня, раба Божія (имя рекѣ), всякому безвѣрному дыханію.

§ Молитва отстрѣла на рать идучи носить ее на себѣ во всякъ день, и кто сію молитву носить въ чистотѣ и тому человѣку ни которое надъ нимъ не чистыя непріязненные силы не будутъ, и не учинить ничего, и раны его не возьмутъ, и не будетъ дожденія порчамъ и ядрамъ, и пулкамъ и дробу, и стрѣламъ и всякому ратному оружію до сего листа во вѣки вѣковъ. Аминь. (3.)

45.

Заговоръ отъ пищалей и стрѣлъ. — За дальними горами есть Окіанъ-море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, проволоку, свинцу, олову, серебру, золоту, камнямъ, пищаламъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большой завѣтъ: подите вы, желѣзо, камень и свинецъ въ свою мать землю отъ раба (такого-то), а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птицу въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба (такого-то), а велитъ онъ ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пищаламъ, стрѣламъ, борцамъ быть тихимъ и смирнымъ. А велитъ онъ не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пищали,

а велитъ схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платѣ и колпакъ крѣпче панцыря и кольчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣлу—горючь камень Алатырь. А какъ у замковъ смычки крѣпки, такъ мои слова крѣпки.

46.

Заговоръ противъ стрѣлъ и пушечныхъ ядеръ, всякихъ пулекъ и всякаго оружія и побойща. — Подъ моремъ, подъ Хвалынскимъ стоитъ мѣдный домъ, а въ этомъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а подъ змѣемъ огненнымъ лежитъ семипудовый ключъ отъ княжева терема, Володимерова, а во княжемъ теремѣ Володимеровомъ, сокрыта сбура богатырская, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодеческихъ.

По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ плыветъ лебедь княжая, со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты, лебедь, полети къ морю Хвалынскому, заклюй змѣя огненного, достань ключъ семипудовой, что ключъ отъ княжева терема Владимерова. — Не моимъ крыльямъ долетать до Хвалынскаго, не моему мечу расклевать змѣя огненного, не моимъ ногамъ дотащить ключъ семипудовой. Есть на Окіанѣ, на островѣ Буянѣ воронъ—всѣмъ воронамъ старый братъ; онъ долетитъ до моря Хвалынскаго, заклюетъ змѣя огненного, притащитъ ключъ семипудовой, а воронъ посаженъ злою вѣдьмою Кіевскою.

Въ лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдьма

Кіевская. Пойду-ли я во лѣсъ стоячій, въ боръ дремучій, войду-ль я въ избушку къ злой вѣдьмѣ Кіевской. Ты злая вѣдьма Кіевская, вели своему ворону слетать подѣ море Хвалынское, въ мѣдной домъ, заклевать змѣя огненнаго, достать семипудовой ключъ. Заупрямилась, захорачилась злая вѣдьма Кіевская о своемъ воронѣ. — Не моей старости бродить до моря Окіана, до острова до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключъ. Разбилъ воронъ мѣдный домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключъ.

Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ, Володимеровъ, достаю сбрую богатырскую богатырей Ноугородецкихъ, соратниковъ молодецкихъ. Въ той сбруѣ не убьетъ меня ни пицаль, ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы, ни татарская, ни казанская рать. Заговариваю я раба (такого-то) ратнаго человека, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ.

47.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіяхъ. — Во имя отца, и Сына, и Святаго Духа. Есть море окіанъ, на томъ морѣ окіанѣ стоитъ столбъ желѣзный, на томъ столбѣ желѣзномъ есть желѣзенъ мужъ, подпершись своимъ желѣзнымъ посохомъ отъ земли и до небесъ, отъ востока и до западу, а тотъ мужъ желѣзный занимаетъ и заповѣдываетъ своимъ дѣтямъ: всякому желѣзу кованому и некованому, простому и каленому, и свинцу изъ пицалей, и самопаловъ изъ луковъ стрѣлами, и поди всякое желѣзо прочь отъ меня, раба Божія (имя рекъ), и до моего зраку и

возрасту съ тѣмъ словомъ утвержденнымъ святыхъ отецъ. Аминь.

48.

Заклинаю и занимаю я раба Божія (имя рекъ) словомъ живымъ, Богомъ распятымъ, крестомъ Христовымъ и всемъ силамъ небеснымъ и всякую порчу, и всякое порченіе: ядро и пульку, и дробь и копье, рогатину и саблю и ножомъ на меня, раба Божія (имя рекъ), не идти, не ранить, и не сокрушать до моего вѣку. Аминь.

49.

Заговоръ отъ пули свинцовыхъ, мѣдныхъ и каменныхъ. — Въ высокомъ терему въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою стоитъ красная дѣвица, стоитъ покрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Въ правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, въ лѣвой мѣдныя, а въ ногахъ каменные. Ты красная дѣвица, отбери ружья: турецкія, татарскія, нѣмецкія, черкесскія, мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ, заколоти ты своею невидимою рукою ружья вражія. Будетъ-ли стрѣлять изъ ружья, и ихъ пули были бы не въ пули; а пошли ты эти пули во сыру землю, во чисто поле. А былъ бы я на войнѣ невредимъ, и мой конь былъ бы цѣлъ и невредимъ, а была бы моя одежда крѣпче панцыря. Замыкаю мои приговорныя слова замкомъ, и ключъ кидаю въ Окіанъ — море подѣ горючъ камень Алатырь. Какъ морю не услышать, камня не увидать, ключей не доставать, такъ меня пулямъ не убивать до моего живота, по конецъ вѣка.

50.

Сохрани крестъ Господень и помилуй меня, раба Божія (имя рекъ) отъ стрѣлы летучія и отъ всякаго желѣза кованнаго и некованнаго, и отъ синево булату и отъ краснаго и бѣлаго, и отъ укладу, и отъ стрѣлы каленныя и простаго желѣза, и отъ красной мѣди и синія и бѣлыя, и отъ проволоки и отъ всякаго звѣря костей его, и отъ всякаго древа, и отъ жимолости, и отъ древъ русскихъ и заморскихъ и отъ всякія птицы перья въ лѣсѣ и въ полѣ и отъ всякаго руду (sic) человѣческаго: русскаго и татарскаго и черемисскаго и литовскаго и нѣмецкаго и всѣхъ нечестивыхъ родовъ еленскихъ, родовъ и враговъ и супостатовъ, отстрѣла и порчи стой, не ходи до меня, раба Божія (имя рекъ), и до моихъ совѣтныхъ товарищевъ, и поди чрезъ поминаніе Господа нашего Іисуса Христа, и чрезъ терновый вѣнецъ, который бысть на главѣ Господней; отстрѣла и порчи стой, не ходи до меня, раба Божія (имя рекъ), и моихъ совѣтныхъ товарищевъ, и поди стрѣла чрезъ погребеніе Господа нашего Іисуса Христа. Господи сохрани и соблюди, и закрой, и защити раба Божія (имя рекъ) отъ всякія притчи и порчи, и болѣзни и страсти, и отъ всякія пули и стрѣлы, и всемогущихъ не можетъ сокрушить служебника своего, и во единомъ утвржденіи и сокрушеніи св. отецъ. Аминь.

51.

Заговоръ отъ ратныхъ орудій.—Летѣлъ орель изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы

по крутымъ берегамъ, кинулъ громовую стрѣлу во сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра отъ громовой стрѣлы—полымя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливать сильный дождь, что имъ покорились и поклонились селитра, порохъ, смиреннымъ смиренхонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня (такого то) и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было-бы крѣпче бѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отпрыдываютъ и пузыри отскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій прыдали отъ меня стрѣлы и порохъ—селитра. Слово мое крѣпко!

52.

Отстрѣла и ядро, и пулька и дробь, и всякое ратное оружіе, стой, не ходи ко мнѣ, къ рабу Божию (имя рекъ), поди чрезъ Великаго Бога, который сотворилъ небо и землю и всю тварь.

Отстрѣла и пулька, и ядро и дробь, стой, не ходи ко мнѣ, къ рабу Божию (имя рекъ) и къ моимъ совѣтнымъ товарищамъ чрезъ святыхъ, которые сотворили волю Божию отъ начала свѣта и до сего листа.

Отстрѣла и пулька, и ядро и дробь, стой, не ходи ко мнѣ рабу Божию (имя рекъ), поди чрезъ знаменіе Господа Бога Спаса нашего Іисуса Христа, и чрезъ весь день дни и чрезъ погребеніе Господне Господа нашего Іисуса Христа, иже не можетъ сокрушить и ранить меня, раба Божія (имя рекъ), и моихъ товарищей. Аминь.

53.

Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь.
—Мать сыра земля, ты мать всякому желѣзу, а ты желѣзо
поди въ свою мать землю, а ты древо поди въ свою ма-
теръ древо, а вы перья подите въ свою мать птицу, а
птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а рыба поп-
лыви въ море, а мнѣ бы рабу (такому-то) было бы про-
сторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь на меня
не ходите бороться ушми и боками. Какъ мятлица не мо-
жетъ прямо летѣть, такъ бы всѣмъ вамъ немочно ни прямо,
ни тяжело падать на меня и моего коня и приставать ко
мнѣ и моему коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ
бы желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись бы кругомъ
меня, а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ
васъ не окрававлено, душа не осквернена. А будетъ мой
приговоръ крѣпокъ и дологъ.

54.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіи.—
Сохрани крестъ господень и помилуй меня, раба Божія
(имя рекъ), закрой, защити и моихъ товарищей совѣтнхъ,
и поди цѣльная стрѣла цѣвьемъ въ древо, а перьемъ во
птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море,
а желѣзо и свинецъ кань въ свою мать землю, отъ меня,
раба Божія (имя рекъ), и отъ моихъ совѣтнхъ товарищевъ,
думныхъ и дружныхъ, святыхъ отецъ, Аминь, аминь, аминь.

55.

Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на
войну.—Подъ моремъ, подъ Хвалынскимъ, стоитъ мѣдный домъ,
а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а подъ
змѣемъ огненнымъ лежитъ семипудовой ключъ отъ княжева те-
рема отъ Володимірова, а во княземъ теремъ Володиміровомъ
сокрыта сбруя богатырская, богатырей Ноугородскихъ, со-
ратниковъ молодецкихъ. По Волгѣ широкой, по крутымъ
берегамъ, плыветъ лебедь княжая со двора княжева.
Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты лебедь, полети
къ морю Хвалынскому, заклюй змѣя огненного, до-
стань ключъ семипудовой, что ключъ отъ княжева терема,
терема Володимірова. Не моимъ крыльямъ долетать до моря
Хвалынскаго, не моимъ мочи расклевать змѣя огненного, не
моимъ ногамъ дотащить семипудовый ключъ. Есть на морѣ
на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ воронъ, всѣмъ воронамъ
старшій братъ; онъ долетитъ до моря, до Хвалынскаго, за-
клюетъ змѣя огненного, притащить ключъ семипудовый; а
воронъ посаженъ злою вѣдьмою Кіевскою. Во лѣсу стоячемъ,
во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а
въ избушкѣ живетъ злая вѣдьма Кіевская. Пойду-ль я въ
лѣсъ стоячій, въ боръ дремучій, взойду-ль я въ избушку ко
злой вѣдьмѣ Кіевской. Ты, злая вѣдьма Кіевская, вели своему
ворону слетать подъ море Хвалынское, въ мѣдный домъ, за-
клевать змѣя огненного, достать семипудовый ключъ. Заупря-
милась, закорачилась, злая вѣдьма Кіевская о своемъ во-
ронѣ. Не моей старости бродить до моря до окіана, до острова
до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ
заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовый ключъ. Раз-

билъ воронъ мѣдный домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключъ. Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ Володиміровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ. Въ той сбруѣ не убьютъ меня ни пищали, ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы, ни казанская, ни татарская рать. Заговариваю я раба (такого-то) ратнаго человѣка, идущаго на войну симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ.

56.

Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну. Выхожу я въ чистое поле, сажусь на зеленый лугъ, въ зеленомъ лугу есть зелья могучія, а въ нихъ сила видима-невидимая. Срываю три былинки: бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за окіанъ-море, на островъ на Буянъ, подъ мечъ кладенецъ; черную былинку покачу подъ чернаго ворона, того ворона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а въ гнѣздѣ лежитъ уздечка, бранная съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясѣ узорчатомъ зашить, завить колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской, татарской. Красная былинка притащитъ мнѣ мечъ кладенецъ, черная былинка достанетъ уздечку бранную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каленой стрѣлой. Съ тѣмъ мечемъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкой обрастаю коня яраго, съ тѣмъ колчаномъ, съ каленой стрѣлой разобью врага супостата. Заговариваю я ратнаго человѣка (такого-то) на войну съ симъ заговоромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ камень Алатырь.

57.

Господи благослови Отче мене, меньшій мой братъ есть самъ еси оловать, а сердце мое воцаное, ноги твои каменныя отъ земли и до небеси (sic), меня раба Божія (имя рекъ) и не укуси меня, аки песь, оба есть окоянный отъ земли (sic), усмотрю ты брата своего, очима своими, тогда убьется сердце отъ смотренная (sic) моего ты буди воцанъ (sic) во вѣки вѣковъ. Аминь.

58.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіяхъ. — Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, именемъ Пресвятыя Богородицы и присно Дѣвы Маріи, моленіемъ святого пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна, и моленіемъ свят. ангель и архангель Михаила и Гавріила, и моленіемъ святыхъ небесныхъ силъ безплотныхъ херувимовъ и серафимовъ и всѣхъ ангельскихъ и архангельскихъ ликъ, и свят. чудотворецъ моленіемъ и свят. апостолъ Петра и Павла, и св. митрополитовъ московскихъ: Петра, Алексѣя, Іоны, и всея Россіи, новыхъ чудотворецъ, и моленіемъ всѣхъ святыхъ, молитвами соблюди Господи и помилуй меня раба (имя рекъ), и моихъ совѣтныхъ товарищевъ, помилуй, защити и закрой отъ порчи и отъ порченья, отъ стрѣлы летящія, и отъ пульки и отъ всякаго жельза кованаго и своимъ ратнымъ орудіемъ супостат(а) други и недруги, въ очи и за очи, кто портитъ и стрѣляетъ въ

сію молитву и въ меня раба Божія (имя рекъ), да не могутъ устояти противъ меня, раба Божія (имя рекъ), мои други и недруги. Аминь.

59.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіяхъ. — Святый Михайло Архангелъ, сниди съ небеси, Своимъ златымъ скипетромъ и щитомъ защити меня, раба Божія имя (рекъ) и моихъ заговорныхъ товарищевъ отъ порчи, отъ мечу и отъ сабли и отъ копей и отъ рогатинъ и отъ топоровъ, и отъ кинжаловъ и отъ ратнаго всякаго оружія воинскаго, и отъ стрѣлъ, и отъ колотовова и отъ ядеръ и отъ всѣхъ нечестивыхъ родовъ защити меня раба Божія (имя рекъ). Святой государь Тихонъ, утиши всякой порчи немир. ратное всякое вражье оружіе.

Святой государь, помилуй насъ; государь, мину всякія порчи: стрѣлу, ядро и пульку, и дробь и меня, раба Божія (имя рекъ) и отъ моихъ заговорныхъ товарищевъ отведи прочь, святой государь, Лука евангелистъ, за руки схвати у моихъ недруговъ, и не давай меня раба Божія (имя рекъ) и моихъ заговорныхъ дружекъ испортити святой государь, Іоаннъ евангелистъ, св. Лука евангелистъ, свят. Маркъ евангелистъ, св. Матвѣй евангелистъ, сохраните и соблюдайте меня, раба Божія (имя рекъ) и мою заговорную дружину своимъ скипетромъ отъ порчи, отъ меча, и отъ сабель, и отъ копей, и отъ рогатинъ, и отъ топоровъ, и отъ ножевъ, и отъ кинжаловъ, и отъ всякаго ратнаго оружія, отъ стрѣлъ и отъ ядеръ, и отъ дробу, и отъ пулекъ свинчатыхъ, и отъ каменныхъ, и отъ всякаго дерева, и отъ деревянаго удара, и отъ

всякаго звѣря костей, и отъ всякаго плоду деревянаго, и отъ жимолости до моего вѣку. Аминь.

60.

Господи, благослови отче, святый Михайло архангелъ, государь, защити меня, раба Божія (имя рекъ), и моихъ совѣтныхъ товарищевъ и думныхъ дружинъ своимъ святымъ соборомъ архангельскимъ со всѣми небесными силами на сто народовъ отъ порчи, отъ всякаго ратнева оружія огненнаго, отъ возмернова, и отъ вормашнова, и отъ стрѣлъ частыхъ, и отъ пушекъ, и отъ пицалей, и отъ саналовъ, и отъ всякихъ ядеръ и отъ всякихъ пулекъ вормашнова оружія, и отъ сабель и мечевъ, и отъ топоровъ и отъ колотовова оружія, отъ копья и отъ ножа, и отъ рогатины и отъ кинжаловъ. Есть святая гора Голгофа, на той горѣ Голгофѣ распять бысть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на крестѣ смерть вкусилъ, тако и въ третій день воскресъ отъ гроба. И ранили соблюди Господь князя моего, заговорныхъ товарищевъ во единомъ утвержденіи святыхъ отецъ. Аминь.

Аще, кто сію молитву на себѣ носить у живота своего, подай ему Господи душевное спасенье и тѣлесное здравіе, покори ему Господи подъ нозѣ его, вся супостаты его, и не прикоснется къ нему діаволъ и сотонино мечтаніе, и не можетъ ему зло сотворити: очи и за очи, до скончанія живота его, утверженіе порчамъ стрѣла и пулка и ядро, до небеси не укуси мя брата своего, раба Божія (имя рекъ) и заговорныхъ дружинъ, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

61.

Отъ пуль свинцовыхъ, мѣдныхъ и каменныхъ. Въ высокому терему, въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ покрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Въ правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, съ лѣвой мѣдныя, а въ ногахъ каменныя. Ты красна дѣвица отбери оружія: турецкія, татарскія, нѣмецкія, черкесскія, русскія, мордовскія, всякихъ языковъ и сопостатовъ; заколоти ты своею невидимою силою ружья вражія. Будутъ-ли стрѣлять изъ ружья или изъ пули, были бы въ пули; пошли бы эти пули въ сыру землю, во чисто поле. А былъ бы я на войнѣ цѣль и невредимъ; а была бы моя одежда крѣпче панцыра. Замыкаю свои приговорныя словеса замкомъ, а ключъ кидаю въ Океанъ-море, подъ горючъ камень — Алатырь, и какъ ему ни высухатъ, камня не видать, ключей не доставать, такъ какъ пулямъ не убивать, до моего живота имъ по конецъ вѣка не доставать.

62.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіи. Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа. Есть озеро желѣзное, на томъ озерѣ желѣзномъ есть царь желѣзный и тѣмъ всемъ желѣзамъ отецъ и мать. Царь желѣзный защити меня, раба Божія (имя рекъ), отъ всякаго желѣза, и порчи, и конья, и рогатины, и отъ сабли, и отъ стрѣлы, и отъ топора, и отъ ножа, и отъ меча, и отъ пицали, и отъ саналовъ, и отъ свинчатыхъ пулекъ, и отъ припло-

товъ, и отъ ядеръ камен(н)ыхъ, и желѣзныхъ, и всехъ приплодовъ.

Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ Царь Небесный, помилуй насъ, раба Божія (имя рекъ), и со всемъ совѣтнымъ товарищамъ, и отъ всякія порчи повели Господи всякую стрѣлу, и ядро, и пульку, и всякое древо прочь отъ меня, раба Божія (имя рекъ), въ свою мать землю, а моего тѣла не вреди, и моихъ совѣтныхъ товарищевъ, а я тебѣ большій братъ и по земли пойду, аки вѣтеръ. Утвержена сія молитва Духа Святаго, и молитвами Пресвятыя Владычицы, нашей Богородицы и присно Дѣвы Маріи, Матери Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и святыми ангелы и архангелы и святыхъ пророковъ, и всехъ святыхъ небесныхъ безплотныхъ молитвами заповѣдавъ всякимъ людямъ и всякимъ порчамъ, и всякому ратному оружию не идти на меня, раба Божія (имя рекъ) изрядному и ратному оружию на меня, раба Божія (имя рекъ). Аминь.

63.

Молитва и словеса Господа нашего Иисуса Христа, утвержденіе молитвъ. Есть море окіянъ, на томъ морѣ-окіянѣ есть море желѣзное, на томъ морѣ желѣзномъ есть столпъ желѣзный, на томъ столпѣ желѣзномъ есть мужъ желѣзный, отъ востоку и до западу, подпершись своимъ желѣзнымъ посохомъ занимаетъ и заповѣдываетъ своимъ дѣтямъ, всякому желѣзу: булату и укладу, и свинцу, и камню, и мѣди и стали, и всякому желѣзу: Подите въ свою мать землю отъ меня, раба Божія (имя рекъ) и отъ коихъ заговорныхъ товарищевъ изъ рукъ, цѣвьемъ въ древо, перьемъ въ свою мать птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба

въ море, а ко мнѣ; рабу Божию (имя рекъ) не ходи во вѣки вѣковъ. Аминь.

64.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіяхъ. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Иду я рабъ Божій (имя рекъ), на ратное дѣло противъ ратныхъ людей и ратные тѣ люди идутъ камнемъ меня, раба Божія (имя рекъ), убьютъ, морскимъ пескомъ засыпаютъ, водою морскою покрываютъ. Моимъ супостатомъ и моимъ недругомъ въ Черномъ морѣ со дна ключевыя воды недоставлять ни древа крестнаго, и гвоздей, и желѣза не достать, и не вынимать, тако и меня раба Божія (имя рекъ) и мою заговорную дружину не испортити и, не убить, и не ранить изъ пушекъ и пицалей, и саналовъ и луковъ, не убить и саблею и топоромъ, ни копьемъ меня раба Божія (имя рекъ), ни братію мою, ничѣмъ не ранить; и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

65.

Посла Господь Спасъ нашъ Иисусъ Христосъ архангела своего Михаила защитити меня раба Божія (имя рекъ), со всѣми небесными силами и со всѣмъ своимъ святымъ оружіемъ, и со своимъ скипетромъ, меня, раба Божія (имя рекъ), и кругъ товарищевъ моихъ ставятъ градъ каменный Вифлеемъ, въ томъ градѣ за триста соборовъ ангелъ и архангелъ и св. апостолы со всѣми небесными силами хранить меня, раба Божія (имя рекъ), и ты св. отецъ. Аминь.

66.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіяхъ. — Надѣюще сердце, да написать: единъ святъ, единъ Господь Иисусъ Христосъ, сотворивый небо и землю, да заповѣдуетъ и на херувимехъ почивая на престолѣ славы своея, и какъ не могутъ зрѣти и стояти вси ангели Божіи и вся твари, и какъ бы не могли зрѣти и стояти противъ меня, раба Божія (имя рекъ) и весь міръ, мои други и недруги, вѣдуны и вѣдуньи, колдуны и колдуньи, еретики и еретицы, и тѣ разные люди своимъ ратнымъ оружіемъ до моего вѣку. Аминь.

67.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіяхъ. — И какъ воскресилъ Господь Богъ нашъ Иисусъ Христосъ въ шесть тысячъ отъ гроба своего и сниде во адъ и распустилъ врата адскія и какъ не могли стояти противъ силы небесныя сила отпадшая, такъ бы не могли стояти противъ меня, раба Божія (имя рекъ), и нести имъ свое порченіе, ратное оружіе, пушки, и пищальные ядра, и саналовы свинчатые и, всякія дробь и кинжалы, вси бы разорились видимыя и не видимыя, до моего вѣка. Аминь.

68.

Какъ метель (?) не можетъ лѣтать и тяжело упасти, такъ бы отъ тѣхъ недруговъ не могли бы порчу на меня пустить и на моихъ совѣтныхъ товарищевъ, и на меня раба Божія (имя рекъ) до моего вѣку. Аминь.

69.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіяхъ.
— Святый государь Михайло архангелъ защити меня раба Божія (имя рекъ) своимъ златымъ щитомъ и избавь своимъ скипетромъ. Всякую порчу и стрѣлу не допущай до сего листа и до меня, раба Божія (имя рекъ) и до моихъ со-вѣтныхъ товарищевъ, копія и меча, и сабли, топора и ро-гатины и всякаго ратнаго оружія. Святый Михайло архан-гелъ, закрой, защити отъ тѣхъ ратныхъ людей и отъ того же ратнаго оружія, заваливай меня, раба Божія (имя рекъ). каменною горою, постави около меня градъ Вифлеемъ, въ томъ градѣ породила Пресв. Владычице, наше Богородица сына своего Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Его благослови вангелъ (sic), и архангелъ, небесныя силы воеводы Михаилъ архангелъ, херувимы и серафимы, силы небесныя, хранители, храните меня, раба Божія (имя рекъ) святымъ небеснымъ духомъ отъ всякія порчи и порченія, и ратнаго оружія, отъ всякаго приходу за сто за три ты-сящи поприщъ совершенія сей молитвѣ, со всѣми небесными силами, святыми мученики, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

70.

Заговоръ отъ опасностей въ сраженіяхъ.
— Страсть и раскаяніе Христова побѣда вѣмъ порчамъ и людямъ вѣрнымъ и невѣрнымъ, и отъ оружія, пушечнымъ ядрамъ и пищальнымъ и сананальнымъ, пулькамъ и дробу, и всякому ратному оружію. Аминь.

Заговоры охотничіе.

71.

На птичью охоту. — Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), къ церкви, погляжу, какъ православные собираются и празднуютъ, и радуются; такъ радуйся, веселися и летай ко мнѣ всякая живущая птица, которая Богомъ, Иисусомъ Христомъ, создана намъ на жертву; такъ не убойся и не утрашися ни меня, раба Божія (имя рекъ), ни лаюшекъ моихъ, кобелей; не могой ты ногой переступить, ни крыломъ встрепетнуться до выстрѣла моего. Какъ изъ подъ Иванов-ской росы человекъ на конѣ не выѣзжаетъ, пѣшій не ух-одитъ, такъ не улетай отъ меня, ни какая благословенная птица. Слово мое крѣпко. Къ тѣмъ словомъ небо и земля—ключъ и замокъ. Аминь.

(Зап. А. Харитоновъ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ. См. Труды Этногр. Отдѣла 1878 г.).

72.

Заговоръ охотника на постановныхъ клѣткахъ для зайцевъ. — Встану я, рабъ Божій (такой-то), засвѣтло, умываюсь ни бѣло, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, къ лѣсу дремучему, а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу двадцать сатанайловъ, двадцать дьяволовъ, двадцать лѣшихъ, двадцать полкановъ — всѣ пѣшіе, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ робкіе. Стали предо мной тѣ сатанайлы, тѣ дьяволы, тѣ лѣшіе, тѣ полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы сатанайлы, дьяволы, лѣшіе и полканы, въ (такой-то) островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ на мои клѣтки поставныя: сумеречныя, вечернія, ночныя, утреннія, полуденныя, пригоните, остановите, и въ моихъ клѣткахъ примкните.

(Сказаніе Русскаго Народа, Сахарова, 1841 г. Томъ I. Черно-книжіе, стр. 19—20).

73.

Для удачи на охотѣ. — Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго (имя рекъ), аминь. Ложусь я, рабъ Божій (имя рекъ) ввечеру, поздно на поздно благословясь и перекрестясь; встаю, рабъ Божій, ранымъ на рано, и умываюсь триденной водой, и утираюсь нитымъ, бранымъ, тонкимъ полотенцемъ; пойду, рабъ Божій (имя рекъ), изъ избы дверями, изъ двора воротами; пойду во чисто поле, въ широко раздолье, въ зелену дубраву, и стану я эту сбрую ставить на бѣлыхъ и на ярыхъ зай-

цевъ. Какъ же катятся ключи, притоки во единый ключъ, такъ бы катились и бѣжали всякіе мои драгоценные звѣри: сѣрые, ушастые, долгохвостые волки и черные медвѣди и красныя брунастыя лисицы, и бѣлые и ярые зайцы и зайки (зайчихи), назадъ бы они не ворочались, а постороннихъ бы не бѣгали. Позади носить Михаилъ архангелъ и Гавріилъ архангелъ св. своею небесною силою. Во вѣки, вѣковъ, аминь. Создай, Господи, благополучіе. Сей заговоръ глаголи трижды.

(См. Тиннств. Чары. Москва. 1876 г.).

74.

Для успѣха на охотѣ. — Нужно взять съ собою кусокъ хлѣба, или мяса, на который наговаривать:

Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, въ туманѣ превеликомъ, есть птица полетуша, есть сѣрые гуси, сизыя утки. У нихъ бы крылья подломились, сами бы опустились, перье оборвалось и сѣли бы на бугоръ высокій, чтобы меня, раба Божія (имя рекъ) не видѣли, и стрѣльбы моей не слышали, и полетѣла бы до нихъ дробь какъ вольное перо.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени, въ Труды Этнограф. Отдѣла. Изд. въ 1878 г. См. кн. V. Выпускъ 2-й).

75.

Противъ злаго человѣка, на охотѣ. — Стану я рабъ Божій, благословясь и пойду, перекрестясь, пойду по матери по сырой земли, небомъ покроюсь, зарю подпояшусь, звѣздами обтыцусь; злой, лихой человѣкъ не можетъ неба покрыти и зари потушити, и звѣздъ сосчитать, и на меня раба

Божія ни зла подумать ни лиха помыслить. Злой, лихой человекъ зло подумать, поворотись къ нему на корень, положи между языкъ и щеки желѣзна спица; которое слово забыто назади, будь на переди въ лучшемъ мѣстѣ, которое слово прибавлено, то бы къ нимъ пристало; и берите мои слова, вострѣ востраго ножа, вострѣ булатнаго копья, вѣкъ по вѣки. Аминь, аминь, аминь.

(Изъ рукописной тетради г. Храмцова, изъ с. Суры, Пинежскаго уѣзда).

76.

Чтобы воронъ не ѣлъ попавшихъ въ ловушку птицъ.—Стану я рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, въ темные лѣса по своему путику, по своему ухажью. Возрю я, рабъ Божій, (имя рекъ) черного ворона и вороницу и слѣпыхъ его родителей; какъ ты, черный воронъ и вороница, не видаешь въ июлѣ мѣсяцъ воды въ рѣкахъ, ручьяхъ и озерахъ, закатіемъ Ноя праведнаго, такъ бы ты не видѣлъ у меня, раба Божія (имя рекъ), на моемъ путикѣ, на моемъ ухажѣ, уловныхъ моихъ тетеръ, рябовъ и курошней, въ моихъ пастяхъ, въ моихъ слонцахъ, въ моемъ силѣ, ни сверхъ, ни съ испода. Полети ты, черный воронъ и вороница съ моего путика, съ моего ухажья за синее Окіанъ—море, тамо царь Соломонъ сына женить и дочь замужъ даетъ, убилъ на свадьбу 300 гусей, 300 лебедей, 300 яловичъ, 300 утей, тамъ тебѣ черный воронъ съ вороницою много будетъ питенья и яденья, а на моемъ путикѣ, на моемъ угождѣ, нѣтъ тебѣ ни спать, ни сѣсть, ни сверхъ, ни съ испода, ни въ день, ни въ ночь, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней зарѣ, млада и ветха мѣсяца, ни въ полдни, ни въ перекроѣ и меженные дни,

ни въ почные часы, во всѣхъ мѣсяцахъ и во всѣ 24 часа всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. (Трижды читается). Есть у меня, у раба Божія (имя рекъ), генеральный стрѣлецъ, Самъ Исусъ Христосъ; у Господа нашего, Исуса Христа солнце—лукъ, мѣсяцъ—стрѣла стрѣляетъ, излучаетъ тебя, черного ворона и вороницу и слѣпыхъ твоихъ родителей, и въ ночь и во всяку пору. И гдѣ я, рабъ Божій (имя рекъ), тебя черного ворона и вороницу, на моемъ путикѣ и на моемъ угождѣ, увижу, тутъ тебя и подстрѣлю и ухода своего лишу, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Записалъ г. Шабунинъ въ Пинежскомъ уѣздѣ).

77.

Отъ ворона, мѣшающаго охотнику.—Господи Боже, благослови! Стану я, рабъ Божій, (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широкую улицу, съ широкой улицы въ чистое поле, съ чистаго поля въ широкое лукоморье; пойду на свою милую тропу, на свой заводъ. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), становить пасточки и силники на благословенную птицу, которая создана намъ на жертву, на ряба и рябушку, копалу и тетеру, косача и косачушку. Проклятая птица, поганый черный воронъ, полети съ моей тропы, съ моего сгодья, за синее море, ко Ироду царю; тамъ Иродъ царь бьется, дерется, кровь проливаетъ. Тутъ тебѣ черный воронъ столы разставлены, ѣства сподоблены. На моемъ лѣсѣ, на моей тропѣ, на моемъ заводѣ, смолиная спица въ глазѣ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключъ и замокъ. Аминь.

78.

Охотничьи слова.—Такъ бы у меня, раба Божія (имя рекъ), собака не отбѣгала, птица не улетала, всякая живущая, которая создана у Господа Бога (Исуса Христа, Царя небеснаго, намъ на жертву благословенная всякая птица: рябъ и рябушка, копала и тетерка, и косачушка, сѣрая, малая утица—какъ птица не можетъ летать отъ гнѣзда своего, отъ дѣтей своихъ, такъ не бойся и не страшись лаюшекъ, кобелей моихъ, и меня раба Божія (имя рекъ), не бойся и не страшись, ни юку оружейнаго, ни дыму пороховаго, ни боя огненнаго. Радуйся птица и веселися по всякъ день, по всякъ часъ и по всякое время; утромъ рано, вечера поздно, въ ветхѣ мѣсяцѣ, и въ меженныхъ дняхъ перекройныхъ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключъ и камень. Аминь.

79.

Охотничьи заклинанія на горностаевъ.—Господи Боже благослови! Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, въ чистое поле за воротами, изъ чистаго поля во темный лѣсъ. Въ темномъ лѣсѣ стоитъ кипарисъ древо; подъ тѣмъ кипарисомъ сидитъ сама Мать Пресвятая Богородица. Держитъ она во своей десной рукѣ три прута: пруть желѣзный, пруть мѣдный, пруть серебрянный. Ударю я первымъ прутомъ по сырымъ лѣсамъ, ударю я другимъ прутомъ по мхамъ по болотамъ: сырые лѣса спатаются, мхи-болота сколеблются; разбѣжались бѣлые звѣри, горностаи на

всѣ четыре стороны; побѣшты вы кривоноги чернохвосты! Ударю я третьимъ прутомъ бѣлаго мужа, жубрила. Ай, ты бѣлъ мужъ жубрило, самъ ты бѣлъ и конь подъ тобой бѣлъ; заѣзжай и залучай со всѣхъ четырехъ сторонъ, со стока и запада, и съ лѣта и съ сѣвера: идите со всѣхъ четырехъ сторонъ бѣлые звѣри горностаи; какъ идетъ солнце и мѣсяцъ и частыя мелкія звѣзды и вся луна поднебесная, идетъ неотнятно, такъ идите на мой заводъ, на мои сгодья къ моимъ платкамъ, бѣлые звѣри горностаи, а минуйте, проходите мои силыя пасти; они не по васъ излажены. Кушайте по платкамъ мои ѣтвы: тѣ мои ѣтвы слаще матерняго молока. Къ этому моему слову ключъ и замокъ, отношу я въ Окіанъ-море. Есть на Окіанъ-морѣ островъ великъ, къ берегу лежитъ бѣлъ горючъ камень Алатырь; подъ камнемъ стоитъ живая щука, пожретъ тотъ мой ключъ и замокъ. Кто кругомъ Окіанъ-море обойдетъ, кто около Окіанъ-моря песокъ вызоблетъ, кто изъ Окіанъ-моря воду выпьетъ, кто ту живую щуку добудетъ, ключъ и замокъ мой достанетъ—тотъ мой промыселъ попортить.

80.

Молитва прикосная на звѣря (лисицѣ).—Стану я, рабъ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ дверь, изъ дверей во дворъ, изъ двора въ ворота, подъ восточную сторону. Тутъ Самъ Исусъ Христосъ и Пречистая Мати Божія, Богородица. Научи же меня, Господи, ловить и промыслять разныхъ звѣрей! кривоногихъ, черноухихъ, красныхъ, черныхъ лисицъ и бурнастыхъ, каждахъ ловецкихъ звѣрей. Посылаетъ меня Самъ Исусъ Христосъ къ Егорію Храброму чудотворцу: онъ тебя поучитъ ло-

вить и промыслять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ, черныхъ и бурнастыхъ лисицъ. Я пришелъ къ Егорію Храбромъ чудотворцу: онъ сидитъ выше тридцати апостоловъ: научи-же меня ловить и промыслять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ, черныхъ и бурнастыхъ лисицъ, каждаго ловецкихъ звѣрей. По Христову велѣнію не ослушайтесь меня, раба Божія Н., Егорій Храбрый чудотворецъ беретъ отъ меня раба Божія Н., веревки, капканы, тугіе луки и самострѣлы донскаго году, снимаетъ и вновь становить, и самъ святымъ духомъ наказываетъ и наговариваетъ: Ой! еси звѣри, лисицы, подьте, побѣдите отъ тридцати ловцовъ, отъ тридцати промышленниковъ къ рабу Божию Н., по своимъ полевымъ тропамъ, продольнымъ и поперечнымъ изъ подъ вычепу, не видѣть ни пружинья, ни капканья, ни подхода моего, впередъ безъ ускоку, назадъ безъ усмотру, ушкомъ не кивните, глазомъ не мигните, на сторону не скачите, назадъ не воротитесь, души ваши сквозь ловушки, а туши ваши въ ловушку; ой! еси звѣри кривоногіе, черноухи, черны, красны лисицы и бурнасты; ой, еси ловецкія звѣри, лисицы, если не избѣжите сквозь петли и капканы, сквозь тугіе луки и самострѣлы, Господь наплетъ съ небеси огненное пламя, и васъ лисицъ сожжетъ и спалитъ, не будетъ вамъ уходу, ни въ гору, ни въ воду, ни въ каменны пещеры; вѣкъ отъ вѣку, до окончанія вѣка. Будьте мои наговорныя слова имки, ярки на новчу и на перекрой мѣсяцу. Тѣмъ моимъ наговорнымъ словамъ ключъ и замокъ, ключъ щука, а щука въ море отъ лихихъ людей, отъ завидящихъ, отъ своей думы, во вѣки вѣковъ, аминь. Богъ моя надежда. Какъ идутъ съ ловли.—Какъ на мой булатный ножъ никто не можетъ думой подумать, мыслей помыслить, рѣчи выговорить, также на меня раба Божія Н., на всѣ мои капканы и ружья дробовки и виштовки. Иду

я, рабъ Божій Н., съ промысломъ звѣринымъ и птичьимъ за огнемъ забытымъ; ежели завидитъ человѣкъ, черный, черемный, частозубый, рѣдкозубый, женка, бѣлоголовка, дѣвка простоволоска, попъ, попадья, дьяконъ, дьяконица, дьякъ, дьячиха, пономарь, пономарица, чернецъ, черница, отъ своей думы, отъ своей молвы и помолвы, отъ товарищевой думы, отъ своей семьи, черъ моей думы, черъ моей рѣчи, черъ моей крови отъ колдуна, отъ колдуній, отъ говодуна, отъ говодуньи, отъ всякаго злаго человѣка и всякую злую задищю кровь, злomu, лихому соли въ глазъ, смолы въ глазъ, двереты въ глазъ. Всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Тѣмъ моимъ словамъ небо—ключъ, земля—замокъ.

Говорить три раза на ножъ или на сукъ дерева, или на комъ снѣга. Сей грамоты не показывать никому, и не сказывать.

(Доставлена въ редакцію Трудовъ Этногр. Отдѣла, Холмогор. мѣщ. Палеховымъ).

81.

Для удачной охоты. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Благослови меня, Господи, словеса говорить отъ земли до небеси, отъ востока до западу. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь, и пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ отводъ, въ заборы, въ чистыя поля, въ зеленые луга, подъ солнечны лучи, подъ золоты кресты, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ красное солнышко. На красное солнышко, на золоты кресты, на свѣтлый мѣсяцъ,—лихіе люди глазомъ не оглядятъ, словомъ не оговорятъ, думой не подумаютъ, и мыслямъ не помыслятъ: также на меня раба Божія (имя рекъ), глазомъ

бы не оглядѣли, словомъ бы не оговорили, думой бы не подумали, и мыслями бы не помыслили. И пойду я, рабъ Божій, въ чистое поле, въ широкое раздолье, и погляжу я, рабъ Божій, на восточную сторону. На восточной сторонѣ стоитъ златая гора; на той, на златой горѣ сидитъ старъ-матерь человѣкъ, сѣдять, бородать. Старъ-матерь человѣкъ, сѣдять, бородать! Я пришелъ къ тебѣ, рабъ Божій, помолиться и поклониться тебѣ: наставь меня на путь, на дорогу; оборони меня сзади и спереди отъ всѣхъ злыхъ и лихихъ людей, отъ кижениковъ, отъ постриженниковъ, отъ лихихъ порчениковъ, отъ вороговъ, отъ ворожей, отъ колдуновъ и колдуній, отъ всѣхъ злыхъ лихихъ людей! Ну, и позаганивай ты мнѣ птицы небесныя: тетеревей, тетерокъ, рябей, рябушекъ, бѣлыхъ куропатокъ, заморскихъ зайцевъ. Тетереви, тетерки, рябы, рябушки, бѣлыя куропатки, заморскіе зайцы! Теките и бѣгите, какъ течетъ рѣка Волга и рѣка Которосль: она течетъ безъ умолку, безъ перемолку, денно и пощно ко мнѣ въ маненты, безъ повороту, безъ попяту, каждый часъ, каждые двадцать четыре часа. Въ моихъ монентахъ вѣтъ ни духу, ни нюху. Аминь.

(Задносельской волости Кадниковскаго уѣзда. Записанъ А. Е. Мерцаловымъ.).

82.

Заговоръ охотника отъ злаго человѣка.— Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, во чистое поле, за овраги темные, во лѣса во дремучіе, на тихія болота, на веретища, на горы высокія. Буду я въ лѣсахъ добраго звѣря бить: бѣлку, куницу, зайца, лисицу, полевиковъ и рябей, волковъ и медвѣдей. На синнихъ мо-

ряхъ, озерахъ и рѣкахъ буду я бить: гусей, лебедей и сѣрыхъ утицъ. Кто злой человѣкъ на меня раба Божія (имя рекъ), поиметь злобу, тому-бы злomu человѣку съ берега синя моря песокъ вызобать, изъ синя моря воду выпить, въ лѣсу лѣсъ перечесть и сучье и словое, и осиновое, и ячменную мякину въ глазахъ износить, дресвянный камень зубами перегрысть. Никому моего промысла не оговорить, и не озавидовать. Какъ Божія милость возстае въ бурѣ и въ падежѣ, ломить темные лѣса, сухіе и сырые корни, вотъ такъ бы у того лихого злаго человѣка сердце, кости и суставы-бы ломили. И какъ по Божьей милости громъ гремитъ, и стрѣла летаетъ за дьяволомъ, такъ бы такая-же стрѣла пала на злого человѣка. Будьте мои слова и крѣпки и мѣтки. Аминь, аминь, аминь.

(Въ Вологодскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ напечатанъ въ формѣ пѣсни).

83.

На бѣличью ловлю.— Господи Боже благослови, Отче. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Какъ родился сей рабъ младенецъ, не знаетъ себѣ ни имени, ни вотчины, ни отца, ни матери, ни роду, ни племени, и ни страсти, ни боязни, не имѣетъ въ себѣ ни ума, ни разума, ни на ногахъ скорого и тихаго хожденія, ставанія, скаканія, и ни пути и ни дороги, ни днми (дня) ни ночи, и тако же бы меня, раба Божія, ни огненного моего оружія, ни свинцовой пули, ни пороху, ни моей промышленной собаки, бѣлые звѣри, бѣлки, и всякія поголовныя птицы не знали-бы, и не имѣлъ о себѣ ни ума, ни разума, въ ногахъ скаканья, въ крыльяхъ маханья, и ни страсти, ни боязи въ день, подъ краснымъ солнцемъ, въ ночь и подъ молодымъ свѣтлымъ

мѣсяцомъ, и находи на ихъ на умъ великой, на древахъ, и будьте вы, мои слова, пушкой, бѣлой звѣрю и бѣлой голубой бѣлкѣ и всякой поголовной птицѣ, будьте крѣпки, лѣпше клею, крѣпче синяго булату. Святымъ Духомъ, Божиємъ изволеніемъ, Господнимъ благословеніемъ всегда, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь; и не пути, и не дороги, и не дня, не ночи, всегда бы были тихи, кротки и смиренны, тако-бъ передо мною рабомъ Божиємъ, бѣлые звѣри и всякія поголовныя птицы—кротки и смиренны.

(Извлечено изъ старинной рукописи, доставленной изъ Пинежскаго уѣзда, Храмцовымъ).

Заговоры на рыбную ловлю.

84.

Слова, рыбу лучить. — Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Какъ да народъ Божій, православные христіане изъ церкви, съ домовъ и изъ всякихъ мѣстъ, и за Спасомъ и за Пресвятой Богородицей идутъ на Іорданъ, и прійдутъ на Іорданъ и стануть, съ мѣста на мѣсто не перекаживають и не погуливають, также бы ко мнѣ, рабу Божию (имя рекъ), рыба въ лучъ всякая шла: лоси, семги, харьюсы, сига, щуки, налимы, язи, подъязки, окуни, сорочи, и всякая рыба шла съ имъ, съ плесъ и съ травы, изъ лапуги, изъ крежьевъ, изъ ручьевъ, изъ всякихъ мѣстъ дресвы и на росити, и прійдутъ въ лучъ и стали бы они, съ мѣста

на мѣсто не пережаживали, и не погуливали на утренней зарѣ и среди ночи темной, не боялись бы они ни козы, ни луча, ни лодки, ни остожья, ни шеста, ни меня, раба Божія (имя рекъ), ни товарища моего кормщика (имя рекъ). Всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Говорить сіе трижды, когда станешь лучить зажигать. (Ночная ловля рыбы при помощи огня).

Какъ престолъ Господень стоитъ среди алтаря, не шевелится, такъ бы не шевелиться, не похаживать также бы у меня раба Божія (имя рекъ), рыба съ луча не шевелилась и не похаживала на утренней зарѣ и на вечерней, и на среди ночи темной.

И говорить сіе трижды и къ кому-жъ: «какъ попъ стоитъ на ерданѣ, не шевелится и не похаживаетъ, такъ бы и у меня, раба Божія (имя рекъ), и рыба съ лучу не шевелилась и не похаживала на утренней зарѣ и на вечерней, и среди ночи темной». Говорить сіе трижды.

Обережъ: какъ первую рыбу добудешь и съ остроги снимешь и говорить въ ротъ ей трижды и плюнуть: чуръ моей рыбы и чуръ моего промыслу, чуръ моей думы, крови, чуръ меня, раба Божія (имя рекъ), промышленника, чуръ моего кортика. И положить рыбу въ лодку и поѣзжай. Богъ въ помощь!

(Въ Труды Этно. Отд. 1878. Отъ г. Хромцова).

85.

На уженъе.—Для того, чтобы на удочку попадалась крупная рыба, поймавши маленькую рыбку, съкутъ съ приговоромъ: —«Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли

дядю и т. д., и пускаютъ обратно въ воду, освободивъ отъ крючка.

86.

Какъ ты матушка Шорда рѣка, течешь быстро и яро, берега смываешь, травы омываешь, коренья сдираешь, такъ смывай и сдирай съ моей раба Божія (имя рекъ) шестовки, съ рѣзки и съ мешени, съ огненного боя, со всей оружейной приправы, отъ всякаго злаго и лихаго и отъ помышленнаго, отъ колдовства и отъ всей нечистой думы. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключъ и замокъ: аминь.

87.

Рыбій прикосъ.—Говорить слова на уды и на рыбицу, какую Богъ дастъ:

— «Буди моя рыбица неприкослива, неурослива, или ко мнѣ рабу Божію скоро, безпопятно и безповоротно, противъ быстрыхъ воды, осеннія рѣки, назадъ не оглядываясь и въ сторону не отворачиваясь, иди ко мнѣ, рабу Божію, ежедневно на утренней зарѣ и на вечерней зарѣ, въ мои желѣзные уды, рыбица налимъ большеголовый, и востроносица щука, красная рыбица семга, иди ко мнѣ рабу Божію Н.; по всякъ день, и по всякъ на утренней зарѣ и на вечерней зарѣ, въ день подъ солнцемъ, а въ ночь подъ мѣсяцемъ и подъ частыми звѣздами, и подъ всею окружностью Божіею.... Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, именемъ Господнемъ, Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь. А которое я, рабъ Божій, слово узабылъ, узапамятовалъ, то

слово мое буди въ томъ же кругу и вострѣ востраго ножа, булатнаго топора, быстрѣ ключевой воды, именемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь, за аминемъ—аминь.

88.

Для рыбной ловли и для налимовъ, и для щукъ, и для семги, и для всякой, какую Богъ дастъ на уду.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, пойду въ чистое поле подъ восточную сторону, въ зеленую дубраву, и стану я, рабъ Божій, на восточную сторону лицомъ и помолюся и поклонюся истинному Христу, Царю небесному, и буди я, рабъ Божій, промышленникъ не уросливъ и не прикосливъ отъ своей крови, и отъ своей думы, и отъ буйнаго вѣтра, и отъ своего глаза, и отъ своего сердца, и отъ людской думы, и отъ молвы, отъ людскаго глаза. А кто злой, лютой человѣкъ подумаетъ на мой добытокъ и на промыселъ, и то бы ему себѣ да въ пазуху, а что онъ радѣетъ себѣ, то и мнѣ на мой добытокъ и на промыселъ. По всякъ день, по всякъ часъ и по всяку ночь и тѣмъ моимъ наговорнымъ словесамъ ключъ и замокъ именемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

89.

При наживкѣ червей на крючекъ.—Когда наживляютъ на крючекъ червей, а иногда рыбу, то приговари-

ваютъ: рыба свѣжа, наживка сильна, клюнь, да подерни, ко дну потяни.

90.

Для удачнаго лова рыбы.—Пойду я на быстру рѣку, на ей есть рыбки потрепуши, и спустили бы мы неводъ, какъ шелковъ пожокъ, и въ этотъ неводокъ, въ каждый поводокъ наскakало бы, какъ чины.

(Доставилъ г. Никольскій изъ города Мезени).

91.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Небесной Троицѣ, Отцу и Сыну, и Святому Духу, и всемъ святымъ ангеламъ и архангеламъ. Отступись, діаволъ, отъ всехъ дверей и отъ всехъ угловъ храмины сія, и отъ всехъ узловъ лѣнныхъ, и посконныхъ, и коноплянныхъ, и всякихъ разныхъ ловушекъ. Здѣсь тебѣ нѣтъ ни мѣста, ни части, здѣсь съ нами, съ рыболовами, рабами и рабынями (имя рекъ), честный крестъ Господень, здѣсь Мати Христа Бога нашего Пресвятая Богородица, держать въ правой рукѣ цвѣтъ и траву, и даетъ намъ рабамъ и рабынямъ (имя рекъ) обкуриванія для охраненія нашей рыбной ловли, лѣнныхъ, посконныхъ и коноплянныхъ ловушекъ, красной рыбы, семги, и бѣлой рыбы, рака и щуки и проч. Здѣсь начальники силъ небесныхъ: Михаилъ, Гавріилъ и Уріилъ и Рафаилъ, Херувимы и Серафимы и все небесныя силы. Здѣсь святой Іоаннъ Предтеча, и здѣсь святыя апостолы Петръ и Павелъ, и держатъ въ правыхъ рукахъ Адамовъ крестъ, цвѣтъ и траву и золотые ключи и даютъ намъ рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ для ради сохраненія нашей рыбной ловли, для красной рыбы,

семги и бѣлой рыбы, рака, щуки и прочихъ разныхъ бѣлыхъ рыбъ. И здѣсь всѣ святые апостолы и три святителя и учителя: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ честный; здѣсь съ нами, рабами и рабынями (имя рекъ) свят. Николай великій хранитель, и здѣсь русскіе чудотворцы: Алексѣй и Іона; здѣсь мученикъ Агафонъ, здѣсь мученикъ Христовъ Никита. Здѣсь съ нами рыболовами, рабами и рабынями (имя рекъ), мученицы Христовы, Екатерина и Варвара, держатъ ладонь и кадило и даютъ (имя рекъ) для обкуриванія льняныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. И всѣ честные ангелы-хранители наши, берегите и стерегите нашу рыбную ловлю на всякъ день, на всякъ часъ и на всяку ночь, въ ветху и въ новцу, и въ меженныхъ дняхъ, перекройныхъ, на заживъ дней, и на заживъ ночей. Силою честнаго и животворящаго креста Господня, сохраняя насъ Господи, рыболововъ, рабовъ и рабынь (имя рекъ), на семъ древѣ крестномъ распятый Іисусъ Христосъ. Аминь (трижды). По благословенію Господню идите святые ангелы ко синю морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте сине море вѣтромъ и вихромъ и сильною погодою, и разбудите красную рыбу семгу, и бѣлую рыбу, и рака, и щуку, и прочихъ разныхъ рыбъ, и гоните изъ подъ мху, и изъ подъ виченаго куста, и изъ крутыхъ береговъ и желтыхъ кустовъ, и чтобъ она шла бы къ намъ рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ) въ Местушку рѣку, быструю Двину, и въ разныя рѣки и озера, и во всякіе водяные притоки, и не застоялись бы на красномъ солнцѣ и не загулялась бы съ охотной травы, и шла бы къ намъ въ нашъ рыболовный заводъ, и не боялась бы и не пугалась нашихъ ленныхъ и посконныхъ, и коноплянныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. Не дайте святые ангелы ачамъ ея виду, ушамъ ея слыху, и еще святые ангелы со-

храните нашу рыбную ловлю отъ уроковъ и отъ прикоровъ, отъ еретика и отъ еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужней жены и отъ вдовицы, и отъ дѣвки простоволоски, и отъ всякаго вѣтреннаго проходящаго человѣка, отъ нынѣ и до вѣка, аминь. Христосъ воскресъ!

(Записаль А. Харитоновъ въ Шенк. уѣздѣ).

92.

Для удачи на промыслѣ. По благословенію Господню, идите св. ангелы ко синему морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте сине море вѣтромъ и вихремъ и сильною погодою, и возбудите красную рыбу, и бѣлую рыбу, и прочихъ разныхъ рыбъ, и звѣрей морскихъ; и гоните ихъ изъ подъ мху и кустовъ, отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ они шли къ намъ рыболовамъ и звѣроловамъ (перечисляются имена всѣхъ промышленниковъ), и не заставлялись бы при красномъ солнцѣ, и не залеживались бы на льдинахъ среди моря, и шли бы въ наши заводы, сѣти и ловушки, и не пугались бы нашихъ ленныхъ и коноплянныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ ловушекъ и не пугались бы нашихъ выстрѣловъ и колотушекъ. Не дайте, св. ангелы, тѣмъ звѣрямъ и рыбамъ: очамъ ихъ—виду, ушамъ ихъ—слуху, и еще, святые ангелы, сохраните нашу рыбную и звѣриную ловлю отъ уроковъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужней жены и вдовицы, и отъ дѣвки простоволоски, и всякаго вѣтреннаго проходящаго человѣка и порчельника, отъ нынѣ и до вѣка, аминь. Христосъ воскресъ!

(Доставлено изъ г. Мезени).

Заговоры отъ всякихъ недуговъ.

93.

Заговоръ отъ недуговъ.

Заговариваю я у раба Божія (такого-то) двѣнадцать скорбныхъ недуговъ: отъ трясовицы, отъ колючки, отъ свербѣжа, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ колотья, отъ дерганья, отъ морганья, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, злая трясовица, уймись, а не то проклянѹ въ тарь-тарары; ты неугомонная колючка остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли; ты, свербѣжъ прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты стрѣльба утишись, а не то засмолю тебя въ смолѣ кипучей; ты, огневица охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты, ломоть сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты, колотье при-

тупись, а не то распилю тебя на мелкія частички; ты, дерганье воротись, а не то запружу тобою плотину на мельницѣ; ты, морганье окрутись, а не то въ печи банной засушу; ты, слѣпота скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтѣ; ты, глухота исчезни, а не то засмолю въ бочку, и по морю пуцу; ты, черная немочь отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Всѣ недуги откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь отъ раба, (такого-то), по сей часъ, по сей день, по его жизнь, моимъ крѣпкимъ словомъ. (Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. (Сказ. Рус. Нар. Сахарова. Т. I. 1341 г.).

94.

Молитва отъ всѣхъ скорбей. — О Пресвятая Госпоже Богородице, выше еси всѣхъ ангелъ, архангелъ, всѣхъ тварей, честнѣйше помощница еси обидимыхъ, исцѣляющейся надѣяніе, убогихъ одѣяніе, больныхъ исцѣленіе, грѣшныхъ спасеніе, христіанъ всѣхъ поможеніе и заступленіе; спаси Господи и помилуй раба Божія (имя рекъ) ризою твоею честною, защити, умоли, госпоже, тебѣ безсеменнаго воплотившагося Христа Бога нашего. Да препояшетъ насъ силою свыше невидимые враги наши. О, всемилостивѣйшая Госпожа Богородица, воздвигни насъ изъ глубины грѣховныя, избави насъ отъ глада, губительства, отъ труса и потопа, отъ огня и меча, отъ нахожденія иноплемennыхъ и междоусобной брани, отъ напрасной смерти, отъ нападенія вражея, отъ тлетворныхъ вѣтровъ, и смертоносныхъ язвы, отъ злой порчи, отъ духовъ нечистыхъ, отъ всякаго зла; подаждь Господи, миръ и здравіе рабу твоему (имя рекъ), просвѣти ему умъ и очи сердечныя, еже ко спасенію, сподоби его грѣшнаго,

царствія Сына твоего Христа Бога нашего, яко держава его непоколебимая, благословенная и препрославленная со единоначальнымъ его Отцемъ, со Пресвятымъ, Благимъ, и Живо-творящимъ Его Духомъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

95.

Господи Боже, благослови! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Какъ Господь Богъ небо и землю, и воду, и звѣзды и сыроматерной земли, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той сыроматерной землѣ, нѣтъ ни которой болѣзни, ни кровныя раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, также сотворилъ Господь меня, раба Божія (имя рекъ), какъ сотворилъ Господь, твердо утвердилъ, и крѣпко укрѣпилъ жилы мои, и кости мои, и бѣлое тѣло мое, также у меня, раба Божія (имя рекъ), не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретивомъ сердцѣ, ни на костяхъ моихъ, ни которой болѣзни, ни крови и ни раны, и ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Единъ архангельскій ключъ, во вѣки вѣковъ, аминь. (Выписано изъ старинной рукописи, доставленной изъ Шенкурска).

Заговоры отъ истеченія крови.

96.

Заговоръ отъ порѣза. — На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень Алатырь, на томъ камнѣ, Алатырь, сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, руду желтую, зашиваетъ раны кровавыя. Заговариваю, я раба (такого-то) отъ порѣзу. Булатъ прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

97.

Заговоръ отъ крови. — Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Доселева было при Агарянѣ царѣ,

небо мѣдно и земля желѣзна и не дала плоду отъ себя. Какъ утихнулись и ужахнулись рѣки и ручьи и малые источники, такъ бы утихнулась у раба Божія Н., кровь горячая и щепота и ломота, и много пособляешь всѣмъ моимъ словомъ, какъ ключъ небо, а замокъ земля, аминь, аминь, аминь.

(Записалъ помощ. миссіонера Батраковъ, въ с. Ухтостровѣ, Холмогор. уѣзда, Архан. губ.).

98.

Заговоръ отъ порѣза. — Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Держъ держѣть, земля твердѣть, отъ дерна; отъ дерна и земли, и камня нѣтъ ни крови, ни руды, ни щипоты и ни ломоты, и ни болѣзни, тожь и у раба Божія (имя рекъ) не было бы ни крови, ни руды, ни щипоты, ни ломоты и ни болѣзни изъ 70-ти суставовъ и изъ 3-хъ суставовъ, станowychъ костей, изъ-подъ пятныхъ жилъ. Аминь царю небесному. (Читается 9 разъ).

99.

Чтобы не шла кровь изъ раны. — При порубѣ, или при другихъ случаяхъ, когда кровотеченіе считается опаснымъ, три раза наговаривать шепотомъ слѣдующія слова и послѣ каждого раза на рану сплевываютъ:

«Лягу благословясь, стану перекрестясь; выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота; погляжу въ чистое поле—ѣдетъ изъ чистаго поля богатырь, везетъ вострую саблю на плечѣ, сѣчетъ и рубитъ онъ по мертвому тѣлу, не тече ни кровь, ни руда изъ энтова мертваго тѣла.

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ уѣздѣ).

100.

Если какой либо человѣкъ посѣчетъ, что-нибудь у себя, то заговаривать кровь, или щипоту. Стану я рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ святы окіанъ камень, на святомъ окіанѣ—камень сидитъ красная дѣвица съ шелковой ниткой, рану зашиваетъ, щипъ унимаетъ, кровь заговариваетъ у раба Божія (имя рекъ), и чтобы не было ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, тѣмъ моимъ добрымъ словомъ ключъ и замокъ отнынѣ до вѣку, аминь.

(Нарядъ Устьпод. Удѣльн. Прав. о доставл. въ арх. Удѣльн. Конт. Этнограф. Отдѣла 1847 г. по описи № 60).

101.

Заговорить кровь. — «Фу ты, Боже мой! ни крови, ни раны,—чистая рана, ни синей опухоли. Ни ножомъ ни сѣклось, ни топоромъ, ни какимъ инструментомъ и нѣтъ у раба Божія (имя рекъ), ни щипоты, ни ломоты, ни синей опухоли.

102.

Чтобы не шла кровь изъ раны. — Конь младъ, человѣкъ старъ. Ты, руда, стань, болѣе не кань у раба Божія (имя рекъ).

103.

Отъ истеченія крови. — Въ Кадниковскомъ уѣздѣ, надъ обрѣзаннымъ или отрубленнымъ мѣстомъ, знахари говорятъ три раза: — «Летятъ воронъ чрезъ Черное море, не-сетъ нитку шелковинку; ты нитка оборвись, а ты кровь уймись». Послѣ того каждый разъ дуютъ на порѣзанное мѣсто.

104.

Чтобы не шла кровь изъ раны. — Баба шла по дорогѣ, собаку вела за собой; баба пала, собака пропала; руда стань, больше не кань.

(Записаль Пешенинъ въ Кемскомъ уѣздѣ).

Заговоры отъ лихорадокъ.

105.

Отъ лихорадки. — Молитва отъ святаго Силинія и Сихайла и четырехъ евангелистовъ: Іоанна Богослова, Марка, Луки, Матѳея. Стоитъ среди моря столпъ камень, у столпа сидятъ Силиній и Сихайло и зрятъ (съ ?) святымъ Силиніемъ во море: возмнтилася вода подъ небесемъ, изыдоша изъ моря 12 женъ простовласыхъ и окаянныхъ видѣніемъ ихъ діавольскимъ, и вопрошали ихъ св. Силиній и Сихайло: что есте за жены? и они рекоша ему: а мы есмы трясовицы и дщери Ирода царя. И вопрошаетъ ихъ св. Силиній и Сихайло: «окаяніи діаволи! Почто ести семо пришли?» И они рекоша ему: «мы есмы пришли мучите христіанскаго роду: аще хто перепьетъ, того мы мучимъ; аще

кто завтрени воскресенскую проспитъ, Богу ея не молить, въ праздники честные блудъ творить, не чистъ ходить, рано пьеть и ѣсть, то ваши (наши) угольники». И помолился св. Силиній и Сихайло: «Господи, Господи! Избави родъ человѣчь отъ окаянныхъ діаволой!» И услыша Господь Богъ молитву и посла къ нимъ (то-есть, къ трясовицамъ), Силинія и Сихайло и четырехъ Евангелистовъ: Матѳея, Луку, Марка, Іоанна Богослова — и велѣ мучити ихъ дубцы желѣзными и дати имъ по три тысячи на день ранъ. И они (онѣ?) рекоша и начаша молитися святіи и великіи Силиній и Сихайло и четыре Евангелиста: «Марко, Лука, Матѳей и Іоаннъ Богословъ!» не мучьте насъ! Гдѣ ваши имена святые да слышимъ и не противимся ни въ коемъ родѣ, въ мужескомъ и въ женскомъ, — и мы того роду, мужескаго и женскаго, бѣгаемъ за тридевять поприщъ. И вопрошаетъ ихъ святой Силиній и Сихайло и Апостоли, четыре Евангелисты, что ваши имена? Едина рече: мнѣ имя Агнія: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ разгорится, аки пламень въ печи, также я разжигая всякаго человѣка. Вторая рече: мнѣ имя Ледиха: я коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ не можетъ въ печи согрѣться. Третья рече: мнѣ имя Желтая — аки цвѣтъ дубравиний. Четвертая рече: мнѣ имя Глухня: котораго я поймаю, тотъ человѣкъ можетъ быть глухъ быть. Шестая рече: мнѣ имя Ёдея: коего я человѣка поймаю, тотъ человѣкъ не можетъ насытиться многимъ брашномъ. Седьмая рече: мнѣ имя Корчя: коего человѣка поймаю, тотъ человѣкъ корчится вмѣстѣ руками и ногами, не пьеть, не ѣсть. Восьмая рече: мнѣ имя Грудя: котораго человѣка изловлю (поймаю) лежу на грудяхъ и выхожу храпомъ внутрь. Девятая рече: мнѣ имя Проклятая: коего человѣка поймаю, лежу у сердца, аки лютая змѣя, и тотъ человѣкъ лежитъ трудно (трудно). Десятая рече: мнѣ имя Ломея: аки силь-

ная буря древо ломить, тако же и азъ ломаю кости спину. Одиннадцатая рече: мнѣ имя Глядѣя: коего человѣка поймаю, тому человѣку сна нѣтъ, и приступить къ нему и мутится... Двѣнадцатая рече: имя мнѣ Огнястра: коего человѣка поймаю стараго, тотъ не можетъ живъ быть». Молитвами святыхъ апостолъ, ангелъ, Силинія и Сихайло и четырехъ Евангелистовъ: Матѳея, Марка, Луки и Іоанна Богослова, царь славы Исусъ Христосъ ника (?). Крестъ хранитель вся вселенная. Крестъ — красота церковная, крестъ — царевъ скипетръ, крестъ — княземъ держава, крестъ — вѣрнымъ утверждение, крестъ — бѣсамъ язва, крестъ — трясовицамъ прогнаніе; прогонитесь отъ раба Божіа (имя рекъ) всегда, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. А говорити сія молитва трижды надъ главою больного, положи крестъ въ воду на блюдо, и та вода пити, давати больному. (См. Пермскій сборникъ 1860 г. Кн. 11. Изъ рукоп. Сб. XVII в.).

106.

Отъ лихорадки или дрожжалки.

Заговариваютъ по вечернимъ зарямъ, заговоръ читаютъ по три раза, отплеывая послѣ каждаго въ лѣвую сторону съ словами: — «Покуда я плюю, потуда-бъ рабу (имя рекъ) хворать.

107.

То же. — Больной, если хватить силы, идетъ въ лѣсъ, находитъ осину, кланяется ей и говоритъ: — «Осина, осина, возьми мою трясину, дай мнѣ леготу!» послѣ того перевязываетъ осину своимъ поясомъ.

108.

То же. — Мать ты моя вечерняя звѣзда, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать дѣвицъ Иродовыхъ дочерей.

109.

Отъ лихорадки. — На горахъ аѳонскихъ тоить дубъ мокрецкій, подъ тѣмъ дубомъ стоятъ тринадцать старцевъ со старцемъ Пафнутіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадцать дѣвицъ простоволосыхъ, простопопыхъ, и рече старецъ Пафнутіи съ тремя надесять старцами: кто сн къ намъ идоша? И рече ему двѣнадцать дѣвицы. Есть мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутіи своимъ старцамъ: зломити по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зари утреннихъ, по три зари вечернихъ. Взмолились двѣнадцать дѣвъ къ тринадцать старцамъ съ старцемъ Пафнутіемъ. И не почто же бысть ихъ мольба. И начаша ихъ старцы, глаголя: ой, вы еси двѣнадцать дѣвицы! будьте вы трясуницы, водяницы, разслабленныя, и живите на водѣ студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Побѣгоша двѣнадцать дѣвицъ къ водѣ студеницѣ, трясуницами, водяницами, разслабленными.

Заговариваю я раба (такого-то) отъ изеушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадцать дѣвицъ въ тартарары! отъидите отъ раба (такого-то), въ лѣса темныя, да древа сухія.

110.

Заговоръ отъ всякой лихорадки. — Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Сей заговоръ не на часъ, не на день, не на недѣлю, не на мѣсяцъ, не на годъ, а на весь вѣкъ, и на всю жизнь, аминь, аминь, надъ именемъ аминь. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово, аминь. Отъ Бога, посланный Святой Апостолъ Іоаннъ Креститель во Ердане, и возмутися море отъ облакъ, изыдоша изъ моря на весь свѣтъ многое множество окаянныхъ, простоволосыхъ, безобразныхъ и скаредныхъ женъ сихъ видѣнія діавола бѣлове, онихъ же вопрошаа святой апостолъ Іоаннъ Креститель, что вы за жены, проклятой лихорадки Ирода царя и прочихъ, попросиша многихъ святой апостолъ, великій Іоаннъ Креститель, кто вы, скаредныя? куда идеши? и по что естъ бѣсови пришли? Онѣ же отвѣчаша ему: мы жены трясуницы, лихорадки, кумохи, ворчуши, дочери Царя Ирода, жены бѣсовскія, роду нечистаго насъ главныхъ двѣнадцать, злыхъ и прочихъ насъ разныхъ нѣсколько тысячъ безъ числа естъ, знаемыя и незнаемыя. Идемъ мы на всю землю, во весь міръ мучити родъ человѣческій, главы расшибати, кости ломати, сердце щемити, чувство и владѣнія отнимати, разнымъ недугамъ, немощамъ, хворобамъ, убожествамъ, скорбямъ и болѣзнямъ предавати, къ смерти приводити; чловѣковъ изнуряти и губити; кто не бережется и безъ молитвы, не благословясь ходитъ, дѣлаетъ, шетъ, ѣстъ и грѣхи разные творить, и себя не хранитъ, тотъ намъ и угодникъ, и мы въ него сами вселяемся и живемъ, вредъ и пакость творимъ, что хотимъ, что бѣсы въ чловѣкѣ тво-

рятъ, то и мы, еще вѣше ихъ творимъ. Заклинаю я и за-
прѣщаю васъ окаянныя, скверныя всѣхъ лихорадокъ име-
немъ Господа Бога нашего, Иисуса Христа, Святыя и Живо-
начальныя и Нераздѣлимыя, Единослущныя Троицы, Отца,
и Сына, и Святаго духа, аминь. Силою честнаго и Живо-
творящаго Креста Господня, и Живоноснымъ Источникомъ
Пресвятыя Владычицы Нашея Богородицы и прено Дѣвы
Маріи, и всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ, ангелами, ар-
хангелами, херувимами и серафимами, вачалами, престо-
лами, господствами, властями, силами и всѣми пророками,
и семидесятью апостолами и евангелистами и всѣми муче-
никами, преподобными и угодниками, праведниками и свя-
тыми мужеска и женска пола соборами, и ликами, векорѣ
бѣжите отъ раба Божія (имя рекъ) за то поприще въ пу-
стые лѣса, непроходимыя мѣста, иже же жилище человѣ-
комъ и скотомъ несть, аще же прослушайте мене и не по-
бѣжите отъ раба Божія (имя рекъ) и я призову и по-
прошу на васъ имя Господне Саваоа, Иисуса Христа, и
возмолися сей святыи великій апостолъ Іоаннъ Креститель
Предтеча Богу, о болящемъ рабѣ (имя рекъ): Господи, Го-
споди, Господи! избави родъ человѣческій отъ сей великой
мучительной болѣзни. Господь услыша его, молитву святаго
апостола, посла апостолу святыи крестъ и жезлъ, ему на
прогнаніе грознаго воеводу Михаила, архангела Гавріила,
Рафаила архангела, ангела Авоила, и Разоила, херувима и
серафима, пророковъ Ілію и царя Давида и Соломона, и
четырехъ Евангелистовъ: Луку, Марка, Матѳея и Іоанна
Богослова, и святыхъ чудотворцевъ и цѣлителей Кузьму и
Даміана, Кира, Іоанна, Пантелеймона и Ермолая, Самсона
и Деомида, Фокія и Анетиты, Фалелея и Трифона и святыхъ
мученикъ Θεогнію, Руфа, Антипатра, Магна, Θεодота, Фав-
масія, Фелимона, Θεостика, Артема, Факія, Θεогона, Мола,

Фому, Мемнона, Фокія, Марона, Власія, Ермолая, Кирикъ,
Іулиа и Фокинія, Прасковія Пятница, Николай Святыи,
отцы: Антоній и Θεодосій, Ізосима и Саватія, Василия Но-
ваго и Сахарія и Саханла, Діонисія нароля, Пимена и Со-
синіи, Сисона и Пафнутія и Крестіа? Андасисія? Артемія
веркольскаго, Николая чудотворца, Івана велика, Іосифа
прекраснаго и Александра Македонскаго, апостола Петра и
Павла, и учнугъ васъ разными муками мучити и тысячами
прутьями желѣзными бити и дающе вамъ, ненавидящимъ,
по тысячѣ ударовъ въ день, и по тысячѣ ранъ неисцели-
мыхъ, тяжкихъ, нестерпимыхъ; онъ же начаши вопити, ве-
ликимъ гласомъ молитися: святыя архангелы, и ангелы,
евангелисты, пророки, апостолы, мученики и святыя, пре-
подобныя отцы всѣ, не мучите насъ и отпустите насъ въ
гульбище наше, и гдѣ мы ваше святое и великое имя сіе
услышимъ и заговоръ сей кто читаетъ и читать станеть,
отъ того раба (имя рекъ) побѣжимъ, отъ роду его изнутри
его и отъ храмины его, и никакими кознями не прико-
немся за тысячу сажень. И вопрошая ихъ святыи и ве-
ликій апостолъ Іоаннъ Предтеча Креститель, архангелы, ан-
гелы, пророки, апостолы, евангелисты, мученики, святыя и
преподобныя отцы все сіи имена назвать.... (неразбрано) у
дѣвицъ бѣсовицъ, какъ нареченныя. Первая рече: имя мнѣ
есть Женнохолла и Трясовица: трясу всякаго человѣка, что
не можетъ согрѣтиса въ печи, аже жаръ и холъ великъ
творю, ознобъ, подиръ и свербу творю. Та буде проклята
Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святыми отцами,
аминь. Вторая рече: имя мнѣ: Перемѣжающая и дневная.
Мучаю ежедневно, двухдневно, трехдневно, четырехдневно и
недѣльно, мѣсячно, да аже переменяюся разными новыми
и недознанными болѣзнями и немощами человѣка мучаю, и
разныя хвори, недуги и убожества всякія навожу, я все

на свѣти, бывшія, и не бывшія новыя болѣзни творю, и открываю. И ты буде проклята Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Третья рече: имя мнѣ Безумная. Съ ума сбродить, заговаривается, все мелеть, говорить, что попало, не знаетъ людей, и спать много и мало, не пить, не ѣсть, въ ноши и на мѣстѣ спать не даю. Бѣсп, дѣвицы и бабы приступаютъ всѣ, во очехъ видется и престаивается, яже въ головѣ сажу, главу разбираю, мозги ворочаю, умъ мѣшаю, непорядокъ, дурь, припадокъ и какъ бѣснующую творю, шумъ и ломъ главѣ и слѣпоту и сны разные и многія пакости навожу. И ты буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и святыми отцами, аминь. Четвертая рече: имя мнѣ Ёсть: Переходная. Перехожу у человѣка по различнымъ мѣстамъ съ мѣста на мѣсто, ломаю кости, спину, поясницу, голову, руки, ноги; ною, сверблю, мощу, ложусь у человѣка подъ ребромъ, у сердца, поясницей, въ боку, въ животѣ, аки камень или перокъ возымаю, вздохнуть и стоя кашлять и проговорить не даю, съ души мечу, душу занимаю и зажимаю, кашель и одышку творю, сердце щемлю и ломаю, и сосу, сушу, крушу человѣка; тоску, скуку, печаль, заботу, невеселіе творю, аки бѣсъ претворяю. И та проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Пятая рече: имя мнѣ Скорбная. Человѣку разные немощи, недуги, хворости, убожества, вреды, скорби, и болѣзни всякія творю внутри и наружи и яже подобно порчи всякой дѣлаю. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Шестая рече: имя мнѣ есть Разслабѣя. Разслабляю человѣка, аки мертвая, нѣмѣютъ и дрожать всѣ члены и суставы, яже отнимаю ходъ и владѣнія безчувствія ногамъ и рукамъ, корчу руки, ноги, жилы, и сжову, нѣмоту и ко-

сноязычіе творю, умъ, память и чувство отнимаю, и многія пакости творю. И та буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Седьмая рече: имя мнѣ есть Пухлая. Надымаю и разрастаю у человѣка брюхо, аки пузырь говляжій; ноги и все тѣло отекаетъ и опухаетъ, желчь напускаю, душу занимаю, кашель и чахотку творю, гноеіе и запоръ дѣлаю. И та буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Осьмая рече: имя мнѣ Тайная: Разныя скорби и невиданныя творю, яже хитрая, мудреная, неповѣдимая, недознаемая, несказанная, неизвѣстная; никто не можетъ меня познати, и довѣдаться, и болѣзни мною творимой никакихъ врачествъ прибрати исцѣли, яже лекарствъ Божества и ничего не боюсь, сама желаю, прошу, все что хочешь принимаю и сажу, яже самая сильная крѣпкая, таюсь, кроюсь, крѣплюсь, перехожу и творю, что бѣсы творять, только отъ сего заговора изыду. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Девятая рече: имя мнѣ Бѣлая: Жаръ, и огонь великъ въ человѣки навожу, безуміе, бѣснованіе, припадки, обморокъ творю, все въ очехъ, въ головѣ разной видѣніи и слухи престаиваю, умъ, память, брожу, плачу, смѣюсь, кричу, говорю, падаю, силу, дерзость, боязнь, страхъ, пуганіе, безсоніе, мечты, бредъ, пустованіе (?) и глаголы невѣрные навожу, и прочіе козни творю. И тая буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Десятая рече: имя мнѣ есть Противная:—Ничего ненавижу, не терплю, не люблю, человѣку во всемъ надобѣаю, противъ всѣхъ горжусь, грублю, ненавиствую, злюсь, бранюсь, все въ постылъ день, нехотѣніе, нежалость и зависть, и въ смѣхъ привожу, въ позоръ, и брань и смѣхъ навожу. И та буде проклята Го-

сподомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Одинадцатая рече: имя мнѣ есть Причудница:—Въ человѣки сижую, причусь, когда меня выгоняють, чрезъ долгое время опять отрыгаюсь, прихочу, причужаю всего, пить и ѣсть хочу, а иногда не хочу, избавленія всякаго бѣгаю, ненавижу человѣка, отвращаю, отговариваю, въ очахъ сама являюсь женскимъ образомъ... (неразбрано слово), сны разные навожу, человѣка даваю, душу, и многія дѣйствія и козни творю. И та буде проклята самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Двѣнадцатая рече: имя мнѣ Смертная:—Та буде всѣхъ проклятій на болящемъ человѣкомъ страшная, плясовица, и представица, и угодница Ирода царя, та устыкнула главу Іоанна Предтечи, и принесла предъ царемъ на блюди. Она же въ человѣки сидитъ, до смерти мучаетъ разными муками, и болестями, къ смерти, пагуби и бѣдствію разному приводитъ, всякаго Божества боится, а иногда и желаетъ творить подобно порчи и бѣсному. Та буде всѣхъ проклятій самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. И прочія многія все рече: имена намъ и числа неисповѣдимыя, невчислимыя, многія тысящи есть, всякихъ разныя пакости, вреды, козни, скорби, недуги, хвори, убожества, немощи и болѣзни творимъ человѣку. И тѣя будете всѣ прокляты самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и Святыми отцами, аминь. Побѣждать въ ненавидящіе діаволы отъ роду Христа, отъ роду раба Божія (имя рекъ), призову на васъ архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, пророковъ, евангелистовъ, апостоловъ, мучениковъ, святыхъ отецъ и чудотворцевъ и прогнаны будете въ преисподней адкія мѣста, и даже скрежетъ зубный и огонь не угасимый. А Господень крестъ хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная,

крестъ царемъ держава, крестъ вѣрнымъ учрежденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ бѣсамъ язва, и вамъ окааннымъ трясовицамъ прогонитель, крестъ больнымъ исцѣленіе, главѣ, груди, души, сердцу, утробѣ, рукамъ, ногамъ, крови, тѣлу, костямъ, жиламъ, составамъ, членамъ, удамъ, частямъ и всему человѣку исцѣленіе, самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, молитвами Пресвятыя нашей Богородицы и присно Дѣвы Маріи, архангелами, ангелами, всѣми небесными силами бозилотными, пророками, евангелистами и апостолами, и всѣми преподобными мучениками, угодниками, праведниками, и всѣми святыми отцами и женами, чудотворцами. Господи Іисусе Христе Сыне Божій и помилуй грѣшнаго раба Божія (имя рекъ). Сія вода съ креста Господня, да исцѣлитъ раба Божія (имя рекъ) не лживо, истинно, во вѣки вѣковъ, аминь. (Проточной воды наговорить и съ креста найденнаго дать пить, и умываться, и на главу лить).

111.

Заговоръ отъ лихорадки. — Во имя Отца, и Сына, и святаго Духа, аминь. — Вначалѣ бѣ слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. (Написать эти слова на верхней коркѣ съ хлѣба, и давать натошакъ ѣсть три утреннихъ зарі).

112.

Отъ лихорадки. — На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ камень Алатырь, на томъ камнѣ сидятъ три старца съ желѣзными прутьями; идутъ къ нимъ на

встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.—Вы куда идете грѣшныя, окаянныя, проклятыя? «Идемъ въ Мѣръ, у людей кости ломать, да силу вынимать».—Воротитесь грѣшныя, проклятыя, окаянныя.—Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ все знать, да по три раза читать».—

(Доставилъ г. Ивановъ изъ г. Пинеги).

113.

Отъ лихорадки.—Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. При морѣ Черномъ стоитъ столбъ каменный и все тутъ стоятъ четыре Евангелиста: Іоаннъ Богословъ, Лука, Матѣй, Маркъ и ангелы Христовы, сами зрятъ на море. И вышелъ изъ моря 12 женъ сестеръ простоволосыхъ, и окаянныхъ видѣніемъ, и вопросиша ихъ святыя отцы и ангелы: что вы за жены окаянныя видѣніемъ? Куда идете? Онѣ же отвѣчаша, что идемъ искати и мучити роди человеческа. Они же начаша ихъ самихъ мучити и давали имъ по 300 ранъ по хребтамъ ихъ. И начаша окаянныя видѣнія молиться: Господи, ослабѣи намъ и гдѣ слышимъ имена ваши Святыя, то отъ того человѣка, раба Божіа, бѣжимъ прочь за семь поприщъ; и вопросиша ихъ святыя отцы и ангелы Христовы, что суть имена ваша? Онѣ же окаянныя, сказаша имена сія: Мы дщери Прода царя, и зовутъ насъ Трясовицами и имена наша: 1 Кашея, 2 Овена, 3 Каса, 4 Орыста, 5 Оледья, 6 Ломея, 7 Кашлея, 8 Корлея, 9 Пухлея, 10 Вертея, 11 Желтица, 12 Горница. И рѣкоша имъ Святыя отцы и ангелы Христовы: Съ нами Богъ, и гдѣ слышите имена наши святыя и молитвы Іисуса Христа, то, отъ того человѣка, раба Божіа, бѣгите прочь въ крутыя горы; на семь рабъ Божіемъ (имя рекъ) Христово знаме-

ніе, крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ учрежденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ покоритель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ, и утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуневъ, крестъ избавляетъ всякаго человѣка, вѣрующаго въ него, Аминь. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Рече ангелъ Господень: заклинаю васъ окаянныхъ грозными воеводами: Михаиломъ и Гаврииломъ архангелами и святыми Апостолами и Евангелистами, Іоанномъ Богословомъ, Лукою, Матѣемъ и Маркомъ, и преподобнымъ Сисиніемъ, всехъ огневицъ, трясовицъ, утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуневъ, да не прикоснется къ нему, рабу Божію (имя рекъ), аминь «Да воскреснетъ Богъ... (говорить до конца). Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ ископи Богу, вся тѣмъ быша, и безъ него ничто же бысть, еже бысть. Аминь. Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церковная, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ, жильныхъ, корчуневъ. Аминь. О великій Пророче и Креститель Господень Іоаннъ и Святыя Апостолы, Христовы Евангелисты: Іоаннъ Богословъ, Лука, Матѣй и Марко, и святіи Архистратиги Божіи: Михайле, Гаврииле и святіи Кузьма и Демьяне, и святіи 9 мученики и преподобный отецъ Сисиніи и все святіи, избавите сего раба Божіа (имя рекъ) отъ всякой болѣзни, отъ лихорадки, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ, костоломныхъ, жильныхъ корчуневъ, и изгоните изъ сего раба Божіа (имя рекъ) изнутри живота и сердца его. Аминь.

Стихъ сей прочитаетъ трижды передъ иконою, надъ водой и потомъ этой водой вымыть больного и напоить, а потомъ

будетъ онъ здоровъ.

(Выписано изъ старой рукописи И. Е. Ефименкомъ).

114.

Отъ трясовицы. — Напиши на служащей просфорѣ, дай ясти больному, сию молитву:

а) Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа; Якоже Святій Аркадій укроти львы въ пустыни, тако и то, Господи, укроти трясовицу сию въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ), всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

б) Молитву вторую напиши на бумагѣ, которую, когда болящій выносить три дня, сжечь и тотъ пепелъ выпить, растворя святою водою. (Молитва слѣдующая):

Шедшему святому, Сисению отъ горы Симойскія обрѣте бѣсина, имуща они разжены и руцѣ желѣзны и власы верблюжіе, и рече ей Святый Сисиній. — Гдѣ идешь нечистая душе и откуда еси? Она же отвѣчала ему и рече: Азъ иду юность женску изсушити, млеко остановить, и младенцы погубити, очи возвратити, а другіе родятъ глухи и вѣмы и погублю во чревѣ материномъ. Тогда помолися святой Сисеній Господу Богу, и предста ему святой архангелъ Михаилъ, ухвати ея вкова десной рукою своею и рече ей: Аще ми не кленешися, не отъидеши отъ руки моея, — она же клается ему и рече тако:

Мышца великаго Бога и непоколебленная, яко не имать ти солгати, да аще кто можетъ начитати двѣнадцать именъ моихъ, не имамъ приблизитись къ тому человѣку, ни къ дому его, а имена мои: 1-е Вященца, 2-е Бясица, 3-е Преображница, 4-е Убийца, 5-е Елина, 6-е Полобляющая, 7-е

Имарту, 8-е Урія, 9-е Изъѣдущая, 10-е Негризущая, 11-е Голяда, 12-е Налукія. И рече ей архангелъ Михаилъ: Заключинаю, проклятая сатана, Иисусомъ Христомъ, Сыномъ Маріинымъ, той изгонитъ трясовицу отъ раба Божія (имя рекъ) и отъ дому его, молитвами и заступленіемъ честныхъ небесныхъ силъ безплотныхъ, и святія причастія преблагословенныя Владычицы нашея Богородица, и присно Дѣвы Маріи, и святаго великомученика побѣдоносца Георгія и всѣхъ святыхъ молитвами; оставися трясовица отъ раба Божія (имя рекъ). Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.

Заговоры противъ зубной боли.

115.

Отъ зубной боли.—На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буинѣ, стоитъ соборная апостольская церковь, стоитъ Мать Пресвятая Богородица и преподобный Антоній, зубной исцѣлитель. Онъ просить и молить угодниковъ Божіихъ, о рабѣ Божіемъ (ими рекъ), какъ бы у васъ, угодники Божіи, зубы не болѣли, такъ бы у раба Божія (ими рекъ) зубы не болѣли. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь. (Наговори на сучекъ, или рѣдъку, или на сучекъ ели).

116.

То же.—Въ полночь, когда часы начнутъ бить 12-ть, въ то время сходи къ церкви, и укуси трижды коренную паперть, (у главнаго входа) и три раза скажи: какъ камень

сей крѣпокъ, такъ закаменѣй зубы мои крѣпче камня. (При семъ три раза плюнь и пойдй прочь и не оглядывайся, и прочти три раза. «Вѣрую»).

117.

То же.—Матушка крапивушка, святое деревцо! Есть у меня рабъ Божій (имя рекъ), есть у него на зубахъ черви, а ты онѣхъ выведи; и ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя въ третій день отпущу. (Проговоривши, крапиву, растущую на свободѣ, привязать къ низу, то есть, преклонивъ къ землѣ, и на третій день отвязать).

118.

То же.—Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Господня Храмина тебѣ не гарывать, у раба Божія (имя рекъ) зубамъ не болѣвать отъ нынѣ и до вѣку, во вѣки, аминь. (Сей заговоръ отъ зубовъ проговори трижды. Которая изба на другое мѣсто переставлена, приди и отковырь щепочку и положи на больной зубъ, какъ разъ проговоришь, избѣ поклонись).

119.

То же.—Иду я не улицею, не дорогою, а по пустымъ переулкамъ, по оврагамъ, по каналамъ. На встрѣчу мнѣ заяцъ. Заяцъ, ты заяцъ: гдѣ твои зубы? отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я не путемъ дорогою, а сырымъ боромъ темнымъ лѣсомъ. На встрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ, ты, сѣрый волкъ, гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я не землею, не водою, а чистымъ полемъ цвѣтнымъ лугомъ. На встрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты

баба, гдѣ твои зубы? возьми ты волчьи зубы, отдай свои выпалые. Заговариваю я зубы крѣпко на крѣпко у раба (такого-то), по сей день, по сей часъ, на вѣки вѣковъ.

(См. сказанія Русскаго Народа. Сахарова. Т. I. Чернокнижіе).

120.

То же.—Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряныя рожки, златыя твои ножки. Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака, моя скорбь не мала, не тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенести. Вотъ зубы, вотъ два, вотъ три; всѣ твои, возьми мою скорбь. Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня свою скорбь.

121.

То же.—Заря зарница, красная дѣвица, полуношница! въ полѣ заяцъ, въ морѣ камень, на днѣ Лимарь. Покрой ты зарница мои зубы скорбны, своею фатою отъ проклятаго Лимаря; за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы. Врагъ Лимарь, откачнись отъ меня, а если будешь грысть, мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ бездны преисподнія. Слово мое крѣпко.

122.

То же.—Если пойдешь случайно улицей, и найдешь кость бараньей челюсти, то перекрестись три раза и говори три раза: «Отче нашъ». Потомъ скажи еще три раза: «Кость ты моя, кость зубная! избави меня отъ зубной ломовой болѣзни, а я тебя избавлю отъ мокроты».—И взявъ эту кость

подоткни ее въ горницѣ, гдѣ нибудь въ сухое мѣсто, и будешь здоровъ.

123.

Т о ж е. — Каинъ! Каинъ! Каинъ! если спросить брата своего Авеля: не болятъ ли у него зубы? Нѣтъ. — Такъ бы у раба Божія (имя рекъ), нѣтъ. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь. (Наговори на соль, и клади на зубы).

124.

Т о ж е. — Говорить три раза на вино:

Яость есть островъ, Яость полонъ людей, вень при своей простотѣ и хвалитца Арханъ на Русь побывать и Русь (воевать?) и молюся я, рабъ Божій (имя рекъ), Пречистой Богородицѣ, чтобы Архану Царю на Руси не бывать, Русь не воевать; такъ бы у меня, раба Божія, (имя рекъ), зубному недугу не бывать, щекамъ не пухнуть, зубамъ не болѣть, въ полнѣ мѣсяцѣ, и въ ущербѣ мѣсяцѣ. Моимъ словамъ небо и земля — ключъ и замокъ. Аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго Сборника, полученнаго изъ с. Ваймути, Холмогорскаго уѣзда).

125.

Т о ж е. — Если у какого человѣка болятъ зубы, то берутъ щепотки въ соль и кладутъ на зубы.

Стану я рабъ Божій Н., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за дворами, во восточную сторону, по пути же мнѣ святой Авраамъ, Исаакъ, Яковъ, насупротивъ ихъ въ синемъ окіанѣ морѣ плаваетъ утоплой мертваго человѣка трупъ, а по подѣ ясному небу летить ясною соколъ. И спрашиваютъ святой Авраамъ, Исаакъ и Яковъ: что ты утоплой мертваго человѣка трупъ, не болятъ-ли у тебя зубы, не щипать ли щеки, не грызеть ли алаковъ? Отвѣтъ имъ держитъ мертвый трупъ съ синяго моря: Св. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ, у мертваго человѣка не болятъ зубы, не щипить щеки и не грызеть алаковъ, а у яснаго сокола не пришеваютъ губы, такъ же у раба Божія Н. не болѣли бы зубы, не щипали бы щеки, не пригнели губы, и не грызло бы алаковъ, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. Будьте мои слова крѣпки, какъ камень на водѣ и на землѣ, на хлѣбѣ и соли. Всѣмъ моимъ добрымъ словамъ небо ключъ, земля замокъ и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Нарядъ Устьнадеждинскаго Удѣльнаго Приказа о доставленіи въ Архангельскую Контору Этнографическихъ Свѣдѣній 1847 г. за № 60).

126.

Т о ж е. — Марфа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не ломаютъ-ли у него кости? Нѣтъ, сестрицы! не болятъ у меня зубы, не ломаютъ у меня кости. Заговариваю я раба (такого-то), чтобы у него не болѣли кости, не ломили зубы по сей часъ, по сей день, по всю жизнь. Чудо водяной! возьми зубъ ломовой у раба (такого-то). Не болятъ у раба (такого-то) зубы. Болятъ зубы у кошки, у собаки, у лисцы,

у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, по все часы, по всю их жизнь, злымъ мученьемъ и сокрушеньемъ.
(См. Сказанія Русскаго Народа, Сахарова. Т. I. Чернокнижіе).

Заговоры отъ болѣзни глазъ.

127.

Отъ боли глаза съ озѣву.—Когда кто укорить другого какимъ либо недостаткомъ глазъ, съ пожеланіемъ еще худшаго, и если укоренный подумаетъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ не случилось съ нимъ этого, тогда непременно явится боль въ глазахъ. Отъ такой боли моютъ глаза водой, въ которую наговариваютъ: «Сама себя озѣвала, сама себя окаркала, сама себя и пособию».

(Записаль Е. Ивановскій, въ Шенкурскомъ уѣздѣ).

128.

Отъ сучьяго сучка.—(Воспаленіе глазнаго вѣка). Лѣчатъ искрами, высѣкаемыми изъ огнива прямо въ больной глазъ. Искры высѣкаетъ на вечерней зарѣ старшій или

младшій въ семействѣ. Больной спрашиваетъ: «что съчешь?» Ему отвѣчаютъ: огонь огнемъ засѣкаю раба Божія Н. Больной опять говоритъ: «сѣки горазне, чтобы въ вѣкъ не было». Это повторяется три раза.

(Карманная книжка для люб. землев. Изд. Русскаго Географическаго Общества г. Верещагина, стр. 312—320.

129.

Отъ я ч м е н я.—Господи, благослови! Солнце на западъ, день на исходъ, сучекъ на глазу, на изводъ, самъ пропадетъ, какъ чело почернѣетъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ. Смачиваютъ указательный палецъ слюною и мажутъ имъ больной глазъ, приговаривая на палецъ три раза слова заговора.

(Записано въ Вологдѣ).

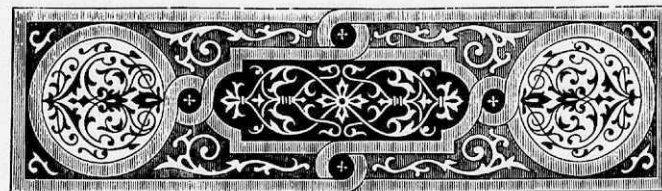
Заговоръ отъ грыжи.

130.

(Говорить на теплую воду, обданную на дресвѣ). Господи Боже, благослови. Стану я рабъ Божій Іоаннъ, благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле; есть въ чистомъ полѣ окіанъ—море и есть на окіанѣ — морѣ бѣлый камень, есть подъ бѣлымъ камнемъ щука золотая и презолотая, и кости золотыя, и приди щука къ рабу Божію (имя рекъ) и выгрызи у раба Божія (имя рекъ) своими золотыми зубами грыжу вѣтряную, грыжу напущенную, грыжу жильную, грыжу костяную, сосцовую грыжу, красную грыжу, мокрую грыжу, отъ отца грыжу, отъ матери грыжу, всякую бывающую, и спустись

грыжа къ поясу и выйди мочью и шулятами на дресвянъ камень, и поживи три часа денныхъ; и пойдѣ грыжа съ дресвяна камени на пустое мѣсто, въ темное мѣсто, гдѣ солнце не огрѣваетъ, гдѣ люди не ходятъ и не бываютъ, гдѣ птицы не летаютъ, гдѣ звѣри не заходятъ, и пойдѣ грыжа за быстрыя рѣки, и пойдѣ грыжа за гремучіе ручьи и когда будетъ Христово второе пришествіе, обратись грыжа вспять; тѣмъ словамъ во вѣки вѣковъ, аминь.

(Выписано изъ стариннаго сборника заклинаній. Въ Труды Этнографическаго Отдѣла за 1878 г.).

Заговоръ отъ жабы въ горлѣ.

131.

Въ городѣ Іерусалимѣ, на рѣкѣ Ерданѣ, стоитъ древо Кипарисъ, на томъ древѣ птица орелъ сидитъ, щиплетъ и тербитъ когтями и ногтями, и подъ щеками, и подъ жабрами у раба Божія (имя рекъ) жабу. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Святыи Духъ, аминь. Святыи Духъ, аминь. Святыи Духъ, аминь. Когда этотъ заговоръ будешь говорить, то въ это время нужно тыкать въ горло указательнымъ пальцемъ и говорить его три раза.

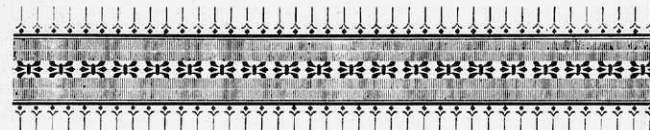

Заговоръ отъ боли въ ушахъ.

132.

Прикладываютъ дитя къ угловому кресту у избы, образовавшемуся изъ древесной сѣры отъ дѣйствія жара, и говорятъ:—уголь рубленъ и крестъ дубовъ; у того креста не болѣло, не шипѣло, ухо не вертѣло; и такъ бы у раба Божія Н. не болѣло, не шипѣло, и ухо не вертѣло, ни въ день, ни въ ночь, ни въ утреннюю зарю, ни въ вечернюю, ни на нову, ни на вѣтру и ни на перекрою мѣсяцу. Во вѣки вѣковъ, аминь.

Заговоръ отъ мужекаго безсилія.

133.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Есть святое окіанъ — море, на томъ святомъ окіанѣ морѣ есть, стоитъ островъ, на томъ островѣ стоитъ дубъ булатной, у того дуба булатнаго корени булатные, сучье булатное, вершина булатная. Кругъ того дубу булатнаго вѣтромъ не согнетъ, вихоремъ не сломить, такъ бы у меня раба Божія (имя рекъ) стояли семьдесятъ жилъ и единая жила... на женской ликъ красныя дѣвицы, на старыя бабы, на молодыя молодницы, на сивыя кобылицы. Еще же подъ тѣмъ булатнымъ дубомъ кузовъ ярости и юрости, и азъ, рабъ Божій

(имя рекъ) возьму кузовъ ярости и юности, распушу ярость и юность на раба Божія (имя рекъ) въ ретивое сердце, въ 77 жилъ и въ едину жилу сердечную, и въ едину жилу...; Еще же на верху булатнаго дуба сидитъ веселая птица пѣтухъ, ставаеъ рано, голову дымаеъ и поеъ весело, столь же бы стояли у раба Божія (имя рекъ) 77 жилъ и одна жила... ставали бы у раба Божія (имя рекъ) 77 жилъ и одна жила... ставали бы рано на женскій полкъ и на мужской, на молодыя молодицы, на красныя дѣвицы, на старыя бабы; и злого челоуѣка порчельника, кто ва меня зло думаетъ и мыслитъ, ударь его колѣнки о камень, убей его, у меня, раба Божія (имя рекъ), стали 70 жилъ и одна жила... стали лучше стараго, храбрѣе прежняго, что турей роъ, что еловой сукъ, толь бы тотъ рабъ Божій (имя рекъ) пылокъ и ярокъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Дохтуровымъ изъ с. Ракузы, Холмогорскаго уѣзда, въ Труды Этнографическаго Отдѣла, 1878 г. См. часть 2).

Заговоръ отъ бѣлой грыжи и зубовъ.

134.

Стану я рабъ Божій благословясь,
Пойду перекрестясь,
Изъ избы дверьми,
Изъ двора воротами
Во чистое поле—
Путемъ дорогою
По край синя моря.
Въ синемъ морѣ есть
Святой Божій островъ:
На святомъ Божьемъ островѣ
Святая Божья церковь;
Въ той святой Божьей церкви

Есть престолъ Господень;
На томъ престолѣ Господиѣ
Есть священномученикъ Христовъ Ан-
типа,

Испѣлитель зубной,
И безсребренники Христовы
Козьма и Даміанъ.
Помолюсь и поклонюсь рабъ Божіи
(имя рекъ):

«Священномученикъ Христовъ Антипа
И безсребренники Христовы
Козьма и Даміанъ!
Испѣлите скорбь и болѣзнь зубную
И грыжу бѣлую».

И речеть священномученикъ Христовъ
Антипа:

«Есть въ той Божьей церкви Адамово
тѣло,

Не слышетъ-ли Адамово тѣло
Звону колокольнева
Пѣнія церковнаго—
Въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи».
И отвѣщаетъ мертвое тѣло Адамово:
«Я не слышу звону колокольнева—
Пѣнья церковнаго—
Въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи,
Тильной, жильной, пуповой,
Суставной, становой, подкожной,
Ушной, глазной, зубной...».

Такъ-же рабъ Божій (имя рекъ) не слышалъ бы въ себѣ—
въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи — отъ нынѣ и до вѣка—
вѣкъ по вѣку—вѣковъ. Аминь.

(Олонецкія Вѣдомости 1867 г.).

Заговоры на разные случаи.

135.

Отъ укушенія змѣи.

На морѣ, на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ дубъ. Подъ тѣмъ дубомъ стоитъ ракитовъ кустъ, подъ тѣмъ кустомъ лежитъ бѣлый камень Алатырь; на томъ камнѣ лежитъ рунецъ, подъ тѣмъ рунцомъ лежитъ змѣя, скорпія; есть у ней сестры: Арина, Катерина. Мы Богу помолимся, на всѣ четыре стороны поклоняемся; возьмите свою лихость, отъ раба (или отъ рабы, имя рекъ), или отъ его скотины (сказанъ цвѣтъ шерсти), по сей день, по сей часъ. Крестообразно дунуть.

136.

Заговоръ отъ бѣшенной собаки.

На морѣ, на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты старица возьми свое жало и приди къ рабу (такому-то), вынь изъ раба (такого-то) жало мертвое. Заговариваю раны колючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу, на затылкѣ, на бровяхъ и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакѣ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой; сидите, во вѣки не сходите.

137.

При леченіи лошади.

Стану по утру, по раннему, по вечеру, по позднему, выйду на сильный вѣтеръ, на легкій воздухъ, возьму я осинову вичку (вѣтку), пойду я къ доброму хозяину на честенъ пиръ. Изъ—подъ лѣвой ноги, изъ—подъ праваго копыта обложу и обвяжу кругомъ обнесу, чтобы былъ по старому, по прежнему, чище и лучше, чтобы болѣе не дула, куда-бы не поѣхали.

138.

Чтобы скотина стояла смирно во время доенія.

Помяни Господи царя Давида и всю кротость его; укроти, Господи, корову сію крѣпостями своими. Во имя Отца,

и Сына, и Святаго Духа, аминь. Утренняя заря Марія, вечерняя Маремненія, утолите мою тоску—кручину, нынѣ, и и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь.

139.

Заговоръ на путь—дороженьку.

Бѣду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дальнія мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зарямъ; умываюсь ледяною росой, утираюсь, облекаюсь, облаками, опоясываюсь чистыми звѣздами. Бѣду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растеть одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки. Одолень-трава! одолѣй ты злыхъ людей: лихо-бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили, отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень-трава! одолѣй мнѣ горы высокія, доли низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пенки и колоды. Иду я съ тобою, одолень-трава къ Окіанъ-мору, къ рѣкѣ Іордану, а въ Окіанъ-морѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ, лежитъ бѣлая горючъ камень Алатырь. Какъ онъ крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не поднимались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣлая горючъ камень Алатырь. Спрячу я тебя, Одолень-трава, у ретивова сердца, во всемъ пути, во всей дороженьки.

140.

Заговоръ отъ лихаго человѣка.

Иду я по чистому полю, на встрѣчу мнѣ семь бѣсовъ съ полудухами, всѣ черные, всѣ злые, всѣ нелюдимиы.

Идите вы духи съ полудухами, къ лихимъ людямъ. Держите ихъ на привязи, чтобы я отъ нихъ былъ цѣлъ и невредимъ по пути и дорогѣ, во дому, и лѣсу, въ чужихъ и родныхъ, во землѣ и на водѣ, во обѣдѣ и на пиру, въ свадьбѣ и на бѣдѣ. Мой заговоръ дологъ, слова мои крѣпки, кто слово испровержетъ, ино быть во всемъ на иново, по худу, по добру, какъ во преди сказано.

(См. Сказанія Рус. Нар. Сахарова. Томъ I. 1841 г.).

141.

Заговоръ на разлученіе.

Черть идетъ водой, волкъ идетъ горой, они вмѣстѣ не сходятся, думы не думаютъ, мыслей не мыслятъ, плоды не плодятъ, плодовыхъ рѣчей не говорятъ. Такъ бы у раба Божія (такіе-то), мысель не мыслили, плодовъ не плодили, плодовыхъ рѣчей не говорили, а все бы, какъ кошка да собака жили.

(См. Труды Этног. Отдѣла кн. V, выпускъ II. 1878 г. Сообщено г. Ивановымъ изъ г. Пинеги).

142.

Заговоръ отъ дьявола.

Отъиде дьяволе отъ храму и отъ дому сего, отъ дверей и отъ всѣхъ четырехъ угловъ. Нѣтъ тебѣ, дьяволе, части и участія, мѣста и покою, здѣсь крестъ Господень, Матерь Христова, пресвятая Богородица, святой Петръ, святыя Евангелисты, Іоаннъ, Лука, Маркъ, Матѣей, св. Архангелъ Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ, Уріилъ, Угасилъ, Егудилъ,

Варахаилъ. Силы небесныя ликовствуютъ, здѣсь святыя Херувимы и Серафимы, святой Михаилъ нынѣ по всей вселенныя, по нихъ же полки держитъ святой Петръ, палицу держа. Здѣсь Рождество Предтечи, здѣсь тебѣ дьяволе, нѣтъ части и участія, мѣста и покою, не дѣлай пакости, дьяволе, всему мѣсту и дому и человѣку, и скоту, и вѣмъ рабамъ Божиимъ, бѣги отсюда во адъ кромѣшный, гдѣ твой настоящій пріютъ и тамо да обрѣтайся. Слово мое крѣпко, яко камень, аминь, аминь, аминь.

(Изъ рукописной тетради Г. Григорія Данилова Книголюбца).

143.

Противъ черта.—(о святкахъ).

Въ Святки отправляются на розстанъ, очертываются три раза, приговаривая за каждымъ разомъ: «За три черты, чертъ не ходи!» потомъ слушаютъ, что чудится.

144.

Къ домовому при покупкѣ скота.

Купивши скотинку, крестьянинъ молится вмѣстѣ съ продавцемъ Богу, творить молитву Іисусову, три раза обводитъ вокругъ себя коня, не смѣя держать узды голыми руками и говорить: «Вотъ тебѣ хозяйнушко, мохнатый звѣрь, на богатый дворъ, пой, корми, рукавичкой гладь!» (Записалъ священникъ Таратинъ въ селѣ Курьѣ, Холмогорскаго уѣзда).

145.

Отъ нечистаго.

Отъ Духа Святаго, причастника Христова, Спасова рука, Богородицынъ замокъ, Ангелъ мой, сохранитель мой! Сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое; врагъ сатана! поди прочь отъ меня. Есть у меня три листа, написано все Маркъ, да Лука, да Никита великомученикъ; за грѣхи душу мучить, за меня Бога молить.

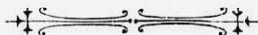
(Доставлено въ Труды Этногр. Отд. Св. Грандильевскимъ изъ села Емецка, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи).

146.

Заговоръ отъ порчи.

Выгоняю я рабъ Божій изъ рабины Божіей (имя рекъ) всякаго нечистаго духа именемъ Господнимъ, Духомъ Святымъ, крестомъ животворящимъ, травю лютой, молитвами святыхъ, посылаю адскаго князя; выведи изъ сей рабины (имя рекъ) своего нечистаго духа и дай опять старому хозяину, приberi опять на свои прежнія руки, пошли его въ морскую глубину, заключи его на вѣки въ морской глубинѣ тремя ключами желѣзными, тремя замками булатными, запечатай его тремя печатями Соломоновыми, заключи его тремя заклятіями Господними, а ты нечистый духъ не стани рабинами (рабиниными вѣроятно) телесами въ правдѣ...

(Вывано, къ сожалѣнію, страница изъ рукописной рукописи г. Гр. И. Боголюбова).

Л Е Г Е Н Д Ы

И

СТИХИ.

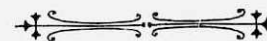

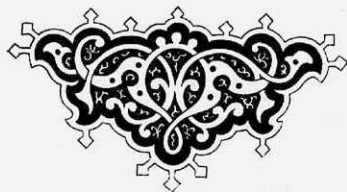
*Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, окіянь море!
Ширь-раздолье по всей земли.*

1.

Воскреснетъ Небесный Царь,
И вознесется рука Его
И рука Его до вышній небеса!
Егда будетъ страшный судъ:
Вострубить въ трубы ангелы—
Въ трубы позлащеныя.
Ужаснется вся вселенная;
Померкнетъ красное солнышко,
Потемнѣетъ свѣтель мѣсяць,
Падутъ звѣзды на землю,
Яко листіе со древа.
Престолы поставятся,
Вси книги поразгибнутся,
Дѣла наши прочитаются,
Всѣ грѣхи объявятся.

2.

О Михайлѣ Архангелѣ. *)

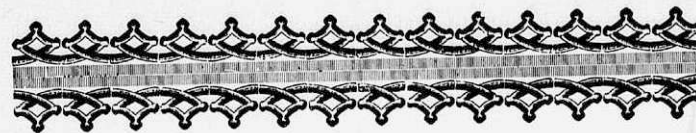
Спустится на землю Судья Праведный—
Михайло Архангелъ—свѣтъ
Съ полками, онъ, съ херувимскими,
Съ херувимскими и серафимскими,
Со всею, онъ, силою, небесною,
И со трубою, онъ, златокованною.
И первый, онъ, разъ вострубитъ:—
И души въ телѣса пойдутъ;
Второй, онъ, разъ вострубитъ:—
Отъ гробы мертвые встанутъ;
Въ третій разъ вострубитъ—

*) Записано мною лично отъ слѣпаго Никуличева, въ г.
Кадниковѣ.

Всѣ на Судъ Божій пойдутъ.
 И праведные идутъ по правую руку,
 А грѣшныя—по лѣвую.
 У праведныхъ лица—хорошія;
 На главахъ волосы,—какъ лучи свѣтлы;
 А у грѣшныхъ—лица всѣ черны;
 У грѣшныхъ волосы—словно стрѣлы стоятъ.
 Праведные идутъ, все стихи поютъ
 Херувимскіе и Серафимскіе,
 Величаютъ Христа, Царя Небеснаго,
 Пресвятую, они, Матерь Богородицу.
 Величаютъ они Михайла Архангела:
 «Не возможно-ли, батюшка,
 Михайло-Архангелъ—помиловать?»
 Отвѣчаетъ Михайло Архангелъ со ангеламъ:
 «Проходите, рабы крещенные, души вѣрные,
 Уготовали вы царство небесное». —
 А грѣшныя идутъ,—сильно плачутъ,
 Плачутъ они, да и рыдаютъ,
 Ко Михайло Архангелу причитаются:
 —«Не возможно-ли насъ, батюшка,
 Михайло-Архангелъ—помиловать!
 И дайте намъ годы урочныя:
 Столько годовъ, сколько въ морѣ песку». —
 Отвѣчаетъ Михайло Архангелъ свѣтъ имъ со ангелами:
 — «Отойдите, злые, окаянныя!
 Бѣлый свѣтъ вамъ на волю данъ былъ.
 Сами вы себѣ мѣсто уготовили,
 Мѣсто—муку вѣчную и тьму кромѣшную!»
 Рѣче Михайло Архангелъ чудотворецъ:
 — «Ангелы вы мои, архангелы!

Берите прутья желѣзные,
 Гоните вы злыхъ—окаянныхъ,
 Гоните ихъ въ рѣку огненную,
 Засыпьте ихъ пескомъ,
 Завалите досками, да чугунами,
 Не чуть-бы отъ нихъ—ни пещу, ни вереску,
 Ни зубнаго-бы скрежета!»
 Они идутъ да слезно плачутъ,
 Ко сырой землѣ припадаютъ:
 —«Зачѣмъ вы насъ отцы-матери спородили?!
 Лучше-бы насъ на родахъ растоптали!
 И ко страху Божьему вы насъ не учили!»

3.

Стихъ о лѣни. *)

Слово Іоанна Златоустаго!
Братіе, вы долго не спите,
Много не лежите,
Вставайте вы рано,
Ложитесь поздно.
Лежа вамъ добра не видати
И грѣховъ не очистити.
О, горе таковому лѣнивому?

Лѣнивому милу не быватьи,
Лѣнивому въ судьяхъ не живати,

*) Этнографическій Сборникъ. Стр. 31.

Лѣнивому сладкаго на ѣдати,
Лѣнивому брашнаго не пивати.

Лѣнивому сряднаго не уносити.
О, горе такому лѣнивому!

У лѣниваго за плечами камень,
На плечахъ—тараканы.
О, горе такому лѣнивому!

Лѣнивый какъ пьяная свинья по грязи валяется
И объ уголь она чешется.
О, горе такому лѣнивому!

Лѣнивый—атъ, какъ пестъ, по улицѣ шатается,
И людямъ—то онъ завидуетъ;
На чужое добро онъ надѣется,
И на окна онъ глядитъ.
О, горе такому лѣнивому!

Лѣнивый—атъ, какъ червь капусту точить.
О, горе такому лѣнивому!

Навыкъ-же лѣнивый чужими трудами кормиться.
О, горе такому лѣнивому!

Лѣнивый—атъ дому не хозяинъ,
И дѣтямъ своимъ не отецъ,
И женѣ своей не мужъ.
О, горе такому лѣнивому!

Лѣнивый—атъ, какъ трутень по печи валяется,
И спать онъ не просыпается;
Онъ и проснется, Богу не молится;
Что и знаетъ, да не прочитаетъ.
О, горе такому лѣнивому!

У лѣниваго во бродѣ посмѣшество,
На языкѣ гордость,
Во главѣ его уныніе,
На сердце его печаль.
О, горе такому лѣнивому!

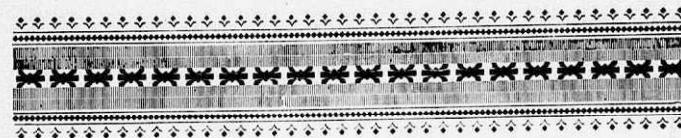
У лѣниваго сатана гнѣздо въ сердцѣ свила.
О, горе такому лѣнивому!

На лѣниваго бѣды и напасти,
Яко свѣтъ на главу его летитъ.
О, горе такому лѣнивому!

Не наследовать лѣнивому царствія небеснаго.
О, горе такому лѣнивому!

Наслѣдовать лѣнивому злу муку превѣчную.
О, горе таковому лѣнивому!

—
Объ лѣннихъ рабахъ самъ Господь Богъ не печется.
Отъ великой лѣнности избави Господи и помилуй!

4.

Стихъ о книгѣ голубиной *).

Во градѣ было во Иерусалимѣ,
При царѣ при Давидѣ Іесеевичѣ,
При его сынѣ, при Соломонѣ,
При старцѣ было при Захаріи
Кабы съ той страны восточной,
Съ другой страны съ полуденной
Воздвѣяло чудо дивное:
Восходила туча сильная грозная,
Изъ той тучи сильной грозной
Выходила книга голубиная,

*) Лѣтописи русской литературы, стр. 64.

Божественная книга евангельская.
Ко той книгѣ ко божественной
Сходились, собирались
Сорокъ царей, все царевичей,
Сорокъ князей, все князевичей,
Сорокъ поповъ, сорокъ дяконовъ,
Много народу людей простыхъ,
Християнъ православныхъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто къ божіей не прикоснется.
Приходить ко книгѣ премудрый царь
Премудрый царь Давидъ Іесеевичъ,
До божіей до книгѣ (sic) онъ доступается;
Предъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.
Еще приходитъ ко книгѣ Малодуморъ князь,
Малодуморъ князь Малодуморычъ.
«О ты славный нашъ премудрый царь,
Премудрый царь Давидъ Іесеевичъ!
Прочти, государь, книгу божію,
Объяви, государь, дѣла божіи,
Про наше житіе свѣто-вольное:
Отъ чего у насъ свѣтъ начался?
Отчего у насъ солнце красное?
Отчего у насъ свѣтеть мѣсяць?
Отчего у насъ звѣзды ясныя?
Отчего у насъ ночи темныя?
Отчего у насъ зари утреннія?
Отчего у насъ вѣтры буйныя?
Отчего у насъ умъ—разумъ?
Отчего наши помыслы?
Отчего сей миръ и народъ?

Отчего кости крѣпкія?
Отчего тѣлеса наши?
Отчего кровь руда наша?»
Отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давидъ Іесеевичъ:
«Эта книга великая:
Долиной книга сороку сажень,
Шириной книга тридцати сажень
Приподнять книгу—не поднять будетъ,
По строкамъ глядѣть—всю не выглядѣть:
Я по старой своей по памяти
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ,
По старому по писанному.
У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Солнце красное отъ лица Божіаго.
Самаго Христа, царя небеснаго;
Свѣтеть мѣсяць отъ грудей божіихъ,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Звѣзды свѣтлыя отъ ризъ божіихъ,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Вѣтры буйныя отъ Святаго Духа,
Самаго Бога Вышняго;
Зори утреннія отъ очей Господнихъ,
Самаго Христа, царя небеснаго;
У насъ умъ и разумъ
Самаго Христа, царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ;
У насъ миръ народъ отъ Адама,
Кости крѣпкія отъ камня;

Телѣса наши отъ сырой земли,
Кровь наша отъ черна моря». —
Какъ проговорить Володуморъ князь:
«Премудрый ты царь, Давидъ Іесеевичъ!
Скажи ты намъ, повѣдай:
Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Кая церковь всѣмъ церквамъ мати?
Кая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
Кая гора всѣмъ горамъ мати?
Кое древо всѣмъ древамъ мати?
Кая трава всѣмъ травамъ мати?
Которая рыба всѣмъ рыбамъ мати?
Которое море всѣмъ морямъ мати?
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Которая птица всѣмъ птицамъ мати?»
Отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давидъ Іесеевичъ:
«Бѣлый царь надъ царями царь,
Что онъ принялъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную богомольную,
Стоить за вѣру христіанскую,
За домъ пресвятыя Богородицы;
Всѣ орды ему поклонилися:
Потому бѣлый царь надъ царями царь.
Который городъ всѣмъ городамъ отецъ?
Іерусалимъ градъ всѣмъ городамъ отецъ.
Потому Іерусалимъ городамъ отецъ,
Что стоитъ онъ среди земли свѣту бѣлаго.
Почему церковь всѣмъ церквамъ мати,
Потому церковь всѣмъ церквамъ мати,
Что въ ней церкви соборной,

Въ соборной богомольной
Стоить гробница бѣла каменная:
Въ той гробницѣ бѣлокаменной
Почивало тѣло самаго Христа,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Потому церковь всѣмъ церквамъ мати.
Которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
Іорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
Почему Іорданъ всѣмъ рѣкамъ мати?
Окрестился Христосъ отъ Іоанна Крестителя
При всѣхъ силахъ небесныхъ:
Потому Іорданъ всѣмъ рѣкамъ мати.
Которая гора всѣмъ горамъ мати?
Фаворъ гора всѣмъ горамъ мати;
На той горѣ на фаворетѣй
Преобразился Господь,
Показалъ ученикамъ славу свою:
Потому Фаворъ всѣмъ горамъ мати.
Которое древо всѣмъ древамъ мати?
Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати;
Потому кипарисъ древамъ мати:
Жиды Христа распяли
На томъ древѣ кипарисѣ
Съ Пилатомъ, съ книжниками и фарисеями;
Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати.
Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати;
Потому она всѣмъ травамъ мати:
Когда шелъ Христосъ на распятіе,
Мать пресвятая Богородица
На сырой земли стоячи
Плакала, рыдала,
Ронила слезы на сырую землю:

Отъ тѣхъ отъ слезъ пречистыхъ
Зарождалась плакунъ трава:
Потому плакунъ всѣмъ травамъ мати.
Которая рыба всѣмъ рыбамъ мати?
Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати;
Потому китъ всѣмъ рыбамъ мати,
Что основана земля вся на ней:
Когда она потронется, то земля поколеблется;
Потому китъ всѣмъ рыбамъ мати.
Окіянь море всѣмъ морямъ мати;
Потому окіянь всѣмъ морямъ мати:
Выходила церковь соборная
Святаго Климента, папы римскаго;
Въ той въ соборной церкви,
Въ соборной богомольной
Явилась книга самаго Христа,
Самаго Христа, царя небеснаго:
Потому окіянь всѣмъ морямъ мати.
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Индрикъ всѣмъ звѣрямъ отецъ.
Потому индрикъ всѣмъ звѣрямъ отецъ:
Ходитъ онъ по подземелью
Пропущаетъ рѣки, кладязи студеныя,
Живетъ онъ во святой горѣ
И дѣтей выводитъ во святой горѣ.
Которая птица всѣмъ птицамъ мати?
Истрофилъ птица всѣмъ птицамъ мати:
Живетъ она на синемъ морѣ,
Топитъ она корабли гостинныя
Съ товарами драгоценными:
Потому и всѣмъ птицамъ мать.
Пьетъ она и ѣстъ изъ синя моря

И дѣтей выводитъ на синѣ морѣ».
Проговорилъ Володуморъ князь,
Володуморъ князь Володуморычъ:
«Премудрый ты царь Давидъ Іесеевичъ!
Мнѣ вечеръ много сна видѣлось:
Будто два звѣря сходилися,
И бѣлъ заяцъ и сѣръ заяцъ;
Промежду себя они дралися».
Отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давидъ Іесеевичъ:
«Не два звѣря сходилися,
Не бѣлъ заяцъ и не сѣръ заяцъ:
Сходилися правда съ кривою;
Правда кривду переспорила;
Кривда оставалась на сырой землѣ,
А правда пошла на небо.
Къ самому Христу царю небесному.
Кто будетъ кривдой жить,
Тотъ отчаянный отъ Бога;
Та душа не наслѣдуетъ
Себѣ царства небеснаго;
А кто будетъ правдой жить,
Тотъ причастенъ ко Господу;
Та душа наслѣдуетъ
Себѣ царство небесное».
Старымъ людямъ на послушаніе,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давиду Іесеевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

5.

Молитва Св. Іосафа *).

І.

Боже отче Всемогуще,
Боже Сыне Присносущне,
Боже Душе Параклите,
Многозарный міру Свѣте;
Въ тріехъ лицѣхъ пребывая,
Существо си чтожде зная!
Къ тебѣ, грѣшный, прибѣгаю,
Многи слезы проливаю;
Благоволи мя Ты пріяти,
Тебѣ Богу работати;
Донележе даси жити,

*) Этнографическій Сборникъ, стр. 36.

Хочу Твой рабъ выну быти.
Тебе ради миръ лишаю,
Царство и други оставляю;
Честный вѣнецъ мнѣ ничтоже,
Тебе ради Христе Боже;
Нѣсть ми воли царствовать,
Много богатство содержать;
Во уметы вси вмѣняю,
Тебе, Христе, подражаю
Изъ палаты свѣтлы иду
Въ лѣсы темны обитати.
Изъ града гряду въ пустыню,
Любя зѣло въ ней пустыню;
Яко Твоя воля будетъ,
Дажь, да Твой рабъ въ ней пребуду;
Тебѣ выну работая,
Въ совершенства поступаю.
Кромѣ Тебе мнѣ ничто-же,
Лѣтъ творити благо, Боже
Ты ми путь мой Самъ направи,
Да живу Ти, Самъ настави;
Вся надежда моя къ Тебѣ,
Ты спаси мя, живой въ небѣ,
Ты-же дебре и пустыни,
Прими мя въ пустыни,
Безмятежно въ тебѣ жити,
Богу живу послужити;
Иду на утрѣ ты обитати,
Ты ми буди, яко мати;
Питаючи съ древесъ плоды
И дивными былии роды;
Сладки чаши оставляю,

Токовъ Твоихъ водъ желая,
Да возмогу отъ тѣхъ пити,
Потоки отъ очей слезъ точити.
Грѣхи моя омывая,
Бога въ милость преклоняя;
Мира славу, сребро, злато,
Цѣнно имамъ, яко благо;
Точію то ми есть требѣ,
Что намъ Господь хранитъ въ небѣ
Того хочу изъискати,
Скорби и нужды злострадати;
Труды многи положить,
Токмо дабы въ тебѣ жити:
Тѣснымъ путемъ ити тщуся,
Да въ пространствѣ водворюся;
Свѣтло небо, въ немъ же сладость,
Безконечная вся радость;
Звѣрей дивниихъ изъ не боюся,
На Христа я надѣюся
Яко имать укротити,
И подастъ ми мирно жити.
Тѣхъ ми паче умни звѣри,
Страшни иже зли безъ мѣры
Ибо душу убиваютъ,
Егда оу въ грѣхъ прельщаютъ.
Но и отъ тѣхъ мнѣ Спаситель,
Христосъ будетъ защититель,
На Ны же весьма уповаю,
Всего Ему мя вручаю.
Желаю же Варлаама зрѣти,
Дабы жити намъ купно,
Да имъ и наставляюся

Еъ Богу живу я спасуся;
Онъ мя къ Богу примирилъ есть,
Свѣтомъ правды просвѣтилъ есть,
Онъ жи ми жизни вождь да будетъ,
Съ нимъ духъ мой выну пребудеть;
Съ нимъ вѣкъ жити гдѣ желаю,
Но смерти быти—чаю;
О! даждь Христе, получитьи.
Съ Варлаамомъ здѣсь мнѣ жити.
И по смерти пою славу,
Въ свѣтломъ небѣ Бога Отца величаю,
Духа Святаго прославляю;
И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ,
аминь.

6.

Стихи о временахъ антихристо-
выхъ.

II.

По грѣхамъ нашимъ, на нашу страну
Осѣни облакъ зѣло мрачный;
Постигла насъ тьма несвѣтимая,
Солнце угаси свѣтлая,
Свѣтъ свой не лви,
На лица земли;
Прежде вечера, въ часы дневные,
Наступила ночь зѣло темная;
Луча измѣни естество свое,
Свѣтлая луна во тьму преломися;

Звѣзды въ небеси
Свѣтъ свой угаси,
Земля и вода свой плодъ сократи;
Паде съ небесе снопъ горящій,
Пшеницу сломи несозрѣлую;
Изъ разсѣлинь горы каменны
Изыде змій многоглавый,
И со многими крокодилами,
Огради стадо овецъ мысленныхъ,
Умертви овцы и со пастыри.
Обогрись земля отъ овецъ крови,
Возмерде воздухъ отъ овецъ плоти;
Премѣни море естество свое,
На себѣ зря тѣлеса святыхъ;
Наступи зима зѣло лютая,
Уби виноградъ всеселеній.
Духъ Антихристовъ возвѣя на насъ,
Смути вѣру всю православную,
Оскверни души христіанскіи.
Въ тая времена во плачевная
Всякая душа православная
Не могла пребывать безъ рыданія.
И нынѣ о томъ воспомянетъ кто,
Каковыхъ святынь мы лишимся!
Живемъ, грѣшніи, по своей волѣ,
Не слышимъ нынѣ гласа пастырей,
Наставляющихъ ко спасенію,
Въ число времени настоящаго,
Измѣненія тривременнаго,
Треволненія всегубительна,
Благочестія нарушенія,
Церковнаго колебанія

Отъ самаго основанія,
Богословія противленія.
А мы, грѣшніи, за грѣхи наша,
Послѣ сихъ временъ породилися;
Живемъ, грѣшніи, по своей воли,
Живыхъ насъ гробамъ, что не пре-
дали!

Не видали бы плачевныхъ дней,
Не терпѣли бы глада нужнаго.
Не имѣемъ мы покаянія
Умираемъ безъ причастія,
Лишаемся мы жизни вѣчна!
Въ чемъ надежда наша ко спасенію?
Мы скитаемся еси безъ пастырей,
Отъ лютыхъ звѣрей пядями.
Аще помяну благочестіе,
Когда процвѣтала кринъ церковный;
Не могу пребыть безъ рыданія,
Солнечна луча зайде отъ пророкъ,
Дневный нашъ свѣтъ тмою ослѣни,
Духъ антихристовъ всѣхъ насъ возвѣри.
Богъ дастъ имъ мѣста нарочитыя!
Изушила воля память смертную,
Вкоренила въ сердцѣ прелесть земную;
До конца тлѣетъ благочестіе;
Лихомцы вси грады содержатъ;
Немилосердные въ грѣхахъ первіи,
А смиренные отъ градовъ бѣжать,
Слезно плачутся — негдѣ скрытися;
На мѣстахъ пути зліи наставницы,
Православніи вси погреблены;
Отъ отечества вонъ выгнаны,

Отцы братію ненавидимы,
 Всѣмъ сродными оклеветаемы,
 Вдовы и сироты обижены,
 Беззаступныя во изгнаніи,
 Духовный законъ съ корене ссѣлъ,
 Законъ градскій въ конецъ истребленъ,
 Въ закона мѣсто водворилося
 Беззаконіе и нечестіе;
 Миръ съ любовію остави землю,
 Блудъ со злобою и нечистота
 На мѣсто любви водворилися.
 Во страны языкъ уклонилися.
 Трезвость и постъ съ воздержаніемъ
 И растлѣніемъ затворилися;
 Пьянственные дома съ объядѣніемъ
 И веселіемъ водворилися;
 Съ пути христіанскаго совратилися
 Къ обычаямъ странъ поганыхъ.
 Любезно вси склонилися—
 Вперися, душа, крылы легкими,
 Растерзай своя мрежа тлѣнная,
 Вскорѣ возлѣтай выспрь подъ облаки,
 Протирай очи свои мысленны,
 Взираи по городамъ равнымъ образомъ
 Постигай соборъ малъ оставшій,
 Христіаны съ мѣстъ всѣхъ изгнаны,
 Отъ отечества отлученныя,
 Въ горахъ каменныхъ пребывающихъ
 Прахомъ, пепломъ покрывающихъ.
 Не страшись, душа, страха тлѣннаго,
 Поминай, душа, страхъ вѣчный,
 Возверзи печаль свою на Господа,

Предай самъ себя въ руцѣ Божіи.
 Наведи воды изъ очей своихъ,
 Омывай черноту свою грѣховную,
 Самовластіемъ очерненную;
 Вѣрою наступи на главу зми.
 Любовію зри къ Самому Богу!
 Стадо мысленно звѣрми разплѣни;
 Лучъ церковный тмою помрачи;
 Церкви Божіи затворилися,
 Какъ овощи всѣ явились;
 А мы, грѣшніи, за грѣхи наши,
 Отъ ходу ея отлучилися.
 Ликъ святителей не видимъ нынѣ,
 Чинъ священническъ сребромъ весь плѣненъ;
 А мы, грѣшніи, словесны овцы,
 Скитаемся мы въ дивѣй пустыни,
 По горахъ, стезямъ по каменнымъ,
 Питаемся мы лакомъ горкімъ,
 Питіе пьемъ отъ очей слезы,
 Уязвляемся крокодилами,
 Неистови владѣютъ нами!
 Вавилонская любодѣица
 Отъ своей чаши напоила насъ,
 Растлѣніемъ прельстила весь міръ,
 Сластолюбіемъ, славолюбіемъ,
 Сребролюбіемъ почтила всѣхъ,
 Горделивыхъ всѣхъ честныхъ нарече,
 На сѣдалищахъ первыхъ учини,
 Соборъ нищихъ всѣхъ возненавидимъ бысть;
 Сродникъ бѣдныхъ возгнушались,
 А съ богатыми погаными вси сроднились;
 Отцы чадъ своихъ возгнушались,

Честь къ родителямъ мимо идетъ,
Солнце къ вечеру приближается,
Тому дни конецъ познавается.
Что еще нынѣ ожидать будемъ?
Слово Божіе совершается
И пророчество все исполняется.
Страхъ Антихристовъ устрашаетъ міръ,
Милосердая вся вѣщаетъ къ нимъ,
Облакъ свѣтлый тмою поирачи,
Лѣта, времена, то все премѣни,
Соборъ святыхъ въ концѣ низложи,
Изъ дальнихъ странъ возврати,
Во изгнаніи всѣхъ тѣхъ осуди,
Живущихъ внутри и тѣхъ улови,
Милость съ лестію пометаетъ въ міръ,
А свою злобу открываетъ имъ.
На пути знаки вопрошаеми,
Не имущіи знакъ возвращаеми.
Мало кто избѣгнетъ его руки,
Развѣ тоѣмъ той, имущій крылѣ,
Парить мысленно въ мѣста дальныя,
Горы съ холмами, въ мѣста каменны,
Будутъ Богомъ тамъ еси спасаеми.
Тому Христу надежею вся воспріемлеши. Аминь.

7.

III.

Кто-бы, кто-бы мнѣ построилъ—
Во темныхъ лѣсахъ келью?
Гдѣ-ка люди-то не знаютъ,
Гдѣ-ка звѣри-тоне ходятъ,
Гдѣ-ка птицы не летаютъ.
Мы ушли-бы, мы укрылись,
Отъ мірскаго отъ соблазну,
Отъ Антихристовой сѣти!
Какъ на нынѣшнее время,
Наконецъ-отъ будетъ вѣку,
Будутъ трусы и мятежи,
Будутъ лживые пророки.
Проречетъ-же Самъ Господь Богъ
Своимъ пречистыми устами:
Вы, любимыя мои дѣти,
Православные христіане,
Вы не весело живите,
И не щепетко носите,
Не забы Бога ходите;
Народится сынъ пагубный,
Онъ отъ дѣвки отъ Жидовки;
Онъ отъ Данова кодѣна,
Онъ отъ матери Магданы;
Народится онъ, нацарится,
Онъ размететъ свои сѣти,

По всей области вселеннѣй;
Онъ станетъ всѣхъ прельщати,
Въ свои сѣти уловляти.
Ой вы стойте, мои свѣты,
Вы за крестъ и за молитву
И за вѣру христіанскую.
Ой вы, сильные, боритесь,
Немощные уходите
Вы во горы, во вертепы,
И во пропасти земныя;
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы песками и пеплами;
Не уморю я васъ, мои свѣты,
Голодною я васъ смертью;
Напою я васъ, мои свѣты,
Едною капелькой дождевой;
Накормлю я васъ, мои свѣты,
Единой крошечкой Христовой. Аминь

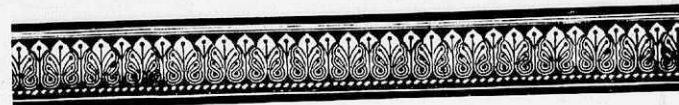
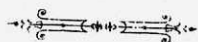
8.

IV.

Охъ ты, время, время злое,
Время злое да остальное;
Какъ еще того будетъ злѣя да остальнѣя,
Какъ родится духъ нечистый,
Злой, нечистый духъ, Антихристъ.
Онъ отъ дѣвки отъ Жидовки,

Отъ нечистыя блудницы.
Когда начальство будетъ Риму,
Тогда горе будетъ міру;
А онъ богомъ самъ назовется,
Онъ на царство нацарится.
Такое время намъ настало,
Попущеніе Бога Святаго!
И страсти и боязни пришли,
На насъ вси во казни;
Охъ, увы, намъ будетъ горе:
Вси изсохнутъ рѣки, море;
Такъ увязнутъ деревья,
Намъ явятся ложна чудеса,
Что начнутъ кричати,
Пріемши его печати,
Ой, Владыко Отецъ,
Пріими своихъ избранныхъ овецъ;
Вонми нашъ вопль и крикъ,
Утоли печаль велику;
Охъ! увы друзья мои, братцы,
Пайдутъ звѣри плотоядны;
Будутъ громы, шумы, вѣтры,
На путѣхъ бездны мертвы;
Не будетъ источникъ востоку,
Пойдутъ на западъ, какъ наступать.
Сильны глады изомрутъ
Стары и млады, что не будетъ
Въ церквахъ требы;
И померкнетъ солнце въ небѣ!
Не было страсти отъ вѣка,
Не дастъ луна свѣта;
Не сіяютъ звѣзды мракомъ

Кто помянетъ свято имя,
Всюду будутъ гонимы
Отъ туги и печали;
И день къ вечеру скончати
Нѣту въ слезахъ мочи,
Когда пройдючи,
Нѣту въ скорбѣхъ утѣхи,
Непріятны игры и смѣхи.
Аще другъ друга встрѣчаютъ,
Горьки слезы проливаютъ;
Изомрутъ матери на младенцахъ.
То куда намъ будетъ дѣться?
Какъ въ домѣхъ и путѣхъ страшно,
Но не будетъ намъ грѣшнымъ брашно;
Станемъ вопити и кричати,
Какъ избыти его печати,
Наши грѣхи и пороки,
И снѣдутъ трисвятыя пророки.
Они станутъ вѣщати
Не имѣть его печати.
Когда все провѣщаютъ,
Онъ жизнь имъ скончаетъ!
Разоставитъ онъ заставы,
Не могутъ скрыться и млада и стары
Они начнутъ хватати,
Къ своей вѣри прибавати;
А его слуги люты
Намъ наносятъ зельны муки. Аминь.

9.

Пѣсня о двухъ братьяхъ Лазаряхъ, которую поютъ нищіе *).

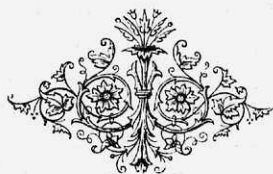
Жили да были на вольномъ свѣту,
На вольномъ свѣту, на подсолнышномъ
Два братца, да два и Лазаря.
Богъ ихъ надѣлилъ не однимъ счастьемъ:
Большаго-то брата богатствомъ,
А младшаго-то брата убожествомъ.
Заводилъ богатый преогромный пиръ;
Съѣзжались къ богатому князю да бояре,
Князю да бояре, да богаты купцы.
Приходилъ убогій къ брату своему,

*) Иваницкій—Матеріалы по этнограф. Вологодск. губ.,
стр. 69.

Стукинулъ подъ окномъ да говорить:
— «Дома-ли мой братецъ, богатый Лазарь?
Напой, накорми, мое тѣло одѣжи».
Закричалъ богатый громкимъ голосомъ:
— «Отойди прочь, скверный, ты, прочь отъ окна!
Какой ты мнѣ братецъ, убогой человѣкъ?
Князя, бояра—то братья мои,
Купцы торговцы—то друзья мои».
Злые-то псы по подстолю ходили,
Мелкія крошечки собирали,
Этимъ моя душенька сыта была.
Возмолился убогій на небеса:
Господи Владыко, Спасъ милостивой,
Услыши, небесный, молитву мою,
Молитву мою да неправедную!
Есть моя молитва, есть неправедная:
Пошли ко мнѣ, Господи, двухъ ангеловъ,
Грозныхъ, немилосливыхъ
По мою по душеньку по Лазареву.
Этакъ моя душенька поцарствовала!»
Услышалъ Небесный молитву его,
Молитву его да и праведную
«Есть твоя молитва, есть и праведная!»
Послалъ Господь двухъ ангеловъ,
Двухъ святыхъ милосливыхъ
По его душеньку по Лазареву.
Съ честіей, со славой душу вынимали.
Посадили душеньку на пелену,
Понесли душеньку на небеса
Къ Аврааму, Іакову во прекрасный рай.
Пошелъ богатый во пиръ пировать,
Во пиръ пировать, во компанью посидѣть,

Каменны палаты его пламенемъ взяло,
Тутъ скорбѣлъ богатый день до вечера.
Возмолился богатый на небеса:
«Господи—Владыка, Спасъ милосливый,
Услыши, небесный, молитву мою,
Молитву мою да и праведную!
Есть моя молитва, есть и праведная:
Пошли мнѣ, Господи, двухъ ангеловъ
Двухъ святыхъ милосливыхъ,
По мою по душеньку по Лазареву,
Этакъ моя душенька намаялася!»
Услышалъ небесный молитву его,
Молитву его да неправедную:
«Есть твоя молитва, есть неправедная!»
Послалъ ему Господь двухъ ангеловъ,
Двухъ грозныхъ немилосливыхъ:
Крюкомъ—крюкомъ душу вынимали,
Посадили душеньку на востро копье,
Понесли душеньку въ адъ подъ клюки.
Увидалъ богатый брата своего.
«Братецъ, обмокни мизинной перстъ,
Обведи мои уста, чтобъ не запекались!»
А братецъ говорить: «какъ тебя я обведу,
Какъ ты меня братомъ не считаешь
И мое имя не нарекаешь!»

10.

Псалмъ, записанный въ Вологодскомъ уѣздѣ.

О человѣче бренный,
Какъ ты скоро отмѣнный!
Жизнь твоя краткая
Подобна есть дыму,
Скоро убѣгающу,
Вѣтромъ разносиму.
Языкъ разноцвѣтущій
Рѣчивъ добротою,
Скоро будетъ связанъ
Вѣчною нѣмотою,
Глаза лучезарны,

Увы, потемнѣють,
Смерти вѣчнымъ облакомъ
Покрытись имѣють.
Ланиты багряныя
Ланиты всерясны,
Червѣмъ изъядены,
Станутъ быть ужасны.
Слава твоя, какъ пузырь
Разскочится водный,
Гласъ ты похваляющій
Умолкнетъ народный.
Сребро твое и злато
Скоро будетъ ржею,
Алмазы, брилліанты
Станутъ быть землею.
Точію дѣла твоя.
Будутъ непремѣнны,
О сихъ будешь оправданъ,
Или осужденный.

11.

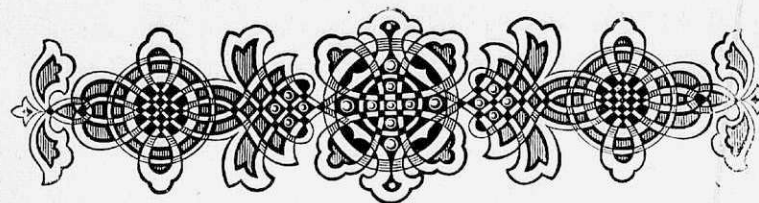
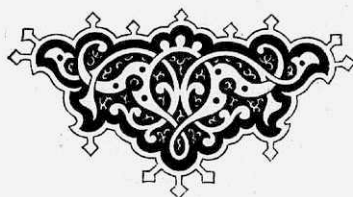
Легенда о Грозномъ.

Что на славной рѣкѣ Вологдѣ
Во Насонѣ было городъ,
Гдѣ доселѣ было—Грозный царь
Основать хотѣлъ престольный градъ
Для своево-ли, для величества
И для царскаго могущества.
Укрѣпилъ стѣной, городъ, каменной
Со высокими со башнями,
Съ неприступными бойницами.
Посреди, онъ, города церковь склалъ,
Церковь лѣпную, соборную,
Что во имя Божьей Матери—

Ея честнаго успѣнія.
 Образецъ онъ взялъ съ Московскаго,
 Со собору со Успѣнскаго.
 Стѣны храма поднимались,
 Христіане утѣшались,
 А какъ стали послѣ сводъ сводить—
 Туда царь самъ не коснѣлъ ходить:
 Надзиралъ онъ надъ наемники,
 Чтобы Божій, крѣпче клали храмъ,
 Не жалѣли-бъ плинфы красныя
 И той извѣсти горючи.
 Когда царь о томъ кручинился,
 Въ храмъ новоемъ похаживалъ,
 Какъ изъ своду туповатаго
 Упадала плинфа красная,
 Попадала ему въ голову;
 Во головушку, во буйную,
 Въ мудрую голову во царскую.
 Тутъ нашъ Грозный царь прогнѣвался:
 Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
 Закипѣла молодецка грудь,—
 Ретиво сердце взъярилося.
 Выходилъ изъ храма новаго,
 Онъ садился на добра коня,
 Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
 Насонъ городъ проклинаячи
 И съ рѣкою славной Вологдой.
 Отъ того проклятѣя царскаго
 Мать сыра земля встряхнулася,
 И въ Насонъ-градѣ гористомъ
 Стали блаты быть топучіе,
 Рѣка быстра, славна Вологда,

Стала быть водою стоячею,
 Водой мутною, вонючею
 И поросла вся тиною
 Скверной зеленью со плѣснетью.

12.

Апокрифическое сказаніе о концѣ міра *).

Чудная царица Богородице, услыши молитвы рабовъ своихъ, избавь, слободи муки превѣчныя, не лиши Ты насъ царства небеснаго.—Пора, человѣче, воспокаяться, на истинный путь возвратиться; примите пона, отца духовнаго. Уйди въ пустыню во предальнюю, постригся въ ризу во черную, поскимся въ скиму спасеную, въ скиму во три креста, молися Спасу и Пречистей Пресвятей Божіей Матери Богородицѣ, да чтобы намъ во вѣки не мучиться.—Вы, глупые человѣче не разумные, не то сойди во пустыню во дальнюю, не то затворися въ килію во темную, не то постри-

*) «Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи» Н. А. Иваницкаго. Стр. 143.

гися въ ризу во черную, не то поскимся въ скиму спасенную. Затвори свое сердце въ бѣломъ тѣлѣ, постриги свое сердце любовію, поскимъ свое сердце всекротостію, буди, человекъ, смиренъ и кротокъ и милостивъ. Возстнь, человекъ, во полунощи, пролей слезы горькое рыданіе, да чтобы намъ во вѣки не мучитися; и долго намъ жить, да умереть будетъ. И торги купечество минуются, имѣніе богатство останется, да умъ въ головѣ ужъ помѣшается; золото серебро да не по(ло)жатъ съ тобою; золотомъ серебромъ отъ смерти не отсыпаться, слезами отъ смерти не оплакаться, дружбами, братьями отъ смерти не защитомъ быти. Земля ты земля, мать сыроматера, а всякому человѣку земля отецъ—мать и гробы колоды бѣлодубовыя, а всякому человѣку дома привѣчныя, камене судиди приближныя и черви чрячи (?) не усыпаемые, а всякому человѣку встрѣча первая и первая встрѣча на второмъ суду, когда народится на землю судія неправедная, неправедный судія да злой антихристъ врагъ, а станетъ судить онъ все неправдою; онъ много на землѣ христіанъ побождати станетъ, велитъ онъ старцамъ разстригатися, велитъ онъ старцамъ поженитися. Антихристу врагу Господь и не потерпитъ, сошлетъ онъ на землю двухъ святыхъ пророкъ: Ілію пророка да Іноха, да станутъ пророчити: не сдавайтесь, рабы Божіи, антию-христу, антихристъ-врагу, сотонѣ и діаволу; его будетъ животъ не долгой, а царствовать ему будетъ не во вѣки; жить ему будетъ на тридцать лѣтъ, а тридцать лѣтъ превратитъ Господь за три года, а три года пройдутъ за три мѣсяца, а три мѣсяца пройдутъ за три дни, а три дни пройдутъ за три часа, а три часа пройдутъ за единый часъ, а часъ пройдетъ за минутою, а минута пройдетъ какъ окомя мигнуть. Антихристъ врагъ на Ілію пророка осердится, попретъ онъ копіемъ ребра и и заколетъ меж(д)у алтаремъ меж(д)у и

це(р)ковью. Ілія пророкъ тутъ да убить и со Інохомъ. Отъ тые отъ крови отъ пророческія загорится земля сыроматерная и выгорить земля на тридцать локотъ и три тысячи. Потянуть вѣтри всеильные отъ востоку солнца и до западу и вздуетъ пепель по край земли, очистится земля аки бывъ харатья абы въ де (?) бумага хлопчатая абы вде вдова пренепорочная, а столь да бѣла, какъ искони была. Сошлетъ Господь на землю двухъ святыхъ ангеловъ осмотрѣти матеръ сыру землю. Придутъ ко Христу сами поклонятся: ты царствуй во вѣки Судія праведный. Ты праведный Судія Самъ Іисусъ Христосъ. Очистиася земля аки бывъ харатья абы вде бумага хлопчатая, абы вде дѣвица чистая, абы вде вдова пренепорочная, а столь де бѣла, какъ искони была. Пошлетъ Господь на землю тысящу ангеловъ построить святой престолъ посреди земли, на коемъ мѣстѣ претерпѣвъ Господь вольное распятіе, построить Господь святой престолъ на томъ мѣстѣ. Снесутъ на землю чуденъ крестъ, положить крестъ на святой престолъ, сойдеть на землю Судія праведный, а праведный Судія Самъ Іисусъ Христосъ, а станетъ судить Онъ все правдою и книги евангелія разогнуты и царскія двери отверзятся, наши грѣшныя дѣла да открываются, мертвые во гробахъ готовятся на второй судъ на пришествіе, на второй судъ лиши (?) пришевъ ко Христу; а праведницы стоятъ одесную страну, а грѣшницы стоятъ ошую страну, а праведницы стоятъ, яко свѣтелъ мѣсяцъ свѣтитъ отъ лицъ отъ ихъ, аки луна печать да солнце красное и грѣшницы стоятъ кабы темная ночка осеная. Возвратится Господь ко веѣмъ праведникамъ: аминь, аминь глаголю вамъ; вы подите мои люди праведные, вы подите мои люди скимницы, да вы подте мои люди пустыницы, вы подте мои христолюбимницы, вы подте ко мнѣ во прекрасный рай; прекрасный рай вамъ радуется, вамъ райская птица готовится. Припадутъ грѣш-

ные ко сырой землѣ, восплачутъ всѣ люди грѣшныя. Ты царствуй во вѣки Судія праведный, а праведный Судія Самъ Иисусъ Христосъ. Прими наши слезы горькое рыданіе, избавь, слободи муки превѣчныя, не лиши ты насъ царства небеснаго, да чтобы намъ во вѣки не мучиться!—Возвратится Господь ко всѣмъ грѣшникамъ: аминь, аминь, да я глаголю вамъ: да вы подтепрочь, люди проклятые, вы подтепрочь люди беззакон(н)ые, вы подте въ муку превѣчную, въ муку безконечную. Возвратятся грѣшныя во восточную страну, припадутъ грѣшныя ко сырой землѣ, восплачутъ всѣ люди грѣшныя: ты свѣтъ наша мати прекрасный рай, госпоже пресвятая Богородице: аминь глаголю вамъ: вы подте прочь люди проклятые, вы подте прочь люди беззакон(н)ые когда вы прогнѣвали Судію праведную, а праведную судію да самого Христа. А будто вы малы не родились, вы Господу Богу не молились, не знали вы не среды не пятницы, не свѣтлаго Христова воскресенія, не любили вы, прокляты, другъ друга, вы брать брата ненавидѣли; вы подте въ муку превѣчную, а превѣчную муку въ безконечную; вамъ вѣкъ со бѣсамъ будетъ мучиться, что будетъ татями, ворами, разбойниками, прелюбодѣямъ, чародѣямъ, табашникамъ и горькая мука въ кромѣшномъ аду, то имъ будетъ мука превѣчная, житіе имъ будетъ безконечное, чернокнушцамъ, еретикамъ, богоотступникамъ—имъ горькая мука во кромѣшномъ аду, клеветникомъ, двоязычникомъ—они будутъ за языцы на крюки повѣшены, то имъ будетъ мука превѣчная, житіе имъ будетъ безконечное; дѣвицамъ, вдовицамъ, отроковицамъ, блудницамъ, травами, кореньямъ плоды замиривали, имъ будутъ топиться печи мѣдныя, заслоны будутъ желѣзные, то имъ будетъ мука превѣчная, житіе имъ будетъ безконечное; пласунамъ, скоморохамъ, гудошникамъ, имъ горькія дмы (?) во кромѣшномъ аду, то имъ будетъ мука превѣчная, житіе имъ

будетъ безконечное. Попами (?), дьяконами, блазнителями не вдостой литургію Божию служили, они будутъ за языцы на крюки повѣшены, то имъ будетъ мука превѣчная, житіе будетъ безконечное. Да славенъ Богъ и прославится да чудная царица Богородица.

13.

О почитаніи пятницъ большихъ въ году.

1-я.

На первой недѣлѣ поста великаго. Кто сію пятницу почитаетъ (постится), тотъ человекъ отъ бѣды сохраненъ будетъ.

2-я.

Предъ Благовѣщеніемъ. Кто и т. д., тотъ человекъ отъ діавола скареднаго (убійства) сохраненъ будетъ.

3-я.

На страстной недѣлѣ. Кто и т. д., тотъ человекъ отъ непріятеля сохраненъ (муки вѣчной избавленъ) будетъ.

4-я.

Предъ Вознесеніемъ Господнемъ. Кто..., — отъ потопленія (воднаго) сохраненъ (избавленъ) будетъ.

5-я.

Предъ Духовымъ днемъ. Кто... — отъ востраго меча сохраненъ (избавленъ) будетъ.

6-я.

Предъ Рождествомъ Іоанна Предтечи. Кто..., — отъ скудости (недостатку и скудости) сохраненъ будетъ.

7-я.

Предъ Ілією пророкомъ. Кто..., — муки вѣчной (огня и еча) избавленъ будетъ.

8-я.

Предъ Успѣніемъ пресвятыя Богородицы. Кто..., — отъ всякаго смущенія (отъ веснухи) избавленъ будетъ.

9-я.

Предъ Кузьмою Даміаномъ. Кто..., — отъ зле (?) нападенія сохраненъ (отъ всякаго грѣха избавленъ) будетъ.

10-я.

Предъ Михайломъ архангеломъ. Кто..., — того человѣка имя написано будетъ у Пресвятой Богородицы (отъ падучей болѣзни) избавленъ будетъ.

11-я.

Предъ Рождествомъ Христовымъ. Кто..., — при смерти своей Пресвятую Богородицу узрѣть.

12-я.

Предъ Крещеніемъ. Кто..., — того человѣка имя написано будетъ у самого Господа нашего Іисуса Христа во вѣки, аминь. (Написано будетъ въ книгѣ животной).

14.

Объ особо чтимыхъ нашимъ народомъ пятницахъ въ средѣ крестьянъ ходитъ по рукамъ неизвѣстно кѣмъ писанный и когда составленный: «Пятничны свитокъ». Въ своихъ «Письмахъ къ воинамъ» протоіерей Маловъ приводитъ дословный текстъ этого свитка. Вотъ его содержаніе: — «Желающій угодить Господу Іисусу Христу долженъ соблюдать и поститься 12 пятницъ, и кто сіе соблюдеть, тотъ хотя бы и Богу не молился и въ церковь не ходилъ и евангеліе не читалъ, — спасется.

1-я пятница на первой недѣлѣ великаго поста: кій человѣкъ въ ту пятницу постится, внезапною смертію не умретъ, но изъ воды сухъ, изъ огня не опаленъ, и изъ всякой бѣды чисто выйдетъ, и если-ли при смерти не будетъ священника, ангелъ причаститъ его.

2-я пятница предъ Благовѣщеніемъ Богородицы: постящійся въ оную отъ напраснаго убійства сохранится, ни какой грѣхъ ему не вѣяется, но все простится.

3-я пятница на страстной недѣлѣ: постящійся въ оную отъ непріятеля избѣгаетъ и всякаго колдуна побѣдитъ и бѣшенною собакою никогда не укусится.

4-я пятница предъ Вознесеніемъ Господнимъ: постящійся въ оную, что ни сѣетъ, сторицею пожнетъ и отъ потопленія сохранится.

5-я пятница предъ сошествіемъ Св. Духа: кій отецъ имѣетъ дочерей и не одного сына, тотъ постись въ оную, и кая мать желаетъ дочерей, та постись въ оную.

6-я пятница предъ Рождествомъ Іоанна Крестителя: постящійся въ оную не будетъ страдать головою и зубною болью, пострѣзъ его не ударитъ, и онъ ни въ чемъ скудевь не будетъ.

7-я пятница предъ днемъ пророка Іліи: постящійся въ оную избавленъ будетъ отъ муки и ада; отъ сего же разведутся хорошія лошади и легкіе роды.

8-я пятница предъ Успѣніемъ Божіей Матери: постящійся въ оную получитъ смирную жену, красивыхъ дѣтей и не пострадаетъ отъ язвы.

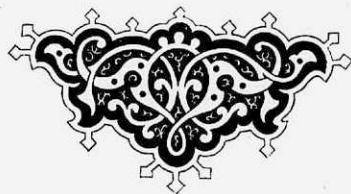
9-я пятница предъ днемъ Космы и Даміана: постящійся въ оную, всякой судъ высудитъ, всякаго богача осилитъ и на войнѣ не поранится.

10-я пятница предъ днемъ архангела Михаила: имя постящагося въ оную напишется у Богородицы на престолѣ и ангелы возьмутъ его душу.

11-я пятница предъ Рождествомъ Христовымъ: постящійся въ оную хотя годъ или больше прележить на смертномъ одрѣ, но умретъ безъ страданій.

12-я пятница предъ Богоявленіемъ Господнимъ: постящійся въ оную будетъ знать всякую тайну и будетъ написанъ на Моисеевѣ жезлѣ.

15.

О почитаніи пятницъ.

Предъ дванадесятыми и другими праздниками, многіе *говѣютъ послѣднюю пятницу*, т. е. предъидущую дню предстоящаго праздника. Каждая изъ такъ почитаемыхъ пятницъ имѣетъ особое значеніе; *говѣніе* пятницы состоитъ въ томъ, что цѣлыя сѣтки не ѣдятъ хлѣба и не пьютъ даже воды.

Первая изъ такъ почитаемыхъ пятницъ считается Крещенская; предъ праздникомъ Богоявленія Господня (января 6-го).

Вторая, — передъ заговѣньемъ, за недѣлю до сырной недѣли.

Третья, — Срѣтенская, предъ праздникомъ Срѣтенія Господня (Февраля 2).

Четвертая, — Благовѣщенская, передъ праздникомъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (25 Марта).

Пятая, — на Страстной недѣлѣ великаго поста.

Шестая, — Троицкая, передъ праздникомъ Святыя Троицы и Сочествія Святаго Духа.

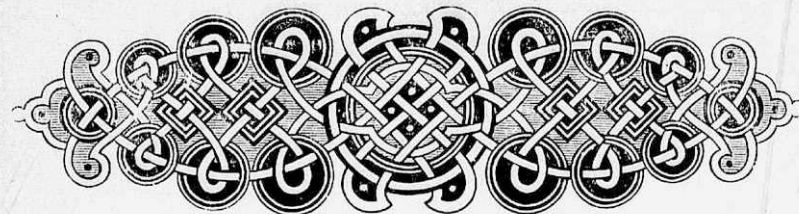
Седьмая, — Ильинская, передъ праздникомъ св. пророка Ильи (Юля 20).

Осьмая, — Успѣнская, передъ праздникомъ Успѣнія Божіей Матери (Августа 15).

Девятая, — Ивановская, передъ праздникомъ св. Іоанна Крестителя Усѣкновенія Честныя Главы (Августа 29).

Десятая, — Рождественская Богородичная, передъ праздникомъ Рождества Пресвятыя Богородицы (8 Сентября).

Одинадцатая, — Здвиженская, передъ праздникомъ Воздвиженія Животворящаго Креста (Сентября 14).

16.

Стихъ о 12 пятницахъ *).

Придите, людіе, послушайте писаніе Божіе,
Поученіе Климента—папы римскаго,
Примите правило малое;
Да сохранитъ человекъ заповѣдь Божію,—
Великихъ въ году дванадесятихъ пятницъ.

Первая великая пятница:
На первой недѣлѣ поста великаго.

*) Этнографическій Сборникъ. Стр. 33.

Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу убилъ братъ брата, Каинъ —
Авеля.

Кто станетъ той пятницѣ поститься
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ убійства,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Вторая великая пятница:
Противъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу воплотился Господь въ Дѣву
Марію.

Кто станетъ той пятницѣ поститься
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ плотской
похоти,

И диавольскаго искушенія сохраненъ будетъ
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Третья великая пятница:
Противъ Свѣтлаго Воскресенія Христова.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу распятъ былъ Иисусъ Христосъ.
Кто станетъ той пятницѣ поститься
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ отъ непріятельской силы сохра-
ненъ будетъ
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Четвертая великая пятница:
Противъ вознесенія Иисуса Христа Бога нашего.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу вознесся Господь на небеса.
Кто станетъ той пятницѣ поститься
Святымъ постомъ и молитвою
Тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ воднаго
потопленія,

Помилованъ будетъ отъ Бога.

Пятая великая пятница:
Противъ Троицы Нераздѣльныя.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу сошелъ Духъ Святый на землю,
Показался Господь въ трехъ лицахъ,
Отецъ и Сынъ и Святый Духъ.
Кто станетъ той пятницѣ поститься
Святымъ постомъ и молитвою
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ трясушкой
скорби,

Помилованъ будетъ отъ Бога.

Шестая великая пятница:
Противъ Ильи пророка Божія,
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу взятъ былъ Илья и Енохъ въ
живѣ на небеса.

Кто станетъ той пятницѣ поститься
Святымъ постомъ и молитвою
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ грома,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Седьмая великая пятница:
Противъ Спаса Преображенія.
Въ эту пятницу преобразился Господь на Оаворѣ.
Предъ учениками, предъ апостолами.
Кто станетъ той пятницѣ поститься
Святымъ постомъ и молитвою
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ при дорогѣ —
При пути отъ лихихъ людей,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Осьмая великая пятница:
Противъ Успѣнья Пресвятыя Богородицы.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу за престоломъ представилась
Мать Пресвятая Богородица.
Кто той пятницѣ станетъ поститься
Святымъ постомъ и молитвою
Тотъ человѣкъ избавленъ отъ нужды и печали,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Девятая великая пятница:
Противъ Іоанна Постителя.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу Царь Иродъ Іоанну главу отсѣкъ.
Кто той пятницѣ станетъ поститься
Святымъ постомъ и молитвою
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ зубной и
головной ломоты,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Десятая великая пятница:
Противъ Космы—Даміана безеребниковъ.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу мучилась Праскева мученица у
Максимиліана царя,

Стояла за вѣру за крещеную,
За крестъ, за молитву, за истину.
Кто той пятницѣ будетъ поститься
Святымъ постомъ и молитвою
Тотъ человѣкъ на суду отъ судей напрасно не
осудится,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Первая на десять великая пятница:
Противъ Рождества Іисуса Христа Бога нашего.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу родился самъ Іисусъ Христосъ
отъ Дѣвы Маріи.
Кто станетъ той пятницѣ поститься
Святымъ постомъ и молитвою
Тотъ человѣкъ узритъ при смерти Пресвятую
Богородицу,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Вторая на десять великая пятница:
Противъ Божія Богоявленія.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу крестился Господь въ Іорданѣ
рѣкѣ отъ Іоанна Крестителя.
Кто станетъ той пятницѣ поститься
Святымъ постомъ и молитвою

Тотъ человѣкъ записанъ будетъ у Господа въ
животной книгѣ.

Кто эти дни сохранить и помилуетъ,
Помилованъ будетъ отъ Бога,
А кто эти пятницы не сохранить
И совокупится съ женою,
У того зародится дѣтище
Либо глупо, либо нѣмо,
Либо еретикъ, либо клеветникъ,
Либо воръ, либо разбойникъ
Или всякому дѣлу начальникъ будетъ.

17.

Урочные посты *).

Въ народѣ доселѣ многія женщины наблюдаютъ особый постъ въ нѣкоторые дни года, придавая такому посту особое значеніе. Наставленія о такихъ постахъ часто встрѣчаются въ рукописныхъ тетрадкахъ, ходящихъ среди народа, и нерѣдко имѣютъ очень древнее происхожденіе. Приводимъ здѣсь образчикъ такихъ наставленій изъ рукописи XVI в. (Соф. № 1462, л. 82 об.—83), удерживая формы языка, но примѣняя современную графику.

*) М. Соколовъ. — Живая Старина. Стр. 213.

«Мѣсяца марта постися первыя недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ Авраамлихъ. Вешнихъ дней».

«Мѣсяца іюня постися двѣ недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ Давидовыхъ. Лѣтнихъ дней».

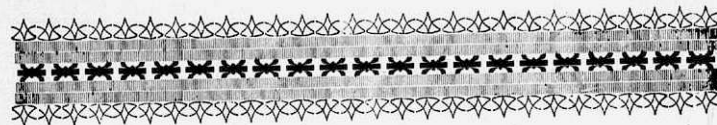
«Мѣсяца сентябрия постися три недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ къ племени Вавилонскому. Осеннихъ дней».

«Мѣсяца декабря постися 4 недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ Рождеству Христову. Зимнихъ дней».

«Аще который человекъ сохранитъ сіа 4 времена о хлѣбѣ и о водѣ чистотою, постомъ, бдѣніемъ, аще будутъ и велика съгрѣшенія, есть то въ едино или въ два лѣта, вся прегрѣшенія отпустятся ему».

«Аще вся 4 времена до живота своего съхранитъ сіи постися, да на страшиѣмъ судищи ни коего зла не убоится».

«Сіи же 4 времена увѣдаши святіи отца отъ Святаго Духа и уставиши постящимся въ кое время провидити то».

18.

Сказаніе о лѣстовкѣ предъ образомъ Божіимъ *).

Каждому христіанину должно на всякій день седмицу лѣстовокъ исправлять для воспоминанія святыхъ церковныхъ таинъ;—заключается христіанскій законъ:

а) Крещеніе. б) Мѣропомазаніе. г) Священство. д) Причастіе. е) Исповѣданіе. ж) Законный бракъ. з) Освященіе.

Лѣстовка имѣетъ въ себѣ четыре лопоски въ коихъ исповѣдуется четыре Евангелиста.

Обшивка около лопосковъ Евангельское ученіе.

Около лопосковъ 7 передвижекъ—въ знакъ церковныхъ Таинъ.

Этнографическій Сборникъ. Стр. 45.

Гдѣ связана лѣстовка по 3-й ступенькѣ на сторонѣ—и въ лѣстовкѣ еще 3 крупныхъ, всего девять, то значить—девять чиновъ ангельскихъ.

Отъ связки простое мѣсто—земля.

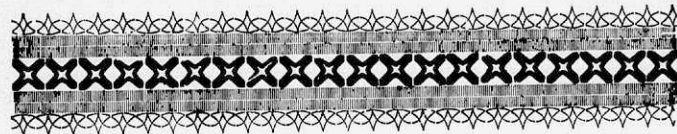
За тѣмъ—12 бабочекъ, то значить 12 апостоловъ съ Господомъ по землѣ ходили.

38 бабочекъ—значить 38 недѣль Пресвятая Богородица во чревѣ Христа носила.

33 бабочки—33 года Господь по землѣ ходилъ.

17 бабочекъ—17 пророчествъ о немъ было.

Этой лѣстовкѣ раскольники надивиться не могутъ, что какой святоша ее изъ Москвы сюда вынесъ!

19.

**Накому святому и когда должно
молиться въ болѣзняхъ и проч.**

Отъ слѣпоты и болѣзней глазъ молятся:

- 1) Образу Казанской Божіей Матери.
- 2) Мученику Мину Египтянину.
- 3) Архидіакону Лаврентію.
- 4) Мученику Логину сотнику.

Отъ головной боли:

Святому пророку и предтечи Іоанну.

Отъ зубной боли:

Священномученику Антипію.

Отъ лихорадки:

- 1) Преподобному Марю.
- 2) Мученицѣ Фотиніи Самарянинѣ.
- 3) Преподобному Василю Новому.

Отъ болѣзни грыжи:

Святому великомученику Артемію.

Отъ безплодства и безчадія:

- 1) Преподобному чудотворцу Роману.
- 2) Преподобному Ипатію, иже въ Руфинѣ.

Объ облегченіи отъ труднаго рожденія:

- 1) Образу Богородицы Теодоровскія.
- 2) Св. великомученицѣ Екатеринѣ.

О нелюбви мужемъ жены:

Святымъ мученикамъ Гурію, Самону и Авивѣ.

Объ исцѣленіи младенцевъ отъ болѣзни:

- 1) Образу Богородицы Тихвинскія.
- 2) Преподобному Семіону Богопріимцу.

Отъ младенческой бѣлѣзни родимца:

Святому великомученику Никитѣ.

Объ избавленіи отъ оспы:

Св. мученику Конону Саврійскому.

О просвѣщеніи разума къ изученію грамоты:

- 1) Св. безсребренникамъ Козьмѣ и Даміану.
- 2) Св. пророку Науму.

Объ открытіи къ изученію иконнаго писанія:

Св. апостолу Іоанну Богослову.

О сохраненіи отъ скоропостижныя смерти:

- 1) Священномученику Садофу.
- 2) Великомученицѣ Варварѣ.
- 3) Священномученику Харлампію.
- 4) Священномученику Онуфрію великому.

Объ избавленіи отъ мукъ умершаго безъ покаянія:
Преподобному Пансію великому.

—
Для прогнанія лукавыхъ духовъ:

- 1) Преподобному Нифонту.
- 2) Святителю Марофу.

—
Объ избавленіи отъ блудныя страсти:

- 1) Преподобному Мартеніану.
- 2) Преподобному Іоанну Многострадальному.
- 3) Преподобному Моисею.
- 4) Мученицѣ Ѧомандѣ.

—
Объ избавленіи отъ пьянства и запоя:

- 1) Святому мученику Вонифатію.
- 2) Преподобному Моисею Муринау.

—
О сохраненіи отъ пожара и молніи:

- 1) Образу Богородицы «Неопалимая Купина».
- 2) Святителю Николаю Новгородскому.

—
О бездожіи и о ведрѣ:

Святому пророку Іліѣ.

Объ избавленіи отъ падежа рогатаго скота:

- 1) Святителю Медосту.
- 2) Священномученику Власію.

—
Объ избавленіи отъ падежа лошадей:

Св. мученикамъ Флору и Лавру.

—
О сохраненіи стада отъ хищныхъ звѣрей:

Св. великомученику Георгію.

—
О соисканіи украденныхъ вещей:

- 1) Св. мученику Теодору Тирону.
- 2) Св. мученику Іоанну Воину.

—
О сохраненіи отъ злаго бѣсовскаго очарованія:

Священномученикамъ Кипріану и Іустиніи.

—
Устарѣлая дѣвица желая выйти поскорѣе замужъ, молится святой мученицѣ Прасковѣ, и проситъ слѣдующими словами.

— «Св. мученица Прасковея, подай мнѣ жениха поскорѣе».

Въ болѣзни ногъ, люди, не придерживающіеся раскола, молятся святителю Митрофану Воронежскому, а раскольники и старообрядцы въ этого святителя не вѣрятъ.

Кто идетъ на войну—помяни крестъ и копѣе, и спасетъ тебя отъ непріятеля.

Кто идетъ въ путь—помяни Николая Чудотворца.

Начинаешь домъ строить—помяни трехъ святителей, и будетъ благополучное житіе.

Налагаетъ на тебя звѣрь—помяни Георгія побѣдоносца и спасетъ тебя.

Кто идетъ въ огородъ садить—помяни Евангелиста Луку, и будетъ урожай всего.

Кто идетъ спать—помяни Ангела Хранителя, и спасетъ отъ ночнаго духа.

Кто идетъ скоту давать пить или ѣсть—проси Божія Благословенія.

Самъ начинаешь ѣсть—огради себя крестнымъ знаменіемъ.

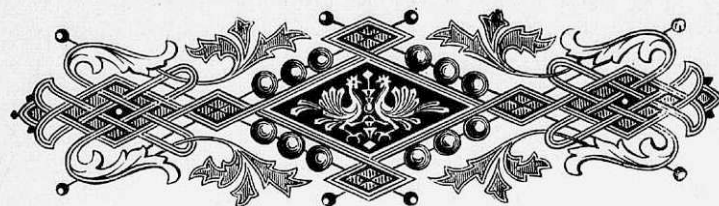
Входишь въ новый домъ—помяни небесныхъ силъ, и долговѣчное житіе получишь.

Кто идетъ косить—помяни преподобнаго Савватія, и поможетъ тебѣ.

Кто идетъ сѣять поля—Іоакима и Анну помяни, и урожай будетъ всему.

Кто идетъ въ лѣсъ—помяни царя Соломона, и поможетъ тебѣ.

20.

Сказаніе на всю седмицу *).

Аще Рождество Христово въ недѣлю, зима люта, а весна вѣдрена, а плода мало, овцамъ моръ, пожары часты, а старымъ моръ.

Аще Рождество Христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождлива, а жатва суха, а тяжъ многимъ людямъ будетъ, а меду много.

*) Взято изъ собранія Рыбникова, стр. 248.

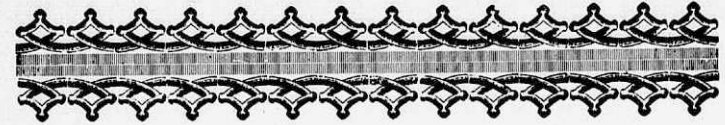
Аще Рождество Христово во вторникъ,—зима добра, а жатва ведрена, а весна дождлива, а обилія много, людемъ отъ притчей смерть будетъ.

Аще Рождество Христово въ среду, зима и весна дождлива, а обилія много, а жатва добра, овощи мало, а скоту пагуба.

Аще Рождество Христово въ четвергъ, зима люта, весна зла, потравлива, а лѣто добро, обилія и пшеницы много, скоту пагуба.

Аще Рождество Христово въ пятокъ, зима легка и ведренна, весна добра, овощей много, меду мало, а жатва ведренна, и слабымъ смерть.

Аще Рождество Христово въ субботу,—зима тепла, осень велика—ведренна, плоду мало, очемъ болѣзни, овцамъ моръ.

21.

Сказаніе о мѣсяцехъ на пользу христіаномъ.

Сія знаменія прояви Богъ Израилтяномъ, соблюдая ихъ отъ всякаго зла; а въ мѣсяцехъ есть по два дни злыхъ—ни крови пущати, ни сѣяти, ни садовъ садити, ни портищъ кропити, ни свадебъ творити, ни въ запмъ давати, ни иного чего дѣлати.

	Числа добры.			Часы злы.
1. Январь	2	25	5	1
2. Февраль	4	24	21	9
3. Мартъ	3	25	25	5
4. Апрѣль	3	20	20	6
5. Май	20	23	4	6
6. Іюнь	7	18	22	5
7. Іюль	6	28	24	8
8. Августъ	6	18	8	6
9. Сентябрь	2	21	22	3
10. Октябрь	8	28	22	9
11. Ноябрь	4	21	28	5
12. Декабрь	2	21	22	10

Аще въ тѣ дни начнетъ человѣкъ болѣть, не встать ему будетъ; аще возстанетъ, не здоровъ будетъ; аще свадьбу творить, не возрадуется; аще родиться—не жить ему будетъ; аще не умереть, не избить ему горькія части; аще домъ строить, и не будетъ добра; и портище кроить, не износить ему; купецъ *въ гостю* (въ гостѣбу) поѣдетъ, и будетъ ему либо смерть, и либо потопъ, или разбойники разбѣютъ его; аще ли сѣяти, или садити, не взяти ему будетъ; аще ли вновь де (гдѣ?) идетъ, и не жити ему будетъ; но подобаетъ тѣхъ дней бояться. Во всякомъ мѣсяцѣ настоящаго мѣсяца 1-й день до 9-го часа сѣяти и садити, и власовъ урѣзати, изряднѣе бывають.

22.

Легенда о предсказаніи преподобнаго Геннадія *).

Извѣстно, что населеніе, какъ самаго города Любима (Ярославской губ.), такъ и его уѣзда, промышляетъ средства къ существованію не дома, а на отхожихъ промыслахъ. Крестьяне Любимскаго уѣзда почти, за самымъ малымъ исключеніемъ, не занимаются земледѣіемъ, а если оно и вѣдется, то весьма не въ значительныхъ размѣрахъ и при томъ не самими владѣльцами земли, а наемными рабочими, преимущественно крестьянами Архангельской губ., которые и обрабатываютъ поле вмѣстѣ съ женщинами—женами и дочерьми владѣльцевъ земли. Мужчины-же-хозяева домовъ и подростки всѣ уходятъ на заработки преимущественно въ

*) См. «Живая Старина», стр. 122.

Петербургъ и Москву, гдѣ промышляютъ трактирнымъ дѣломъ. Главная причина такого сильнаго развитія отхожихъ промысловъ въ Любимскомъ уѣздѣ—«малоземлица» и дурное качество земли. Но не такъ объясняютъ причину отхожихъ промысловъ народъ. Народъ смотритъ на любимцевъ, какъ на людей прежде всего «корыстныхъ» и рассказываетъ по поводу этого интересное преданіе: Преподобный Геннадій, возвращаясь откуда-то въ свою обитель, подошелъ къ берегу рѣки Обноры и просилъ перевозчиковъ переправить его на другую сторону рѣки. Перевозчики потребовали съ Преподобнаго Геннадія впередъ деньги за перевозъ, а такъ какъ денегъ у Преподобнаго не оказалось, то перевозчики отказались переправить его, и преподобному вмѣсто денегъ пришлось отдать свои рукавички. Переѣхавъ на другую сторону, преподобный вознегодовалъ на Любимцевъ за корысть и осудилъ ихъ: «Мыкаться вамъ по бѣлу свѣту, какъ евреямъ и быть несатымъ-неголоднымъ». Пророчество это, говоритъ народъ, до сихъ поръ тяготѣетъ надъ Любимцами:—«мыкаются они по бѣлу свѣту» и добавляютъ рассказъ о пророчествѣ еще другимъ насмѣшливымъ рассказомъ: Идетъ Любимецъ по Питеру въ шляпѣ «баринѣ», а подъ мышкой несетъ пѣтуха. На встрѣчу ему попадаетъ знакомый и спрашиваетъ Любимца, куда онъ идетъ?—Въ трактиръ чайку попить.—А пѣтухъ зачѣмъ? За чаекъ-съ заплатить.

Н. А. Тихоміровъ.

23.

Сказаніе о травахъ.

Трава чернолистная, а растетъ та трава на черной землѣ, а растетъ плотно тоненька, а листья вѣту, походила на ко-стеръ и та, чтобы коней не обрзала, то есть лошади въ гриву завязать, и въ мѣсто то не придетъ разбойникъ; та-кожъ въ хранилѣ положи на всѣ четыре угла, то разбой-ники не смѣютъ подходить, ни тати для того, что имъ много кажется людей, шуму много.

Есть трава именемъ *ерекъ*. Та трава растетъ близъ сред-нихъ рѣкъ на среднемъ мѣстѣ, а цвѣтетъ она, что будто голубецъ съ киноварью, а ростомъ въ стрѣлу на четыре грань; аще кто ту траву получить да положить подъ цер-

ковный большой уголъ на трои сутки, взять и положить кверху въ шапку и зашить и говорить надъ шапкою и надъ травою: какъ сія трава подъ церковнымъ угломъ лежала и никто не видѣлъ, тако бѣ и меня раба божія (имрекъ) никто не видѣлъ и не слышалъ на всякомъ дѣлѣ въ день и въ ночь. По три зори говори надъ травою.

Трава *хвалиха* ростомъ въ локоть, на ней 4 цвѣта: багряной, черной, зеленой, синій, а на сторонахъ по 10 листочковъ. Носить при себѣ на имя раба божія (имрекъ) — ласкота и доброта со князи и бояры и со всемъ православными христіанами о хлѣбѣ и соли и благодарѣніи. *Аминь.*

24.

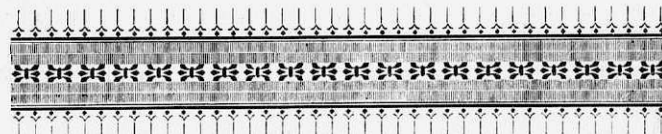
Какъ стать невидимкой.

Аще обрати мурaveйникъ великъ, отъ котораго есть дванадцать дорогъ, и ты разожги огонь и навари воды со ушатъ, и чтобы вода кипѣла, и облей весь мурaveйникъ, и какъ обожжешь, и разгребь весь до земли и второй разъ облей водой, и обрящешь дыры въ земле, и свяжи.... пугвицу мѣдную или оловянную и спусти въ землю; доколѣ идетъ и какъ станетъ, и ты копай 3 сажени или $2\frac{1}{2}$, и зряще царя мурaveевъ на камени, а камень богровый или синій, и облей царя мурaveевъ кипячею водою, и онъ отвалитъ скамня: и ты держи при себѣ платъ тавтянной и обхвати камень платомъ, и тутъ снова копать; и онъ спро-

силь у тебя: напелъ-ли? и ты въ то время молчи и тотъ камень держи вортъ и платомъ потирайся, и ходячи никто не видитъ.

Ты небо отецъ, ты земля мать, ты корень святъ, благослови себя взять на добрыя дѣла на добро.

(Изъ древней рукописи).

25.

Предсказанія.

1. Господь самъ рече человѣколюбецъ: помощникъ я буду всякому человѣку; не бойся, человѣче, злаго своего супостата; изъ тебѣ помогу десною рукою и супостатъ твой погибнетъ. О чемъ еси помыслилъ, добро ти будетъ.

2. Нѣкоторый человѣкъ посѣялъ ниву и много обилья, и возстанетъ буря великая и грозная туча и поломить о о в и (?) и еще обилья и погибнетъ. И тако и твое дѣло человѣче лихо, возвратися вспять.

3. Святый Илья пророкъ рече къ народу: пойдемъ чело-
вѣче на село свое, посѣемъ на селѣ своемъ ниву жати со
благодареніемъ и пожнемъ со благословеніемъ, и собереть
же; нивою своею обогатѣть, и возрадуешися. Тако и ты,
человѣче, о чемъ еси помыслилъ добро ти будетъ, дерзай
скоро.

4. Ъдятъ нищии, и насытятся, и восхвалятъ Господа
выскающіе его. Тако и ты, человѣче, исполнишь свою алчбу,
насытятся, добро ти будетъ.

5. Зреть челоуѣкъ очима далече, а святые ангелы подѣ
облакомъ, а смерть у него за плечами, готовится его похва-
тить. Такъ и твое дѣло, человѣче, лихо есть, берегися злаго
дѣла своего; возвратися да не погибнешь.

6. Нѣкая жена носить во утробѣ своей младенца и пла-
четъ тужити. Умру или жива буду. Никола его породить и
она возрадуется о своемъ помышленіи. Богъ ти помощникъ,
съ пожданіемъ дѣло твое будетъ, и вскорѣ радость бу-
детъ.

7. Яко же пчела летитъ на красныя цвѣты и собирать
воскъ и медъ, святымъ церквамъ на просвѣщеніе и на свѣчи,
а медъ на канопи добрымъ людямъ на утѣшеніе и на по-
чествованіе, а безумнымъ на лакомство. Такожъ и дѣло
твое, человѣче, съ терпѣніемъ добро ти будетъ, о чемъ по-
мыслилъ, сбудется скоро.

8. Господь ходитъ по виноградѣ и придетъ къ нему слѣ-
пецъ и хромецъ, и прося отъ него исцѣленія. Господь мило-
сердова о нихъ и исцѣлихъ; и возрадовася слѣпецъ и хро-
мецъ радостію великою. Тако и ты, человѣче, возра-
дуешися.

9. Святый Николае избавить изъ темницы трехъ мужей
оклеветанныхъ и неповинныхъ отъ напрасныя смерти, и воз-
радовася три мужи. Тако и ты, человѣче, возрадуешися о
своемъ дѣлѣ. Что еси помыслилъ, добро ти будетъ и ра-
достію.

10. Листовица птица свила еси подѣ кедромъ гнѣздо и
высидила дѣти, и пришла змія и дѣти поѣла, и возлетѣла
ластовица, и воскричала, и восплакалась о дѣтихъ своихъ.
Такъ и ты, человѣче, не держи на то дѣло надежды,
лихо есть, отступи отъ него, нѣтъ на пользу.

11. Стоитъ градъ каменный, а врата у него желѣзныя,
крѣпко затвержены, николи не отверзаются. Тако и ты,
человѣче, не ступай на острое, не погуби своего дѣла, о
чемъ еси помышляешь, возвратися вспять, лучше ти будетъ,
аще не возвратишися, погибнешь.

12. У святаго Феодора Стратилата змѣй ухватилъ на
кладези мать его, и веде ей въ пещеру, и украси ея яко
невѣсту; и святый Феодоръ помолися Господу Богу, и взялъ
оружіе свое и побѣдилъ лютаго змія, и мать свою здраву
взялъ и введе ея въ домъ свой; возрадовася вси граждане
радостію великою о такомъ чудѣ. Тако и ты, человѣче,
возрадуешися, о чемъ еси помыслилъ: добро ти будетъ!

13. Святая пророчица Анна собирает во святую церковь дѣвицы и воспоятъ себѣ тихимъ гласомъ ангельскую пѣнь, и возрадуются о тихой пѣсни. Слава отъ Господа непрестанно. Такъ и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ дѣлѣ и помышленіи. Богъ ти на помощь.

14. Владе звѣринный рогъ въ тнято и воскрича Господу Богу великимъ гласомъ звѣрь. Слыша Господь гласъ звѣря того, избави его отъ тнята и радъ бысть тотъ звѣрь воли своей. Такъ и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ дѣлѣ и помышленіи. Богъ ти на помощь.

15. Святая Троица, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, небесная святая милость и Синайскихъ отецъ посланіе (Господу?) благословенія на русскую землю вѣрнымъ людямъ. И зрадовался благословенію весь міръ. Такъ и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ дѣлѣ.

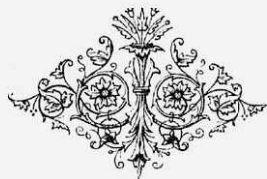
16. Въ пустыни воюють волцы, лѣсные звѣри съ голоду, хотятъ другъ друга ясти. Такъ и ты, человѣче, возвоешь, о чемъ еси помыслилъ: лихо есть, возвратися вепять лутше ти будетъ.

17. Пришелъ Господь ко ученикамъ своимъ, пресва-

ривъ (?) воду и вино, и благослови ихъ; и насытишася, исполни жажду свою, и поклонишася ученицы его, радостью исполнишася отъ него. И такъ и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ помышленіи, добро ти будетъ.

18. Святый Іоаннъ Златоустый рече: аще кто послушаетъ святаго евангелія и учнетъ молиться съ вѣрою и со страхомъ, и можетъ Господь исцѣлiti его отъ напрасныя смерти и отъ египетскія работы. Такъ и ты, человѣче, молися Богу и святому Іоанну Златоусту, добро ти будетъ.

Вотъ образецъ Апокрифическаго письма о почитаніи недѣли, распространенное въ рукописяхъ въ народѣ почти повсемѣстно. Предлагаемое письмо есть одинъ изъ многочисленныхъ вариантовъ этого рода писемъ.

*О почитаніи недѣли *)*.

(Лицевая сторона).

Письмо, найденное чуднымъ образомъ Господа Нашего Иисуса Христа, писанное собственно Рукою золотыми литерами на Еврейскомъ языкѣ, и оное было найдено отъ Лобнаго мѣста въ двѣнадцати поприщахъ съ изображеніемъ Его Креста. Письмо сіе было истолковано семилѣтнимъ отрокомъ, который до того времени ничего не говорилъ. Вотъ содержаніе оного: чтите святые воскресные дни дѣлами благочестія, если же будете исполнять, то избѣжите Моего проклятiя и получите вамъ Воскресеніе. Для отдохновенiя и для присутствiя при службѣ Божіей въ

праздничные и воскресные дни, вспомооществуйте бѣднымъ отъ трудовъ вашихъ, если же вы будете исполнять и сіе правило, то ваши поля и дома наполнены будутъ Благословенiя, если же напротивъ того, то вы будете прокляты Мною и будете имѣть язву и гладъ и жестокое душевное страданіе и волненіе, въ ознаменованіе своего гнѣва и должны постигнуться пять пятницъ и читать пять разъ: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!» и «Богородице Дѣво радуйся», вспоминая мои страсти и то, что Я претерпѣлъ на древѣ крестномъ для вашего спасенiя, вы будете носить сіе письмо на себѣ въ честь Мою и должны давать копiи всѣмъ, кто просить будетъ. Отвергающіе истину сего письма, написаннаго Моею рукою, будутъ прокляты, лишены узрѣть Божество въ день Суда; напротивъ же того, если будутъ объявлять о немъ несуевѣрно и давать съ него копiи всѣмъ тѣмъ, которые просятъ, будутъ благословены Мною, и если сдѣлають столько

грѣховъ, сколько на небеси звѣздъ небесныхъ, будутъ Мною прощены, когда во всѣхъ грѣхахъ сдѣланныхъ ими раскаются и не повѣдываются у священниковъ. Очень счастливы тѣ, которые возьмутъ съ сего письма копiю и будутъ сохранять у себя въ домахъ съ большимъ благочестіемъ, то никогда злой духъ, ни громъ, ни огонь и ни другое бѣдствіе не коснется во вѣки вѣковъ. Аминь. Сіе письмо прислано было въ Певскій Монастырь отъ Римскаго Папы, дабы всякій монахъ имѣлъ у себя въ келіи. Списана сія молитва и письмомъ въ городѣ Усть-Сысольскѣ, Вологодской губерніи. Іюня 22 дня 1866 года.

*) Н. А. Ивановичій, стр. 146.

(Оборотная сторона).

Молитва, найденная во гробъ Господа Нашего Иисуса Христа.
Иисусъ Христосъ Сынъ Бога истиннаго, помози миѣ, Спаситель
міра! Спаси меня Дѣво-Владычица; умоли за меня, бѣдную
грѣшницу возлюбленнаго Сына Твоего Господа! Красота

Ангеловъ, утѣшеніе мучениковъ, зеркало Божества,

Дѣво и Госпоже, помилуй меня въ послѣдній

часть, когда изыдетъ душа изъ сего бѣд-

наго тѣла и умоли Сына Твоего, Гос-

пода Нашего Иисуса Христа дать

оставленіе горькихъ моихъ

прегрѣшеній, членъ Вѣры Боже мой! Вѣрю всему, чему научаетъ меня
Церковь Твоя, вѣрю, поелику Ты повелѣлъ миѣ еси. Аминь.

Послѣ сей молитвы прочитай псаломъ: «живый въ помощи вышняго».
Дѣйствіе сей молитвы таково, что тотъ, кто будетъ носить эту молитву
на себѣ, не умретъ нечаянною смертію: не отъ пожара, не отъ моровой

язвы, не отъ надучей бо-

лѣзни; если же женщина должна

родить, то родитъ вдругъ безъ вся-

кой болѣзни; въ домѣ, гдѣ будетъ эта

молитва, не будетъ никакихъ дьявольскихъ

искушеній, либо другихъ какихъ наводженій; если

кто будетъ эту молитву носить на себѣ сорокъ дней,

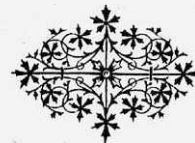
то прежде смерти, въ самый часъ своей кончины увидитъ

пресвятую Богородицу. Сподоби мя, Мати Божія видети Тя,

миѣ недостойному рабу Твоему. Аминь.

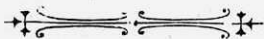
СВЯТОЧНЫЯ ГАДАНИЯ.

Суженый, ряженый,

Приди ко мнѣ ужинать.

Золото хороню, чисто серебро хороню!
Я у батюшки въ терему, я у матушки въ высокомъ;
Гадай, гадай дѣвица, отгадай красавица,
Въ коей рукѣ былица, змѣиная крылица!
И я рада бы гадала, и рада бы отгадывала,
Чрезъ поле идучи, русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючи, златомъ приплетаючи.
Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!
Вы скажите, не утаите, мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити: по три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ!
Паль, паль перстень въ калину, въ малину,
Въ черную смородину, въ зеленъ виноградникъ,
Очутился перстень, да у дворянина, да у молодого.

Гаданія.

Есть множество различныхъ гаданій, и всѣ они по большей части имѣютъ предметомъ предсказаніе будущей судьбы, счастья или несчастья, удачи или неудачи въ томъ или другомъ предпріятіи. Ученые люди выдавали гадательныя сочиненія свои на нѣсколько вѣковъ, столѣтніе календари и временныя гадательныя книжки. Судьбу узнавали по теченію планетъ или кому какъ вздумалось. Гадаютъ также на картахъ, на костяхъ, на бобахъ, на тыквенныхъ сѣменахъ, на кофе и проч.

Древніе славяне употребляли слѣдующія гаданія:

1) Метаніе вверхъ деревянныхъ кружковъ, съ одной стороны бѣлыхъ, а съ другой черныхъ. Когда брошенные

кружки, упавъ на землю, ложились бѣлою стороною вверхъ, то это означало доброе предвѣщаніе, а когда упали этою стороною внизъ, то худое. Если ложились—одинъ бѣлою, а другой черною стороною на лицо, то это предвѣщало и худое и доброе.

- 2) Гаданіе по конямъ Свѣтовидовымъ (См. ниже).
- 3) Гаданіе по полету птицъ.
- 4) Гаданіе по крику животныхъ
- 5) Гаданіе по движенію пламени и дыма.
- 6) Гаданіе по теченію воды, по пѣнѣ и струямъ.
- 7) Гаданіе по прутикамъ.

По нашимъ деревнямъ происходятъ слѣдующія гаданія:

1) Дѣвушки поютъ такъ называемыя подблюдныя пѣсни, обравшись, онѣ ставятъ на столъ красное деревянное блюдо, покрываютъ его большимъ платкомъ и кладутъ на платокъ кусокъ хлѣба и уголь, потомъ всякая загадываетъ на перстнѣ, на кольцѣ, на наперсткѣ, на запянкѣ или на другой какой-нибудь небольшой вещи и, перекрестивъ этою вещью блюдо, кладетъ ее подъ платокъ. Сперва поютъ пѣсню хлѣбу и по окончаніи ломаютъ его и уголь на кусочки, изъ которыхъ каждая беретъ себѣ по одному, завертываетъ въ рукавъ рубашки и, ложась спать отгадываетъ задуманное по приснившемуся ей сну. Потомъ припѣвая къ каждой пѣснѣ слѣдующее окончаніе:

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минется,

вынимаютъ свои вещи и, по содержанію пропѣтой пѣсни, предугадываютъ свою судьбу, полагая, что это непременно сбудется.

- 2) Сидя въ пустой комнатѣ, смотря въ зеркало.

Дѣвица приходитъ въ пустую комнату одна, приноситъ съ собою два прибора, зеркало и свѣчку, ставитъ все это въ порядкѣ на столѣ, садится противъ зеркала и гадаетъ говоря: *суженый, ряженый, приди ко мнѣ ужинать*. Минуть за пять передъ приходомъ суженаго начинаетъ зеркало тускнеть, а дѣвушка протираетъ его нарочно приготовленнымъ для того полотенцемъ; наконецъ приходитъ кто-то и смотрится черезъ ея плечо въ зеркало. Когда дѣвушка, разсмотрѣвъ всѣ черты на лицѣ его, воскликнетъ: *чуръ наше мѣсто свято*, тогда дьяволъ, принявшій на себя образъ ея жениха, исчезнетъ, и съ того времени невѣста будетъ въ точности знать будущаго жениха своего. Но это дѣлаетъ только робкая; другая-же, побойчѣе не станетъ *чура*ть, и женихъ или, принявшій видъ его, дьяволъ переставъ глядѣться, сядетъ съ нею за столъ, вынетъ изъ кармана ножичекъ или перстень, или какую нибудь другую вещь, и положить ее на столъ, тогда дѣвушка зачураетъ, и положенная вещь останется у нея въ рукахъ. Суевѣрные увѣряютъ, что дѣйствительно эта вещь бываетъ въ то время похищена у жениха гадавшей дѣвицы.

- 3) Носятъ коровью или коневую кожу къ проруби и тамъ садятся на нее, очертятся кругомъ отъ проруби огаркомъ, нарочно для того приготовленнымъ. Изъ проруби выходятъ водяные черти, берутъ кожу съ собою и съ тою

особою, которая сидит на ней, гадавши, и относят на дальнія разстоянія, напр. въ домъ жениха и проч. По окончаніи этой работы черти желаютъ присвоить себѣ сидящую на кожѣ, и опрометью бѣгутъ къ проруби, чтобы броситься съ нею воду; тогда должно выговорить при самой проруби, *чуръ, наше мѣсто свято*, и этимъ можно спасти себя.

4) Лютъ олово или свинецъ, золото или воскъ въ воду, загадавъ прежде, и какое выльется изображеніе, предсказываютъ по этому, что случится въ жизни.

5) Слушаютъ подъ окнами, загадавъ прежде, и какое слово отъ находящихся въ избѣ услышать, по этому полагають.

6) Выходятъ за ворота съ первымъ кускомъ во рту и спрашиваютъ у мимоходящихъ объ имени, вѣри, что такимъ именемъ будетъ называться будущій мужъ.

7) Полютъ снѣгъ, и въ которую сторону бросятъ его, то слушаютъ тамъ, не залаетъ-ли собака; если лаетъ она толстымъ голосомъ, то гадавшая выйдетъ за старика, а если тонкимъ, то за молодого.

8) Берутъ съ полѣвницы полѣно, въ темнотѣ, и когда оно гладко, мужъ будетъ хорошій; а если суковато и съ трещинами, то дурной и сердитый. Другія вѣрятъ, если попадетъ полѣно суковатое, то быть ей за богатымъ, а если гладкое, то за бѣднымъ.

9) Снимаютъ съ насѣсти курицу, и принеся ее въ комнату, даютъ клевать щетомъ пшеницу, или другой какой-либо зерновой хлѣбъ, и поэтому отгадываютъ свою будущую участь.

10) Въ то время, когда всѣ лягутъ спать, дѣвица, загасивъ свѣчу, садится у затвореннаго окна и, загадавши, говорить: *«суженный, ряженный, поѣзжай мимо окна»*. Черезъ нѣсколько времени гадающая слышитъ бѣдующихъ мимо окна, бѣдующихъ и свистящихъ, что служить для нее предзнаменованіемъ веселой жизни; если же проѣзжаютъ или проходятъ тихо, то это означаетъ бѣдное состояніе жениха.

11) Вывѣшиваютъ ночью бѣлое полотенце изъ окошка, и загадавъ, говорятъ: *«суженный, ряженный, приди и зигри»*. Если вывѣшенное полотенце скоро будетъ намочено, то значить, что того же года дѣвица выйдетъ замужъ; а ежели къ утру, то не быть ей замужемъ еще долго.

12) Ходятъ ночью къ церковнымъ дверямъ или окнамъ и, загадавъ, слушаютъ. Когда послышится похоронное пѣніе, то значить, что дѣвушка умретъ эгимъ годомъ, а когда брачное, то быть ей замужемъ.

13) Дѣлаютъ изъ прутьиковъ мостикъ и перель тѣмъ, какъ ложиться спать, загадываютъ: *«кто мой суженный, кто мой ряженный, тотъ переведетъ меня черезъ мостъ»*. Разумѣется, что это должно присниться ей во снѣ.

14) Бѣлятъ пересолъ въ то время, какъ ложиться спать. Приготавливаютъ какую-нибудь нищу, соля ее очень круто, для того, чтобы имѣть ночью жажду; ложатся загадывая: *«кто мой суженный, кто мой ряженный, тотъ пить мнѣ подастъ»*.

15) Ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свиныя туши, отъ которыхъ слышится голосъ, и по этому опредѣляютъ будущую судьбу.

16) Бросаютъ башмаки черезъ ворота на улицу и въ

которую сторону ляжет онъ носкомъ, въ той сторонѣ быть дѣвицѣ замужемъ; а когда ляжетъ къ воротамъ, то въ этотъ годъ еще не выдадутъ.

17) Ходятъ на перекрестокъ съ зеркаломъ и, пмѣя за плечами мѣсяцъ, смотрятъ въ зеркало, загадавъ: «*суженный, ряженный, покажися мнѣ въ зеркалѣ*». Говорятъ, что суженный также приходитъ, какъ и въ избѣ.

18) Садятся на лошадь, завязываютъ ей глаза и пускаютъ по волѣ; въ которую сторону побѣжитъ она, въ той сторонѣ быть дѣвицѣ замужемъ.

19) Сажаютъ пѣтуха и курицу подъ рѣшето, связавши ихъ хвостами, и которая изъ нихъ повлечетъ другую, по этому и исполнятся для загадавшей брачные обряды.

20) Слушаютъ у житницы: тамъ слышится имъ пересыпка хлѣба, шумъ отъ жернововъ, или работа на гумнѣ, многолюдство работниковъ и проч., а потому и узнаютъ богато-ли жить или бѣдно.

21) Вывѣшиваютъ за окошко ключи, и когда кто-то пошевелитъ ими, тогда дѣвушка спрашиваетъ его объ имени. Этотъ нѣкто, то есть лѣшій, отвѣчаетъ имя, которымъ будущій ея женихъ называться будетъ.

22) Кладутъ подъ голову гребень, загадывая: «*суженный, ряженный, причеши мнѣ голову*», и увѣряютъ, что во снѣ приходитъ дьяволъ въ образѣ ея жениха и причесываетъ ей голову.

23) Аукуютъ, выходя со двора, и откуда откликнется эхо, въ ту сторону выдадутъ ее замужъ; при этомъ замѣчаютъ, какъ отзывается эхо—скоро или продолжительно, тонко или толстоголосо.

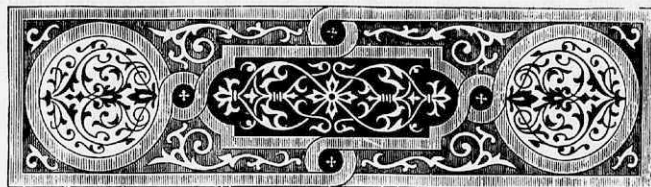
24) Ложатся навзничъ въ снѣгъ и по утру ходятъ осматривать: ежели выгледное мѣсто гладко, то мужъ будетъ смирный, а ежели изсѣчено, то вздорный и драчливый.

25) Кладутъ на столъ три шапки и гадаютъ о будущей судьбѣ.

26) Сучать и пускаютъ въ воду нитки, по извиванію которыхъ располагаютъ свое гаданіе къ добру или къ худу.

27) Слушаютъ подъ вереею, чтобы узнать какого званія или ремесла будетъ мужъ. Если скрипитъ перо, то быть за подъячимъ, если хлопаютъ бичемъ, то быть за кучеромъ и проч.

Окликки прохожих и проезжих. — Это гаданіе состоитъ въ томъ, что во время вечера или ночи выходятъ изъ дому и, стоя у калитки, дѣвушки спрашиваютъ у мужчинъ словами: «какъ ваше имя?» съ тою цѣлью и увѣренностью, что будущій женихъ будетъ имѣть тоже самое имя и ту же красоту, которую имѣетъ видѣнный и опрошенный. Въ Ярославской губерніи окликаютъ съ блиномъ на головѣ.

Полно дѣвкамъ чужое пиво варить, пора свое затѣвать (отъ праздника ссыпчинъ, 1 ноября, гдѣ дѣвки выпрашиваютъ припасы и ими же послѣ угощаютъ).

Гаданіе на поленьяхъ. — Дѣвушки подходятъ къ поленищѣ задомъ, или зашурясь и берутъ изъ нее безъ выбора, которой какое попадется. Затѣмъ каждая свое осма-

тривается, изъ чего заключаютъ о будущемъ женихѣ, напр. гладкое полѣно въ тонкой ровной корѣ предсказываетъ хорошаго красиваго жениха; полѣно съ шероховатой корой — некрасиваго на видъ; въ толстой, но хорошей корѣ — богатаго. Полѣно — мѣстами ободранное — нуждающагося; безъ коры — бѣднаго; толстое полѣно — сильнаго, толскаго; съ сучками — большая семья и по числу сучьевъ о числѣ людей въ семьѣ; кривое — урѣда или съ какими нибудь физическими недостатками.

Черезъ кольцо льютъ въ воду олово, воскъ, яичный бѣлокъ.

Гаданіе на зборникъ (головной уборъ). — Когда дѣвушка желаетъ узнать, что случится въ этомъ году, то беретъ три вещи: зборникъ или другую какую принадлежность головного убора, кусокъ хлѣба и кусокъ дерева и кладетъ все три вещи въ пустой, чистый горшокъ, иногда сопровождая все это приличными наговорами. Потомъ, закрывъ или завязавъ глаза, подходитъ къ горшку и беретъ первое, что попадется. Если попадется ей въ руку головной уборъ — выйти замужъ, часть хлѣба — оставаться дѣвушкой, а кусокъ дерева — гробъ *).

Метутъ подь Новый годъ подь столомъ, и если есть зерно хлѣбное — къ замужеству.

*) Свѣдѣнія почерпнуты изъ рукописей Мясникова въ 1829 г. Народные праздники въ округахъ Шенкурскомъ и Вельскомъ.

Баншмакъ бросаютъ чрезъ ворота: куда носкомъ ляжетъ, туда замужъ идти.

Гаданіе воскомъ, оловомъ или свинцомъ.—Въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, такъ и въ Россіи, о святкахъ льютъ воскъ или олово въ воду и, по вылитымъ фигурамъ, заключаютъ о своемъ жребіи, о счастьѣ, несчастьѣ, неудачѣ, урожаѣ или голодѣ.

Подвѣшиваютъ на ночь въ сараѣ гребень: женихъ ночью чешется, и его узнаютъ по масти оставшихся волосъ.

Гаданіе лучиною.—Если дѣвушка желаетъ узнать: проживетъ ли она этотъ годъ? то взявъ въ руки березовую лучину, бѣжитъ къ роднику рѣки или къ колодезю, мочить эту лучину и, возвратившись домой, зажигаетъ ее на огнѣ: у которой скоро загорится она, то это знакъ долгой жизни, а у которой не загорится вовсе, то умереть; у которой будетъ горѣть съ трескомъ и горѣть не особенно ровно, то въ теченіи года гадающая будетъ хворать.

Полю, полю снѣжокъ, гдѣ мой женишекъ, тамъ собака взлай.

Ходятъ съ обожженной лучиной подъ окно подслушивать.

Суженый, ряженный, приди ко мнѣ ужинать.

Подслушиваютъ у церковныхъ дверей ночью, колокольчикъ—замужество, глухой стукъ—могила.

Гаданіе на коровьей или воловьей кожѣ.—Проф. Снегиревъ описываетъ, какъ гадаютъ въ Вельской и Шенкурской областяхъ о годовой судьбѣ при помощи снятой съ крупнаго рогатаго скота кожи. Съ этой цѣлью нѣсколько дѣвушекъ берутъ столешникъ, хлѣбъ, ножикъ и коровью сырую кожу, идутъ на перекрестокъ или на пролубъ, разстилаютъ тамъ кожу, кладутъ на нее хлѣбъ и ножикомъ очерчиваютъ кругъ, въ предѣлахъ котораго и садятся, закрывъ себя столешникомъ или скатертью и, ухвативъ другъ друга за мизинецъ, дѣлаютъ завѣщаніе, чтобы судьба извѣстила ихъ, что случится имъ въ нынѣшнемъ году и, въ таинственной тишинѣ ночи, слушаютъ: одной слышится, что ѣдутъ женихи большимъ поѣздомъ, другой чудится, что на полѣ большое собраніе народа, знакъ обильной жатвы и проч. Такія гаданія происходятъ не только въ Россіи, но и въ Шотландіи, по свидѣтельству Вальтеръ-Скотта. Гадаютъ ночью, завернувшись въ сырую коровью или въ воловью кожу, садятся въ ожиданіи отвѣтовъ на сдѣланные вопросы, или имѣютъ видѣнія, которыя открываютъ будущее.

На Иорданѣ, дѣвка, закрывъ глаза, слушаетъ кругомъ, гадая объ участи своей.

«Ей соломка назвала суженаго». — (родъ гаданья: солома подъ сковородой, на которую наступаютъ, издаётъ шелестъ, скрипъ, и называется суженаго).

Гаданіе яйцомъ. — Берутъ стаканъ, наполненный чистою водою и въ эту воду съ осторожностію выпускаютъ свѣжее яйцо. Даютъ нѣсколько постоять, а потомъ по расположенію бѣлка въ водѣ судятъ о будущемъ.

Гаданіе на зеркалахъ. — Гаданіе на зеркалахъ производятъ только самыя смѣлыя дѣвушки, которымъ болѣе осязательно и болѣе серьезно хочется ознакомиться съ своей будущностію. Гаданіе въ зеркалѣ, или наведеніе зеркалъ, всегда сопряжено съ тишиною и молчаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ безлюдностію, для чего избирается ночь.

Средствъ къ гаданію на зеркалахъ много, вотъ нѣкоторые:

а) Въ темномъ покоѣ ставятъ на столъ зеркало, а предъ нимъ зажженую свѣчу. Гадающая дѣвушка входитъ въ покой и смотритъ чрезъ свѣчу въ зеркало, гдѣ и видитъ своего суженаго. Когда она скажетъ: «Чуръ меня» видѣніе исчезаетъ. Но этому вѣрить нельзя, она скорѣе съ бы увидитъ, чѣмъ незнакомое лицо.

б) Въ Сибири ставятъ два зеркала одно противъ другаго; передъ однимъ дѣвушка ставитъ 2 свѣчи на столъ, а другое зеркало уставляетъ за собою; такимъ образомъ помѣстившись между двухъ зеркалъ, очерчивается вокругъ себя заж-

женою лучинкою, которой былъ зажженъ огонь въ сочельникъ, глядитъ внимательно въ поставленное предъ собою зеркало.

Тутъ непременно покажется суженый, который будетъ глядѣть чрезъ плечо дѣвушки. Нужно во время зачураться, а не вглядываться.

Въ Васильевъ вечеръ лить олово, свинецъ, воскъ.

Приглашеніе ужинать. — Накрывъ столъ для суженаго, ставятъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, только не кладутъ вилокъ и ножей. Около полуночи дѣвушка, испытывающая свое будущее, садится за столъ одна, очерчивается и говоритъ: «Суженый, ряженный приходи ко мнѣ ужинать». Лишь только пробьетъ полночь, появляется женихъ въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ онъ долженъ быть при бракосочетаніи и садится за столъ.

На всякій случай берутъ съ собою пѣтуха для того, что если не поможетъ зачураніе и гость засидится, то надобно хорошенько давнуть пѣтуха, тогда онъ запоетъ и видѣніе исчезнетъ. Говорятъ, если призракъ, что либо вынетъ изъ кармана и положить на столъ, то стоитъ только зачурать и видѣніе пропадетъ, а оставленный предметъ останется во владѣніи дѣвушки.

Появленіе призрака или суженаго имѣетъ предварительные признаки: вой и свистъ вѣтра, сѣрный запахъ, иногда смрадный.

Много разказовъ и суевѣрныхъ преданій существуетъ въ народѣ. Но суть дѣла — не болѣе, какъ вымыселъ. Скорѣе

всего въ этомъ гаданіи видится свиданіе молодыхъ людей подъ покровомъ ночи, гдѣ мыслимы не призракъ, а скорѣе всего настоящее мыслящее существо, облеченное въ плоть.

Гаданіе у сарая.—Ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свиньи туши, и слушаютъ, что свинья хрюкнетъ или пошепчетъ.

Гаданіе на снахъ.—Къ святочнымъ гаданіямъ принадлежатъ также сновидѣнія на новый годъ или на святкахъ, изъ которыхъ выводить предсказанія каждая загадывающая особа.

Кладутъ ночью руку въ овинное окно, и если никто не тронетъ, — въ дѣвкахъ сидѣть; голой рукой погладить, за бѣднымъ быть; мохнатою—за богатымъ.

На Крещенье дѣвки выносятъ соръ подъ передній уголъ, садятся на него, и слушая, заключаютъ о судьбѣ.

Гаданіе на курицу и пѣтуха.—Связываютъ хвостами выѣтъ пѣтуха и курицу и сажаютъ подѣ рѣшено и наблюдаютъ, которая изъ птицъ потянетъ за собой другую. Если пѣтухъ, то для загадывающей особы мужъ будетъ ее держать въ рукахъ строго, если же курица потащитъ пѣтуха, то значить жена будетъ начальствовать надъ мужемъ.

Гаданіе у церковныхъ дверей.—Это гаданіе принадлежитъ къ подслушиванію и по своему характеру должно быть преслѣдуемо духовенствомъ, такъ какъ суевѣріемъ не должно осквернять храма Господа.

Дѣвушки ходятъ къ церковнымъ дверямъ и окнамъ и слушаютъ во время ночи, что имъ будетъ слышно. Если услышатъ погребальное пѣніе—то смерть той въ наступающемъ году, если свадебное пѣніе, то—быть замужемъ.

Кладутъ подѣ подушку хлѣбъ и ножницы (или четырехъ мастей королей) и по сему заключаютъ о будущемъ.

Запекаютъ иглу въ хлѣбъ, и если она дѣвкѣ попадетъ на языкъ—къ замужеству.

Мостикъ.—Собравъ отъ вѣника прутиковъ, кладутъ ихъ сложенными въ родѣ мостика подѣ подушку. Та, которая кладетъ такой мостикъ, ложась спать приговариваетъ: «*Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня черезъ мостъ*». Суженый, если явится во снѣ и переведетъ чрезъ мостъ, значить быть замужемъ въ этомъ году.

Первый кусокъ отъ ужина кладетъ дѣвка подѣ подушку, приглашая суженаго, и онъ является во снѣ.

Четъ (по частоколу, или полѣнъ въ беремени), дѣвкѣ замужъ идти, нечетъ—макомъ сидѣть.

Гаданіе на священной книгѣ. Берутъ какую нибудь книгу, преимущественно духовнаго содержанія, и не раскрывая ее задаютъ себѣ цифру страницы, и строчку сверху или снизу наобумъ. Потомъ открываютъ эту страницу и читаютъ. То, что вычитается изъ опредѣленной незавѣдомо страницы и строчки служить отвѣтомъ на задуманный вопросъ. Если онъ будетъ отвѣтъ не прямой, то его растолковываютъ по своему.

Гаданіе на сковородѣ. Чтобы узнать имя будущаго жениха, дѣвушки кладутъ на столъ солону, сбитуую въ комъ, на этотъ комъ ставятъ сковороду, а на сковороду кладутъ камень и льютъ нѣсколько воды. Послѣ того, потихоньку и медленно начинаютъ каждая изъ дѣвушекъ вынимать по соломинкѣ и изъ звука, производимаго камнемъ на сковородѣ при колебаніи, воображаютъ слышать имя будущаго жениха.

Тоже дѣлаютъ такъ: наливаютъ на сковороду воды и камни; сверхъ всего этого кладутъ растрепанныя хлопья льна или пеньки, зажигаютъ ихъ и накрываютъ горшкомъ. Когда вода сильно заклокочетъ, то, по замѣчанію суевѣровъ, у невѣстки будетъ сварливая свекровь.

Вдѣваютъ нитку, держа иглу внизъ ушкомъ, втыкаютъ въ рубашку и ложатся спать: сонъ скажетъ, быть-ли замужемъ.

Суженый богатый, ступи сапогомъ: суженый бѣдный—лантемъ (разсѣваютъ золу и по слѣду заключаютъ на другой день о женихѣ).

Мостъ мостятъ подъ подушкой (изъ прутьевъ, лучинокъ, и по сну заключаютъ о судьбѣ).

Гаданіе на полотенцѣ. Вывѣшиваютъ бѣлое полотенце изъ окошка на ночь со словами: «суженый, ряженый *приди и утрися*». Если векорѣ затѣмъ полотенце будетъ вымочено, то значить въ этотъ годъ быть дѣвушкѣ, которая вывѣсила его, замужемъ; а если къ утру, сниметъ его сухимъ, то не выйти въ этомъ году.

Богатый, бѣдный, вдовецъ, холостецъ (приговариваетъ дѣвка, считая колья въ тычину).

Завязываютъ лошади глаза, дѣвка садится на нее: если пойдетъ за ворота—быть замужемъ.

На печицѣ котлище, по полу гусыня, по лавочкамъ лебедки, по окошечкамъ голубки, за столомъ ясный соколъ (сонъ дѣвки).

Гаданіе у омета соломь. — Подходятъ къ омету соломь, закинувъ голову назадъ, берутъ ртомъ соломенку; ежели она будетъ съ колосомъ, то примѣчаютъ, что вышедшая въ замужество будетъ богата, если соломина попадется безъ колоса, то—жизнь будетъ бѣдная.

Приди мой суженый, пить попроси (говорить дѣвка, запирая замокъ надъ водою, и суженый приходитъ во снѣ).

Чьего корму пѣтухъ съ курицей напередъ поклоуетъ, той быть замужемъ.

Гаданіе подь окномъ. — Въ полночь, гадающія дѣвушки садятся у оконъ, и каждая изъ нихъ приговариваетъ: *«суженый, ряженный поѣзжай мимо окна!»* Если которая изъ нихъ услышитъ поѣздъ съ крикомъ и свистомъ, то предрекаетъ себѣ веселую и счастливую жизнь; если же поѣздъ будетъ тихій, то слышавшая его дѣвушка предвидитъ жизнь бѣдную.

Гаданіе на бобахъ. — Еще въ началѣ XVII вѣка существовало гаданіе на бобахъ, какъ то видно изъ «Потребника мірскаго», гдѣ запрещается вѣрить бобамъ и также изъ народной пословицы: *«чужую бѣду бобами разведу, а къ своей то бѣды и ума не приложу».*

Гаданіе это производится такъ: берутъ 41 бобъ и рас-

кладываютъ на 9 кучекъ по столу въ три линіи такимъ образомъ:

Прежде всего дѣлаютъ только три кучки изъ 41 боба безъ счету, а по виду; затѣмъ изъ первой отсчитываютъ 4 боба, которые и кладутъ въ сторону такимъ образомъ, изъ первой кучки откладываютъ 4, 3, 2 и 1 бобъ; послѣдній будетъ для образованія первой кучки второго ряда.

Потомъ принимаются за вторую кучку, изъ трехъ первоначальныхъ и поступаютъ съ нею также, какъ и съ первой; остатокъ присоединяютъ ко второй линіи для образованія въ ней второй кучки. Наконецъ, поступивъ, такимъ образомъ, получимъ въ первомъ ряду 3 кучки, въ каждой изъ которыхъ будетъ не болѣе какъ по 4 боба.

Второй рядъ или линія должна производиться изъ тѣхъ кучекъ, гдѣ бобы были отсчитаны по 4, всѣ эти бобы должно также разложить на произвольныя три кучки.

Потомъ нужно образовать третій рядъ, только онъ не отсчитывается, а просто дѣлится весь остатокъ отъ первыхъ двухъ линій на произвольныя послѣднія три кучки. При этомъ нужно имѣть въ памяти слова: *желаю, надѣюсь, исполнится.*

Въ первомъ ряду средняя изъ трехъ кучекъ у гадающей названа головою, третья кучка—рукою, средняя со второй—сердцемъ. Въ третьей третья кучка—ногою въ походѣ. Эти кучки считаются главными, а потому и выбираютъ при загадываніи ту изъ нихъ, которая подходитъ ближе къ вопросу, такъ какъ:

1) *Голова* -- содержитъ отвѣты на вопросъ объ умѣ, способностяхъ и объ характерѣ.

2) *Рука*.—Имѣніе, богатство, бѣдность.

3) *Сердце*.—Печаль, радость, чувство, любовь.

4) *Нога въ походѣ*. — Путешествіе, дорога, письма, отъѣздъ, отправка.

Лишь только будетъ подходить вопросъ къ одной изъ четырехъ кучекъ, то посмотрите сколько будетъ въ ней зеренъ, если четъ, до неблагоприятное, а если нечетъ, то—благоприятный выводъ. Причемъ нужно также освѣдомляться для соображенія съ первой кучкой, той же линіи или ряда, гдѣ видимъ отвѣтъ на вопросъ, потому что, если видимъ нечетъ въ вопрошаемой кучкѣ, то есть—благополучіе, а въ первой кучкѣ того же ряда—четъ, то значитъ будетъ препятствіе, но окончится къ вашему благополучію.

Гаданіе на перекресткѣ въ полночь.—Дѣвушки выходятъ на перекрестокъ, и загадавъ каждая изъ нихъ о своемъ будущемъ женихѣ, очерчиваютъ кругъ и, стоя въ немъ, прислушиваются и когда почувдится имъ звонъ колокольчиковъ, или смѣхъ или веселое пѣніе, то заключаютъ, что—быть замужемъ. Если же послышится плачь или унылое пѣніе, то значитъ — умереть. На перекресткѣ также смотреть въ зеркало и видятъ своего суженаго и ряженнаго.

Гаданіе на кольцо, на хлѣбъ и крючокъ. — Положивъ на полъ кольцо, крючекъ изъ соломы и кусокъ хлѣба, покрываютъ эти три предмета платкомъ, изъ подъ котораго потомъ и вынимаютъ, кому какая вещь достанется. Если вынется кольцо, то женихъ будетъ щеголь, если хлѣбъ—

богачъ, а если крючекъ, то—бѣднякъ. *Бѣдный крюкъ* въ смыслѣ того, что бѣднякъ всегда горбится отъ труда и предъ всѣми изгибается.

Гаданіе ключемъ. — Для такого гаданія берутъ какой вибудъ ключъ, преимущественно старый, закладываютъ его бородкой между листами переплетенной книги, которую при этомъ крѣпко завязываютъ. Понятно, что защемленный ключъ долженъ держаться крѣпко между страницами книги. Тогда за кольцо или душку ключа вѣнаютъ книгу на веревку къ потолку и загадываютъ, кто выйдетъ изъ числа предстоящихъ здѣсь дѣвушекъ замужъ. Если книга до сихъ поръ висѣла неподвижно, то она при чьей либо фамиліи перевернется, что и служить знакомъ того, что та дѣвушка, при имени которой книга оказала движеніе, будетъ замужемъ въ этомъ году.

Точно также иногда, конечно давно, узнавали виноватаго при выкликаніи имени подозрѣваемыхъ лицъ.

Откуда въ кутю (или въ авсень) лай собаки, оттуда и свахи будутъ.

Подслушиваніе.—Стоглавъ говоритъ, что окличка была древнимъ народнымъ суевѣріемъ, что гадатели и гадательницы ходятъ слушать подъ окна чужихъ домовъ и, судя по услышанному ими словамъ, веселому или непріятному разговору, предрекаютъ себѣ пріятную, или скучную жизнь, бранчиваго или ласковаго мужа. Заключенія подъ чужими окнами чрезъ подслушиваніе бываютъ самыя разнообразныя

и выводятся из того, кого слышать; старого или молодого, пьяного или трезвого, мужчину или женщину и проч. Такія подслушиванія производятся у оконъ или дверей жилыхъ избъ или у оконъ домовъ (преимущественно первыхъ этажей).

Но болѣе храбрыя и рѣзвыя изъ дѣвушекъ рѣшаются слушать подъ замкомъ церковныхъ дверей, съ цѣлю услышать пѣніе въ церкви въ полночь, когда службы не бываетъ. Если воображеніе сильно возбуждено, нервы тоже, то легко можетъ случиться, что возбужденная особа, въ полузабвеніи, увлеченная мыслью и силою воли до мозга костей, слышитъ, скорѣе во снѣ, то сладкое вѣнчальное, то погребальное пѣніе, изъ чего выносить, что ей въ тотъ годъ или идти замужъ или помереть.

Гаданіе башмакомъ. — Дѣвушки снимаютъ съ лѣвой ноги башмаки и кидаютъ ихъ за ворота, наблюдая при этомъ, куда башмакъ ляжетъ носкомъ. Куда ляжетъ носкомъ, въ ту сторону будетъ отдана кидающая; когда-же башмакъ ляжетъ носкомъ къ воротамъ дома, изъ котораго выкинутъ башмакъ, то дѣвушка въ этотъ годъ—жить дома, и не выходить замужъ.

Не вѣшь до обѣдни; а то невѣста щедровита будетъ.

Гаданіе топоромъ.—Это гаданіе относятъ къ древнимъ. Плиніи свидѣтельствуетъ, что этого рода гаданіе внесено въ Грецію Остнесомъ при Ксерксѣ I и употребляли его для узнанія виновнаго.

Вбивали въ топоръ деревянный колъ и держали его обѣими руками такъ, что вращать колъ было очень легко и при вращеніи произносили имена подозрѣваемыхъ. На чьемъ имени онъ покривится, тотъ и оказывался виновнымъ. Нынѣ, если хотятъ погадать, выйдетъ-ли дѣвушка въ нынѣшнемъ году замужъ, при верченіи топора упоминаютъ имена дѣвушекъ, и та изъ нихъ выйдетъ, на чьемъ имени топоръ покривится.

Гаданіе на курицахъ.—Снявъ съ насѣста курицу, чаще пѣтуха, приносятъ въ ту комнату, гдѣ заранѣе приготовлены на полу въ трехъ мѣстахъ вода, хлѣбъ, золотыя, серебряныя и даже мѣдныя кольца, серьги и другія мелкія вещи.

Птицу пускаютъ на полъ и смотрятъ: какую вещь она клонетъ или за что приметъ прежде всего, имѣя въ виду, что птица ночью или вечеромъ бываетъ слѣпа и по естественной привычкѣ клевать, что попади, клонетъ что либо изъ предметовъ, положенныхъ на полу.

Гадаютъ и такъ и иначе. Если гадаетъ одна особа, то понятно, что ей, выпустивъ пѣтуха или курицу можно гадать на разные мотивы, но если-же гадающихъ дѣвушекъ очень много, то приходится задумывать иначе. Напримѣръ, курицу или пѣтуха пускаютъ въ средину круга, составленнаго изъ колецъ и перстней, принадлежащихъ разнымъ дѣвушкамъ. Чье кольцо, перстень или серьгу клонетъ птица, та выйдетъ замужъ въ теченіи этого года.

Но выйти замужъ вообще не трудно, каково быть замужемъ? задается вопросомъ каждая изъ дѣвицъ.

Въ этомъ случаѣ дѣвушка-гадательница примѣняетъ, какъ выше сказано, къ дѣлу гаданія воду, хлѣбъ, уголь и кольца. Затѣмъ пускаетъ курицу. Если курица или пѣтухъ станетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница. Если будетъ ѣсть хлѣбъ, то мужъ будетъ достаточный, когда же примется за уголь, то мужъ будетъ бѣднякъ, или какъ говорится, — прогорить; золотое кольцо клонетъ — богачъ, серебрянное — достаточный, мѣдное — скудный по труду, иногда волокита.

Иногда бываетъ и такъ, что гадательницы дѣлаютъ въ просторной избѣ нѣсколько такихъ круговъ, каждая для себя и приносятъ — каждая дѣвушка курицу изъ своего дома.

Въ Костромской губерніи, во время святокъ, холостежъ и молодежь ходятъ по птичьимъ закутамъ или дворамъ и, зажавъ глаза, снимаютъ курицу съ насѣста, (нашестка, насѣдала) по цвѣту курицы, судятъ о цвѣтѣ волосъ суженаго или суженой.

Въ Сибири, въ это время гаданій выпускаютъ на средину комнаты курицу съ пѣтухомъ и пускаютъ по полу и замѣчаютъ: если пѣтухъ гордо разхаживаетъ и щиплетъ курицу, то мужъ будетъ сердитый; но если и курица будетъ храбриться, то это знакъ того, что жена будетъ одерживать верхъ надъ мужемъ.

Слушаютъ на распутѣхъ, на перекресткѣхъ: колокольчикъ — къ замужеству, колоколь — къ смерти.

Въ какой сторонѣ въ свитки звѣзда упадетъ, съ той стороны женихъ.

Коли пѣтухъ въ зеркало поглядитъ, то женихъ щеголь будетъ (на гаданіи).

Гаданіе у воротъ. — Выходятъ къ забору или просто, стоя за воротами во время ночи и говорятъ: «залай, залай собаченька! залай сѣрый волчокъ!» «гдѣ залаетъ собаченька, тамъ живетъ мой суженый»!

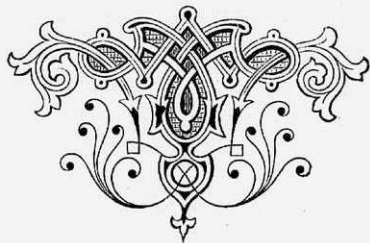
Мнѣніе вообще таково, что гдѣ дѣвушка услышитъ собачій лай, туда непременно будетъ отдана замужъ слышавшая лай дѣвушка, и чѣмъ лучше и дальше слышенъ будетъ лай, тѣмъ дальше она будетъ отдана замужъ. Притомъ лай хриплый, значить — бракъ со старикомъ, звонкій и тонкій лай — молодой женихъ.

Слушаютъ на гумнѣхъ: дружный стукотокъ, идти въ большую семью; одинъ молотить — за одинокаго.

Гаданіе на лошадахъ. — Выводятъ изъ конюшни лошадей не иначе, какъ чрезъ оглоблю, или чрезъ какую либо жердь. Если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или жердь ногами, то для дѣвушки — мужъ сердитый и несчастная жизнь. Когда же лошадь удобно перешагнетъ, не зацѣпивъ жердь или оглоблю, то для дѣвушки предстоитъ счастливое житіе со смирнымъ, ласковымъ мужемъ.

Профессоръ Снегиревъ приписываетъ это гаданіе ко временамъ языческимъ, когда въ Рюгенѣ, предъ началомъ каждой

войны жрецы гадали о будущемъ успѣхѣ, для чего переводили коня чрезъ нѣсколько жердей, и непременно бѣлаго коня-свѣтovidова, а въ Штетинѣ—вороного коня. Слѣды этого языческаго обычая остались и по сіе время въ Костромской и Ярославской губерніяхъ. Иногда садятся на лошадь, у которой завязаны глаза и пускаютъ изъ воротъ по волѣ; въ которую сторону лошадь изберетъ путь, туда дѣвушкѣ замужъ выходить.

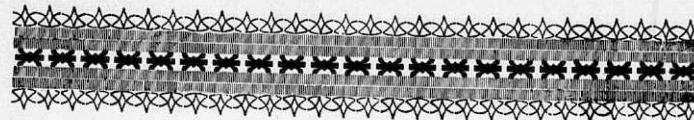
ПРИПѢВОЦЬКИ И НАБИРУШКИ ДЕРЕВЕНСКІЯ.

*Ты какая,
Я косой,
Ты хромая,
Я косой,
Ты кривая,
Я слѣпой, —
Значитъ пара насъ съ тобой.*

Все помѣщенные здѣсь «*припѣвочки и набирушки*» собраны были мною въ деревняхъ Кадниковскаго и Вологодскаго уѣзда, при чемъ считаю не лишнимъ сказать, что въ настоящемъ сборникѣ мною помѣщено только то изъ записаннаго на мѣстѣ матеріала, относящагося къ данному отдѣлу, что возможно было согласовать съ требованіями цензуры, такъ какъ русская жизнь въ лицѣ нашего простаго народа, произносящаго свои забавные припѣвы на вольномъ просторѣ и въ минуты веселаго разгула—содержитъ многое, что не всегда и не вездѣ удобно повторять, а тѣмъ болѣе печатать это.

Кто, хотя отчасти, знакомъ съ деревней и ея бытовыми особенностями, тотъ вполне пойметъ меня и не упрекнетъ за мои невольныя сокращенія и пропуски кой-чего изъ собраннаго матеріала.

1.

Я гуляю во саду,
Да ломаю вишни;
Выбираю жениховъ
Все себѣ по мысли:
Чтобы трубку не курилъ,
Табакъ не нюхалъ;
Другихъ дѣвокъ не любилъ,
Все меня бы слушалъ.

2.

Я курилъ, курилъ махорку,
А теперь—простой табакъ;
Я гулялъ, гулялъ
Съ дѣвчоночкамъ,
А теперь остался такъ.

3.

Что ты милый
Рѣдко ходишь,
Сталъ заносливый такой?
Развѣ есть у ты
Голубюшка за Камой
За рѣкой.

4.

Я не думала, не чаяла,
Мой-отъ миленькій отчаянной;
Я отчаянныхъ на смерть люблю;
Безнабашному рубашку шью:
На рубашкѣ-то косой воротокъ,
Не жалѣю девять пуговокъ въ рядокъ,
Девять пуговицъ оловяненскихъ;
Любятъ дѣвки милозгладненькихъ.

5.

Какъ у насъ на пруду
Лавровый листь не тонетъ;
Приходи милей гулять—
Тебя никто не тронетъ.

6.

Ужъ ты милая моя,
Ека забѣдовая:
Съ головы до самыхъ ногъ—
Сладкая, медовая.

7.

Вѣвникъ да голикъ—
Свѣчка горитъ,
Цѣловаться велитъ.

8.

Дѣвушки, мадамочки,
Прошу покорно—
Въ саночки,
Я паренекъ во чуночкѣ,
Прокачу по улочкѣ.

9.

Ужъ ты милая моя
Сдѣлай уваженіе:
Я къ тебѣ буду ходить
Каждо(е) воскресеніе.

10.

Камышовая трость
Разлучаетъ съ милымъ врозь.

11.

Прикумися кума,
Прикумимся,
Чтобы намъ съ тобой
Не браниться;
Вѣчно должны мы
Дружиться.

12.

Въ Шульгино-то мнѣ идти,
Да склизко, въ гору не войти;
Я ступенекъ нарублю,
Да Краину дѣвушку люблю.

13.

Ты играй, играй
Тальяночка;
Играй повеселѣй,
Не веселое то времячко
Прошло бы поскорѣй!

14.

Всѣ кадрили
Надоѣли;
Заенки наскучили;
Безъ тебя голубчикъ мой
Меня запоручили.

15.

Да большеглазые
Алтынники,
Всѣ крестьяне
Имянинники.

16.

По рѣкѣ, по Талицѣ
Катались двѣ красавицы,
Косы увиты назадъ,—
Не могъ игровой я узнать.

17.

Не начесывай начесовъ
Круглолицая моя,
За твои кудри—начесы
Рвутъ молодчики мня.

18.

Что ты милый рѣдко ходишь?
Или рѣчка глубока,
Что гостинцевъ мало носишь,—
Или бѣдность велика?

19.

Куревушка, курева
Закутила, замела!
Закутила, замутила
Всѣ дорожки, всѣ пути:
Нельзя къ милому идти.
Пошла отъ двора
Съ милымъ свидѣться;
На ключъ по воду пошла
Поздороваться.
Здравствуй, миленькій дружокъ!
Ко мнѣ въ гости приходи,
Да подальше садись:
Ужъ какъ нынѣшніе люди—
Догадливые, переваливые,
Намутятъ, намутятъ,—
Съ тобой, милый, разлучать.

20.

Купи матушка на платье, —
Буду барышней ходить:
Я сошью съ косой оборкою, —
Буду писаря любить.

21.

Слава Богу:—
Не забрали!
Въ посидѣлки похожу!
У милашки—
Толсты ляжки:
На колѣнкахъ посижу.

22.

Сидѣла на скамеечкѣ,
Ѣла карамелечки,
Платочкомъ вытиралася,
Съ хорошимъ цѣловалася.

23.

Постой мальчикъ,
Не обманывай меня,

Я немножко попровори́те тебя;
Попровори́те мале́нько—
Стало́ сердцу́ тяжеле́нько!

24.

У нашихъ мужичковъ
Мельницы, заводы;
У Настасьи миленькой—
Шляпка новой моды.

25

Въ ту деревнюшку иду,
По колѣно вязну;
Скажи: любишь или нѣтъ?
Меня тобою дразнить.

26.

Милый въ саночки садился,—
Я ревелъ въ томъ концѣ;
Не объ миленькомъ ревелъ,—
А о серебрянномъ кольцѣ.

27.

Милый въ саночки садился,
Красотой своей дивился:

Экой парень, экой я!
Да любить дѣвушки меня.

28.

Самъ играю, пляшу,
Са—поги здирамъ носу,
За—почито рвутся,
Дѣвушки смѣются.
Дѣвки вамъ не осужать:—
Двое новыя лежать.

29.

Одна гора высока,
Что другая низка;
Одна милая далеко,
А другая близко.
Ужъ я дальнюю милую
Двумъ подаркамъ подарю,
А ближнюю милую—
Разъ я поцѣлую.

30.

Возьму узду, пойду
По коней,
По широкимъ полосамъ;
Узнавай меня хорошая
По русымъ волосамъ.

31.

Я къ обѣдѣнкѣ ходила,
Становилась на передѣ;
Что не мой-ли расхорошенькой
На клиросѣ постѣ.

32.

Рекрутамъ (?)кая жизнь:
Повезуть—только держись!
На лашадкахъ сивенькихъ
Увезуть красивенькихъ.

33.

Не надѣну я сегодня
Сарафана бѣлаго
Что вамъ нелюбо
Подруженьки:—
Полюбила смѣлаго.

34.

Пойдемъ послушаемъ подружки,
Постоимъ у лѣсенки:
Не идетъ-ли расхорошій,
Не постѣ-ли пѣсенки?

35.

Какъ Назариха деревня
Изогнулася дугой;
Не пройдетъ-ли расхорошенькій
Въ рубашкѣ голубой?

36.

Вспомни-ка миленочекъ,—
Стояли мы у елочекъ,
Прощались у березоньки,
Изъ глазъ катились слезоньки.

37.

Я калинушку ломала,
Не могла накушаться;
Отъ дружка письмо читала,—
Не могла наслушаться.

38.

У качули, у качули,
У точеныхъ у столбовъ
Мы съ миленькимъ разругались
За проклятую любовь.

39.

Ку-ку-реку пѣтушокъ
Среди болота;
Чудаки-то къ намъ идутъ,
Отпирай ворота.

40.

Было, было, да не стало
На рукѣ колечушка;
Все изныло, изболѣло
По тебѣ сердечушко.

41.

До утра молоденькой
Одинъ молотить:
Такъ-таки такъ, молотить,
Только женушку будить:
Спи моя женушка, голубушка!
Вотъ тебѣ въ головы подушечка.
Спи, моя любая!
Вотъ тебѣ въ головы—другая.

42.

Ужъ ты милая моя
Встрѣть въ полюшкѣ меня,
У широкой у межи;
Всѣ полоски покажи.

43.

Милая моя
Принеси напиться;
Попѣлую два раза—
Дурѣ пригодится.

44.

Сегодня ведрянный денекъ.
Въ полѣ дергала ленокъ:
Заигралъ въ гармонию онъ,
Перестала дергать лень.

45.

Не стой милый у воротъ,
Иди прямо въ хату,
Я обрадуюсь тебѣ,
Какъ родному брату.

46.

Мы соломы насѣчемъ,
Бураковъ нашьемъ,
За виномъ пошлемъ:
Ужъ мы пьяны нашьемся,
Подѣлуемся.

47.

Охъ, красна дѣвица!
Ваша бровь—сто рублей,
У васъ взглядъ—пятьдесятъ,
Подѣлуй—шестьдесятъ.

48.

Ой, славнухи, вы почетницы—
Цѣловаться вы—охотницы.

49.

Задумаю гулять—
Ни кому не унять;
Задумаю любить—
Ни кому не перебить.

50.

У качули—люди чули,
Что мнѣ милый говорилъ,
Что мнѣ милый говорилъ:
Въ пять рублей фату сулилъ.

51.

Пошла коровушку доить:—
Моя корова не стоитъ;
Я корову кулакомъ—
Богъ съ тобой и съ молокомъ!

52.

Частый дождикъ поливаетъ,
Меня милый воспоминаетъ:
Мочить любушку мою
На сѣнокосъ бѣдную.

53.

Эдакой овесъ густой!
Густой, да примолотистый
Эдакой парень бойкой!
Бойкой, да поворотистый.

54.

По гармоньѣ пѣсни пѣла;
Пѣть охочая была.
Вечеромъ долго сидѣла:—
Все тебя, милой, ждала.

55.

Правой рученькой пшеничку мололъ,
Лѣвой рученькой сметану болталъ;
Правой ноженкой дитятко качалъ,
Изъ всѣхъ я глазъ на цыпиньку глядѣлъ

56.

Я разсыпалъ пшенички мѣшокъ
Я раскололъ сметаны горшокъ,
Разбудилъ я малу дитятку,
Задавилъ я малу цыпонку.

57.

Дряни, дряни, дрянички!
Любятъ дѣвки прянички;
Что старухата-то въ углу:
Кричить, прянички люблю!

Калачи ѣсть не хочу!
Что у шута, у Вагана—
Пиво, брага варена;
У Ваганихи шутихи
Яндова пива стоитъ,—
Цаловаться велить.

58.

Ѣхалъ поваръ на чумичкѣ,
Двѣ кострюли впереди,—
Ой люди!
Наша печка съ похмѣлья,
Угорѣло помело;
Всѣ ухваты станцовали,
Кочерга плясать пошла.
На Аневскомъ на припшехтѣ
Со косушкой разсуждалъ:
«Здравствуй милая косушка,
Развеселый полуштофъ!
У дружинихи калачъ,
У Мартынихи табакъ:
Калача покушаю,
Табакъ понюхаю».

59.

Сковородка въ печи,
Сковородникъ на печи.
Ты немного хлопочи,

А десятка два-три
Намъ блинковъ испеки.
Двое ходять,
Двое бродять;
Двое сойдутся—
Приобойдутся,
Поцалуются,
Что по старому закону—
По четыре на коня,
А сейчасъ пришелъ указъ
Цѣловаться по три разъ.

60.

Дѣвушки тошно, тошно—
Отъ милаго письмо пришло
Не пилося, не ѣлося,
Прочитать хотѣлося.
Распечатаю печать,
Буду плакать, да читать.

61.

Въ Назариху идти—
На праву руку вороти:
Новая зимовочка
У Сашеньки зайчечочка.

62.

Что Кумзерская дорога
Вся слезами улита
Для чего же улита—
Проѣзжали рекрута.

63.

Сѣяла и вѣяла
Капусту и расадушку
Полюбила я милаго—
На одну досадушку.

64.

Экой милой, не скучливый
Не провѣдаешь меня.
Ему дальная дорожка—
Показывала я.

65.

Колотился у воротъ—
Сказа дома весь народъ;
Колотился у окна,—
Не повинилась—что одна.

66.

Скоро, скоро снѣгъ растаетъ,
Скоро новый нападеть;
Наша Сухона застынетъ,—
И по рѣчкѣ ледъ поидетъ.
Сяду я на льдиночку,
Да провѣдаю зазпобушку;
Сяду, покатаюся,
Съ милой увидаюся.
Даромъ, даромъ простужусь,—
На милую наглажусь.

67.

Ты морозъ, ты морозъ—
Холодная стужа.
Ты хорошъ и пригожъ,—
Я тебя не хуже.

68.

Ты какая,
Я какой?—
Ты хромая,
Я косою;
Ты кривая,—
Я слѣпой;—
Значить пара насъ съ тобой.

69.

Полно миленькій сердитца,
Полно губу надувать,—
Мое сердце не такое,
Чтобъ тебѣ мнѣ уважать.

70.

Вѣтеръ дуетъ.
Что-то будетъ?
Вѣрно снѣгу нападеть.
По убродной, по дороженькѣ
Гулять миленькій придетъ.

71.

Милашка свѣтъ
Выглянько въ окошко:
Не твой-ли рвутъ платочекъ—
Такъ пожалѣй немножко.

72.

Спитъ мой миленькій
Не знаетъ горя моего:
Запросватали—не знаетъ за ково!

Запросватали въ сумеречки,
Не приду на посиденочки.

73.

Пойду выломлю
Въ заварѣ ботожокъ:—
Всѣ узнали,
Что я Машенькинъ дружокъ.

74.

Я съ гуляночки приду,
И раздѣнусь, да скажу:
Становите самоваръ,
Золотыя чашки;
Придетъ милый
Чаю пить
Въ бѣленькой рубашкѣ.

75.

На Бориловѣ есть травка не косяка,—
Одна дѣвушка характеромъ жеска.

76.

Сыровариха цѣдила молоко;
Процѣдила, ножкой топнула,—
Подъ колѣномъ жила лопнула.

77.

Мнѣ тошнехонько смотрѣть:
Миленькому нечего одѣть.
Возьму съ полки пятачекъ,—
Куплю миленькому пинжачекъ.

78.

На Бориловѣ есть травка-бѣлоусъ;
За кольцо ругаютъ дома,—не боюсь.

79.

Я сегодняшній денекъ не въ радостяхъ:
Моя милая у праздника въ гостяхъ.

80.

Шила милому рубашечку,
Строчила воротокъ.—
Не хватило шелку;
Хотѣлъ милый разсмѣяться—
Не хватило толку.

81.

Ни курицы, ни кошки,—
Самоварчикъ на окошкѣ.

82.

Ни коровы, ни овцы,
А поживаютъ—какъ кунцы.

83.

Охъ, ты сѣрые, веселые глаза!
Изъ за тебя вчерась попало два раза.

84.

Охъ, ты сѣренькій, веселенькій глазокъ!
Изъ за тебя вчерась ударили разокъ.

85.

Ты милашка—бѣлый день,
А я темная ночь.
Зародила тебя мать
Плута, а не сыночка.

86.

Золотое—то колечко
Блеститъ какъ огонекъ.
Успокой мое сердечко,—
Приди по вечерокъ.

87.

Изъ желѣзныхъ изъ ведеръ
Выливается вода.
Что вѣдь нашимъ-то ребятамъ,
Нѣту ходу никуда.
Они пьяные напьются,
Еще драку заведутъ;
Одну дѣвочку полюбятъ,
А другую просмѣютъ.

88.

Меня маминька бранила,
Все ладилась побить.
Пока миленькій не женится,
По мамину не быть.

89.

Я сегодня чай пила,
Черезъ чай слезы лила.
Черезъ блюдце слезы льются,
Надо мною всё смѣются.
Не могу горе забыть,
Даже чаемъ, я, запить.

90.

Братъ Коля, братъ Коля!
Намъ послѣдняя Никола.
Да, послѣдняя Никулушка,
Дорогой ты мой Колюшка!

91.

Было лѣто, стала осень.
У меня милашекъ восемь.
Было восемь, стало семь;
Я большая надо всемъ.

92.

По тальянкѣ пѣсни пѣла,
Разудалая была:

Всѣхъ ребятъ перелюбила,
Одному платокъ дала.
Сколько, въ городъ, разъ ходила;—
Три разъ въ Кубенскомъ была.

93.

Голубая, голубешенька!
Зачиналъ ходить Алешенька.
Я ему не дорожу:
И опять приворожу.

94.

Пѣсни пой, пока поется:
Замужъ выйдешь,—не придется.
Не придется пѣсни пѣть:
Придется горюшко терпѣть
Отъ свекора, свекровушки,
Отъ дивера и золовушки,
Моей буйной головушкѣ.

95.

Шелъ я верхомъ,
Шелъ я низомъ:
У милашки домъ съ карнизомъ.
У милашки огонекъ:—
Она кушаетъ часекъ.

96.

Не миленочекъ играетъ,
А походить на него.
Развѣ ты парнекъ хорошенькій
Учился у него.

97.

Ты служивой, ты служивой,
Ты служивой, милой мой!
Проводи меня служивой
Со бесѣдушки домой.
Что-бы тятенька,
Что-бы маменька,—
Не замѣтили съ тобой.

98.

У Качули—люди чули:
Что мнѣ милой говорилъ;
Что мнѣ милой говорилъ:—
Платокъ шелковый сулилъ.

99.

Намъ немного поры-времячка
Походить по посидѣночкамъ.
Посидѣночки наскучили:
Мою милую запоручили.
Запоручили, замужъ отдали,
И на свадьбу не позвали.

100.

Милой полюшкомъ идетъ,
Да и пѣсенку поетъ:
—«Сегодня тихая заря,
Услышнѣть маменька моя
Что я пѣсенку пою
Да и самъ-то къ ней иду.

101.

Меня матушка ругала,
Что за рѣченку хожу;
Она то не понимала,—
Что хорошаго люблю.

102.

Бѣлая березанька,
Низко наклонилася,
Маленькая дѣвушка
Въ хорошаго влюбилася.

103.

Поигралъ бы въ тальяночку—
Да подрѣзаны мѣха.
Полюбилъ-бы я Азланочку.
Да коротки рукава.

104.

На дворѣ три лошади:
Перва бура, друга—будеть,
Третью—ладятся купить.

105.

Въ нашемъ полѣ
Ягодъ болѣ,
Ягоды крупнѣе.
Я къ большой сестрѣ ходилъ,
А меньшую полюбилъ.

106.

Въ Назариху идти—
Слизки горы, не взойти,
Широкая канавушка.
Любое имя Аннушка.

107.

Я хотѣла самоходочкой уйти,
Не могла ключа отъ горницы найти.
Ключи мѣдные на полочкѣ лежать,
Я бойка—такъ на веревочкѣ держать.

108.

Отъ рѣки проводила,
У воротъ оставила.
Будь доволенъ милый тѣмъ,
Да погуляй-ко ты у стѣнъ.

109.

На Воронино ходила,—
Полюбилась слочка.
Никому не говорила
Что не жаль миленочка.

110.

Не видала, какъ пришелъ;
Видѣла: раздѣлся.
Дорогое-то мое—
Рядышкомъ усѣлся.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- I. Пѣсни бесѣдныя и парныя.
- II. Пѣсни хороводныя, игровыя, хоровыя и плясовыя.
- III. Пѣсни свадебныя и обрядовыя.
- IV. Пѣсни старинныя и лирическія.
- V. Пѣсни историческія, солдатскія, разгульныя и удалыя.

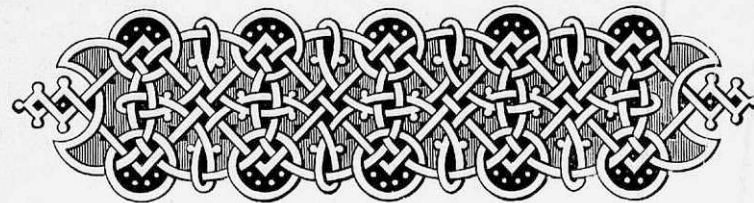
ПѢСНИ

БЕСѢДНЫЯ и ПАРНЫЯ.

Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь пѣсень, были лично записаны мною въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Тверской, Новгородской и Ярославской.

При составленіи настоящаго сборника я выбралъ изъ записаннаго мною матеріала преимущественно то, что болѣе употребительно въ современной крестьянской средѣ, и потому, слѣдовательно, можетъ дать читателю болѣе наглядное представленіе о народныхъ бесѣдахъ, столь распространенныхъ въ русской деревнѣ.

1.

Когда я была молода,—
Не учила мать меня.
Когда выросла большая —
Свою волю нажила:
Полюбила писаря.
Писаречикъ не величекъ,
Не велить худо ходить.
Ходи милая моя
Пока волюшка своя!
Пока волюшка своя —
Не покрыта голова!
Покрытая голова —
Вся минуется гульба!
Вся минуется — рѣшится,
Вся дѣвичья красота!

2.

Научить-ли тебя, Ваня,
Какъ ко мнѣ ходити?
Ходи лѣтнею порою ты тропиночкой;
Ходи зимнею порою—переулочкомъ!
Ты не тросточкой стучи—
Соловьемъ свисти!
Соловьемъ свисти, Ванюша,
Снѣгу комъ нажми,
Снѣгу комъ нажми, Ванюша
Въ стѣну броси!
Чтобы я молода сдождалася—
Со бесѣды домой собиралася.
Я подружкамъ скажу:
Меня домой зовутъ.
Родной маменькѣ скажу:
Голова болить!
Родному батюшкѣ скажу,
Что—я вся больна!
Къ тебѣ милый приду—
Здоровешенька!

3.

Экой Ваня, разудалая голова,
Разудалая головушка твоя!
Сколь далече отъѣзжаешь отъ меня?
Съ кѣмъ я буду эту зиму зимовать,

4.

Съ кѣмъ прикажешь лѣто теплое гулять?
Гуляй, моя милая, одна;
Я уѣду жить во дальни города;
Я уѣду,—не пріѣду никогда!
Якой, Ваня, разбесѣтнѣй такой,
Что-жъ ты, Ваня, сдѣлалъ надо мной:—
Ты оставилъ—ни дѣвицей, ни вдовой,—
Ты оставилъ меня горькой сиротой!

Охъ, ты женушка, жена.
Жена,—барыня моя!
Скажи,—гдѣ жена была,
Гдѣ сударыня была?
Я была, сударь, была
У попа на помочи.
Скажи, что жена пила,
Что сударыня пила?
Я пила, сударь, пила
Много пива и вина;
Я за ваше, за здоровіе,
Стаканъ рому выпила.
Благодарствуй-же, жена,
Не забыла, ты, меня!
Ужъ какъ тебя забыть:
Не могу чорта избыть!
Кабы, ты бы, иногда—
Отошелъ прочь отъ меня!
Кабы вѣра та была—
Жена-бъ мужа продала!

Продала, продала,—
За три деньги отдала!
Я купила-бы молодчика молоденького,
Цѣловала-миловала,— знай холостенькаго!

5.

Что со вечера цѣпочка горить,
Съ полуночи серебрянная.
Горить, горить— перегарываетъ
Молодчикъ дѣвушку обманываетъ
Меня млада переманиваетъ:
Ужъ ты, дѣвица, сойди съ терема,
Раскрасавица, съ високова!
Что на улицѣ свѣтлешенько,
Въ переулочкѣ сухошенько,
Что башмачки-то не топчутся,
И чулочки не мараются!
Подойду къ милому скорешенько
Трону милаго легоченько,
Поцалую— размилешенько!

6.

Со вѣнкомъ я ходила,
Съ молодымъ я гуляла!
Чѣмъ мнѣ вьюночка выкупити,
Чѣмъ молодова выручити?
Дамъ я за молодова вьюночка:
Двѣ гривны золотыя,

Четыре серебрянныя,
Два коня винохода;—
Четыре со двора долой не сходятъ.

7.

Волга рѣка разливалась;
Выпала снѣгу пороша,—
Ты моя милая хороша!
Гдѣ мнѣ съ миленькимъ повидаться?
Сойдемся на песочикъ,
Свидимся на денечикъ.
Сдѣлаемъ отцу на досаду!
Лукъ, чеснокъ пощипала,
Бѣлу капусту заломала!
Тетерева поймала
Тетерева отщипала,—
Перье ево на подушки,
Мясо ево—на закуски.

8.

Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ
Идетъ дядяшка Егоръ.
Его дѣвушки любили,—
Его кашей масляной кормили.
Каша маслянная,
Ложка крашевая!
Ложка гнется,
Носъ трясется,—
Душа радуется!

9.

Отъ чего милой не любить
Ростомъ маленьки гороздь?
На большу руку положить,
А съ меня не спустить глазъ.

10.

У воротъ было воротичекъ,
У воротъ было рѣшотчатыхъ:
Тутъ молодчикъ убивается,
Онъ ко стѣнкѣ прививается.
Кто-бы, кто-бы сиротинушку призрѣлъ,
Чтобы его ночевать пустилъ?
Одна дѣвица промолвилася,
Красавица проговорила:
«Ужъ я, нынче, больно сиротъ люблю,
Сиротинушку ночевать себѣ пущу!»

11.

У калитки стоитъ парень молодой;
Говорить: — «напой красавица водой!»
Ты напой меня колодешной водой,
Я пришелъ къ тебѣ въ рубашкѣ голубой!
Голубая, не подыгрывай!
Не любя, — такъ не заигрывай!

Голубая вся отдѣлана каймой —
Въ посидѣнки играй миленькой со мной!

12.

Какъ ходилъ — гулялъ, Ванюша,
Вдоль по улицѣ
На Паранино окошко
Часто взглядывалъ;
Про Паранино здоровье
Часто спрашивалъ.
Научи, душа Параня,
Какъ къ тебѣ ходити,
Научи, душа Параня,
Какъ тебя любить!
— «Ты не улочкой, Ванюша, —
Переулочкой;
Ты, не въ слѣдъ ступай, Ванюша —
Въ переслѣдочекъ.
Подъ окошко придешь —
Ты не стучайся;
Ты, не стучайся, Ванюша, —
Поцарапайся!

13.

Сама вижу по лицу и по очамъ:
Не ходите-ка, робята, по ночамъ
По улицѣ; не ходите-ка,
Пустяковъ не говорите-ка;

Поль окошечкомъ не стойте-ка,
Про насъ пѣсенокъ не пойте-ка,
Во гармонью не играйте-ка!
Не пугай-ка Саша Грушеньку;
Не буди Алеша Машеньку,—
Они спать, не пробудятся,
Растрепались,—не полюбятся!

14.

Сквородка въ печи,
Сквородникъ на печи!
Ты не много хлопочи,
А десятка два—три
Намъ блинговъ испеки!
Двое ходять, двое бродять,
Двое сойдутся, приобьидутся,
Поцѣлуются!
Что по старому закону
По четырёхъ на кона;
А сейчасъ пришелъ указъ —
Цѣловаться три разъ.

15.

«Зайнька, гдѣ ты былъ побывалъ?
Сѣренькой, гдѣ ты былъ побывалъ?
Зайнька, мой бѣленькій,
Бѣленькій, мой сѣренькій,
Гдѣ ты, гдѣ ты зайка былъ,

Гдѣ ты сѣрой побывалъ?
Зайшко, ты кого видѣлъ?
Сѣренькій, ты кого видѣлъ?»
«Видѣлъ, видѣлъ двѣ дѣвицы
Видѣлъ, видѣлъ красавицы».
«Зайнька, ужъ не били-ли тебя?
Сѣренькой, ужъ не били-ли тебя?
«Били, били, парень мой,
Били, душечка моя, били, сердце мое».
«Зайнька, скажи, чѣмъ били?
Сѣренькій, скажи, чѣмъ били?
«По бокамъ кулакамъ,
По плечамъ *розочкамъ*, кирпичамъ».
«Зайнька, ты не плакалъ-ли?
Сѣренькій, ты не плакалъ-ли?»
«Хипи-хипи, парень мой
Хипи-хипи, сердце мое!
Зайнька, утекати пора,
Сѣренькій, цаловати пора,
Цаловати-миловать,
Крѣпко къ сердцу прижимать.
Зайнька, распрощаться пора,
Сѣренькій, распрощаться пора.
Утекати, распрощаться,
Низко кланяться
Да не чваниться».

16.

Около было сыра дуба,
Около было зелененькаго,

Скачетъ черный соболь.
Не скачи, соболь, по улицѣ,
Не скачи, черный, по широкой:
Скачь, соболь, въ новой горящѣ,
Да выбирай себѣ дружиночку,
Выбирай себѣ хорошую.
Дружина—миль-сердечный другъ;
Еще вотъ моя дружиночка,
Еще вотъ моя хорошая,
Дружина—миль-сердечный другъ!
Походить было съ дружиночкой,
Погулять было съ дружиночкой.
Дружина—миль-сердечный другъ!
Мы поклонимся дружиночкѣ,
Мы поклонимся хорошенькой.
Дружина—миль-сердечный другъ!
Прихватимся съ дружиночкой,
Прихватимся съ хорошенькой,
Дружина—миль-сердечный другъ!

17.

Боленъ, боленъ мой любезный,
Очень крѣпко нездоровъ.
Говорятъ, что простудился
На гуляньи вечеръ былъ,
На гуляньи во бесѣдѣ
Парень дѣвушку обнялъ.
Дѣвчоночкѣ стыдно стало,
Стала плакать и рыдать.
Мальчоночкѣ жалко стало,

Онъ сталъ дѣвку унимать:
«Ни плачь, дѣвка, ни плачь красна,
Я самъ холостъ не женатъ:
Когда вздумаю жениться
Я посватаю тебя».
«Ты бѣденъ, я богата—
Не быть дѣвкѣ за тобой».
«Ты богата, а я бѣдный,
Я красавецъ передъ тобой».

18.

Ой матушка кручина, государыня печаль!
Не кручина изсушила—печаль высушила;
Изсушилъ крушилъ дѣтинушка, молодчикъ молодой.
Онъ во тоненькой рубашкѣ понравился дѣвкѣ Машкѣ
Его матушка Арина ему рѣчи говорила:
«Полно, Вани, перестань, прочь отъ дѣвушки отстань».
«Сударыня моя мать, тебѣ меня не унять,
За охотой, за такой, за дѣвичьей красотой.
Ужъ хоть быть-то я бывалъ, да довольно погулялъ,
Хоть и сипинушка избита, да сударушка нажита,
Хоть сипинушка износила, да сударушка мила».
Полили то съ горъ потоки, стала мать потакать,
Стала мать потакать. стала сына посылать:
«Поди, Ваня, погуляй, у дѣвушки побывай».
У дѣвушки, у такой былъ хорошій упокой,
Упокой мой упокой, не растаеся бѣ я съ тобой.

19.

Какъ вечеръ, вечеръ Ванюшу
Родной батюшка бранилъ,
Родна матушка журила:
«Ужъ ты гдѣ, ты гдѣ Ванюша
Вечеръ долго пропадалъ?»
— Пропадать не пропадалъ,
Я на улицѣ гулялъ,
Хороводы заводилъ;
Въ хороводахъ я плясалъ,
Красныхъ дѣвокъ цѣловалъ:
Хорошую дважды,
Пригожую трижды.
Я худую хударьбу
Кругомъ семь разъ обойду,
Поцалую одинъ разъ,
И то ради славы,
Чтобы люди знали.
Она вышла на улицу—
Разсовинилась,
Разчуфырилась:
Какъ вечеръ-то меня дѣвушку
Дѣтина цаловалъ,
Брѣйко къ сердцу прижималъ,
Разлапушкой называлъ!

20.

Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила,
Туго выжимала,
Друга поджидала.
Тхалъ тутъ молодчикъ,
Молоденькій молодой,
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ,
Въ господскомъ приборѣ.
Сказалъ: «бѣленька дѣвица,
Бѣла круглолица!
Дѣвица спѣсива
Не скажи спасибо....
Дѣвица, дѣвица,
Бѣла круглолица,
Напой ты мнѣ коня
Средь синя моря,
На камушкѣ стоя,
Чтобы конь напился,
Коверъ не смочился!»—
— «Молодчикъ, молодчикъ,
Молоденькій, молодой
Смести мнѣ кроватку
Середь синя моря,
На камушкѣ стоя!»—
— «Дѣвица дѣвица,
Сшей мнѣ рубашку
Изъ алаго цвѣту,

Котораго нѣту!»—
— «Молодчикъ, молодчикъ,
Молоденькій молодой,
Сошей мнѣ башмачки
Изъ бѣлаго свѣту,
Котораго нѣту!»

(Самарск. губ.—Варенцовъ, стр. 41).

21.

На рѣкѣ, на рѣчкѣ,
Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила,
На-сухо крутила,
На березкѣ клала.
Тамъ и шель дѣтина:
«Богъ помочь, дѣвица,
Тебѣ платье мыти,
Звонко колотити,
На-сухо крутити,
На березу класти!»
Дѣвушка спѣсывая
Не дала спасибо,
Дружкомъ не назвала...
«Душечка дѣвица,
Сшей-ка мнѣ рубашку,
Не ткавши, не правши,
Въ рукахъ не державши!»—
— «Душечка молодчикъ,
Выстрой теремочекъ

Безо мху, безъ лѣсу,
Безъ бѣлаго тесу!»—
— «Душечка дѣвица,
Набери мнѣ ягодъ
Зимой объ Крещеньѣ,
А лѣтомъ объ Вознесенъѣ!»—
— «Душечка молодчикъ,
Сшей-ка мнѣ башмачки
Со желтаго песочку!»—
— «Душечка дѣвица,
Напряди вервицы
Со чистой водицы!»—
— «Душечка молодчикъ,
Слей-ка перстенецекъ
Со краснаго солнца!
Гдѣ бъ я не ходила,
Все бы я свѣтила!»

(Исковск. уѣздъ, Шейнъ, стр. 231 «Плясов.»).

22.

Посажу я калинушку на круть бережечекъ....
Ты стой, расти, калинушка, расти, не шатайся!
Живи, моя сударушка, живи, не печалься!
Прійдетъ тоска-кручиннушка, пойдѣ, разгуляйся,
Еще пойдѣ, разгуляйся, съ милымъ повидайся!
Почто рѣчка мутно бѣжитъ, иль погоду чувствуетъ?
Почто дѣвица плачетъ, иль маменька била?
Меня маменька не била,—сами слезы льются,
Еще сами слезы льются, никакъ не уймутся.
Отъ моего-ль отъ милаго долго вѣстей нѣту;

Прислалъ милый поклонъ вѣрный, коня воронаго....
 «Ты дѣвица, красавица, душа моя, сердце!
 Загадаю я загадку, изволь отгадати:
 Ты напой моего коня среди синя моря,
 Среди синя моря, на камушкѣ стоя;
 Загадаю я другую,—отгадай люблюю:
 Чтобы коникъ мой напился, чепракъ не мочился!»
 —«Ты молодецъ, молодецъ, душа моя, сердце!
 Загадаю я загадку, изволь отгадати:
 Сострой, милый, мнѣ хоромы, бѣлы-снѣговые,
 Еще бѣлы-снѣговые, тонки, высокіе,
 Чтобъ зимою были теплы, а лѣтомъ прохладны;
 Загадаю я другую,—отгадай люблюю:
 Сшей ты, милый, черевички, съ кленоваго листу,
 А дратву-то сдѣлай, милый, съ дождевой капли,
 Чтобы дратва не рвалась, башмакъ не поролся!»

23.

Ты не думай, не гадай,
 Красна дѣвица-душа,
 Съ своей ножки башмачка
 За ворота не кидай.
 Ярый воскъ ты не топи
 И не слушай подь окномъ,
 Счетнымъ курицу зерномъ
 По пустому не корми.
 Не спидай креста съ груди,
 Не садись въ полночь за столъ,
 И напрасно ты не жди,
 Чтобы суженый пришелъ!

Я скажу тебѣ тайкомъ:
 За твою честь и красу
 Съ любымъ можешь молодцомъ
 Стать, дружокъ, подь вѣнцомъ.
 Такъ не думай, не гадай,
 Красна дѣвица—душа,
 Лишь по сердцу кто тебѣ
 И по мыслямъ выбирай.

24.

Жили два жильца,
 Два родные братца:
 Семіонъ да Агафонъ.
 У Семіона дочь Алена,
 У Агафона сынъ Алешка.
 Захотѣлося Алешкѣ
 Аленку замужъ взять.
 Они свата посылали—
 Тамъ въ глаза имъ наплевали ...
 «Молчи же ты Аленка,
 Дopeкy же я тебя!»
 И пошла наша Алена
 На колодець за водой;
 А Алешка-то пeсeь,
 Онъ догадливъ былъ,
 Напередъ забѣгалъ,
 За колодець западалъ.
 И схватилъ же Аленку
 За шелковый поясокъ,
 За тонкой животокъ,

И хлопнулъ Алену
О сырую землю.
«Не достанься же Алена
Ни мнѣ и никому,
Ни другу моему,
Ни злодѣю моему!»

25.

У воротъ молода
Часто гуливала,
Одного я дружка,
Сердцемъ любливала,
Въ хороводѣ всю ночь
Съ нимъ проигрывала;
Вдругъ подружки мои
Позавидовали
И пустили молву
Про меня молоду
Чего я не знала,
И не вѣдывала.
Худа слава дошла
До роднаго отца.
Отецъ строгъ мой родной:
Приказалъ мнѣ молодой
Съ молодымъ не гулять,
Съ дорогимъ не играть.
Я по волѣ отца
Не хожу викауда,
Но забыть молодца
Не могу никогда.

26.

На Дунаѣ дѣвка мылася,
Красотѣ своей дивилася:
«Красота ли моя, красота,
Украшенье лицу бѣлому,
Жениховъ ли къ тебѣ не было!
Изъ поповъ были поповичи,
Изъ дьяконовъ-то дьяконовичи,
Изъ купцовъ было купечество...
Что ни отдалъ сударь батюшка
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за купчика богатаго,
А отдалъ сударь батюшка
За плута, за разбойника,
За ночнаго подорожника....
Онъ со вечера коня кормилъ,
Съ полуночи съ двора съѣзжалъ,
По бѣлу свѣту домой приѣзжалъ.
«Отвори, жена, воротички,
Выставляй-ка подвороточку,
Ты ступай-ка на Дунай рѣку,
Полощи да не развѣртывай!»
Половину бѣлья вымыла,
А другую поразвернула—
Рубашечка братца милаго!

(Вологодскій уѣздъ, Иваницкій, стр. 329).

27.

Полюби меня, ты дѣвица,
Полюби меня красавица,
Не для рода, не для племени,
Не за злато, не за серебро,
Не за удачу молодецкую,
За одну любовь сердечную.
Полюбилъ тебя я милую,
Полюбилъ я ненаглядную
Больше всѣхъ забавъ и радостей,
Больше славы, больше почестей.
По тебѣ душѣ по дѣвушкамъ
Все изныло сердце бѣдное,
Безъ тебя не мило сталъ бѣлый свѣтъ,
Да и лица мнѣ на умъ нейдетъ.
Не губи-жъ меня ты, дѣвица,
Полюби меня красавица!
Я съ тобою оживу красой,
Будто цвѣтикъ оживленъ росой.

28.

Ахъ, нынѣшняя зима непогожая была,
Непогожая была—все метелица мела,
Завыла, замела, всѣ дорожки занесла!
Ахъ, вѣту мнѣ пути, куда къ миленькой идти!
Я по старымъ примѣтамъ по задѣгуменью пройду

И я улицею—сѣрой утицею,
Черезъ черную грязь—перепелицею,
Подъ воротенку пойду—бѣлой ласточкою,
На широкій дворъ взойду—горностаюшкою,
На крылечушко взлечу—яснымъ соколомъ,
Во высокъ теремъ взойду—добрымъ молодцомъ.
Какъ увидѣла боярыня холопа изъ окна:
«Ахъ, негодница холопъ, гдѣ спалъ, ночевалъ?»
«Боярыня, сударыня, у тебя въ терему,
У тебя въ терему, въ шитомъ браномъ пологу,
Въ шитомъ браномъ пологу, на перинахъ, на луху!»
«Ахъ, негодница холопъ, на что сказываешь?»—
«Барыня, сударыня, на что спрашиваешь?»
«Кабы ты да не спросила, я бы вѣкъ не сказалъ!»—
«Ахъ, негодница холопъ, я съ двора тебя сошлю!»—
Боярыня, сударыня, я и самъ сойду,
Я и самъ сойду, три бѣды снаряжу:
Ахъ, первую бѣду, ворона коня сведу,
А другую-то бѣду, твою дочь уведу,
А третью бѣду, самое тебя убью!»—
«Ахъ, душечка холопъ, животы мои холопъ,
Поживи ты у меня, поработай на меня,
На меня на вдову и на дочь на мою!»
«Боярыня, сударыня, я и радъ работать,
На тебя на вдову и на дочь на твою!»

(Шѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 137).

29.

Ахъ, не стыдно ли,
Красавица моя,
Забуть молодца
Удалого меня?
Ты скажи, скажи,
Мнѣ, дѣвица душа,
Разобидѣлъ чѣмъ
Я, молодецъ тебя?
Что ни вѣсточки,
Ни слуху не было,
Какъ жила ты, я
Не знаю ничего.
Скажи, счастлива-ль
И весело ль жила,
И какъ дни свои
Ты въ радости-ль вела?
Ахъ не спрашивай,
Любезный мой, меня,
Какъ жила я здѣсь,
Несчастна безъ тебя.
Лучше миленькій,
Ужъ жизнь бы прекратить,
Чѣмъ въ разлукѣ мнѣ
Съ тобою было жить.

30.

Изъ-подъ лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-подъ чистаго осинничку,
Какъ бѣжитъ тутъ конь добра лошады,
А за ней идетъ добрый молодецъ;
Идучи, самъ говорить ему:
Ты постой, постой, мой добрый конь!
Позабылъ я наказать тебѣ:
Ты не пей воды на Дунай-рѣкѣ!
На Дунаѣ дѣвка мылася,
И совсѣмъ нарядилася,
Нарядившись стала плакати,
А заплакавъ, сама молвила:
Или въ людяхъ людей не было?
Ужъ какъ отдалъ меня батюшка
Что за вора, за разбойника...
Какъ со вечера они совѣталися,
Со полуночи на разбой пошли,
По бѣлу свѣту прѣехали.
«Ты встрѣчай, встрѣчай, молода жена,
Узнавай коня томленаго!» —
Ахъ, томленный конь—конь батюшковъ,
Окровавленное платье—матушкино,
А золотъ вѣнокъ—милой сестры,
А золотъ перстень—мила брата!
Какъ убилъ онъ брата милаго,
Своего шурина любимаго...

(Пѣсенникъ 1780 г., ч. I, стр. 151.—«Весельчакъ на досугѣ»
ч. I, стр. 187).

31.

Ужь ты, зимушка, зима,
Зима вьюжлива была,
Все кутила, все мела,
Примораживала,
Калинушку съ малинушкой
Заламливала!
Какъ изъ барскихъ воротъ
Молодой идетъ холопъ;
А на встрѣчу холопу
Сама барыня идетъ
И пригравиваетъ:
«Ахъ, ты, с . . . сынъ холопъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Гдѣ ноченьку ночевалъ?»
«Сударыня, боярыня.
Во моемъ терему,
Въ шитомъ браномъ пологѣ,
На перинѣ, на пухѣ,
Съ твоей дочерью,
Душой Машенькою!» —
«Ахъ, ты, с . . . сынъ холопъ,
Почто сказываешь?» —
Сударыня, боярыня,
Почто спрашиваешь?» —
«А и я тебя каналью,
Со двора своего егону!» —
«Сударыня, боярыня,
Не согнавши, самъ пойду,

Душу Машу уведу!» —
«Ты, раздушечка холопъ,
Поживи со мной годокъ,
Поработай на себя,
Отдамъ Машу за тебя!»

(Тверской губерніи, Осташковского уѣзда, Шейнтъ, стр. 175.
«Хороводная игровая»).

32.

Ужь ты, зимушка, зима,
Зима вьюжливая;
Зима вьюжливая,
Заметелистая,
Закуделистая!
Изъ тѣхъ новыхъ воротъ
Идетъ съ барыней холопъ.
Какъ и барыня холопа
Стала спрашивать:
«Ты, раздушенька холопъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Темну ночьку ночевалъ?» —
«Сударыня, боярыня,
У тебя въ терему,
Съ твоей дочерью!» —
«Ты раздушенька холопъ,
Зачѣмъ сказываешь?» —
«Сударыня, боярыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?» —
«Ты, раздушенька холопъ,
Поди вонъ изъ хоромъ!» —

«Сударыня, боярыня,
Безъ посылу вонъ пойду,
Три-то бѣды расскажу:
Я на первую бѣду—
Воротички раствору,
На вторую-то бѣду—
Пару коней уведу,
А на третью бѣду—
Твою дочь увезу,
Во карету посажу!»—
«Ты, раздушенька холопъ,
Поживи со мной годокъ,
Поработай на меня,
На меня и на себя,
И на дочь на мою!»

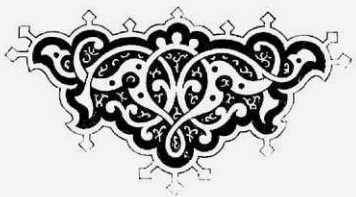
(Тверской губерніи — Шенинъ, стр. 177. — «Хоровод. игров.»).

ПѢСНИ

хороводныя, игровыя, хоровыя
и плясовыя.

Голова болитъ,
Да худо можется,
Да худо можется—
Нездоровится!
Ахъ, лели, лели,—
Нездоровится!
Нездоровится,
Гулять хочется;
Да гулять воли нѣтъ!
Ахъ, лели, лели,
Гулять воли нѣтъ!
Гулять воли нѣтъ—
Я украдуся,
Да нагуляюся.

Со милымъ дружкой
 Да повидаюся,
 Да повидаюся!
 Ахъ, лели, лели,
 Милой ладунка!
 Научи меня,
 Какъ домой придти?
 Ахъ, лели, лели,
 Какъ домой придти,
 Какъ домой придти
 Про гульбу сказать?
 Ахъ, лели, лели,
 Про гульбу сказать
 Про веселую?
 Ахъ, лели, лели,
 Про веселую!
 — «Ты уточкой,
 Да перепелочкой!
 Ахъ, лели, лели,
 Перепелочкой!
 Во высокъ теремъ...
 Красной дѣвушкой!
 Ахъ, лели, лели,
 Красной дѣвушкой!
 — «Мой высокъ теремъ
 Растворенъ стоитъ.
 Ахъ, лели, лели,
 Растворенъ стоитъ!
 Мой постылый мужъ
 За столомъ сидитъ.
 Ахъ, лели, лели,
 За столомъ сидитъ!

Хлѣбъ-соль трескаеть!
 Ахъ, лели, лели,
 Хлѣбъ-соль трескаеть.
 Тебѣ хлѣбъ да соль,
 Мой постылой мужъ!
 Ахъ, лели, лели!
 Мой постылой мужъ
 Да поднимается,
 За шелкову плетку
 Принимается.
 Ахъ, лели, лели,
 Принимается!
 Плетка свиснула,—
 Кровь пробрызнула;
 Я и тутъ молода
 Да не взмолилася,
 Ахъ, лели, лели,
 Не взмолилася,
 Свекру-батюшкѣ
 Да не поклонилася.
 Ахъ, лели, лели,
 Да не поклонилася!
 Свекоръ-батюшка,
 Отними меня!
 Ахъ, лели, лели!
 Отними меня
 Отъ лиха-мужа
 Ахъ, лели, лели,
 Отъ лиха-мужа,
 Змѣя лютова!
 Ахъ, лели, лели,
 Змѣя лютова!

Свекорь-батюшка
Велить больше бить.
Ахъ, лели, лели,
Велить больше бить,
Велить кровь пролить.
Ахъ, лели, лели,
Велить кровь пролить!
Плетка свиснула,—
Кровь пробрызнула,
Ахъ, лели, лели,
Кровь пробрызнула!
Я и тутъ молода
Да не взмолилася
Ахъ, лели, лели,
Да не взмолилася!
Свекровь-матушкѣ
Да поклонилася,
Ахъ, лели, лели,
Да поклонилася!
Свекровь матушка
Отними меня!
Ахъ, лели, лели!
Отними меня
Отъ лиха-мужа.
Ахъ, лели, лели,
Отъ лиха-мужа,
Змѣя лютова!
Ахъ, лели, лели,
Змѣя лютова!
Свекровь-матушка
Велить больше бить.
Ахъ, лели, лели,

Велить больше бить,
Велить кровь пролить!
Плетка свиснула,—
Кровь пробрызнула.
Ахъ, лели, лели,
Кровь пробрызнула!
Вотъ я тутъ молода
Взмолилася.
Ахъ, лели, лели,
Взмолилася:
Милой ладушка!
Да поклонилася.
Ахъ, лели, лели,
Да поклонилася:
Милой ладушка,
Прости меня!
Ахъ, лели, лели,
Прости меня!
Прости меня
Виноватую!
Ахъ, лели, лели,
Виноватую!

2.

Мы наваримъ пива,
Зелена вина!
Ладу, ладу, ладу,
Зеленова вина!
А что у насъ будетъ
Въ этомъ пивѣ?

Всѣ вмѣстѣ сойдемся.
Ладу, ладу, ладу,
Всѣ вмѣстѣ сойдемся!
Всѣ мы разойдемся!
Ладу, ладу, ладу,
Всѣ мы розойдемся!
Мы наваримъ пива,
Зеленова вина!
Ладу, ладу, ладу,
Зеленова вина!
А что у насъ будетъ
Въ этомъ пивѣ?
Ладу, ладу, ладу,
Въ этомъ пивѣ!
Всѣ мы испосядемъ.
Ладу, ладу, ладу!
Всѣ мы испосядемъ,
Посидимъ, да встанемъ.
Ладу, ладу, ладу,
Посидимъ, да встанемъ!
Мы наваримъ пива,
Зеленова вина.
Ладу, ладу, ладу,
Зеленова вина!
А мы въ этомъ пивѣ
Всѣ мы исполяжемъ.
Ладу, ладу, ладу,
Всѣ мы исполяжемъ,
Полежимъ, да встанемъ.
Ладу, ладу, ладу,
Полежимъ, да встанемъ!
Мы наваримъ пива,

Зеленова вина!
Ладу, ладу, ладу,
Зеленова вина!
А мы въ этомъ пивѣ
Всѣ вмѣстѣ сойдемся.
Ладу, ладу, ладу!
Всѣ вмѣстѣ сойдемся,
Всѣ пива напьемся!
Ладу, ладу, ладу!
Всѣ пива напьемся,
Всѣ мы подеремся.
Ладу, ладу, ладу!
Всѣ мы подеремся,
Всѣ мы розойдемся!

3.

Какъ за нашимъ за дворомъ,
За зеленымъ за садомъ
Росла трава шелкова.
По той травѣ пава шла,
За павою павъ летѣлъ.
Кричить: ты моя!
— «А, я, сударь, не твоя,
Родимова батюшки,
Родимыя матушки!

4.

Полно-те, ребята,
Чужое пиво пить!
Не порали намъ, ребята,
Свое заводить?!
У насъ солоду довольно,
Хмѣлю тово больше.
У насъ солодъ на овинѣ,
А хмѣль-то на калинѣ:
Калинушка къ землѣ гнется,
А хмѣлюшка вьется!
Не свивайся калинушка
Съ шелковой травинушкой!
Не свывайся дѣвченушка
Съ молокомъ мальчишкой!

5.

Не летай соловей при долинѣ!
Ты не вей гнѣзда при осинѣ:
Ты свей гнѣздо при теремѣ,
Что въ которомъ теремочкѣ дѣвица сидѣла.
Дѣвка шила коверъ вышивала,
Шивучи, красна дѣвица рѣчь говорила:
Что кому этотъ коверъ достанется?
Доставался коверъ стару мужу.
Доставался стару мужу негодю!
Я могу этотъ коверъ приубавить,

Что со всѣхъ-ли сторонъ по узору,
Шитобранному узору золотому.
Доставался коверъ ровнѣ мужу:
Я могу этотъ коверъ принаставить,
Что со всѣхъ-ли сторонъ по узору,
Шитобранному узору золотому.

6.

Изъ воротъ было воротничекъ,
Изъ новыхъ было рѣшотчатыхъ
Выходили красны дѣвушки
Босикомъ на улицу гулять.
Выносили красны дѣвушки
Соловушка на бѣлыхъ рукахъ.
Соловешка насвистываетъ,
Краснымъ дѣвушкамъ наказываетъ:
Погуляйте, красны дѣвушки,
Во своей волѣ, у батюшки,
У родимой у матушки.
Не равно да замужъ выйдется,
Не равно злодѣй навяжется;
Либо старый, либо малый негодяй,
Либо ровнушка, пьяница, дуракъ;—
Не отпустить на улицу гулять.
Я старого мужа тѣшила,
На осинушку повѣсила,
На осинушку на горькую,
На шипицу колючую,
На крапивушку жгучую.
Пусть осинушка сломится,

Мой старый мужь оборвется,
О шилицу уколется,
О крапивушку обожжется,
Въ быстрой рѣчкѣ закушается,
Во свѣжей водѣ захлебнется,—
Придетъ домой сдогадается.

(Взято изъ «Современника» Т. СІІІ, отд. І, стр. 177.—«Плясованъ»
въ Вологодскомъ уѣздѣ).

7.

Взойди, взойди, солнце
Не низко, высоко,
Ай лѣшеньки лѣли
Не низко высоко,
Не низко, высоко,
Не близко, далеко,—
Ай лѣшеньки лѣли
Не близко далеко.

Зайди, зайди братецъ,
Ко сестрицѣ въ гости
Ай лѣшеньки лѣли
Ко сестрицѣ въ гости.

Спроси, спроси братецъ,
Про ея здоровье.
Ай лѣшеньки лѣли
Про ея здоровье.

Родимый мой братецъ
Плохое здоровье;
Ай лѣшеньки лѣли
Плохое здоровье.

У меня ли братецъ
Да четыре горя
Ай лѣшеньки лѣли
Да четыре горя.

Четыре-то горя,
Пятая кручина,
Ай лѣшеньки лѣли
Пятая кручина.

Первое-то горе —
Свекоръ-то бранчивый.
Ай лѣшеньки лѣли,
Свекоръ-то бранчивый.

Другое-то горе —
Свекровь кропотлива.
Ай лѣшеньки лѣли
Свекровь кропотлива.

Третье-то горе —
Золовка смутьянка.
Ай лѣшеньки лѣли
Золовка смутьянка.

Четвертое-то горе
Деверѣкъ насмѣшникъ,
Ай лѣшеньки лѣли
Деверѣкъ насмѣшникъ.

Пятая кручина—

Мужъ жену не любить,
Ай лёшеньки лёли
Мужъ жену не любить.

—Потерпи сестрица,
Потерпи родная,
Ай лёшеньки лёли
Потерпи родная.

Свекоръ-то бранчивый
Скоро въ землю пойдётъ,
Ай лёшеньки лёли
Скоро въ землю пойдётъ.

Свекровь кропотлива
Сама со двора пойдётъ,
Ай лёшеньки лёли
Сама со двора пойдётъ.

Золовка—смутьянка
Скоро замужъ пойдётъ,
Ай лёшеньки лёли
Скоро замужъ пойдётъ.

Деверёкъ насмѣшникъ
Скоро жену возьмётъ,
Ай лёшеньки лёли
Скоро жену возьмётъ...

Мужъ жену не любить,
Другую не возьмётъ,
Ай лёшеньки лёли
Другую не возьмётъ.

(См. «Пѣсни Якушкина», стр. 699).

8.

Винный мой колодезь
А что-жь стоишь безъ воды?
Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ,
Нашего хозяина
Дома не случилось:
Какъ поѣхалъ
Нашъ хозяинъ
Въ Казань городъ погулять,
Привезетъ-ли нашъ хозяинъ,
Привезетъ-ли молодой,
Казанскую умницу?
«Казанская умница
Цалуй меня золотцо!»
Винный мой колодезь
А что-жь стоишь безъ воды?
Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ,
Нашего хозяина
Дома ее случилось:
Какъ поѣхалъ
Нашъ хозяинъ
Въ Рязань городъ погулять,
Привезетъ-ли нашъ хозяинъ
Рязанскую умницу?
«Рязанская умница
Цалуй меня золотцо!»
Винный мой колодезь

А что жь стоишь безъ воды?
 Конь воду выпиваль,
 Копытами выбиваль,
 Нашего хозяина
 Дома не случилось:
 Какъ поѣхаль
 Нашъ хозяинъ
 Въ Казань городъ погулять.
 Привезеть-ли нашъ хозяинъ
 Казанскую умницу?
 «Казанская умница
 Цалуй меня золотцо!»
 Винный мой колодезь
 А что-жь стоишь безъ воды?
 Конь воду выпиваль,
 Копытами выбиваль,
 Нашего хозяина
 Дома не случилось:
 Какъ поѣхаль
 Нашъ хозяинъ
 Въ Москву городъ погулять.
 Привезеть ли нашъ хозяинъ
 Московскую умницу?
 «Московская умница
 Цалуй меня золотцо!»
 Казанская умница
 Стели мнѣ постелюшку,
 Рязанская умница
 Клади мнѣ сголовицу,
 Московская умница
 Ложись спать со мной!»

9.

Нападала порошица
 Что на землю на талую,
 На траву муравую,
 На цвѣточки лазуревы;
 Что по той по порошицѣ
 Что по той по молоденькой,
 Не бѣлъ заюшко скачетъ,
 Не бѣляночка пляшетъ,
 Еще скокъ-поскокъ зайко,
 Что по чистому полю,
 По широкому раздолью
 Еще хлынь по хлынушки...

10.

Вкругъ я келейки хожу,
 Вкругъ я новыя хожу—
 Младу старицу бужу:
 «Ахъ, старица встань!
 Спасенная душа встань!
 Встань: къ заутренѣ звонять,
 На сходъ говорить.
 Люди сходятся,
 Богу молятся».
 — «Отойди прочь, молодецъ,
 Отойди прочь, удалой!
 Не могу я встать,

Головы поднять:
 Голова моя болитъ,
 Грудь сердечушко щемить».

Вкругъ я келейки хожу,
 Вкругъ я новыя хожу.
 Младу старицу бужу:
 — «Ахъ, старица встань:
 Спасеная душа встань:
 Къ тебѣ миленькій идетъ,
 Чаю-кофею несетъ,
 Напиться велить,
 Позабавиться».

— «Ахъ, встать было мнѣ,
 Поскакать было мнѣ
 Поплясать было мнѣ,
 Поцаловать было мнѣ».

(Подгородная Архангельская на Кегъ-Островѣ. Записаль С. В. Максимовъ).

11.

Летѣлъ голубь,
 Летѣлъ сизой
 Съ голубошкою;
 Шелъ удалой молодецъ
 Съ красной дѣвицею.
 Позади идутъ товарищи,
 Высматриваютъ,
 Что высматриваютъ, приговариваютъ:
 Кабы эта бы голубушка
 Не за голубемъ была,
 Кабы эта красна дѣвица

Не за молодецъ была,
 Я бы взялъ, я бы взялъ за себя,
 Я бы лѣтнею порою
 Во каретѣ прокатилъ,
 Я бы зимнею порою
 Въ новыхъ питерскихъ саняхъ,
 На своихъ лошадяхъ.
 На извозчикѣ кафтанъ
 Темно-сяного сукна,
 Петербургскаго шитья:
 Кладу голубя на ручку—
 Не тряхнется.
 Переложу на другую
 Не шелохнется.
 Скажу, *кышъ*, голубь домой,
 Полетай, сизый, домой,
 Ко голубушкѣ своей—
 Сизъ-голубчикъ взволновался,
 Голубушку цаловаль,
 Сизъ-голубка взворковала,
 Молодчика цѣловала.

(С. Кигбеево. Сарапульск. уѣзд., Вятск. губ.—Зап. С. Р. Чесноковымъ).

12.

Селезень ловилъ утку,
 Молодой ловилъ сѣру:
 Поди, утица, домой,
 Поди, сѣрая, домой:
 У ти семеро дѣтей.

Осьмой селезень.

Селезень ловилъ утя и проч.

(Вятск. губ.).

13.

Не въ полѣ дождь поливаетъ.
У насъ, въ терему, красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Хозяинъ-отъ волю даетъ,
Хозяюшка не унимаетъ:
Погуляйте-ко красны дѣвки;
Покрасуйте-тось, молодцы!

14.

На улицѣ диво:
Варилъ чернечъ пиво.
Я пиво сливала—
Меня разнимало;
Бросилась хмѣлинушка
Во ручки, во ножки,
Изъ ручекъ, изъ ножекъ
Во буйну головку,
Изъ буйной головки
Въ ретиво сердечко;
Не дастъ мнѣ стряхнуться,
Не дастъ взорохнуться!
Встану я стряхнуса,
Да пойду взорохнуса,
Милой поклонюся.

(Усть-Цыльма, Мезенск. уѣзд. -- Изъ собр. Якушкина).

15.

Какъ за нашимъ за дворомъ
Росла трава шелкова,
Зеленая мурава,
По той травѣ панья шла
За паньєю панъ идетъ,
Кричитъ панья ты моя!
А я, сударь не твоя
Родимаго батюшки,
Сударыни матушки.
Какъ изъ нашихъ изъ воротъ
Молодой ямщикъ выѣзжалъ,
Красны сукна разстилалъ,
Гулять жену посылалъ:
Гуляй, жена, до поры,
До вечерней до зарп.
Какъ зорюшка занялась,
А я млада поднялась,
Подхожу я ко двору—
Деверь ходить по двору,
Разсчесавши бороду.
Ужъ ты деверь-деверекъ,
Ужъ ты мужній братъ,
Проводи меня къ мужу спать:
Станетъ меня мужъ-то бить—
А ты меня отними.
Станетъ меня мужъ цаловать—
А ты прочь поди.

(Москва.—Изъ собр. Якушкина).

16.

Ходить панъ, панъ за горами,
Зайдемъ дѣвушкамъ толпами,
Молодушкамъ табунами.
Едной дѣвки въ толпѣ нѣту,
Едной красной не случилось;
Едно не слободно, знато ей недосужно:
Печеть пироги на опары,
Въ печь посажать на лопаты,
Изъ печи тащить на хордахъ,
Растворяетъ на дрождахъ;
Естоль они высокеньки!
Естоль они широкеньки!
Естоль они мягкошеньки!

17.

По лугу-лугу разливалась вода,
По зеленому стоечка течетъ,
На этой на стоечкѣ
Бѣла лебедь сидитъ,
Гребешкомъ головушка разчесанная,
Лентой коса перевязанная.
Завтра у батюшки честенъ пиръ:
Мнѣ-ли на пиру не бывати,
Будетъ пива и вина не пивати.
Будетъ сладкаго меду не кушивати,
Съ миленькимъ по садику не гуливати!

(Усть-Цыльма, Мезенск. уѣз. - Записано С. В. Максимовымъ).

18.

Какъ на талую на землю выпала пороша.
Что по этой по порошѣ шелъ мальчикъ хорошій.
Не путемъ шелъ, не дорогой, чужимъ огородамъ;
Онъ чужимъ шелъ огородамъ, чужею межою.
Набираетъ, нажимаетъ комъ бѣлова снѣга,
Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ дѣвущкѣ въ колѣни.
Не шути, бѣлой, кудрявый: мнѣ тепериче не время,
Очень не свободно.
У батюшки гостятъ гости, у матушки гостыи;
У мила братца компанья, у меня — подружки.
Я съ тобою застоялась, подругъ растеряла;
Я подружекъ растеряла, тебя цѣловала.

19.

Ужъ ты, Васенька, Васильюшка,
Зачѣмъ, Вася, упиваешься,
По торгамъ ходишь валяешься?
До Василья цѣловальнички добры:
До улегу зеленымъ виномъ поятъ,
Безъ разсчета золотой казной дарятъ.
Сняли съ Васеньки нанковый халатъ,
Со рѣзвыхъ ножекъ козловы сапоги,
Нельзя Васенькѣ домой пройти.
На пути Васи сударушка живетъ,
По часту Василья въ гости зоветь.
— Приди, Вася, погости у меня!

У меня про Васю пиво варено,
У меня пивушко мартовское,
Зелено вино макарьевское,
Сладка водочка анисовая,
Тесова кровать расписанная,
Красна дѣвица униженная,
Жемчужкомъ она усаженная.

(Вологодск. уѣзд.—Записано Н. А. Иваницкимъ).

20.

Посѣяли дѣвки ленъ,
Посѣяли, пололи, бѣлы ручки кололи.
Повадилса воленокъ молоденькій щеголекъ,
Со льну цвѣты сорывалъ, въ Дунай рѣчку по-
бросалъ.
Въ Дунай-рѣку побросалъ, Дунай-рѣчкѣ наказалъ:
Дунай-рѣчка, не примаи, ко бережку прибивай,
Ко бережку крутому, ко маіорову двору.
У маіора на дворѣ разыгрался конь въ уздѣ,
Копытечкомъ землю бьетъ.....
Пробилъ землю до песка, до сырова камешка.
Изъ камешка огня нѣтъ, въ своей женѣ правды нѣтъ,
Въ своей жевѣ правды нѣтъ, въ чужой женѣ правда
есть.

Своей женѣ лапотки, чужой женѣ башмачки.
Носи, жена, не теряй, по праздничкамъ надѣвай,
По праздничкамъ годовымъ, по маслянкамъ по ча-
стымъ.

Поносишь, такъ убирай—въ ящичекъ запирай.

(Вологодск. уѣзд. Записано Н. А. Иваницкимъ).

21.

Мы наваримъ пива, зеленое вина.
Что у насъ будетъ въ этомъ пивѣ?
Всѣ вмѣстѣ сойдемся, всѣ мы разойдемся.
Всѣ мы испосадемъ, посидимъ да встанемъ.
А мы въ этомъ пивѣ всѣ мы исполяжемъ.
Всѣ мы исполяжемъ, полежимъ да встанемъ.
А мы въ этомъ пивѣ всѣ вмѣстѣ сойдемся,
Всѣ пива напьемся, всѣ мы разойдемся!

(Записано Н. А. Иваницкимъ).

22.

Матушка тошненько,
Государыня, боярыня, печально!
Съ роду я такова не бывала,
Меня грусть—тоска обуяла,
Обуяла, обуяла, одоляла.
Всю я ноченьку млада не спала,
Я не спала, не спала, не сыпала.
У тесовыхъ кровати простояла,
Соболино одѣяло продержала.
Я изъ горницы въ горницу ходила,
Изъ окошка въ окошко смотрѣла;
Я къ любимому комоду подходила,
Я любимый комодикъ отпирала,
Отпирала, отпирала, отворяла;
Я побольше графинчикъ вынимала,

Я любимый стаканчикъ доставала,
 Пополнѣ я его наливала,
 Я любезному дружку подносила,
 Любезному своему говорила:
 Ужъ ты выпей-ка, выкушай, надежда,
 Ужъ ты выпей-ка, выкушай, не чванься,
 Надо мною молодой не ломайся.
 Ужъ я батюшку роднова обманула,
 Ужъ я матушку родную сомутила:
 Я во гости ихъ снарядила,
 Любезнова своего угостила.
 Ужъ какъ я ли млада сговорена,
 Сговорѣна я млада, пропоѣна,
 Пропоила меня матушка родная,
 Что во дальну пропоила деревеньку,
 Въ незнакомую меня семейку,
 За того-ли за дѣтину холостова,
 Не того, кого я въ дѣвушкахъ любила,
 Не того, кому я перстень подарила.
 (Вологод. уѣз.—Запис. Н. А. Иваницкимъ).

23.

Какъ на тоненькой ледокъ выпадалъ бѣлый снѣжокъ.....
 Ыхалъ Ванюшка дружокъ.
 Ыхалъ Ваня, поспѣшалъ, съ ворога коня упалъ.
 Никто къ Ванѣ не бѣжалъ.
 Тутъ дѣвицы увидали, скоро къ Ванѣ подбѣжали,
 На коня его сажали,
 На добра коня сажали, путь указывали
 И наказывали:

Ты поѣдешь, Иванъ, по чужимъ городамъ—
 По полямъ-то поѣдешь, не засвистывайся,
 На веселыхъ на бесѣдахъ не засиживайся,
 На хорошихъ, на пригожихъ не засматривайся.
 Хорошія, пригожія баню высушили,
 Сердце вызнобили;
 Что повывели румянецъ изъ бѣлова изъ лица,
 Изъ Ивана молодца.

(Записано Н. А. Иваницкимъ).

24.

Отдаютъ молоду за рѣченку за Неву,
 Во горенку во нову, во семеюшку малу:
 Только свекоръ да свекровь да четыре деверька,
 Двѣ золовущи, да двѣ тетущи.
 Какъ меня младу ведутъ,
 Тутъ-то свекоръ говоритъ:
 — Намъ медвѣдицу ведутъ,
 А свекровь-то говоритъ: людоѣдицу ведутъ.
 А золовки говорятъ, что неряхъ ведутъ.
 А тетущи говорятъ: не-ткаху, не-пряху,
 Не-швею, не-бѣлю.
 Шесть недѣль прошло, говорить можно.
 — Свекоръ-батюшка позволь
 Слово выговорить:
 Свекоръ-батюшка медвѣдицы
 Во темномъ лѣсу живутъ,
 Людоѣдицы, свекровушка,
 Во берлогѣ лежатъ.
 Ужъ вы братцы-деверьки,

Ваши жены таковы.
 А золовухи, вы голубушки,
 Когда замужъ выйдете, таковы-же будете.
 А вы, тетухи, вы, лебедушки,
 Вы сидите на печѣ, на девятомъ кирпичѣ,
 Не судите, не рядите, не указывайте!
 А какъ милая-то лада
 Подъ полатями сидитъ,
 Искоса глаза глядитъ.
 — Ты косись, не косись,
 Я не больно боюсь.
 Шелковую плетъ схватилъ,
 Мое тѣло обварилъ.
 Ужъ какъ я ли молода да не робкая была,
 Плетъ-то выхватила, его выварила.
 Праву руку отвела, въ лѣву щеку подала,
 А лѣвую отвела, да въ правую подала.
 За русы кудри взяла
 Къ сырой землѣ пригнела:
 — Ужъ ты кланяйся пониже,
 Говори со мной потише.
 Ужъ какъ мужняя гроза—
 Наплевать ему въ глаза;
 Ужъ какъ мужніе побои—
 Наплевать ему поболѣ.

(Вологод. уѣз.—Записано Н. А. Иванцкимъ).

25.

Какъ подъ лѣсомъ, подъ лѣсочкомъ
 Тутъ трава шелковая.

Въ этой травкѣ донской казакъ
 На гитарѣ играетъ.
 Разыгравшись, расплясавшись,
 Сталъ невѣсть выбирать.
 — Хорошая, пригожая,
 Поди выдь за меня!
 Не пойдешь ты—спокаешься,
 Воспомянешъ меня.
 Пойду, схожу, про тя спрошу:
 Какова есть она?
 Сосѣдушки, собранушки,
 Чего я у васъ спрошу:
 Вы скажите, не солгите,
 Какова есть она.
 Сосѣдушки, собранушки
 Всѣ хвалили тебя.
 Благодарствуйте сосѣдушки,
 Что женили меня.
 Прикажите же, сосѣдушки,
 Повидаться мнѣ съ ней,
 Повидаться, цѣловаться
 Съ красной дѣвицей-душой.

(Записано Н. А. Иванцкимъ).

26.

Люди, вы люди, вы на насъ взгляните,
 Съ хозяйкою разсудите.
 Женушка не любить,
 Радость ненавидитъ:

Къ людямъ ходить личикомъ,
 Ко мнѣ ходить плечикомъ.
 Сяду, поѣду въ Новгородъ гуляти,
 Товару закупати.
 Куплю женѣ фатку, куплю коноватку.
 — Прими, жена, фатку, прими коноватку,
 Прими-же не чванься, мною не ломайся!
 — Мнѣ не надо фатку, не надо коноватку,
 Тебя, пана, не люблю, молодого не терплю.
 Сяду, поѣду въ Новгородъ гуляти,
 Товару закупати.
 Куплю женѣ плетку, плетку трехвостку.
 Прими, жена, плетку, прими шелковую,
 Прими же, не чванься, мною не ломайся!
 Люди, вы люди, вы на насъ взгляните,
 Съ хозяйкой похвалите:
 Женушка любить, радость и навидить:
 Къ людямъ ходить плечикомъ,
 Ко мнѣ ходить личикомъ.

(Волсгод. уѣз. — Записан. Н. А. Иванецкимъ).

27.

Леталъ голубь, леталъ сизый со голубушкою,
 Удалой молодецъ съ красной дѣвушкою.
 Кабы эта-то голубушка у голубя была!
 У голубя, у голубя золотая голова,
 У голубушки моей позолоченная,
 Разнымъ шелкомъ перестроченная
 Алымъ лентамъ перевязанная.
 Кабы эта красная дѣвица у молодца жена!

Всю бы золотомъ усыпаль жемчужкомъ унизаль.
 Я бы лѣтнею порою во каретѣ все возилъ,
 Я бы зимнею порою на ямскихъ лошадяхъ,
 На ямскихъ лошадяхъ, на казанскихъ саяхъ.
 А на кучерѣ кафтанъ самолучнаго сукна,
 На дѣвицѣ сарафанъ хорошо очень убранный.

28.

Ужъ мнѣ надобно сходити
 До зелена луга,
 Тамъ мнѣ надо повидати
 Сердешнова друга;
 Его надо мнѣ позвати
 Къ себѣ ночевати.
 Какъ вечеръ ко мнѣ младенькѣ
 Прилеталъ голубчикъ.
 Какъ садился голубочекъ
 На мой теремочекъ,
 Съ моего-то теремочка
 На красно крылечко,
 Со краснова со крылечка
 На мое окошко.
 Въ первомъ часѣ полуночи
 Меня милой будить:
 Встань, красавица моя,
 Отъ сна пробудися!
 Я пришелъ къ тебѣ во первыхъ
 Отворяй мнѣ двери!
 Не отворишь, радость двери,
 Хоть открой окошко!

Я съ кроваточки вставала,
Двери отворяла,
Новы двери отворяла,
Милаго встрѣчала,
За бѣлы руки брала,
Въ уста цѣловала,
За убранный столъ садила,
Чаемъ напоила,
Чаемъ, кофеемъ поила,
Дружку говорила:
Какъ поѣдешь, моя радость,
На чужу сторонку,
Тамъ во дальной во сторонкѣ
Ты много не хвастай.
На то мальчикъ разсердился,
Со мной разбранился;
Онъ ударилъ ручкой въ столикъ.
Полно, милый, вздорить!
Пошелъ стукъ, пошелъ брякъ
По моей по спальнѣ.
Что про это про несчастье
Всѣ люди узнали;
Всѣ дворовые узнали,
Маменькѣ сказали.
Посылаетъ ко мнѣ мать
Вѣрную служанку,
Мою супостатку.
Сударыня—барышня,
Что съ вами случилось?
Сѣра кошечка скочила
Зеркальце разбила;

Она зеркальце разбила,
Меня разбудила.

(Вологодскаго уѣзда.—Записано Н. А. Иваницкимъ).

29.

Какъ на горѣ калина,
Подъ горою малина.
Тутъ дѣвушка гуляла,
Калинушку ломала,
Во пучечки вязала,
Въ молодчика бросала.
Ты молодчикъ молодой,
Неженатый—холостой,
Возьми меня за себя,
Ужъ я тебѣ удружу:
Пару коней подарю,
Еще вдвое удружу
Съ руки перстень подарю
Еще втрое удружу
Подѣлую, обойму.

30.

Я по горенкѣ ходила,
Я по новенькой гуляла;
Не въ трубу-ли я (2), не во трубоньку-ль трубила?
Все бы я со милымъ,
Все бы я со любезнымъ,
Все бы я съ милымъ, все бы со любезнымъ,

Все бы я съ милымъ говорила.
 Другъ мой милый, другъ любезный,
 Дружокъ милый, чернобровый,
 Душа радость!
 Не садись другъ противъ меня,
 Противъ меня на колѣни.
 Люди скажутъ, люди молвятъ:
 Любишь меня.
 Ежели ты любишь, другъ, скажися
 Ежели не любишь откажися.
 Ты скажися, расскажися
 Чьего роду.
 Ужъ я роду не простова,
 Не простова—княжескова.
 Княжескій сынъ въ гусли играетъ,
 Онъ меня дѣвицу, онъ меня красную
 Спотѣшаетъ:
 Быть тебѣ, дѣвица, быть тебѣ, красная,
 Быть тебѣ за мною.
 Предо мною слыть женою,
 Госпожою!

(Записано Н. А. Иваницкимъ).

31.

Ты луговка моя луговая,
 Гдѣ-же ты была, побывала?
 Ужъ я была, побывала—
 Ужъ я была во лѣсочкѣ,
 Въ чистомъ полѣ подъ кусточкомъ,
 Подъ лавровенькимъ листочкомъ.

Тутъ шли—прошли двое удалые
 Два школярика, оба молодые.
 Они срѣзали по пруточку,
 Они сдѣлали по гудочку.
 Ужъ вы, гудки мои, не гудите,
 Вы меня молоду не будите:
 Ужъ я млада сговорена,
 Сговорена я млада, пропоена.
 Пропоила матушка родная
 За такого дѣтину холостого,
 Въ невеселую деревеньку,
 Въ не согласную семейку,
 Не за ровнюшку дѣтинку.

32.

Вечоръ дѣвушка угорѣла,
 Что головушка заболѣла,
 Гулять съ миленькимъ захотѣла.
 Меня миленькій худо любить:
 До полуночи домой не ходить,
 На постелю спать не пущаетъ,
 Со зголовьца сдвигаетъ,
 Одѣялочка не даваетъ.

(Записано Н. А. Иваницкимъ).

33.

В а н я - к л ю ч н и к ъ .

Въ каменной-то Москвѣ, у князя Волконскаго,
Тутъ живетъ-то поживаетъ Ваня-ключникъ,
Молодые-то княгини полюбовничекъ.
Ваня годъ живетъ, другой живетъ, князь не вѣдаетъ.
На третій-то на годочекъ князь довѣдался
Черезъ ту-ли черезъ дѣвушку черезъ сѣнную,
Черезъ сѣнную, да черезъ самую послѣднюю.
Закричалъ-же князь Волконскій зычнымъ голосомъ:
Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы сходите, приведите Ваню-ключника
И сталъ-же князь Ванюшу да выпрашивать:
— Ты скажи, скажи Ванюша, скажи правду всю:
Ты который годъ съ княгиней во любви живешь?
На первой-отъ разъ Ванюша не покался.
Онъ выпрашивалъ Ванюшу ровно три часа.
Что и тутъ-то нашъ Ванюша не покался.
Закричалъ-же князь Волконскій громкимъ голосомъ:
— Вы слуги-ли мои, слуги, есть-ли вѣрные?
Вы ведите-же Ванюшу на конюшный дворъ!
Повели же вѣдь Ванюшу широкимъ дворомъ.
На Иванушкѣ сибирочка пошумливать, —
Александрійская рубашка ровно жаръ горить,
Козловы новы сапожки поскрипываютъ.
У Иванушки кудеречки разсыпаются,

А идетъ-то самъ Ванюша усмѣхается.
Привели-же вѣдь Ванюшу на конюшный дворъ,
Тамъ и начали Ванюшеньку наказывать:
Александрійская рубашка съ тѣломъ сметана,
Казиминова сибирочка вся изорвана,
Русые кудеречки прирастрепаны,
Козловы новы сапожки крови полные,
Закричалъ-же нашъ Ванюша громкимъ голосомъ:
— Ужъ ты баринъ-ли нашъ, баринъ, ты Волконскій
князь!

Поставлено зелено вино—кто не пьетъ его?
Приготовлены закусочки—кто не кушаетъ?
Какъ у насъ-то со княгиней было пожито,
Виноградныхъ винъ съ княгиней было попито,
Приготовленныхъ закусочекъ покушано.
Закричалъ-же князь Волконскій громкимъ голосомъ:
— Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги вѣрные,
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокія,
Становите вы два столба, два высокіе,
Перекладинку кладите вы кленовую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую,
И повѣсьте тутъ Иванушка измѣнника,
Молодые, то княгини полюбовника!
Что Иванушка во петелькѣ качается,
А княгиня во теремѣ копчается.

34.

Вились, вились кудеречки,
Вились кудри, завивались,
Что слышали кудеречка

Про себя бѣду—несчастье—
 Поголовное солдатство.
 Пристоялъ я рѣзвы ноженъки
 На солдатскомъ караулѣ,
 Примахалъ я бѣлы рученьки
 За солдатскими ружьями,
 Пригнело мою головушку
 Солдатскими киверами.
 Что задумалъ добрый молодецъ
 Съ караула-то бѣжати.
 Бѣжалъ, бѣжалъ добрый молодецъ,
 Бѣжалъ лѣсомъ—оборвался,
 Бѣжалъ полемъ—обмочился,
 Бѣжалъ улочкой—торопился.
 Прибѣжалъ я, добрый молодецъ
 На родимую сторону,
 Постучалъ я, добрый молодецъ
 У сторонняго окошка.
 — Пусти, пусти родной батюшка,
 Пусти обогрѣться!
 Пусти, пусти родна матушка,
 Пусти обсушиться!
 Заглянула моя матушка
 Во стороннее окошко.
 — Не пущу тебя я дитятко,
 Не пущу обсушиться,
 Не пущу тебя я, дитятко,
 Не пущу обогрѣться.
 Мы боимся, мило дитятко
 Высшаго начальства;
 Пуще мы боимся, дитятко,
 Ближняго сосѣда.

Пошелъ, пошелъ добрый молодецъ,
 Самъ заплакалъ:
 — Не спасибо тебѣ, батюшка,
 Не пустилъ обогрѣться!
 Не спасибо тебѣ, матушка,
 Не пустила обсушиться!
 (Вологодскаго уѣзда. — Записано Н. А. Иваницкимъ).

35.

Какъ на нашей на сторонкѣ
 Хороша угода,
 Что хорошая угода—
 Хорошъ хмѣль родился—
 Вкругъ колышка вился;
 Вился, вился, увивался,
 Кверху подымался.
 Прутье, вицье золотое,
 Серебряны листья,
 Жемчужныя кисти.
 Я пойду-ли молоденька.
 Въ зеленъ садъ гуляти,
 Хмелю пощипати.
 Пощиплю я млада хмѣлю,
 Хмелю садовая;
 Наварю я млада пива,
 Пивушка пьянова.
 Позову я въ гости гостя,
 Гостя дорогова,
 Батюшку роднова.
 Ко мнѣ батюшка-то будетъ,

Не долго пробудеть:
Одну ноченьку почуветь,
И ту протоскуеть,
По новымъ сѣнямъ проходить,
Въ окошко просмотрить,
Бѣла свѣта дожидаясь,
Итти снаряжаясь.
Домой батюшка собрался,
Меня оставляетъ
На чужой дальней сторонкѣ
Горе горевати,
Тоску тосковати.

(Записано Н. А. Иваницкимъ).

36.

Во лузьяхъ, во лузьяхъ,
Ужъ какъ во лузьяхъ зеленыхъ, во лузьяхъ.
Выросла, выросла,
Выросла трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые,
Понесли духи малиновые.
Ужъ я ту траву (3) выкошу косою,
Ужъ я той травой (3) выкормлю коня.
Наряжу коня (3) въ золоту узду,
Подведу коня (3) я ко батюшку:
— Ужъ ты, батюшка, родимый мой,
Не отдай меня за стараго замужъ!
Стараго (3) я терпѣть не могу,
Я со старымъ гулять нейду.

Ты отдай меня за ровнюшку!
Ужъ я ровнюшку на смерть люблю,
Я со ровнюшкой гулять пойду.

(Записано Н. А. Иваницкимъ).

37.

Я вечеръ дружка милова унимала ночевать:
— Ты почувуй, почувуй, любезный, почувуй ночку у меня!
— Радъ-радешенекъ остаться, боюсь до свѣту просплю....
— Ты не бойсь, не бойсь, любезный, до зорюшки
разбужу.

До утряныя зорюшки я далеко провожу.
Я до тѣхъ мѣстъ провожала, гдѣ скончалася любовь,
Гдѣ скончалася, разставалася, слезно плакала по немъ.
Слезно плакала, рыдала, со слезъ рѣчка протекала;
Протекла рѣчка Казанка, не широка, глубока;
Не широкая, глубока, перевозу на ней нѣтъ;
Хотя еся, да не здѣся одинъ легонькій стружокъ.
Я на бережку стояла, руки къ сердцу прижала.
Прижамши руку къ сердечку, грудью пала на воду.
На водѣ рѣчь говорила—отъ тебя злодѣй тону!
Отъ тебя ли, отъ себя ли, отъ любви отъ своей,
Отъ невѣжности твоей.

(Записано Н. А. Иваницкимъ).

38.

Я вечеръ молода во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушкѣ

Не у батюшки, не у матушки—
У мила дружка, у Иванушка.
Я не медь пила и не полива,
Я пила молода сладку водочку,
Сладку водочку да наливочку,
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,—
Изъ полна ведра через край до дна.
Я и тутъ млада не пьяна была:
Ужъ я лѣсомъ шла—не шаталася,
Ужъ я полемъ шла—не валялася,
По двору я шла—пошатилася,
за веревочку ухватилася.
Верея ли ты моя, веревочка
Подержики-ка ты бабу пьяную,
Бабу пьяную, жену похмельную!
Я гулять пошла—обрядилася;
У меня въ дому все поприбрано:
Суды вымыла—въ щи вылила,
Порогъ вымыла—въ горохъ вылила,
Полы вымыла—въ квашню вылила,
Косыжки скребла—пирогъ пекла.

(Записано Н. А. Иваничкинымъ).

39.

Эко сердечко, эо бѣдное мое!
Полно, сердце, во мѣхъ ныти, изнывать,
Моему-то сердцу покою не видать!
Съ безпокойчику-то приключается болѣсть:
Что болить-то, болить буйна голова;
Не глядять на свѣтъ веселые глаза,
Днемъ не видать съ неба солнечныхъ лучей;

Изъ лучей-то подымается туманъ,
Изъ туманику частый дождичекъ пошелъ.
Дождь прибилъ, примочилъ шелковую траву;
Легла травонька подъ самый корешокъ.
Не беретъ травы славна рижская коса;
Сѣно косила красна дѣвица душа;
Изъ бѣла-то лица выступали румяна.
Сѣнокосъ-отъ ей на умъ разумъ нейдетъ.
Миткальная рубашечка къ тѣлу льнетъ.

40.

Край дорожки, край широкия было московской,
Тутъ стояла зеленая роща.
Что въ этой-то было во рощѣ
Тутъ стояла зелена елинка,
Распрекрасная въ саду деревинка.
Что на этой было на елиникѣ,
Да на самой было на вершинкѣ,
Тутъ сидить-то птичка—пташка вольная,
Горе—горькая сидитъ кокушка,
Не кокуетъ, а все она горюетъ,
Жалобношенько пташка причитаешь,
Подъ елинушку сама взираешь.
Подъ елинушкой лежитъ дѣтушка,
Не убить онъ лежитъ, не застрѣленъ,
Вострымъ копытцомъ душа исколотъ.
Буйная головушка вся попроломлена
Его ноженьки вдоль дороженьки,
Буйная головушка въ частъ ракитовъ кустъ.
Тутъ возговорилъ душа дѣтинка:

—Ахъ ты матушка моя елинка!
Отпусти-ка ты свое прутье-вѣтѣ,
Ты прикрой-ка мое тѣло бѣло,
Чтобы птицы мое тѣло не клевали,
Чтобы звѣри мое тѣло не терзали,
Чтобы дожличкомъ тѣло не мочило,
Да и солвышкомъ тѣло не сунило.
(Вологодск. уѣзда. Записано Н. А. Иваницкимъ).

41.

Голубь, голубочекъ, мой снзый воркуночекъ,
Зачѣмъ, гуленька, въ гости не летаешь,
Развѣ домичка моего не знаешь?
Мой громкой голосъ вѣтеркомъ относить,
Златокрылаго частымъ дождемъ мочить.
Какъ не ласточка къ землѣ припадала,
Я милова дружка въ гости дожидала,
Его вѣсточку—вѣстку перенимала
Мой-отъ миленькой сидить въ засадѣ,
Что во каменной, каменной палатѣ,
Какъ во каменной, во темной заключенной,
Что во этой ли во этой палатѣ
Нѣтъ дверей въ ней, пѣту и окошекъ,
Что ни маленькихъ, мелкихъ протесокъ;
Одна печенька, печка муровая,
Одна трубонька, трубка выкладная.
Какъ отъ трубоньки чадикъ вывивался,
Какъ у милова сердце запываетъ,
Оттого и голоса его не слышаютъ.

(Записано Н. А. Иваницкимъ).

42.

Недоноскомъ меня матушка родила,
Недоросточкомъ сложенила.
Взяла женушку переростку,
Назвала жена мужа негодлемъ.
Начала жена мужа колотити,
По три утра безъ хлѣба морити.
— Ужъ ты маленькимъ не родился,
Ужъ ты глупенькимъ не женился!
Негодяй, негодяй, пойдемъ вмѣстѣ,
Пойдемъ въ лѣсъ за малиной,
За второй ягодой смородиной.
Привязала жена мужа къ березѣ:
Что на первый денекъ не бывала,
На второй—отъ день прогуляла,
На третій—отъ день побывала.
— Каково тебѣ мужъ у березы!
Каково, негодяй, у зеленой?
— Сударыня жена, не корыстно!
Тѣло бѣло комары искусами,
Буйну голову вороны исклевали
— Отпусти, негодяй, меня въ гости,
Отпусти, негодяй, на недѣлку!
— Сударыня жена хоша на двѣ.
— Отпусти, негодяй, на лошаdkъ!
— Сударыня жена, хоша на тройкѣ.
— Отпусти, негодяй, на тележкѣ!
— Сударыня жена хотъ въ коляскѣ
— Отпусти, негодяй, черезъ поле!

— Сударыня жена, хоша за два.
Отвязала жена мужа отъ березы.
Ужъ какъ началъ мужъ жену толочити,
По пенью, по коренню волочити,
Назвала жена мужа Филаретомъ.
— Филареть, Филареть, пойдемъ вмѣстѣ,
Пойдемъ вмѣстѣ, станемъ жить хорошеньго.
(Записано Н. А. Иваницкимъ).

43.

Зеленая рощица всю ночь прошумѣла,
А я молоденька всю ночь просидѣла.
Сидѣла да прjala, меня въ гости звали,
Звали, посылали къ сосѣду въ бесѣду
Пива—меду пити, зеленѣ вина курити.
Прѣзжали трое на вороныхъ коняхъ,
Въ дорогихъ уборахъ: шапочки съ углями,
Молодцы съ кудрями, гусары съ усами.
Мой милдой хорошій, блѣлой кудреватой,
Холость не женатой.
Онъ къ коню подходитъ, конь—отъ виноходитъ,
На коня садится, конь подъ нимъ бодрится.
Плеточкою машетъ—конь—отъ подъ нимъ пляшетъ,
Плеточкой щелкаетъ—конь подъ нимъ играетъ.
Екъ саду подѣзжаетъ—садикъ зеленѣетъ;
Садикъ зеленѣе—дѣвка веселѣе,
Цѣловать милѣе.

44.

Ахъ ты воля наша, волюшка!
Отъ весны воля до осени,
А на осень воля откажется,
Будетъ большое солдатствіе,
Большое, превеликое,
На три города губернскіе:
На первой городъ Бирженской,
На второй городъ Сереговской,
А на третью славну Вологду,
На сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ.
Повезли нашихъ ребятушекъ,
Забрѣвать стали головушки,
Накидать стали фуражечки,
Надѣвать стали шинелюшки,
Что шинелюшки солдатскія.

(Записано Н. А. Иваницкимъ).

45.

По горамъ, по горамъ,
Я по горамъ ходила,
Все цвѣты (3) видѣла.
Нѣтъ цвѣтка (3) милова,
Нѣтъ цвѣтка милова,
Моего любимого.
По двору, по двору,
Я по двору ходила,

Всѣхъ коней (3) видѣла
Нѣтъ коня (3) сивова,
Нѣтъ коня сивова
Моего любимого.
По сѣнямъ и т. д.
Всѣ шубы видѣла.
Нѣтъ шубы тисетовой.
По горницѣ и т. д.
Всѣхъ гостей (3) видѣла
Нѣтъ гостя (3) милаго,
Нѣтъ гостя милаго —
Батюшки родимаго.
Али мнѣ, али мнѣ
Посылать было некого?
Али мнѣ, али мнѣ
Позвать было не къ чему?
Видно мнѣ, видно мнѣ
Позвать было некого:
Нѣтъ въ живыхъ, нѣтъ въ живыхъ.
Батюшки родимаго.

46.

Затыню, затыню рѣчку быструю,
Загоню, загоню голубя съ голубушкой.
Голубь-то у насъ свѣтъ Иванушка,
Сизый-то у насъ—свѣтъ Ильичъ съ Оомина;
Голубушка при немъ Поликсенушка,
Сизая при немъ—свѣтъ Викторовна.
Свидятся они да поклонятся,
Сойдутся они—поцѣлуются.

47.

Часто, часто припадаетъ,
На дворъ вызывать:
Выйди, дѣвка, выйди, красна,
На красно крылечко!
Тутъ дѣвица выходила—
На красно крылечко,
Подхватила парень дѣвицу,
Повелъ во свѣтлицу.
Посадилъ парень дѣвицу
На кровать тесову

.....
—Ахъ-ты глупая Параша,
Глупа, неразумна!
Если родишь ты дѣвчину,
То твоя причина;
Если родишь ты мальчину,
То моя причина.
Хоть дѣвчину, хоть мальчину,
Общая причина;
Ты полтину, я холстину
Попу за крестины.

(Вологда.—Записано Н. А. Иваницкимъ).

48.

Груня (5), ягода моя!
Какъ повадилась Груняша часто по воду ходить,

На задворкѣ воду лить, къ Алексѣю заходить,
Къ Алексѣю заходить, Алексѣюшка будить:
— Встань, Алеша (2), встань, хорошій, пробудись,
Встань, хорошій, пробудись, на меня-то не сердись.
Я во дѣвушкахъ жила, не сердитая была;
Въ молодухкахъ я жила, такъ забота забрала.
Я заплачу, зарыдаю, Алексѣя вспоминаю.
Какъ у Груниныхъ воротъ стоитъ озеро воды;
Молодецъ коня поилъ и т. д.

49.

Выйду за ворота, посмотрю далеко,
Тамъ горы высоки, озера глубоки.
Въ этихъ озерахъ живетъ рыба щучка
Бѣлая бѣлужка.
Невода закину, живу рыбу выну.
Куда поприсясти живу рыбу чистить?
Саду—поприсяду ко зеленому саду;
Еще поприсяду на дольну долинку,
На лѣтню тропинку.
Куда милъ не поидеть, меня не обойдетъ,
Въ саночки посадить, городомъ прокатить,
Въ лавочку посадить, торговать заставить.
(Вологод. уѣздъ—Записано Н. А. Иваницкимъ).

50.

Полно, солнце, полно, красно,
Изъ-за лѣсику свѣтить!
Полно, дѣвка, полно, красна,

По молодчикѣ тужить!
Какъ мнѣ дѣвкѣ, какъ мнѣ красной
Какъ не плакать, не тужить?
Мнѣ такого-то дѣтинушки во вѣки не нажить.
Мнѣ ни ростомъ, ни красой,
Мнѣ поступкой (2)
Молодецкой форсотой.
Заря-бѣла (2) къ намъ въ окошечко вошла,
Саша съ Машей (2) незваны въ гости пришли.
Праву ручку (2) я въ окошко подала,
Увѣряла молодца,
Увѣривши говорила, чернобровымъ назвала.
Чернобровый, черноглазый, расхорошій милый мой,
Намъ не долго (2) во любви съ тобой позитъ;
Тебя женить (2), меня замужъ отдадутъ.
Отдадутъ молодцу за немилова дружка,
За немилова дружка, за постыла женишка.

(Записано Н. А. Иваницкимъ).

51.

Запилъ Ваня, Ваня загулялъ,
Самъ головушкой Ваня покачалъ,
Два словечушка тайныя сказалъ:
Заростайте-ка все пути-дорожки,
Сюда незачѣмъ Ванюшкѣ ходить,
Здѣсь и некого парню полюбить.
Какъ услышала это любезная:
Полюблю я съ горюшка, съ досады
Расхорошаго себѣ молодца.
Не отстану я любить его стану,

До замужьца его, до вѣнца.
Распроклятое ваше житье бабье,
Расхоршее въ дѣвушкахъ житье!
Ужъ мы выспимся дѣвушки досыта.
Нагуляемся дѣвушки долюба.

52.

Среди-то поля чистаго,
Среди луга зеленаго,
Тутъ стояла нова башенька
Высокимъ-то высокошенька.
Что на этой было башенькѣ
Вознесена-то пушка мѣдная;
Что у этой было пушечки
Молодой былъ пушкатырчикъ.
Заряжаетъ пушкарь пушечку,
Насыпаетъ черна пороху,
Чугунно ядро закатываетъ:
—Полети ты, мое ядрышко,
Высокимъ-то высокошенько,
Далекимъ-то далекошенько,
Выше лѣсу по поднебесью,
Ты во слободы нѣмецкія,
Во полки-то королевскіе,
Сейчасъ пушечка и грянула,
Просвистѣло туда ядрышко;
Что убило ядро школьничка,
Королевскаго полковничка.
Тутъ король стоитъ—задумался,
Королева дочь заплакала.

—Говорила я милу дружку:
Не ходи, милой, во слободы,
Ты во слободы нѣмецкія,
Во полки-то королевскіе,
Меня милый не послушался,
Нагонишь тоску смертельную.
Я со той тоски во гробъ пойду
И во знакъ вѣрности я съ нимъ умру.

53.

Пошли гусли вдоль по горницѣ,
Ай, вдоль да по скамеечкѣ;
Дошли гусли до столечника,
Что до дубоваго.
Ты возьми, возьми умница
Со правой руки золотъ перстень,
Со своей-ли головы золотъ вѣнецъ!

54.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки во высокомъ, во высокомъ.
Паль, паль перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица?

И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы вѣдала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи
Златомъ приплетаючи,
Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три утра золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Паль, паль перстень
Въ калину, въ малину.
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Приизаиндивѣло, призаплѣснивѣло.
Молодайка, отгадайка.

55.

Какъ изъ улицы въ конецъ
Шелъ удалой молодецъ.
Ой, хорошая моя,
Ой, пригожая моя!
Ужъ какъ звали молодца,
Позывали удалца.
Ой, хорошая моя,
Ой, пригожая моя!
Во бесѣдушку сидѣть—
Красныхъ дѣвушекъ смотрѣть.
Ой, хорошая моя,
Ой, пригожая моя!
Посадили молодца,
Посадили удалца.
Ой, хорошая моя,
Ой, пригожая моя!
Вотъ какъ дѣвушекъ поклонъ—
Съ молодца шляпа долой.
Ой, хорошая моя,
Ой, пригожая моя!
Ужъ ты, дѣвушка, подай,
Раскрасавица, подай!
Охъ, хорошая моя,
Ой, пригожая моя!
Я не слушаю тебя,
Не хочу слушать тебя!
Ой, хорошая моя,
Ой, пригожая моя!

Отъ природы, отъ такой,
 Для дѣвушки молодой.
 Дѣвченушка бравая,
 На ней шубка алая.
 Шубка, юбка алая,
 Спущечка бобровая.
 Спущечка бобровая,
 Сама чернобровая,
 Сама чернобровая.
 Черноброва хороша
 По рыночку гуляла,
 Извозчика наняла:
 Извозчика-ямщика,
 Молодова повозничка
 Саши полюбовничка.
 Вдоль по матушкѣ Невѣ
 Ъдетъ милый на конѣ.
 На конѣ-ли, на конѣ,
 На вороной лапашкѣ,
 На вороной лапашкѣ.
 Сидитъ Машенка въ окнѣ
 Машетъ правою рукой,
 Перчаточкой зеленой.
 Перчаточка говоритъ:
 Приворачивать велитъ.
 Приворачивай коня
 Ко точеному столбу
 Ко точеному, ко злаченому,
 Ко серебряному кольцу.

57.

Я вокругъ келейки хожу,
 Я вокругъ новенькія,
 Вокругъ сосновенькія,
 Млада старца бужу:
 Ужъ ты, старецъ, встань!
 Спасеная душа встань!
 Къ тебѣ дѣвица идетъ,
 Да штофъ рому несетъ,
 Что напиться велитъ,
 Позабивиться.
 «Ужо встать было мнѣ,
 Поломать костей
 Для милыхъ гостей,
 Для товарищей».
 Вкругъ я келейки хожу.
 Вкругъ я новенькія,
 Вкругъ сосновенькія.
 Ужъ я старицу бужу:
 «Ужъ ты, старица, встань!
 Спасеная душа, встань!
 Встань: къ заутренѣ звонять,
 На расходъ, говорятъ.
 Люди молятся,
 Черти возятся.
 Къ тебѣ молодецъ идетъ,
 Чаю кофею несетъ,
 Напиться велитъ,
 Позабавиться».

«Отойди прочь, пономарь.
Отойди прочь, трезвонь!
Не могу я встать,
Головы поднять.
Голова моя болитъ,
Сердце ключикомъ кипить»

58.

Весной дѣвушки гуляли
Въ хороводѣ на лужку.
Дѣвки пѣсенку запѣли,—
Милой жалостно внималъ.
Милой жалостно внимаешь,
Рѣчь забавну говорить,
Что такую-то забавну—
Деревеньку всю бранить.
«Ты деревня Ярославля
Зачѣмъ сушишь молодца?!»
Не деревня парня сушить,—
Сушить Аннушка-душа.
Сушить Аннушка; милая—
Уродилась хороша:
Лицо бѣло, щеки алы,
Развеселые глаза.
Ты, судьба-ль, моя милая,
Выйди замужъ за меня!
Ты, душа-ль моя, молодчикъ,
У меня воля не своя.
Не своя-то воля—батюшки,
Воля матушки моей.

Ты душа, красна дѣвица,
Ты не сказывай отцу,
Ты не спрашивай отца,—
Распотѣшь ты молодца!

59.

Вечоръ дѣвушка угорѣла,
Что головушка заболѣла:—
Гулять съ миленькимъ захотѣла.
Меня миленькой худо любить.

60.

Какъ по лугу, лугу зеленому лугу
Ходила, гуляла, думала, гадала,
Все я про милова, все про дорогова.
Не сегодня—завтра ко мнѣ милый будетъ,
Ко мнѣ милый будетъ, меня не забудетъ.
Принесетъ мой милый дороги подарки,
Дороги подарки:—кумачу, китайки,
Куницы, лисицы, еще соболицы.
Буду шубу шить, соболемъ пушить.

61.

Соловей молодой
Ты не пой-ка, не пой
Ранехонько весной;

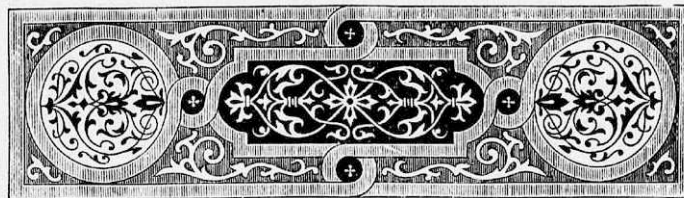
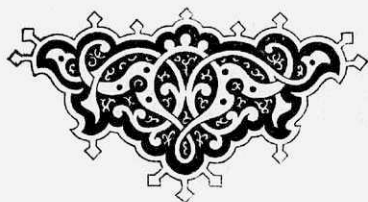
Не пой шибко, не пой громко!
Не столь тошно будетъ молодцу,
Не столь тошно, не столь горько.
Самъ не знаю почему,—
Только знаю, что по ней,
По любезной по своей;
Что моя-то любезная
Удалилась отъ меня:
Удалилась, отошла—
За четыре ровно ста.
За четыре, за пятьсотъ,—
За двѣнадцать городовъ.
За двѣнадцать, за тринадцать,
Въ славный городъ во Москву.
Во Москвѣ мальчикъ гуляетъ,
И извозчика нанимаетъ.
Извозчика не нашелъ,
Самъ заплакалъ, да пошелъ.
Самъ заплакалъ, да пошелъ
Ко товарищу зашелъ
Ты товарищъ, братецъ мой.
Посоветуемъ со мной:
Вмѣстѣ къ любушкамъ пошлемъ.
Какъ намъ стараго послать,—
Старъ не дойдетъ до двора;
Какъ намъ малаго послать,—
Онъ не знаетъ что сказать.
Какъ намъ ровнюшку послать—
Онъ охочъ шельма гулять!

ПѢСНИ
СВАДЕБНЫЯ И ОБРЯДОВЫЯ.

А).

На горочкѣ деревцо,
На горѣ кудреватую
Высоко тонко выросло,
Кунами обоецѣло.
Что подъ тѣмъ было деревцомъ,
Подъ тѣмъ подъ кудрявымъ,
Тулилась, хоронила
Душа красна дѣвица
Анисья Ивановна.
Сама она похваляется
Похвалой своей великою,
Красотой своей дѣвичьей.
Изъ-за этого деревца,
Изъ-за этого кудряваго,
Некому меня выкупить

Что не стомъ, да не другіемъ,
Да не цѣлою счетной тысячей.
Что слышалъ ту похвалу
Удалой добрый молодецъ
Сергѣй Васильевичъ:
«Не хвались, красна дѣвица,
«Анисья Ивановна!
«Я одинъ тебя выкупаю,
«Я безъ ста, да безъ другаго,
«Безъ цѣлой счетной тысячи:
«Съ единымъ я со тысячнымъ,
«Я со крестнымъ со батюшкой,
«Съ единою со сватьюшкой,
«Я со крестной со матушкой.

(Архангельской губерніи).

1.

Плачь невѣсты послѣ просватанія.

1.

Съ паденіемъ въ ноги.

О т ц у:

Не бей ко батюшко,
Крѣпка рукобѣйча;
Ты не пей ко батюшко,
Зелья, зелена вина;
Не давай-ко, батюшко,
Правыя руценьки,
Не поруцъ, мой батюшко,
Мою буйную голову.

М а т е р и:

Ты, моя корминича,
Да родная матушка,
Не приступай ее, матушка,
Ко печи кирпичною,
Ко чилу бумажному;
Не бери-ко матушка,
Огнивча булатново,
И кремешка алмазново,
Не добывай-ко, матушка,
Огни искры яровой;
Не затепливай
Свици воску ярово;
Ты не стай ко, матушка,
Свици воску ярово;
Не давай ко, матушка,
Руцки правой сватушку.
Вы не поруцте
Миня, красну дѣвичу,
За поруки крѣпкіе.
Що мною наскучила,
Мною напрокутила!

С е м е й с т в у:

Голубочки сизенькіе,
Родимые братчи,
И вся люба семьюшка,
Вы розбейте

Недоброй совить,
Думку крѣпкую,
Мысль злодѣйскую;
Вы сымите
Большую большину
И волю великую:
Откажите
Цюжому цюженину,
Дайте пожить,
Покросоватисе,
Да пожить дѣвичей
И послыть невѣстою.
Я молода,
Что травонька;
Я зелена,
Что ягодка;
Не росичею
Лазуричь чвить.

(Вологодской губерніи).

2.

Богъ судья тебѣ батюшка
И родимая матушка!
Скородумчивъ зародился,
Скоро думушку удумалъ
Отдавать на чужу сторону
Меня молодешеньку.
Молодымъ я молодешенька,
Зеленымъ я зеленешенька!
Ты родимая матушка!

Ужъ какъ я стану жить поживать
 На чужой-то на сторонущкѣ,
 Молодымъ я молодешенька!
 Не разумѣю молодешенька
 Жить я во чужихъ людяхъ:
 Тамо люди-то ученые,
 Тамо люди-то торѣные.
 А пуще всѣхъ потяжелѣе
 Удатому доброму молодцу
 Наровить да унаравливать.
 Что не ключики-то брякнули,
 Не замочки-то щелкнули,
 По рукамъ-то ударили
 Да меня запоручили
 За поруки за крѣпкія,
 За замки за желѣзные
 На чужу дальнюю сторону,
 На вѣковую досащницу,
 На вѣковую разлушницу.
 Государь ты мой батюшка
 И родимая матушка!
 Ужъ что вамъ поглянулося
 На чужой на сторонущкѣ?
 Ли скотина рогатая,
 Ли сусѣки горбатые,
 Ли сусѣдки тороватыя?
 Оговорили, обаяли
 Родимова-то батюшку
 Родимую-то матюшку!
 Вы на что распротѣвались,
 Родимый мой батюшка
 Родимая моя матушка

На меня молодешеньку?
 Не сусѣкъ хлѣба выѣла,
 Не другой испроторила,
 Не безчес(т)ице приняла.

3.

Что не ключики ли брякнули,
 Не замочки ли щелкнули,
 Не меня ли запоручили
 За поруки за крѣпкіе,
 За письма за мелкія?
 Выручать-то меня—не выручить,
 Выкупать-то—не выкупить,
 Не златомъ, не серебромъ,
 Не всей златой казной.

4.

Вы подруженьки голубушки!
 Не забудьте, голубушки,
 Вы придите, подруженьки,
 Ко мнѣ молодешенькѣ
 Пока я въ горѣ во кручинѣ.
 Какъ придете, мои голубушки,
 Мнѣ веселѣе да поваднѣе
 Съ вамъ, мои подруженьки.
 Исажу-же васъ, подруженьки,
 На брусовыя на лавочки,
 На кленовыя скамеечки.

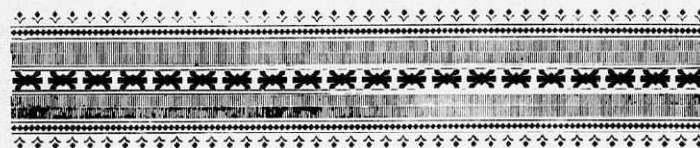
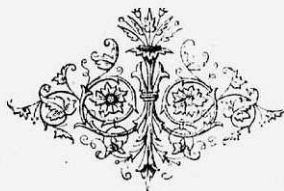
Поглядите, подруженьки,
Что я стану кроить, накраивать
Изъ своего рукодѣльца.
Охти мнешеньки тошнешенько!
Не охота назвать по имени
До поры да до времячка
Тые родни не сердешные,
Не сердешные, богоданные,
Видно надо дарить—ударивать.

5.

Благослови, Боже Господи,
Благословите-ко родители,
Повести мнѣ зычнымъ голосомъ.
Не лебедушка возыкнула,
Красна дѣвица заплакала,
Повела да зычнымъ голосомъ
По поздней по вечериночкѣ
По закатъ до красна солнышка.
Разодвиньтесь, кумы подруженьки!
Попройти мнѣ красной дѣвицѣ,
Въ честно мѣсто, во большой уголъ.
Въ честномъ мѣстѣ—во большомъ углу
Есть гости—то незнамые,
У кормильца-то у батюшки
Голоса есть незнакомые.
Какъ взгляну я, красна дѣвица,
На икону бѣлокрущату,—
На иконѣ бѣлокрущатой
Всѣ ли списаны святители;

За столомъ бѣлодубовенькимъ
Всѣ ли собраны родители?
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
На иконѣ бѣлокрущатой
Не всѣ списаны святители,
За столомъ бѣлодубовенькомъ
Не всѣ собраны родители.
Не спѣши, кормилецъ-батюшко,
Засвѣчать да восковой свѣчи,
Господу—Богу молитися.
Ужъ ты бить да по бѣлымъ рукамъ,
Цѣловать да Спаса образа.
Есть послы у меня посланы
Во всѣ четыре стороны.
Какъ со батюшкину сторону
Нѣтъ половины роду-племени,
Какъ со матушкину сторону
Нѣтъ всего-да роду-племени.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько,
Сколь гораздо обиднехонько!
Отвернусь я, красна дѣвица,
Отъ стола бѣлодубоваго,
Я теперь пойду, кручинная,
Во роду да искать сродничковъ,
Во племени да добροхотничковъ.
Гдѣ то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ кормилецъ-то мой батюшко?
По далѣку всѣ тулается,
По малу все придвигается.
Слушай-ко, кормилецъ батюшко!
Поспрошу я, красна дѣвица,
Въ чемъ я дочь да провинилася,

Въ чемъ красна я проступилася?
За вину буду виниться,
За проступокъ буду кланяться.
Видно я, кормилецъ-батюшко,
Не раба была, работница,
Не бѣлая портомойщица.
Ахти мнѣ да мнѣ тошненинко!
Промѣняли красну дѣвицу
Милую да на постылово!
Вы на что да приобзарились,
Вы на что да приукинулись:
На богатое богатство,
Или на хорошее хорошество,
Или на хоромное строеньеце,
На безрозчетную золоту казну,
На зеленое да вино пьяное?

II.

Плачъ невѣсты послѣ благословенья.

1.

Послѣ богомолья невѣста садится на лавку у стола, подпрличитываетъ отца, мать и всю родню. За это ее дарятъ деньгами. Отца подпрличитываетъ такъ:

Государь сердешный батюшка!
Подойди, сердешный батюшка,
Ко мнѣ молодешенькѣ.
Подумай-ка сударь батюшка,
Намъ приходитъ разставаньеце
Да живое разлученьеце.
Намъ не разставъ будетъ разстатися
Съ тобой, сударь батюшка!

Те спасибо, сударь батюшка,
На твоёмъ подношеньцѣ,
На рублѣ на серебряномъ,
На другомъ вызолоченномъ.

2.

Обневолили родители
Вольну волюшку въ неволюшку.
Разлучаютъ родители
Живо-раннюю разлукушку.
Отказали родители
Отъ житья, отъ живленьца
Отъ хоромнаго строеньца.

3.

(Причитываютъ на могилахъ).
Послушайте тонкіе буйные вѣтры!...
Потяните тонки-усильчивы вѣтры,
Разнесите-ко желты сыпучи пески,
Расколись-ко мать гробова доска,
Расшейся-ко саванъ, хотя не полотняный,
Размахнитесь-ко рѣзвыя ручки отъ ретива сердца...

4.

*Если невеста сирота, то приѣзжаетъ на могилы
родителей и причитаетъ:*

Вы повѣйте, вѣтерочки,
Со всѣхъ четырехъ-то сторонушекъ,
Вы не свѣйте, вѣтерочки,
Съ лѣсочиковъ вершечиковъ,
Съ Божьей церкви-то золотыхъ крестовъ.
Ужъ вы свѣйте вѣтерочки,
Со могилушки песочикъ.
Отворись-ко, мать сыра земля,
Расколись-ко гробова доска,
Размахнитесь, полотенечка,
Покажи-ко, красно солнышко,
Ты родитель, моя матушка,
Ты свое да лицо бѣлое,
Слушай-ко, моя добротушка!
Какъ я стояла, красна дѣвица,
Я у ранней-то заутрени,
У пресвященной-то обѣденки,—
Я молилась, низко кланялась
Самому, Христу небесному,
Пресвятой я Богородицѣ.
Я просила—низко кланялась
У Христа-то у небеснаго,
У Пресвятой я Богородицы
Я двухъ ангеловъ—архангеловъ:
Прилетайте-ко вы, ангелы,

И приносите-ко вы, ангелы,
Моей родимой-то матушкѣ
Душеньку да во бѣло тѣло,
Дыханьице да въ ретиво сердце.

III.

Плачъ невѣсты до и послѣ бани.

1.

*Невѣста благодаритъ подругъ и проситъ проводить ее
до бани:*

Вамъ спасибо, подруженьки!
Вы сходили да провѣдали
Про меня теплу парушу.
Я схожу да помоюся,
Помоюся да попарюся,
Я сомью горе-кручпнушку.
Вы подруженьки голубушки!
Мы пойдемъ-ка голубушки,

Подхватите, бѣлы лебеди,
Меня подѣ бѣлыя рученьки.
Подсобите бѣлы лебеди,
Встать со брусовыя лавочки.
Рада-бы сама, да не носить,
Не носить ножки рѣзвыя.

2.

Когда ведутъ невѣсту въ баню:

Я пошла молоденька
Во теплую во банюшку
Со кумами да со подружками,
Помыться да попариться.
Не смыть бы мнѣ дѣвью красоту
Отъ роду мнѣ не впервые,
А въ дѣвией красотѣ вопослѣднѣ!...
Тебѣ спасибо, теплая банюшка,
Я помылась въ тебѣ и попарилась
Со кумами да со подружками
Со душами да съ красными дѣвушками!...
(Пермской губ.).

3.

Входя въ баню:

Кладу волюшку на стопушку точеную,
Алы ленточки на гвоздикъ золоченый,
Цвѣтно платьице на грядочку клейменую.

4.

Вы не гнитесь, перекладинки клѣновыя,
Не ломитесь-ко, мостиночки дубовыя,
Ты здыни-ся-ко, ручка правая,
Ты на тягу на желѣзную!
Отворись-ко ты, дверь дубовая,
Что-ль пройти мнѣ въ строеньице хоромное.

5.

Послѣ бани:

Не ластушка вылетывала,
Не касатая вышурхивала
Изъ теплой парной баенки;
Я не мылась, не парилась,
Только съ волюшкой разсталася,
Потеряла потеряшечку,
Обронила оброночку.
По моемъ да бываньицѣ
Раскатись, парна баенка,
По единому бревешечку
На четыре сторопушки.
На тое бы на мѣстечко
Протекла бы рѣчка быстрая.
У моего кормильца-батюшка,
Пока ходила я, дѣвушка,
Во теплу парну баенку,

Были наняты плотнички,
Новы сѣни подрублены,
Въ ступеняхъ число прибавлено...
Не посмѣла я, молодешенька,
Итти въ свѣтлую свѣтлицу.
Слава, слава Господу!
Встрѣчаетъ кормилецъ-батюшко
Со иконой Богородицей,
Со ковригой краснокорою.
Ты, коврига краснокорая,
Повернись горой высокою:
Не подшелъ бы чужой чужанинъ
Ни съ которой сторонушки.

6.

Невѣста благодаритъ за баню:

Спасибо тебѣ, парная мыльная баенка,
На храненьи, да на береженьи,
Что хранила меня, сизу касату голубушку;
Ужъ чего-то мнѣ молить, сизой касатой голу-
бушкѣ,
Что-ль тебѣ же моя парная мыльная баенка?
Ужъ раскатить тебя, парная мыльная баенка,
Съ верхняго бревешка до нижняго!
Глуна моя младая буйная головушка!
Раскатаю я парную мыльную баенку!
Пускай стоитъ парная мыльная баенка,
Пускай моются ласкотники желанные родители,
Послѣ меня-то сизой касатой голубушки.

7.

Передъ уходомъ въ баню невѣста причитаетъ:

Ахти мнѣ, испугалася!
Испугалась кики бѣлая,
Идетъ кика-то бѣлая
Изъ подъ порогу не видати.
Что возмуть не покорятся,
Повезуть не поклонятся;
Повезуть молодешеньку
Ко церкви божественной,
Ко святому монастырю,
Ко холоднымъ ко папертямъ.
Приведутъ молодешеньку
Со чужимъ со чужениномъ
На едину половочку,
На единой подножничекъ.
Тутъ выйдетъ священный попъ
Съ божьей книгой евангелємъ.
Онъ первой-отъ листъ возложить,
Божье слово возговорить:
Вы снимите со дѣвицы
Чес(т)ну дѣвичью красоту,
Съ нея волюшку вольную!
Приведитесь подруженьки
За моей становой спиной
За моимъ могучимъ плечомъ,
Вы берите, подруженьки,

Мою дѣвичью красоту
На свои на бѣлы руки;
Вы носите берегаючи,
Меня вспоминаючи.
Вспомните подруженьки,
Меня на чужой сторонущкѣ
Черезъ день да на каждый день
То не много-ли покажется—
Вспомните, подруженьки,
Во недѣльку единова.
Мнѣ легошенько икнется.
Тяжелешенько вздохнется
На чужой на сторонущкѣ.

IV.

Плачъ невѣсты передъ свадьбой..

1.

(Передъ свадьбой—утромъ).

Вы вставайте мои голубушки,
Высоко взшло красно солнышко,
Выше лѣсу, лѣсу темнаго,
Выше батькина нова терема.
Обогрѣло красно солнышко
Моего батюшки высокъ теремъ;
Обогрѣло красно солнышко
Моей матушки нову горницу;
Обогрѣло красно солнышко
Моего батюшки новъ широкій дворъ;

Обогрѣло красно солнышко
Моей сестрицы крыльцо бѣлое.
Обогрѣло красно солнышко
Моихъ кумушекъ подружекъ.
Какъ меня же молоденьку
Да не грѣетъ красно солнышко,
Что не грѣетъ, не освѣщаетъ,
Вѣдно сердце мое повызнобитъ.

(Пермской губ.).

2.

(Уводятъ невесту на руки подъ благословенье).

Государь ты мой батюшка,
Государыня матушка!
Что не яблонь кужливая
Передъ вамъ выростала,
Не прутьеце, вѣтьеце
Передъ вамъ увивается.
Что просить чадо милое
Чадо милое благословеньца.
На севодняшней бѣлой день.
Государь ты мой батюшка,
Ты родимая матушка!
Ужъ вы дайте благословеньце
Съ чиста сердца да съ радости
На севоднешней бѣлой день.
Мнѣ съ твоимъ благословеньцемъ
Мнѣ въ садо садитися,
Подъ вѣнецъ становитися
Со чужимъ со чужениномъ
Со добрымъ дороднымъ молодцемъ.

3.

Невеста останавливается у стола и сдаетъ красоте платочкомъ сидящимъ за столомъ отцу, матери и другимъ, причитая, приглашаетъ подружекъ посмотреть на красоту. Во время причитанія невеста стоитъ и часто ударяетъ руками о столъ. Мотивъ совершенно похоронный.

Вы подружки, голубушки!
Посмотрите, бѣлы лебеди,
На дѣвичью чесну красоту!
Не наводитъ-ли дѣвья красота
Перьце лебединое,
Крыльце соколиное,
Да не хочетъ ли красота
Улетѣть съ буйной головы?
Подыму я свои рученьки
Выше буйной головушки,
Ухвачуся за красоту:
Не летай, дѣвья красота,
Съ моей буйной головушки
Со свята руса волосьца
До поры да до времени,
До вѣнца до злеченаго!
Я не знаю, да не вѣдаю
Кому сдать дѣвью красоту?
Развѣ сдамъ дѣвью красоту
Государю свѣту батюшкѣ?
Передъ тобой, сударь батюшка,

Моя дѣвья чесна красота!
Береги, сударь батюшка,
Мою чес(т)ную красоту
Отъ вѣтру, отъ вихорю,
Отъ часта мелкова дождичка.

4.

Прости-ко вольная волюшка,
Оставайтесь всѣ шуточки-глумечки
У родителей въ дому,
У красныхъ солнышковъ, свѣтовъ желанныхъ,
Милосердыхъ!
Прошла теперь моя волюшка
У красныхъ солнышковъ;
Пошла я, повыступила
Во женско печально
Не своя теперь воля волюшка:
День пройдетъ даваячи,
Другой словъ ожидаючись,
Третій походячись.
Вотъ и вся недѣлька семидѣнная
Прошла, прокатилася;
Приношу благодарность
Вамъ, краснымъ солнышкамъ,
Свѣтамъ желаннымъ, милосердымъ,
Что драчили да нѣжили
Крутили да ладили.

(Архангельской губ.).

5.

Последняя прощальная пѣсня невесты:

Что не стукъ—отъ стучить во теремъ,
Что грохотъ гремитъ во высокомъ,
Благословляются два отрока:
Отрокъ N съ отроковицею N,
У своего роднаго батюшки,
У своей родимой матушки
Ко Божьей-то церкви ѣхать,
Подъ златые-то вѣнцы ставати,
Законъ Божій принимати
Съ чужимъ-то со !

(Пермской губ.).

V.

Плачь невесты въ день вѣнчанія.

1.

(Дружки будятъ невесту въ день свадьбы).

Господи Иисусе Христе Сыне Божій!
Княгиня первобрачна
Катерина Васильевна!
Стань-убудись
Отъ крѣпкаго сна прохватись,
Бѣлый свѣтъ спорыдается,
Заря размыкается,
На улицѣ собаки лають,
Ребята играютъ,
По боярскимъ домамъ соловьи свищутъ,
По крестьянскимъ домамъ пѣтухи поють, печи
топятся!

*(С. Малошуйское, Онежскаго уѣзда. Записалъ волостной
писарь Баевъ; доставилъ С. В. Максимовъ).*

2.

(Умывшись невеста проситъ мать принести восковую свѣчу и благословленную икону, чтобы помолитъся).

Ты сердешная матушка! Сходи въ новую горенку, принеси Пресвяту Богородицу.

Ты поставь, сердешна матушка,
Во кіоту бѣлокаменну,
Еще принеси сердешна матушка,
Ты свѣчу воску ярова.
Зазори, сердешна матушка,
Помолюсь я молодешенька
За всю родню я сердешную
И за себя молодешеньку.

3.

(Зажеги свѣчи передъ образомъ, невеста поетъ 1-ю молитву):

Помолитъся было Богу Спасу, Пресвятой Бого-
родицѣ,
За царя государя великаго,
Имъ дай Господи здравья здоровья,
Долгаго вѣку протяжнаго,
Жить послѣ меня, сизой косатой голубушкѣ,
Съ маленькими сердечными дѣточками,
Со своей силой — силой арміей,
Теперь помолитъся чинной косатой голубушкѣ

За ласкотника желаннаго родителя батюшка,
Ему дай Господи здравія — здоровья долгаго и
протяжнаго.

(С. Малошуйское, Онежскаго уѣзда, писарь Баевъ; доставилъ
С. В. Максимовъ).

4.

(2-я Молитва невесты):

Послушайте, мои милыя подружки любезныя,
Попридайте ума много разума:
Мнѣ чего молить, сизой косатой голубушкѣ,
За себя-то, за сизу косату голубушку?
Молить скорыя-то грозныя смерточки
Во родительскомъ во тепломъ витомъ гнѣздышкѣ
На родительской на бѣлой, на брусовой на ла-
вочкѣ!

Ужъ ты глупая моя младая буйная голова
Ужъ сама-то я знала, сиза косата голубушка,
Что не придетъ мнѣ во родительскомъ дому во
тепломъ-витомъ гнѣздышкѣ
Скорая-то грозная смерточка!
Помолить было мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
Здоровья, здоровья великаго
Жить во злодѣйкѣ-то не волѣ великія.

5.

(Послѣ молитвъ невеста даетъ отцу «добровѣ»).

Теперь отворите-же мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
На родительской домъ тепло-вито гнѣздышко,
Гдѣ-то ходитъ мое красное солнце угрѣвное.
Мнѣ-ко есть вѣра-радѣнье
Побити челомъ да покланяться!

6.

(Жалобная, когда мать провожаетъ свою дочь изъ вѣнцу).

По лугамъ весною
Разлилася вода весення,
Унесло
Три кораблика:
Первый корабль
Съ передними пуховыми,
Второй корабль
Съ ларцами кованными,
Третій корабль
Съ душою красною дѣвушкою....
Выходила ея матушка
На крутой славный бережокъ.
Говорила: воротися
Мое дитятко!
Позабыло дитятко
Трое ключей золотыхъ

Первые ключи
Отъ терема высокаго;
Другіе ключи
Отъ ларцовъ кованныхъ;
Третьи ключи
Отъ саду зеленого.

Она на оборотѣ говоритъ:

Я не забыла трое ключей.
Позабыла волю, волю
Батюшкину,
Нѣгу, нѣгу
Матушкину.

7.

(Когда невесты чешутъ голову).

Гдѣ-то ходитъ мать моя, ласкотница желанная
матушка?
Ужъ послушай-ко, ласкотница желанная ма-
тушка,
Накажу-то я службу—работу не тяжелую:
Найдико хорошей частозубчатой гребешокъ,
Зачеши-тко мою младую буйную голову;
Ужъ не въ достой-то наряжать мнѣ
Ласкотницу желанную матушку;
Въ достой слушать самой сизой косатой голу-
бушкѣ.
Заплети-тко мою русую косу красовитую,
Вплети хорошія семишелковые ленточки.

8.

(Невѣста съ подругами уходитъ въ кутъ и одѣвается для «красованья» въ хорошее платье и шляпку. Одѣвшись, не сходя съ мѣста, причитаетъ отцу и матери):

Мой жалосливый сударь батюшка!
Не осердись, сударь батюшка,
Что у тебя я не спрошала,
У матушки не доложила,
Урядилась молодешенька
Не въ пору, не во времячко,
Не въ годовой честной праздничекъ,
Не въ Христова Воскресеньеце.
Мнѣ можно знать, можно вѣдати,
Можно самой догадаться:
Урядилась молодешенька
При послѣднемъ часу времечкѣ,
При концѣ житія дѣвичья.
Погляди сердешна матушка
Каково я приурядилась?
Я бѣло ли набѣлилась,
Румяно ли нарумянилась,
По плечу ли платье цвѣтное,
Подъ лицо ли дѣвья красота?

9.

(Одѣвшись, невѣста благодаритъ родителей):

Послушайте, ласкотники, желанны родители,
Чта-то я скажу, сиза косата голубушка:

Не жалѣли поить—кормить меня, сизу—косату
голубушку,
Крутить—рядить младую буйную голову,
Не жалѣйте вы салныя свѣчи воску яраго.

10.

(Къ свату).

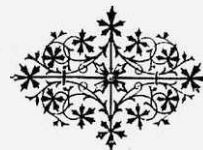
Да тебѣ, свату большему,
Да измѣнщику дѣвичьему,
Да Акиму Степановичу!
На ступень ступить—нога сломить,
На другой ступить—друга сломить,
На третей голову свернуть!
Того мало свату большему,
Да измѣнщику дѣвочьему!
На печи спать подъ шубою,
Подъ трема полушубками,
Подъ четырема тулупами:
Да трясло бы тя, -повытрясло!
Да сквозь печь бы провалиться,
Въ мясныхъ щяхъ овариться!
Того мало свату большему,
Да измѣнщику дѣвичьему:
Съ хоромъ бы те о борону,
Да съ горы бы тя о камень,
Безъ пона, безъ покаянiя,
Безъ духовнаго батюшка!
Не ходилъ бы, не сватался,
Стариковъ не обманывалъ,

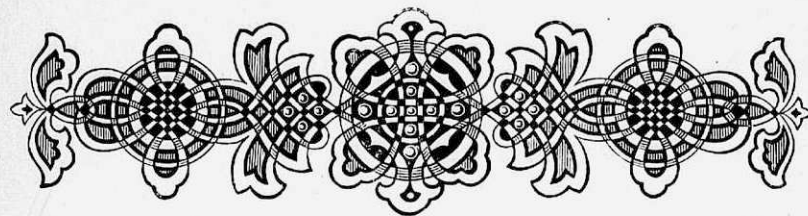
Да старухъ не подговаривалъ,
Не хвалилъ, не похваливалъ
Чужи—дальнія стороны,
Да *Подгорскія слободы* (название деревни)
Она горемъ насяяна,
Да слезами наполивана!

ПѢСНИ

СТАРИННЫЯ и ЛИРИЧЕСКІЯ.

1.

У воротъ сосна раскачалася, А люли, люли,
раскачалася.

Бѣлая Дунюшка разыгралася.
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
Какъ боярскій сынъ Дунѣ рѣчь говоритъ:
«Поиграй, Дунюшка, поиграй бѣлая,
Я тебя, Дунюшка, жить къ себѣ возьму».
Бѣлая Дунюшка испужалася;
Какъ со вечера голова болить,
Ко полуночи—она попа просить,
Ко бѣлу свѣту—нѣту Дунюшки.
Какъ въ Москвѣ звонять ко обѣденѣ,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ.

2.

Въ саду, саду
Въ зеленомъ саду
Соловей свищетъ.
Молодой чокъ-чокъ.
Еще охти мнѣ
Гореваньце,
Доброму молодцу
Неженатому,
Кудреватому.
Еслибъ были у меня
Молодца крылушки,
Да сизыя перушки,
Полетѣлъ-бы я
Подъ высокъ теремъ,
Подъ окошечко.
Посмотрѣлъ бы я
Какъ дѣвушки плачутъ
Замужъ идучи
За стараго мужа.
Какъ и старый мужъ,
Погубитель мой,
Погубилъ мою
Буйну голову
Косу русую,
Золотой косникъ
Съ алыми лентами,
Съ позументами.

3.

Какъ пошла наша Параша
Въ яровое поле жать.
Первый снопъ она нажала,—
Алой лентой завязала;
Другой-то снопъ нажала,—
Голубой перевязала;
Что третій снопъ нажала,—
Чернымъ кантомъ завязала;
Что четвертый снопъ нажала—
Домой скоро побѣжала,
За ракитушку попала.
Что парнишка воровать
Впередъ дѣвки побѣжалъ;
Вострый ножичекъ точилъ,
Все Паранюшкѣ грозилъ.
Что попалися Парашѣ
Отецъ съ матерью родной.
«Что у тебя, мила Параша,
Прирастрепана коса,
Прирастрепана коса,
Да разбиты волосы?» —
— «Родной батюшка,
У меня головушка болитъ!
Что родная моя матушка,
И вся я немогу!»
Что къ вечеру Паранюшка
Во постелюшку слегла;
Ко полуночи Паранюшкѣ

Попа привели,
Что къ утрему Парашенька
Скончалася.
Что у Спаса у Черкеса
Въ большой колоколъ звонять,
Въ колоколъ звонять,
Везутъ Пашу, хоронять.
Что парнишка воровать
Впередъ Паши забѣжалъ,
Впередъ Паши забѣжалъ,
Да на паперти стоялъ.
Онъ къ Наранѣ подходилъ,
Бѣлый саванъ открывалъ,
Въ уста три раза цѣловалъ.
«Извини меня Параша,
Отъ меня ты померла!
Не совсѣмъ хотѣлъ зарѣзать,
Хотѣлъ только пошутить!»

4.

Стлала, стлала дѣвчоночка
Постелюшку мягку;
Клала, клала красавица
Зголовье высоко;
Ждала, ждала дѣвчоночка
Полковника въ гости;
Не могла его дожидаться,
Ложилася спать.
По утру рано вставала
Вѣсти услыхала;

Она вѣсти услыхала:
Полковничекъ умеръ...
Померъ, померъ полковничекъ
Лютой, скорой смертью.
Оставалась полковница,
Вдова молодая,
Оставались малы дѣти,
Горькія сиротки,
Оставался вороный конь
Съ парадной зброуей.
Откажу я царску зброу,
Коня—атаману,
Откажу я свою дочку,
Дочку—генералу.
Молодые мушкеры
Могилушку роютъ,
Роютъ, роютъ могилушку,
Елинушку тешутъ,
Молодому полковничку
Домовину строятъ.
Тѣло несутъ, коня ведутъ,
Конь голову клонить;
Клонить, клонить головушку
На мать сыру землю,
На шелкову травку.
Мимо моего окошка
Дорожка лежала,
Какъ по этой по дорожкѣ
Пронесли милаго!

5.

Чесаль милый кудри,
Расчесаль милъ русы,
Пухову шляпу надѣль,
Шляпочка пухова,
Сибирочка нова,
Панталоны триковы,
Рубашечка красна,
Манишечка бѣла...
Спорядился молодець,
Самъ ко любушкѣ пошелъ.
Ходилъ милъ по бережку,
Гулялъ по крутому,
Перевозу милъ искалъ;
Нашелъ милый жердочку,
Нашелъ милый тоненьку,
Самъ по жердочкѣ пошелъ...
Жердочка сломилась,
Шляпочка свалилась
И любезный потонулъ.
Дѣвушки подруженьки,
Собирайтесь вы ко мнѣ
На горе, великое!
Выбирайте, дѣвушки,
Выбирайте, красныя,
Шелковые новы невода!
Вынимайте дѣвушки,

Вы бросайте, красныя,
Во Дунай быстру рѣку!

(Архангельская губ., Мезенскій уѣздъ. — Ефименко, стр. 5. —
«Науличная»).

6.

Что мнѣ, маменька, тошненько,
Государыня, родимая, тяжеленько!
На роду жъ такое не бывало:
Мнѣ ночесть тоска нападала,
Нападала тоска — печаль не мала
На мою-ль же побѣдну головку,
На мое-ль же ретивое сердечко.

7.

Калина съ малиною ранымъ рано расцвѣла,
На ту пору молодую меня мать родила;
Не собравшись съ разумомъ, въ чужи люди отдала;
Велѣла мнѣ матушка семь лѣтъ не бывать;
Родимый-то батюшка — хоть вѣкъ не видать.
Годичикъ я прожила, другой прожила,
А третій годочикъ въ слезахъ провела.
А векинулся пташечкой — кукушечкою,
Полечу на батюшкину на сторонку,
Сяду я на яблоньку въ зеленомъ саду,
Запою на яблонькѣ жалкимъ голосомъ.
«Что это за пташечка у насъ во саду?»
Большой-то братъ говорить: «Семь я поймаю».

Средній братъ говорить: «Семъ я застрѣлю».
 Меньшой-то братъ говорить: «Семъ я посмотрю:
 Не наша-ли горькая съ чужой дальней стороны?»
 Большому ли брату то—во солдатахъ быть,
 Среднему ль брату то—во разбойникахъ,
 Меньшому ли брату-то—со мной домою жить.

8.

Первымъ полемъ мальчикъ шелъ,
 Вторымъ полемъ коня велъ,
 А третьимъ полемъ зеленъ дубъ стоитъ;
 Въ зеленомъ дубу золотое кольцо.
 Привяжу я коня къ золотому кольцу,
 Прикажу своего коня я красной дѣвицѣ,
 Красной дѣвушкѣ, душѣ Настенькѣ;
 Я самъ разставляю, добрый молодецъ,
 Полотнянъ бѣлый шатеръ,
 Растелю я въ шатерикъ бѣлый войлочекъ,
 лягу, лягу, я молодецъ, съ дѣвушкой я выплусь...
 Встаю, проснулся, молодецъ, на бѣлой зарѣ;
 Нѣту, нѣту у молодца ни коня и ни сѣдла,
 Ни коня нѣтъ, ни сѣдла, ни дѣвушки, ни шатра!
 Пойду, взойду, молодецъ, на высокій на курганъ,
 Посмотрю я молодецъ на всѣ четыре стороны.
 Какъ въ правой сторонѣ не пылъ—то пылить,
 Въ зеленыхъ-то лугахъ турокъ плѣнь дѣлать:
 Впереди-то ведутъ коня воронаго,
 На конѣ сидитъ красна дѣвушка,
 Красна дѣвушка, душа Настенька;
 Досталась Настенька турку храброму...

9.

Чесалъ милый кудерки,
 Чесалъ милый русыя
 Костяной гребеночкой;
 Расчесавши кудерки,
 Ко сударушкѣ пошелъ.
 И шелъ милый по бережку,
 И шелъ по крутому;
 Искалъ милый лодочки,
 Искалъ милый легкаго челнока;
 Не нашелъ мой милый
 Ни лодочки, ни челна;
 Нашелъ милый жердочку,
 Нашелъ милый тоненьку...
 Жердочка сломилася,
 Шляпушка у дружка свалилася,
 Вдоль рѣчки поплыла.
 Завидѣла дѣвушка,
 Завидѣла сударушка
 Съ высокаго терема;
 Брала дѣвушка ведра дубовыя,
 Коромыселъ зеленый,
 Пошла на рѣку за водой.
 Приходила къ рѣчушкѣ,
 Къ быстрой рѣкѣ,
 Стала рѣчушкѣ пенять:
 «Проклятая рѣчушка,
 Проклятая быстрая,
 Утопила дружка!

Какъ тебѣ рѣчушкѣ,
Быстрой рѣкѣ,
Быть безъ крутыхъ береговъ,
Такъ мнѣ дѣвушкѣ быть
Безъ мила дружка!

10.

На что жъ меня матушка
На горе родила,
Не собравшись съ разумомъ
Замужъ отдала?
Чужая сторонюшка
Безъ вѣтру сушить,
Чужой отецъ съ матерью
Безъ вины журять.
Скинусь я, младешенька,
Горькою пташкою,
Я горькою пташкой,
Я кукушечкой,
Полечу я младешенька
На свою сторону,
На свою, млада, сторонюшку —
Къ батюшкѣ въ садокъ;
Сяду жъ я на яблоньку
На кудрявенькую,
Закукую кукушечкой —
Весь садъ заглушу;
Горючей слезой, матушка,
Весь садъ затоплю.
Увидала ли матушка

Съ высока терема:
«Родимыя дѣтушки!
Что за пташечка?
Да что то за пташечка?
Въ зеленомъ саду?
А и братецъ говоритъ:
«Пойду застрѣлю».
А сестрица говорить:
«Пойду посмотрю,
Не наша ли горькая
Съ чужой стороны?»

11.

Для кого жъ ты, моя расхорошая, очень модно хо-
дишь?
Для котораго, моя расхорошая, ты лицо наводишь?»
Я лицо ли наводила, майора любила —
Я майора, дѣвушка, любила, парня молодова;
Съ которымъ я прежде водилась, вечеръ разбранилась:
Разбраночка была не большая, во глаза ругала,
Я во глазунки дружка ругала, подлымъ называла —
«Ужъ ты *подлый*, разнегодный, злое твое сердце;
Ужъ ты злое, злое ретивое, у маво милова.
Сижу я дѣвка съ ночи до полуночи, до втораго часу:
Сижу я, дѣвка, дѣвка, сиротою, залилась слезою,
Залилася дѣвушка слезою — ко мнѣ миль ногою.
Восходило солнышко высоко — живеть миль далеко;
Восходило солнышко пониже — живеть миль поближе.

12.

Охъ, матушка, тошно мнѣ,
Сударыня, грустно мнѣ,
Умереть съ горя хочу!
Не люблю я, матушка,
Не люблю, сударыня,
Своего мужа дурака!
Полюблю я, матушка,
Полюблю, сударыня,
Съ тиха Дона казака!
Казачекъ молоденькій,
Казачекъ хорошенькій,
Удалъ добрый молодецъ,
Онъ ходить по бережку,
Онъ ходить по крутеньку,
По желтому по песку;
Онъ чесать кудерешки,
Расчесывать русыя
Бѣлымъ рыбымъ гребешкомъ;
Расчесамши русыя,
Казакъ шапочку надѣлъ;
Надѣвши онъ шапочку,
Надѣвши высоконьку,
Вдоль по улицѣ пошелъ;
Пройдемши онъ улицу,
Пройдемши широкую,
Ко сударушкѣ зашелъ.
Сударушка любушка,
Душа красна дѣвушка,

Ты неправдою живешь,
Неправдою, дѣвушка,
Неправдою, красная,
Ты обманываешь меня!
У твоихъ воротичекъ,
У твоихъ широкихъ
Бѣлъ горючъ камень лежить;
Изъ-подъ того камышка,
Изъ-подъ бѣлъ—горючаго
Быстра рѣчушка бѣжитъ;
Черезъ эту рѣчушку,
Черезъ эту быструю
Тонка жердочка лежить;
По этой по жердочкѣ,
По этой по тоненькой
Мой миленькій переходилъ;
Переломилась жердочка,
Переломилась тонкая,—
Мой миленькій потонулъ!

13.

На горѣ растетъ калина,
Подъ горою малина.
Молодая дѣвчоночка
Молодчика любила;
Взяла его за рученьку
Всю ночь водила,
Всю ночь до свѣточку.
На дворѣ бѣлая заря,
—На дворѣ бѣлая заря—

Дѣвчечки спать пора.
Выходила красна дѣвка
На свое новое крыльцо;
Простужала красна дѣвка
Свое бѣлое лицо.
Хорошо тебѣ дѣвица
По горенкѣ ходити
Да и мнѣ ли молодчику
На морозѣ стоюмчи.
Ко морозу ножки стынуть.
Снѣжокъ бѣлый выпадалъ,
Снѣжокъ бѣлый выпадалъ
Дороженьку заметалъ.

14.

Не летай-ка ты, да не летай-ка ты,
Разсизенькій ты мой голубокъ;
Не садись-ка ты, не садись-ка ты,
Да на мое-то раскрашенное окно!
На моемъ-то красномъ окошкѣ
Да неравенъ случай бываетъ:
Ясный соколъ въ гости прилетитъ.....
По прилетичку—ясный соколъ,
А по прїѣзду—парень молодой!...
Ты пожалуй-ка молодчикъ,
Головушку почешу!
Стала дѣвушка головушку чесати,
Сталъ молодчикъ крѣпко засыпати.....
Чуть прочнулся—пробудился
И въ окошечко поглядѣлъ,

Въ окошечко да скрозь стеклушко:
Ни дѣвушки, ни коня!
(Пермская губернія. Шишонко, стр. 249).

15.

На горушки калина
На горушки любя, любя калина,
Подъ горою малина.
Тамъ дѣвушка ходила,
Калинушку ломала,
Во пучочки вязала,
На дорожку бросала,
Въ казака попала.
«Казаченька молодой,
Куда ѣдешь во походъ?
Возьми меня съ собою,
Зови меня женою,
А я тебѣ угожу:
Коня тваво напою,
Овса, сѣна заложу;
Еще тебѣ угожу:
Постелюшку постелю,
Взголовьице по ложу,
Поцалую, обойму.

16.

Поѣхалъ добрый молодецъ
Во чисто поле гулять.

Первое полюшко проѣхалъ,
 На второе пѣшкомъ шель;
 На третьемъ чистомъ полюшкѣ
 Началъ сонъ меня долить,
 Дрема съ ногъ стала валить.
 Прявяжу я добра конюшка
 Ко сырому ко дубу,
 Ко дѣвицы ко шатру,
 Ко дѣвицы ко шатерышку,
 На волковомъ поводѣ,
 На шелковую траву,
 На шелковую травоньку;
 Самъ я лягу съ милой спать,
 Спать подъ сосенку,
 Подъ такую подъ сосенышку,
 Подъ кудрявую зелену.
 Что не во полѣ пыль пыляется,
 Распылай—пыляется;
 Не душа-ли добрый молодецъ
 Пробужай—бужается.
 Пробудившись, добрый молодецъ:
 Ни коня нѣтъ, ни сѣдла,
 Ни коня нѣтъ, ни сѣделышка,
 Ни дѣвицы, ни шатра,
 Ни дѣвицы, ни шатерышка
 Нѣтъ ни милой у себя.

(Вологодская губернія. «Русскій филологическій Вѣстникъ» 1887 г.
 № 4.— Каждый второй стихъ повторяется).

17.

Было у вдовушки тридцать дочерей;
 Всѣ они были грамотницы,
 Всѣ они ходили по Божіимъ церквамъ,
 Всѣ они стояли по крылосамъ,
 Всѣ они пѣли: «Господи Боже!»
 Одна изъ нихъ, Софія, промолвилась,
 Ладила сказать: «Господи Боже»,
 Той — поры сказала «Васильюшка дружокъ,
 подвинься сюда»!

Василій-то догадливъ былъ —
 Бралъ онъ Софію за праву руку,
 Повелъ онъ Софію по Киеву,
 Ко славному князю Владиміру.
 Провѣдала Васильева матушка,
 Скорешенько бѣжала въ царевъ кабакъ;
 На гривенку купила зеленого вина,
 На другую купила зелья лютаго;
 Во правой рукѣ зелено вино несетъ,
 Во лѣвой зелье лютосъ;
 Изъ правой руки Василью подала,
 Изъ лѣвой руки Софіи отдала:
 «Пей-ка, Василій, Софіи не давай!
 Пей-ка, Софія, Василью не давай!

Василій пилъ, Софія подноси́лъ;
Софьюшка пила, Василью поднесла.
Мало по малу Василій говоритъ: «буйна голова
болитъ»;

Софія говоритъ: «ретиво сердце щемить».
Всю ночь трудились, безпокоились,
Ко утру—свѣту представились.
Васильюшка гробъ исповызолотили,
Софьюшкинъ гробъ изповыкрасили;
Васильюшку несутъ князи—бояра,
Софьюшку несутъ красны дѣвушки;
Васильюшка несли по правую руку,
Софьюшку положили по лѣвую руку;
На Васильевой могилкѣ выростала золотая верба,
На Софиной могилкѣ—кипарисно деревцо;
Корешокъ съ корешкомъ сорастилися.
Пруть съ прутомъ совивается.
Старый идетъ—Богу молится да наплачется,
Пожилой-то идетъ—подивуется,
Малый идетъ—напотѣшится, наиграется.
Провѣдала Васильева матушка:
Золотую вербу повыломала,
Кипарисъ—древо повысушила,
Все она коренье повывела.

18.

Ахъ ты, мать ли моя, мать,
Родимая моя мать,
Да какая въ тебѣ стать —
Посылаешь одну спать!
Я не лягу одна спать,
Пойду милаго искать.
Я вечеръ молода,
Во бесѣдѣ сидѣла,
На милаго глядѣла,
Поразсорила
И пораздорила,
И позвала дружка
Негоднымъ въ глаза:
«Ты негодный, нехорошій
Милый мой,
Я не имаю любви никакой!»
Тутъ одумалася,
Призадумалася,
Не знаю, какъ быть:
Помириться, али нѣтъ?
Знаю, знаю, разумѣю,
Помирится умѣю
Я учлива на словахъ
Разговорка на рѣчахъ....

Паставь, миленькій, шатеръ
Край дороженьки моей,
Край широкой почтовой;
Да привяжи, милой коня
Ко точену ко столбу,
Къ золоченому кольцу
Дай-ка, дай мнѣ молодецъ,
Я въ головкѣ поищу,
Я въ головкѣ поищу,
Желты кудри расчесу!
Стала дѣвица искать,
Сталъ молодчикъ засыпать.
Проснулся, пробудился—
Вижу, нѣту никого:
Ни коня, ни сѣдла,
Ни дѣвицы, ни шатра!
Шельма дѣвка приушла,
Не цѣлована ушла,
Не цѣлована,
Не милована!
На дѣвушкинѣ слѣдокъ
Выпалъ бѣленькій снѣжокъ.
Я по слѣдикамъ пошелъ,
Свою любезную нашелъ.
Я не билъ и не бранилъ,
Во зеленый садъ манилъ.
Дѣвка во саду
Со травы цвѣты рвала,
Вьюнокъ милому свила.
Вьюнокъ милому свивала,
На головку надѣвала,
Обнимала, цѣловала,

Меня дружкой называла:
«Милый, милый мой,
Разлюбезный дорогой,
Жаль растаться мнѣ съ тобой,
Жаль растаться, распротастся
Мнѣ на вѣки отъ тебя!
Бѣгу въ темны я лѣса,
Бѣгу въ темны во дремучи,
Гдѣ мой миленькой гулялъ
И слѣдоченьки скрывалъ.
Онъ слѣдочки скрывалъ».
— Мнѣ не жалко, молодцу,
Ни коня, ни сѣдла,
Ни дѣвицы, ни шатра;
Только жаль молодцу
Глупа разума, ума!

(Олонецкая губ.—Славянская, часть I, стр. 32, «хороводная»).

19.

По зорюшкѣ, по зарѣ,
Да люли, люли,
По вечерней по зарѣ
Шелъ дѣтинка изъ гостей
Со великихъ радостей.
Онъ торопится, бѣжить,
Къ своему двору слѣшнить;
За нимъ дѣвица бѣжить,

Кричитъ молодцу: «постой!
Неженатый — холостой,
Неженатый — холостой,
Разголубчикъ, любчикъ мой,
Ты не смѣйся надо мной
Надъ дѣвицей молодой,
Надъ моей рукой косой!»
На то парень обернулся,
Надъ дѣвочкой размѣхнулся
«Скажи, лапушка моя,
Скажи, любишь ли меня?»
«Я по совѣсти скажу:
Еднаго тебя люблю;
Я по правдѣ-то скажу:
Семерыхъ съ тобой люблю.
Показалось молодцу
За досаду велику.
Какъ ударилъ Катю въ щоку,
Вдоль по бѣлому лицу,
Замахнувши во другую,
Во сережку жемчужную.
Какъ жемчужная сережка
Размолоденька дѣвочка
Приласплакалася:
«Ужъ какъ домой приду —
«Родной матушкѣ скажу?»

20.

Я всю ночь млада не спала,
Ой люли, люли, люли, не спала,
Ничего млада ни слыхала,
Какъ буйные вѣтры шармовали,
Съ висока терема верхи пасарвали,
Во чисто поле паснасили,
Кы бѣлу шатру становили;
А въ билѣ шатрѣ злой татаринъ
Красная дѣвушка паланяночка,
Сильно добро плачить,
Татаринъ ее унимаетъ:
Ты не плачь, не плачь красная дѣвушка.
Мы сошьемъ тебѣ лисью шубу,
На буйну головушку кунью шапку,
На рѣзвы ножки красны сапожки,
На бѣлыя ручки-рукавички». —
«Изатлѣить та кунья шуба:
Пронади та шапка....
Пусти мене къ атцу къ матери».

21.

Душечка молодчикъ,
 Не суши, не круши
 Красной дѣвицы души!
 Такъ мое сердечушко
 Изныло по тебѣ,
 Мои ясныя очи
 Помутилися со слезъ....
 Я со той тоски—кручины
 Въ чисто поле пойду.
 Я раскину бѣль шатеръ
 При дорогѣ при большой,
 При долинь широкой.
 Никто ко мнѣ въ шатеръ
 Не заѣхалъ, не зашелъ;
 Только заѣхалъ да зашелъ
 Одинъ миленькій дружокъ;
 Онъ на ворономъ конѣ,
 На черкасскомъ на сѣдлѣ.
 «Ужъ ты миленькій дружокъ,
 Привяжи коня къ шатру,
 А самъ ко мнѣ у шатеръ!
 Ужъ ты, миленькій дружокъ,
 Дай у головушкѣ пощину
 Русыя кудри расчесу!»
 Я искать не искала,
 Русыя кудри поплутала
 Добраго молодца припала
 На своихъ бѣлыхъ рукахъ,

На кисейныхъ рукавахъ.
 Я очнулся, я проснулся,—
 Нѣтъ ни дѣвки, никого,
 Нѣтъ ни ворона коня,
 Ни черкаскаго сѣдла.

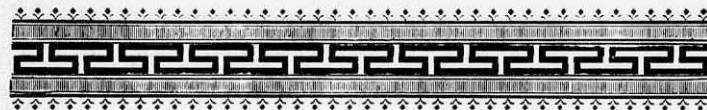

ПѢСНИ

ИСТОРИЧЕСКІЯ, СОЛДАТСКІЯ,
РАЗГУЛЬНЫЯ и УДАЛЫЯ.

1.

ПРО ОСАДУ КАЗАНИ.

Ужъ вы люди ли, вы люди стародавніе!
Молодые молодцы даволь послушати,
Еще я вамъ расскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича:
Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкапалъ подъ Казанку рѣку,
Что татары же по городу похаживали,
Что грозна царя Ивана Васильевича поддразнивали.
Что и тутъ-то нашъ грозенъ царь прикручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,

Утупилъ онъ ясны очи во сыру-мать землю,
Онъ велѣлъ-ли государь-царь пушкарей сзывать,
Пушкарей созывать зажигальщиковъ,
Онъ велѣлъ сударь скоро-казнить, скоро вѣшати.
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить,
Воску яраго свѣча затеплилася
Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побилъ татаръ сорокъ тысячей и три тысячи.

2.

Что во полѣ было, полѣ,
Тутъ стояло древо,
Древо тонкая береза,
Тонка, бѣла, высока,
Листомъ широкъ.
Что подъ этой подъ березой
Гусарикъ убитый.
Онъ убить не убить —
Тафтою покрытый.
Тутъ дѣвица красавица
Тафту открывала;
Она тафту открывала.
Въ лицо признавала.
«Встань, гусарикъ, встань, прочкнись,
Отъ сна пробудися!
Не твои ли, сударь кони
Во лузяхъ гуляютъ?»
Кони чуютъ предъ собой
Дальнюю дорожку...
Что за Волгой за рѣкой

Москаль сѣно косить.
Москаль бросилъ свою косу
Среди покосу.
Чтѣ дѣвица красавица
Водицу носила,
Дождичка просила:
«Дай мнѣ Боже частый дождь,
Дождичка частаго,
Чтобы травушкѣ смочило,
Косу притупило,
Молодаго москаля
Съ покосу сгонило».....

(Вологодская губ.—Вологодскій Сборн., вып. IV, стр. 94).

3.

Ужъ какъ шли, прошли солдаты
Солдатики полковые;
Ко вдовушкѣ заѣзжали.
«Ты, вдовушка молодая!
Пусти, вдова, почевати,
Насъ, молодцовъ, постояти!
Насъ, молодчиковъ, немножко:
Полтора ста пѣшехода,
Полтретья ста все на коняхъ»....
Тутъ вдовушка говорила,
Молодая отвѣчала:
У меня дворикъ маленекъ,
А избушка невеличка».
Они силой ворывались,
Всѣ въ избушку вобрались,

Всѣ посѣли они по лавкамъ,
Что по лавкамъ, по порядкамъ;
Что большой гость подъ окошко,
Онъ въ передній уголочекъ;
А вдова стоитъ у печки,
Прижавши ручки къ сердечку.
«Ты много ли лѣтъ, вдовушка вдовѣшь?
Ты давно ли сиротѣешь?»—
— «Восемь лѣтъ я на девятый»....
— «Ужъ какъ много ли вдовушка дѣтокъ?»—
— «У меня дѣтей четверо»....
— «Ужъ какъ много-ли, вдовушка, хлѣба?»
— «У меня хлѣба осьмина».
— «Ужъ какъ много-ли вдовушка денегъ?»—
— «Денежекъ только одна полтина».
— «Подойди, вдова, поближе,
Поклонись мнѣ пониже,
Погляди на полотенце,
Посмотри на перстенецекъ;
Не твое ли обрученье?»
Тутъ вдовушка испугалась,
Молодая побѣжала;
Она будила молодыхъ дѣтокъ:
— «Вы вставайте малыя дѣти!
Восемь лѣтъ солнце не грѣло,
На девятый освѣтило».

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 178. «Семейная протяжная».

4.

Собирался князь Михайло
Въ государеву во службу;
Онъ приказывалъ своей матушкѣ,
Онъ приказывалъ своей государынѣ:
«Ужъ ты, матушка моя родная,
Береги ты мою княгиню,
Береги мою молодую;
Ужъ ты пой корми княгиню,
Ужъ ты пой корми молодую
Все сытою медовою,
Все крупичатыми калачами!»
Это матушкѣ за досаду.
Со двора князя проводила;
Его матушка говорила:
«Ужъ вы, няньки, вы мамки!
Истопите баню жарко,
Накалите вы горючъ камень!
Ты пойдемъ-ка со мной, невестка,
Мы пойдемъ съ тобой въ баню!»
Въ трои рученьки сноху держали,
Въ четвертыя грудь пороли,
Горючъ камень опускали.
Она во первый разъ возмолилась—
У князя Михаила шляпа спала,
На сажень прочь отлетѣла;
Она въ другой разъ возмолилась—
У князя Михаила конь споткнулся.
«Ахти, братцы государи!

У меня въ домъ не здорово:
Либо матушки не стало,
Либо молодой княгини!»!
Съ половины съ дороженьки воротился.
Его матушка встрѣчаетъ
И со няньками, со мамкамъ,
А безъ молодой княгини.
«Ужъ ты, мать моя родная,
Ужъ какъ гдѣ же моя княгиня,
Ужъ какъ гдѣ моя молодая?»
— «Что твоя ли княгиня,
Что твоя ли молодая,
Всю ноченьку не спала,
Все съ друзьями просидѣла;
Она теперича почиваетъ,
Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Во дубовой во гробницѣ!»
— «Ужъ вы, няньки, ужъ вы, мамки,
Вы подайте мнѣ саблю острую!»
Онъ срубилъ себѣ буйную голову.
Его матушка закричала:
— «Ахти, я сука, согрѣшила—
Ровно три души погубила:
Ужъ я сына со невѣсткой,
Я младенца во утробѣ!»
(Вологодская губернія. Студитскій, стр. 169).

5.

Какъ счастливы Россіяне
Славнымъ Батюшкой Царемъ!

За него должны молиться
Предъ Святымъ мы алтаремъ.
Чтобы жизнь его продлилась
На дальнѣйшія лѣта
И чтобъ царство утвердилось
Вѣчисчетные вѣка.
Съ его жизнью Провидѣнье
Даетъ Русскимъ благодать,
И съ Россіей для сравненья
Царства въ мірѣ не сыскать!
Цвѣти ль Русь наша сильнѣе,
Въ силѣ, славѣ расцвѣтай,
А Царь мудростью свѣтлѣе
Солнца краснаго сіяй!
Сіяй имя Александра
На скрижаляхъ вѣковыхъ;
Богомъ онъ Благословенный
И отъ поданныхъ своихъ.

6

Татарскій полонъ.

Какъ за рѣкою
Да за великою;
Злы татарове
Дуванъ дуванили.
На дуваницѣ
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Вотъ повезъ тещу зять
Во дику степь;
Во дикую степь

Къ молодой женѣ.
«Ну и вотъ жена,
«Тѣ работница,
«Съ Руси русская
«Полоняночка.
«Ты заставь ее
«Три дѣла дѣлати,
«Первое дѣло—
«Куделю прясть,
«Другое дѣло—
«Лебедей стеречь,
«А и третье дѣло
«Дитю качать!»
Полоняночка
Съ Руси русская,
Она глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышетъ.
Она качаетъ дитя
Прибаюкиваетъ:
«Ты баю, баю
«Боярскій сынъ!
«Ты по батюшкѣ
«Золъ татарченокъ
«А по матушкѣ
«Ты руссеночекъ,
«А по роду мнѣ
«Ты внученочекъ
«И моихъ черевъ

«Ты урывочекъ.
«Вѣдь твоя—то мать.
«Мнѣ родная дочь,
«Семи лѣтъ она
«Во полонъ взята,
«У ней на правой груди
«Есть родинка,
«На лѣвой ногѣ
«Нѣтъ мизинчика!
«Мнѣ бить тебя—
«Такъ грѣхъ будетъ;
«Мнѣ дитей называть—
«Мнѣ вѣра не та!»
Услыхали то
Дѣвки сѣвныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ:
«Государыня
«Наша барыня!
«Полоняночка
«Съ Руси русская
«Она глазками
«Лебедей стережетъ,
«А ручками
«Будель прядетъ,
«А ножками
«Колыбель колышетъ.
«Она качаетъ дитя,
«Прибаюкиваетъ:
«Ты баю, баю
«Боярскій сынъ!
«Ты по батюшкѣ

«Золъ татарченокъ,
«А по матушкѣ
«Ты руссеночекъ,
«А по роду мнѣ
«Ты внученочекъ
«И моихъ черевъ
«Ты урывочекъ.
«Вѣдь твоя-то мать.
«Мнѣ родная дочь,
«Семи лѣтъ она
«Во полонъ взята,
«На правой груди у ней
«Есть родинка,
«На лѣвой ногѣ
«Нѣтъ мизинчика!
«Мнѣ бить тебя—
«Такъ грѣхъ будетъ;
«Мнѣ дитей называть—
«Мнѣ вѣра не та!
Что стучить, гремить
По сѣнямъ бѣжить,
И дрожа дрожить
Дочка къ матери!
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
«Государыня
«Моя матушка!
«Не спознала тебя,
«Моя родная!
«Ты бери ключи,
«Ключи золоты,

«Отпирай ларцы,
«Ларцы кованы,
«Ты бери казны
«Сколько надобно;
«Ты бери коня
«Что ни лучшаго.
«Ты бѣги, бѣги, мать,
«На святую Русь.
— Не поѣду я
На святую Русь,
Я съ съ тобой, дитя,
Не разстануся.—

(Отечеств. записки, Апрель 1860 г., стр. 79—82.).

7.

Вотъ поѣхалъ князь Михайло
Что на царскую-то службу,
На грозную государеву;
Оставляетъ онъ свою молодую княгиню,
Что княгиню Катерину,
И наказалъ своей матушкѣ родною:
«Ажъ ты, матушка родная!
Еще пой, корми княгиню
Все крупичатки калачами!»
Его матушка родная
Опосля его не вдомѣ.
Бѣлу мыленку топила,
Сѣрь-горючь камень нажигала
И княгиню посылала
Что во бѣлую-то мыльню.

Тутъ княгиню изводила;
Распоролъ бѣлы груди,
Досмотрѣла во утробѣ:
Во утробѣ-то младенецъ...
Ахти, смертно переналася...
Скорыхъ пословъ посылала
И по нянекъ, и по манекъ,
И по вѣрныхъ служанокъ.
«Ажъ вы, няньки, ажъ вы, маньки,
И всѣ вѣрныя служанки!
Вы берите, няпки—маньки,
Всѣ три бѣлыя-то мыла
И четверто умыванье!
Вы умойте-ка княгиню,
Что княгиню Катерину,
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье!
Вы умойте-ка княгиню,
Что княгиню Катерину,
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье!»
Вотъ мыли-то княгиню
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье;
Вотъ клали ту княгиню
Въ бѣлодубовую гробницу;
Покрывали-то княгиню
Бѣлохрущатой комочкой;
Повезли-же-то княгиню
Ко соборною ко церкви,
Что ко матери Софьи;
Отпѣвали-то княгиню

И съ понами и съ дяками,
И со вѣрными слугами;
Вотъ клали-то княгиню,
Что княгиню Катерину
Въ сыру матерую землю.
Какъ пріѣхалъ князь Михайло
На княгинину могилу
Его добрый конь споткнулся,
Съ главы шапочка свалилась;
Онъ и тутъ догадался:
«Ахти, дома нездорово!
Любо матушка померши,
Либо молода княгиня,
Что княгиня Катерина!»
Вотъ пріѣхалъ князь Михайло
Что ко матушкѣ на улку.
Его матушка встрѣчаетъ;
Онъ у матушки спрашиваетъ:
«Что ты, матушка, стрѣчаешь?
Ужъ-то гдѣ моя княгиня,
Что княгиня Катерина?»
Его матушка родная
За бѣлы руки принимаетъ
И отвѣтъ ему содержитъ:
«Что ушла твоя княгиня
И ко нянькамъ, и ко манькамъ
Побѣлится, румянится....»
Вотъ поѣхалъ князь Михайло
И ко нянькамъ, и ко манькамъ.
«Ажъ вы, няньки, ажъ вы, маньки,
И все вѣрныя служанки!
Вы скажите сушу правду,

Вы скажите, не утайте:
Ужъ-то гдѣ моя княгиня,
Что княгиня Катерина?»
— «Ты, великій князь Михайло!
Твоя матушка родная
Опосля тебя не вдолгъ
Бѣлу мыленку топила,
Сѣрь-горючь камень нажигала
И княгиню посылала,
Что во бѣлую—то мыльню;
Тутъ княгиню изводила,
Распоролъ бѣлы груди,
Досмотрѣла во утробѣ:
Во утробѣ-то младенецъ....
Ахти, смертно перепалась....
Скорыхъ пословъ посылала
И по нянекъ, и по манекъ,
И по вѣрныхъ служапокъ.
Вотъ обмыли мы княгиню,
Что княгиню Катерину
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умывавъ;
Положили-то княгиню
Въ бѣлодубову гробницу,
И покрыли-то княгиню
Бѣлохрущатой камочкой;
Увезли-же то княгиню
Ко соборною ко церкви
Что ко матери Софѣи,
И атѣли-то княгиню
Все съ понами, все съ дяками,
Все свѣрными слугами;

Положили-то княгиню,
 Что княгиню Катерину
 Въ сыру матерую землю». —
 Какъ поѣхалъ князь Михайло
 И отъ нянекъ, и отъ манекъ,
 И отъ вѣрныхъ служанокъ
 На княгинину могилу.
 На княгининой могилы
 Со добра коня свалился,
 О горючь камень зашибся.
 Его матушка княгиня
 Возлѣ рѣчушки ходила,
 Зычнымъ голосомъ кричала:
 Ахти, тяжко согрѣшила —
 Три души я погубила:
 И что первую-то душу
 Эво — князя Михаила,
 А другу-то вѣдь душу —
 Его молодцу княгиню;
 А третью-то вѣдь душу —
 Во утробѣ-то младенца!»
 А со той тоски — кручины
 И сама въ рѣчку бросалась....

(Вологодская губернія. «Москвитянинъ» 1842 года, часть IV,
 стр. 274).

8.

Щелканъ — Дудентьевичъ. *)

А и дѣялось въ Ордѣ,
 Передѣялось въ Большой,
 На стулѣ золотомъ,
 На рытомъ бархатѣ,
 На червчатой ¹⁾ камкѣ ²⁾
 Сидить тутъ царь Азвякъ:
 Суды разсуживаетъ
 И ряды разряживаетъ,
 Костылемъ размахиваетъ

*) Изъ сб. Кирши, стр. 31.

¹⁾ багровый.

²⁾ Шелковая китайская ткань съ разводами.

По бритымъ тѣмъ усамъ,
По тѣмъ Татарскимъ головамъ.
Шурьевъ царь дарилъ
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея къ Вологдѣ,
Ахромей къ Костромѣ:
Одного не жаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случилось,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря синія.
Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьмѣ;
У котораго дидати нѣтъ,
У того жену возьмѣ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьмѣ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани выходы,
Царскія невыплаты;
Вывезъ младъ Щелканъ

Коня во сто рублей,
Сѣдло въ тысячу,
Узду—цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять,
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговорить младъ Щелканъ
Младъ Дудентьевичъ:
«Гой еси, царь Азвякъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ;
Василья на Плесу
Гордея къ Вологдѣ,
Ахромей къ Костромѣ;
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичами».
Проговорить царь Азвякъ:
«Гой еси, шурина мой
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколи-тка ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,

Крови горячія;
И тогда я тебя пожалуйю
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичами». .
Въ ту пору младъ Щелканъ
Своего сына закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія.
И въ ту пору царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми
Двумя удалыми Борисовичами.
И въ тѣ поры младъ Щелканъ
Онъ судьбою насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А не много онъ судьбою сидѣлъ:
И вдовы-то безсчастити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣмъ наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики-то посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ

Пошли съ честными подарками—
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изшли его въ домъ у себя
Щелкана Дудетьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Въ ту пору младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загордынился,
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалася.—

9.

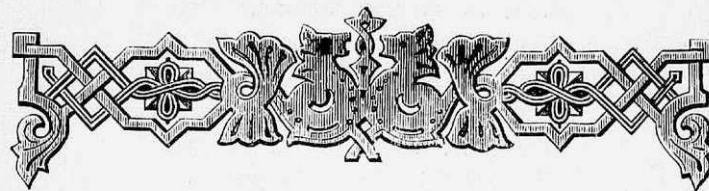
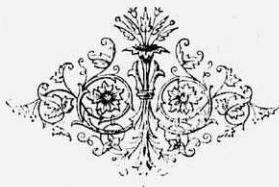
Романъ князь Митріевичъ младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле
Сбирать дани за тѣ годы за старые;
И унимаетъ его княгиня Марья Юрьевна
«Душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ!
Ни уѣдь ты въ далеко чисто поле
Сбирать тѣ дани, сударь, пошлины:
Какъ ночесъ мнѣ Марья Юрьевнѣ,
Мало спилось, много видѣлось,
Много видѣлось, во снѣ грезилось:
Будто спалъ у меня, у Марьюшки злаченъ
перстень
Съ меньшова перста, съ мезеночка,

И разсыпался на мелкія зернотка, на мушенки.
Тутъ изъ далеча, далеча, изъ чиста поля
Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
Расклевали, мой Марьюшкинъ златень перстень.
«Кто-бы могъ мой сонъ теперь разсудить?»
Говорить князь Романъ, сударь Митрѣвичъ:
«Ты не плачь, княгиня Марья Юрьевна,
Юрьевна, ты лебедь бѣлая!
Я какъ съѣзжу въ далеко чисто поле,
Такъ съищу тамъ много знахарей,
Что могутъ тебѣ разсудить твой сонъ».
Говорить княгиня Марья Юрьевна:
«Ты, душевѣнка, Романъ князь сударь Митрѣвичъ,
Не надо мнѣ твоихъ много знахарей,
Я могу этотъ сонъ сама весь разсудить:
Какъ ты уѣдешь въ далече чисто поле,
Такъ изъ той земли, изъ бусурманскія,
Найдутъ многи поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ;
Увезутъ меня княгиню Марью Юрьевну».
Ничего князь Романъ не побаровалъ (sic)
И уѣзжалъ въ далече чисто поле.
Въ ту пору, въ то время
Прѣѣзжали поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ.
Тутъ княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ высока нова терема
На новыя сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора въ зеленый садъ,
Тамъ приздынула яблонь кудреватую.
И садилась подъ яблонь кудреватую.

А тѣ поганы татарове
Выѣзжали на крутой красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ:
Тутъ ходитъ Марьина протомойница;
Они тутъ взяли плеточки шелковыя,
Стали тутъ бить Марину протомойницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай—скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина протомойница:
«Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина протомойница».
Они стали тутъ бить Марину ключицу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай—скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина ключица:
«Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина ключица».
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока нова терема
На новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора во зеленый садъ,
Приздынули тутъ яблонь кудреватую
И нашли княгиню Марью Юрьевну,
Стали Марьюшку допрашивать:
«Скажи: ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
«Нѣтъ, я не княгиня есть Марья Юрьевна,
Я есть Марьина постельница»
Тутъ они брали плеточки шелковыя,
Стали ее бить не жалѣючи,
И стали ее снова допрашивать:
«Скажи, скажи, не утай—скажи,

Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?
Тутъ она и сказалась имъ:
«Я есть княгиня Марья Юрьевна?»
Взяли они княгиню за бѣлы руки,
И вели на пристань корабельную,
И привезли ее къ Батышу на червленъ корабль;
Береть ее Батыша за бѣлы руки.
И цалуетъ княгиню въ сахарны уста,
Говорить княгиня Марья Юрьевна:
Ой-же ты Батышъ, царь Бутурьевичъ!
Не цалуй ты меня въ сахарны уста,
Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ,
Когда привезешь въ землю бусурманскую»....

(Калгалакша, на Бѣл. Морѣ.—Записалъ С. В. Максимовъ).

10.

Свадьба Грозного *).

Приутихло—приуныло море синее,
Глядячись—смотрячись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныхъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ,
И на тѣ на круты бережки.
Приутихли—приуныли круты красны бережки,
Глядячись—смотрячись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ ¹⁾ корабельныхъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ,

*) Лѣтописи журн., издав. г. Тихонравовымъ, кн. 2, № 11.

¹⁾ Марсъ—площадка около верхняго конца мачты.

И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ на поля зеленія:
Приутихли—приуныли поля зеленія,
Глядучись—смотрячись на государевъ дворъ.
Преставляется царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна:
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млада двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ грозенъ царь,
Грозный царь, Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
«Ужъ ты слушай, царь, послушай-ко,
Что я тебѣ, царица, повею скажу:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до младыхъ двухъ царевичей;
Когда будутъ они въ полномъ умѣ,
И въ твердомъ будутъ разумѣ,
Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Когда будутъ дѣвицы въ полномъ умѣ,
Въ полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
Что я тебѣ, царица, повею скажу:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ:
До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ,
И до своего ты до крестнаго батюшки,
До того Богдана Сирскаго:
И тутъ твоя дума крѣпкая!
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ солдатешекъ служащихъ:

И тутъ твоя сила вѣрная!
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго.
Еще слушай царь, ты послушай-ко,
Что я тебѣ, царица, прикажу.
Прикажу и повею скажу.
Когда л, царица, представляюся,
Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ,
На той ли на Марьѣ Темрюковнѣ;
А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,
На той Супавѣ татарскіе.
Хоть и есть у ней много приданого,
Пановей, улановей и злыхъ поганыхъ татаровей;
Есть у ней брателко родимое,
Молодой Кострюкъ, сынъ Темрюковичъ».
И тутъ царица представилась.
Тутъ царицѣ славу поютъ.
Прошло времени три мѣсяца,
Захотѣлъ сударь Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
И покотился онъ въ ту ли матушку прокляту
Литву,
Покотился и жениться
На той на Марьѣ Темрюковнѣ.
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки
И того Богдана Сирскаго:
Приѣзжалъ онъ скоро въ проклятую Литву,
И бралъ онъ Марью Темрюковну
И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ
Кострюкомъ Темрюковичемъ.
Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы.

Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы
 Равномѣрныхъ верстъ пятисотенныхъ:
 За сто верстъ становилъ онъ свою силу армію
 И сходилъ онъ скоро со добра коня,
 И бралъ онъ черницу вольянскую,
 И бралъ перо лебединое,
 И бралъ бумагу—гербовой листъ,
 И посленъ листъ на золотъ столъ
 Своему дядюшкѣ любезному
 И крестному батюшкѣ Богдану Сирскому:
 «Дядюшка Богданъ ты мой Сирской!
 Встрѣть ты меня съ честью и радостью,
 И со тѣмъ пѣтьемъ Божіимъ церковнымъ,
 И со тѣмъ со звономъ колокольнымъ,
 Со той пальбой пушечной».
 Отправлялся его скорый гонецъ,
 Скорой гонецъ и скорой посолъ.
 Не встрѣтилъ его дядюшка любезный
 За сто верстъ;
 Не дошелъ онъ до матушки каменной Москвы,
 За двадцать за пять верстъ, становилъ онъ
 свою силу—армію,
 Отправлялъ скоро гонца,
 Скоря гонца и скоро посла,
 Чтобы чистить улицы широкія,
 Исправить фатеры дворянскія,
 Гдѣ стоять моей силѣ—арміи,
 И привалилъ онъ въ матушку каменну Москву.
 И не встрѣтилъ его любезный дядюшка
 И тотъ Богданъ Сирскій.
 Не съ пѣтьемъ Божіимъ церковнымъ,
 И не съ той пальбой пушечной.

Заѣзжалъ сударь грозенъ царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 И во ту церковь Божію,
 Принималъ златы вѣнцы
 И со той Марьей Темрюковной.
 На той на радости великія
 Заводилъ онъ почестенъ пиръ,
 На всѣхъ на князей, на думныхъ бояръ,
 На сильныхъ могучихъ богатырей.
 Солнышко идетъ къ западу,
 И къ западу идетъ къ закату,
 А почестенъ пиръ на весело.
 И всѣ въ пиру пьяны веселы.
 Говорить ему шуринъ любимой,
 Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:
 «Ай ты мой зятюшко любезный,
 Грозенъ ты царь, Иванъ Васильевичъ!
 Есть-ли у васъ въ каменной Москвѣ
 Борцы—молодцы приученные,
 Кабы мнѣ съ ними поборотися?»
 Требовалъ сударь грозенъ царь,
 Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
 Борцзвѣ—молодцовъ не случилось,
 Только случилъ Васенька хромоногенькой
 На лѣву ножку онъ припадываетъ,
 По двору прихрамываетъ
 И ко двору государеву предвигается,
 И входитъ въ палаты царскія!
 И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
 Своему зятю любезному:
 «Чертъ у васъ, не борцы—молодцы
 И не приученные».

Говоритъ Вася хромоноженькой:
«Ай же ты сударь-таки Грозенъ царь!
Ежели Богъ пособить, Никола поможетъ
Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить,
И по двору его нага пустить?»
Говоритъ сударь грозенъ царь,
И грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ежели бы тебѣ Богъ помогъ,
И Никола пособилъ Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить
И по двору нага пустить:
Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья!»
На лѣвую ножку онъ Вася, припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ,
И металлъ Кострюка о кирпичный полъ,
На брюхѣ его кожа треснула,
На хребтѣ его кожа лопнула,
Изъ платья онъ его нагимъ вылупилъ.
Бралъ тутъ царь свою Марью Темрюковну
И велъ онъ ее въ далеко чистое поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце;
Тутъ ей славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго,
И Богдана того Сирскаго,
И женился онъ въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ на святой Руси.

11.

Мимо Москвы проѣзжаемъ,
Въ деревню заѣзжаемъ,
У вдовушки постукаемъ:
«Ты, вдовушка—вдова,
Ты пусти-тка ночевать
Ночевать да постоять!»
Еще вдова отвѣчаетъ:
«У меня домъ-отъ не стоялый,
Фатерушка не больша»....
Еще гости отвѣчали:
«Не больша да хороша!»
Гости съ силой ворвались,
На фатерку забралися,
Еще всѣ сѣли по лавкамъ,
А большой-отъ всѣхъ по выше.
Еще стала вдова къ печкѣ,
Прижала руки къ сердечку.
А большой-отъ сталъ спрашивать:
«Ты давно-ль, вдова, вдовуешь,
Ты давно ли сиротуешь?»
— «Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротую съ годомъ двадцать....»
— «Подойди, вдова, поближе,
Поклонись-ка ты пониже,
Сними съ меня пухову шляпу!
Во шляпочкѣ есть платочекъ;

Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенецекъ,
Обручальный нашъ съ тобой....»

(Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ—Ефименко, стр. 58).

12.

Русски храбрые солдаты,
Въ бой идите, какъ на пиръ,
За Царя, Отчизну, Вѣру
И за весь крещеный міръ!
Смерть удѣлъ есть неизбѣжный,
Всѣмъ намъ должно умирать;
Но въ бою кто жизнь окончитъ,
Съ тѣмъ и Божья благодать.
Тотъ исполнилъ долгъ безсмертный,
Кто за Вѣру, Царя палъ
И своей священной кровью
Местъ врагамъ онъ завѣщалъ.
Въ часъ предсмертный не тужите,
Что вы въ дальнихъ сторонахъ,
Не оплаканный родными
Будетъ вамъ холодный прахъ.
Въ вѣчность равно перселенье,
Въ странѣ родной или чужой;
Равно будетъ воскресенье
Въ день таинственный святой.
Кому въ битвѣ Господь судить
Свою голову сложить
То извѣстно вамъ да—будеть:
Церковь памятью почитать.

Вашимъ дѣтямъ сиротами
Влачить горя не дадутъ:
Они скоро въ Царѣ Русскомъ
Отца нѣжнаго найдутъ.
Русски храбрые солдаты,
Въ бой идите жь, какъ на пиръ,
За Царя, Отчизну, Вѣру
И за весь крещеный міръ!

13.

Какъ собирався князь Михайло
На грозную службу царскую;
Онъ наказываетъ родной матушкѣ:
«Охъ ты, матушка родимая!
Береги мою молодую княгиню,
Клади ее спать въ соборную вечерню,
Подымай ее во соборную обѣдню;
Ты корми ее крупичатами калачами,
Ты пой ее медовой сытой!»
Онъ садился на добра коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора.
Не успѣлъ князь со двора съѣхать,
Его матушка родимая
Приказала жарко мыленку топить.
Горючъ камень разжигала,
На бѣлыя груди княгини клала.
Выѣзжаетъ онъ на чисто поле,—
Подъ нимъ конь спотыкнулся,
Подъ правой рукой
Ясный соколъ встрепенулся,

Съ князя шапочка свалилась
 Какъ возговорить Михаилъ князь:
 «Ахти, дома всѣ здоровы-ль?
 Вѣрно, матушки не стало,
 Или молодой моей княгини!»
 Какъ воротился князь Михайло,
 Онъ вѣзжается на широкій дворъ;
 Его матушка встрѣчаетъ.
 «Ахъ ты, матушка моя родная!
 Гдѣ моя молодая княгиня?»
 — «Пошла твоя княгиня во высокъ теремъ,
 Во высокъ теремъ бѣлится — румяниться».
 Пошелъ князь во высокъ теремъ:
 Бѣлилки всѣ не тронуты,
 Румяночки не ворохнуты,
 Всѣ дѣвочки въ черномъ платьѣ наряжены,
 Русы косы расплетены.
 «Гдѣ моя молодая княгиня?»
 — «Ахъ ты, батюшка нашъ Михаилъ князь!
 Мы не смѣемъ вамъ сказать...
 Наша молодая княгиня переставилась.
 Она стоитъ во соборной церкви!»
 Какъ бросился князь Михайло во соборну
 церковь,
 Увидалъ свою молодую княгиню...
 Какъ взговорить князь Михайло:
 «Ахти ты, матушка родная!
 По родству-то ты мнѣ мать родная,
 По разлукѣ же змѣя лютая!»
 Вынимаетъ шпагу острую
 Онъ пронзаетъ свое ретиво сердце.
 Его матушка раскаялась,

Со слезами слово молвила:
 «Передъ Богомъ согрѣшила я,
 Три души я погубила вдругъ:
 Первую душеньку сыновнюю,
 Другую душу — невѣстину,
 А третью — младенца во утробѣ!»

(Шенкурскъ, Архангельской губ., Карѣвскій, вып. V, стр. 72).

14.

Черезъ рѣчку проходили,
 Черезъ Зарену проѣзжали,
 Ко вдовушкѣ заѣзжали,
 Подъ окошкомъ постучали:
 «Пусти насъ, вдова, ночевати,
 Молодая, постояти!»
 Тутъ вдовушка отвѣчала
 Ночевать насъ не пустила,
 Воротики запирала.
 Силой гости ворвались,
 Всѣ въ избушку воѣрались.
 Они сѣли всѣ по лавкамъ,
 По дубовымъ скамейкамъ.
 Молода вдова у печки,
 Поджануши бѣлыя ручки.
 Еще старшій гость въ большомъ углу,
 Въ большомъ углу, подъ окошкомъ,
 Подъ окошкомъ, въ разговорѣ:
 «Еще сколько, вдовушка вдовѣшь,
 Молодая, сиротѣшь?» —
 — «Я пятнадцать лѣтъ вдовѣю,

Шестнадцатый снѣю» —

— «Еще сколько у ты, вдовушка, денегъ?» —

— «У меня денегъ полтина,
Полтинушка безъ алтына». —

— «Еще сколько, вдовушка, дѣтокъ?» —

— «У меня дѣтокъ четверо.

— «Ты подвинься, вдовушка, поближе,

Поклонись гостимъ пониже!

Ты скинь-ка пуховую шляпу,

Возьми въ шляпѣ полотенце;

Не твое ли, вдовушка, рукодѣльице?»

Тутъ вдовушка испужалась,

Милыхъ дѣтушекъ будила:

«Вы вставайте, милыя дѣти!

Родной вашъ батюшка пріѣхалъ!»

— «Я не вѣкъ къ вамъ вѣковати —

Одну ночку почевати!»

(Новгородская губернія. Студитскій, № 32).

15. *)

Выѣзжаетъ молодой маіоръ,
Молодой маіоръ-полковничекъ,
Выбираетъ молодыхъ солдатъ,
Молодыхъ солдатъ ребятушекъ.

У отца было три сына,

Три сына хорошіе;

Большаго сына жаль отдать,

Средняго не хочется;

Отдамъ я сына меньшаго,

Сына меньшаго Иванушку!

Меньшій сынъ расплакался:

«Государь нашъ батюшка!

Или я вамъ былъ не родной сынъ

Или я вамъ былъ пасынокъ?»

Да вы, дѣти мои милые!

Вы возьмите-тко по палочкѣ,

Да вы бросьте-тко по жеребью:

Да кому изъ васъ достанется? —

Доставалось сыну меньшему,

Сыну меньшему Иванушкѣ.

(Дроздово, Малоархангельскаго уѣзда. — Записалъ
М. А. Стаховичъ).

*) Солдатская.

16 *)

Какъ и шли прошли солдаты молодые,
Да за ними идутъ матушки родныя,
Во слезахъ пути дороженьки не видють,
Какъ возговорють солдаты молодые:
Охъ вы матушки родные, да родные,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами.

17.

Какъ сряжался князь Михайло
Во путь дальною дорожку;
Наказывалъ князь Михайло
Своей матушкѣ родимой:
«Береги мою княгиню
И обрученну жену Катерину;
Ты вспой мою жену молодую,
Ты сытою вспой медовую;
Ты буди мою жену молодую,
Ты къ обѣднѣ, ко всенощны!»
Какъ поѣхалъ князь Михайло
Во путь дальною дорожку.
Ея матушка, ея не взлюбила;
По три день байну топила,
Жарки камня кадила,

*) Солдатская.

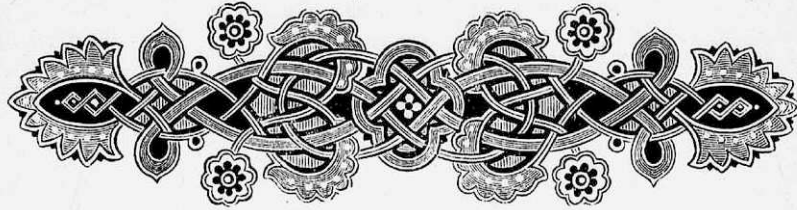
На бѣлую грудь сажала,
Бѣлы груди выжигала.
Посередь пути—дорожки
У Михайлы конь споткнулся:
«Вѣрно въ домѣ нездорово!
Жива-ль-то матушка родная
И молодая княгиня?»
И посередь пути онъ дорожки ворочался;
Онъ къ домичку подѣзжаетъ,
Родна матушка встрѣчаетъ.
— «Жива-ль ты, матушка родная,
И жива-ль молодая княгиня?»—
— «Какъ пошла твоя молодая,
Пошла въ садикъ погуляти,
Шелковой травушки памяти,
Зрѣлыхъ яблочковъ порвати!»
Пошелъ онъ во садикъ посмотреѣти—
Шелкова травушка стоитъ не мята,
И зрѣлы яблочки стоятъ не рваны.
Къ родной матушкѣ приходятъ:
— «Ужъ ты, матушка родная,
Ты въ первомъ случаѣ меня обманила!
Гдѣ-жь моя молодая княгиня
И обрученна жена Катерина?»—
— «Какъ пошла твоя жена молодая,
Пошла къ нянькамъ, пошла къ мамкамъ,
И ко сѣннымъ пошла къ краснымъ дѣвкамъ!»
И какъ пошелъ-те князь Михайло,
Пошелъ къ нянькамъ, пошелъ къ мамкамъ,
И ко сѣннымъ пошелъ краснымъ дѣвкамъ.
— «Ужъ вы, няньки, ужъ вы, мамки!
Не видали-ль моей княгини

И обрученной жены Катерины?»
— «Мы видать ей не видали,
А слыхомъ-то мы слыхали!
Твоя матушка родная
По три дня байну топила,
И жарки камня калила,
И на бѣлую грудь сажала,
Бѣлая груди ей выжигала!»
Онъ приходитъ къ родной матушкѣ:
— «Ужъ ты, матушка родная,
Во второмъ случаѣ меня обманила!»
— «А какъ пошла твоя молодая
Въ соборну Божью церкву
И пошла она Богу молиться
И за Михайлу Богу поклониться!»
Какъ пошелъ-то князь Михайло
Во собору Божью церкву:
И стоитъ двѣ гробницы,
Все онѣ гробницы стоять золотыя,
И все покрыты стоять пеленою,
И пеленою покрыты золотою.
И вынимаетъ онъ два ножичка булатныхъ,
И во утробѣ онъ себѣ торпультъ...
И сдѣлалось три гробницы,
И всѣ гробницы стоять золотыя,
И покрыты онѣ пеленами,
И пеленами покрыты золотыми.
Сзади матушка стояла
И горючи слезы роняла:
— «Ужъ я курва, ужъ я б.....а,
Ужъ я чистая супостатка!
Три души я всѣ сгубила.

Ужъ я сына и невѣстку
И во утробѣ я младенца!»

(Новгородской губ., Валдайск. уѣзда, Новгородск. Сборн., вып.
II, стр. 170).

18.

Пѣсня о разбойникѣ Аникѣ *).

Ѣдетъ Аника черезъ поле,
А на встрѣчу Аникѣ Ѣдетъ Чудо.
Голова у Чуда человѣческа,
Власы у Чуда до пояса,
Туловище у Чуда звѣриное,
А ноги у Чуда лошадиныя.
Аника на конѣ остановился
И этому Чуду дивился:
Скажи ты мнѣ Чудо, повѣдай:
Царь-ли ты, или царевичъ?

*) Поется въ предѣлахъ Вологодской губерніи.

Король ли ты, или королевичъ?
Или ты сильный могучій богатырь?
Чудо ему отвѣчаетъ:
Я не царь, не царевичъ,
Не король, не королевичъ,
И не сильный могучій богатырь,
А я смерть страшна и грозна,
Вельми не помѣрна,
Сердцемъ своимъ не посульна.
Кто сотворилъ небо и землю,
Кто сотворилъ облака и звѣзды,
Тотъ меня сотворилъ,
По всей землѣ попустилъ.
Гдѣ кого застану, искошаю (скошу),
Въ пути, дорогѣ застану искошаю.
Хочу я тебя Аника искосити.
Возговорить храбрый человѣкъ Аника:
Я палицу подыму, палицей пришибу.
Либо коня поущу, конемъ потопчу
По глазѣ по твоей.
Она же ему отвѣчаетъ:
Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
Былъ на землѣ Святогоръ богатырь,
И ихъ искосила.
Хочу и тебя Аника искосити.
Возговорить храбрый человѣкъ Аника:
О смерть страшна и грозна!
Дай ты мнѣ сроку на два года,
Сострою я тебѣ церковь,
Спишу твой ликъ на иконѣ,
Поставлю твой ликъ на престолѣ;
И будутъ къ намъ съѣзжаться князья и бояре

И сильные могучіе богатыри,
И стануть къ намъ свозить казну золотую.
Она же ему отвѣчаетъ:
Кабы де брать мнѣ казну золотую —
Были-бы у меня горы золотыя
Отъ востока и до запада.
Вынимаетъ пилю невидимыя,
Потираетъ его по рукамъ, по ребрамъ.
Возговорить храбрый человѣкъ Аника:
О смерть страшна и грозна!
Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ.
Есть у меня казна золотая,
Роздамъ я ее по тюрьмамъ, по богадельнямъ.
Она же ему отвѣчаетъ:
Казна твоя кровавая,
Душѣ твоей не помога.
Вынимаетъ пилю невидимыя,
Потираетъ его по костямъ и по жиламъ.
Возговорить храбрый человѣкъ Аника:
О смерть страшна и грозна!
Дай ты мнѣ сроку на полгода.
Есть у меня отецъ и мать,
Дай ты мнѣ съ отцомъ съ матерью проститься.
Она же ему отвѣчаетъ:
Какъ же ты ѣхалъ на ратное дѣло?
Зачѣмъ съ отцемъ, съ матерью не простился?
Вынимаетъ пилю невидимыя,
Потираетъ его по костямъ и по жиламъ.
Аника на конѣ шатается.
И смертныя уста запекаются.
Аника съ коня повалился.
Тутъ Аникъ и слава.

19.

Обѣщался императоръ
Къ Рождеству вѣрно прибыть;
Всѣ празднички на проходѣ,
Александра царя дома нѣтъ.
Его маменька вѣрно родная,
Всѣ минуты и ночьки не спитъ.
Выду, выду на ту пору,
На ту башню, которая выше всѣхъ;
По ямской, ямской дорожкѣ
Да не пылъ вѣрно пылить,
Это мой вѣрно курьеръ бѣжитъ.

(Сообщено А. Григорьевымъ отъ М. А. Стаховича).

20.

Среди Москвы на площади
Собирался полкъ—казачій кругъ,
Во томъ во кругу стоитъ добра лошадь,
На томъ на коню лежитъ кованое сѣдло.
На томъ на сѣдлѣ сидитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ—офицерскій сынъ.
Онъ и такъ плачетъ,—что рѣка льется,
Шелковымъ платкомъ утирается,
На всѣ стороны поклоняется,
Съ отцемъ—матерью прощается:
«Прощай батюшка, прощай матушка!
Прощай душечка молода жена,

Прощай дѣтки малыя, мои дѣтушки!
Прощай братцы—товарищи!»!

21.

Тамъ построили, тамъ кабакъ
Ни про дѣвокъ, ни про бабъ,
Про холостыхъ-то про ребятъ.
Пришелъ мальчикъ, выпилъ шкальчикъ,
Веселешенекъ пошелъ.
Прощай дѣвки, прощай бабы,
Намъ теперича ни до васъ,
Вы солдатухи бирутъ насъ.
Наши поженъки да ни ходять,
На свѣтъ глазухи да ни глядятъ.
Шли солдатухи слободой,
Манять дѣвушекъ за собой:
«Вы пойдемте-ко дѣвушки, съ нами,
Съ нами добрыми молодцами,
Не далече до Казани:
Во Казани-то жить привольно,
Жить привольно, гулять охотно,
У насъ денежекъ предовольно,
У насъ домики пребогаты,
Бѣлокаменныя стоять палаты,
Межъ домами-то *текетъ* рѣчка,
Течетъ рѣченка медовая,
По ней струечка золотая».—
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ, кустъ ракитовъ,
На кусточкѣ соловейко,

Соловейшко сидитъ, громко свищетъ,
Громко свищетъ онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:
«Не здавайтесь вы, дѣвки, красныя,
На солдатскія на обманки.
У солдатухекъ дома—горы,
Дома—горы каменисты;
Межъ домами-то *текетъ* рѣчка,
Течетъ рѣченька да кровяная,
По ней струечка да слезеная».

22.

Что подъ бѣлою березой гусаръ-отъ убить,
Бѣло личко прикрыто бѣлою китайкой;
Къ нему панья приходила, панья молодая,
Бѣло лицо покрывала, въ уста цаловала.
«Ты возстань, возстань любезной, возстань черно-
бровой,

Ваши кони вороные во полѣ танцуютъ».
Я лиха не хочу—во полѣ ночую.
Мой миленькой на Русѣ суцу правду скажетъ,
За рѣченькой, за рѣкой гусаръ сѣно косить,
На другой-то сторонѣ панья воду носить,
Воду носить, дождя просить:
Подай, Боже, дождь,
Ты подай, Боже, дождя подай *поскорянь*,
Чтобы травоньку смочило, косы не чуяло,
Молодаго гусаря со поля стогнило!
Чѣмъ я мужу не жена, дому не хозяйка,
Три дня печи не топила, на печи-то жаръ, жаръ,
Молодаго гусаря очень его жаль, жаль.

23.

Попила ли ты моя головушка
Не за батюшкиной, не за матушкиной буйной голо-
вою,
Не за братцевой, не за сестрициной легкой работой,
Что поймали-то раздобраго молодца, поймали въ при-
лукъ,
Что у той-ли у прилуки у красной у дѣвки;
Что куютъ-то меня добра молодца, куютъ во же-
лѣзы,
Посадили меня, добра молодца, въ козырныя сани,
Привезли-то меня, добра молодца, привезли ко приему,
Посадили меня-то добра молодца во красное стуле;
Какъ и стали меня разудалаго стричь, они-то брить.
Ужъ вы брѣйте мои кудерюшки, брѣйте, не жа-
лѣйте,
Отошлите мои кудерюшки ко красной ко дѣвицѣ.

НАРОДНЫЙ ЛЕЧЕБНИКЪ.

Знаніе есть сила и помощь.

Съ того момента, въ который человекъ появился на землѣ, постепенно стали проявляться и различные человѣческіе недуги, разрушительно вліявшіе на живой организмъ, и потому, естественно, въ силу борьбы за существованіе, вызывавшее въ людяхъ стремленіе противодействовать разрушающей силѣ болѣзней и такъ или иначе изыскивать разные способы, чтобы избавиться отъ страданій и насколько возможно—болѣе, продлить жизнь и отклонить приближеніе смерти.

Такимъ образомъ — начало и первые періоды исторіи медицины, подобно многимъ другимъ наукамъ, теряются во мракѣ отдаленной неизвѣстности. Но, независимо отъ этого, человѣчество, задолго еще до наступленія эпохи, въ которую медицинская наука стала систематизироваться,—въ энергичной борьбѣ съ различными немощами усвоило множество способовъ и изыскало массу средствъ для исцѣленія и облегченія своихъ недуговъ.

И хотя въ наше время медицина дошла почти до своего апогея, тѣмъ не менѣе, среди народныхъ массъ, вышео-
бъясненная первобытная медицина находитъ себѣ широкое примѣненіе и до настоящаго времени.

Вслѣдствіе чего настоящій отдѣлъ мы посвятили исключительно народной медицинѣ, назвавъ таковую «народный лечебникъ», и помѣстили въ немъ болѣе интересныя свѣдѣнія и наипаче употребляемыя средства отъ различныхъ болѣзней, перечень коихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

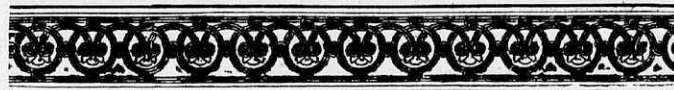
ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Отъ простуды.
2. Отъ кашля.
3. Отъ хрипоты.
4. Отъ водяной.
5. Отъ лихорадки.
6. Отъ зубной боли.
7. Отъ глухоты.
8. Отъ потери голоса.
9. Отъ шелудей и парши.
10. Отъ нарывовъ.
11. Отъ ранъ.
12. Отъ ушиба.
13. Отъ вывиховъ.
14. Отъ ружейныхъ ранъ.
15. Отъ болѣзней глазъ.
16. Отъ обморока.
17. Отъ грыжи.
18. Отъ зуда и чесотки.
19. Отъ недержанія мочы.

20. Отъ чахотки.
21. Отъ поноса.
22. Отъ опусканія матки.
23. Отъ ненормальнаго мѣсячнаго очищенія у женщинъ.
24. Отъ кровотеченія у женщинъ.
25. Отъ запора мочи.
26. Отъ прекращенія регулъ.
27. Отъ отрыжки и непріятнаго вкуса во рту.
28. Отъ ноготѣды.
29. Отъ золотухи.
30. Отъ болѣзни горла.
31. Отъ ревматизма.
32. Отъ бѣлей.
33. Отъ каменной болѣзни.
34. Отъ болѣзни сердца.
35. Отъ веснушекъ.
36. При долгихъ мукахъ во время родовъ.
37. Отъ кровотеченія послѣ родовъ.
38. Отъ дурной крови.
39. При недостаткѣ груднаго молока.
40. Отъ запора.
41. Отъ глистовъ.
42. Отъ родимца.
43. Отъ катарра желудка.
44. Отъ порѣзовъ.
45. Отъ укула.
46. Для искусственнаго прекращенія регулъ.
47. Отъ загара.
48. Отъ слабости въ тѣлѣ.
49. Отъ головной боли.
50. Отъ полового безсилія.

51. Отъ боли въ спинѣ и поясницѣ.
52. Отъ дурнаго глаза.
53. Отъ болѣзни ногъ у дѣтей.
54. Отъ горячки.
55. Отъ бессонницы.
56. При укусахъ человѣка бѣшенымъ животнымъ.
57. При сорваніи пупа.
58. Отъ запоя.
59. Отъ болѣзни чумы.
60. При отравѣхъ и порчахъ.
61. При почечуѣ.

1.

ОТЪ ПРОСТУДЫ.

Кто спотѣвъ изопьетъ, и отъ того болѣзнь придетъ,—
овечьего молока ложку, да желчи медвѣжей съ гороховое
зерно, да стерши испить на тще сердце, уквасивъ дважды.

Липовый цвѣтъ, заваренный кипяткомъ,—отличное сред-
ство отъ простуды (мягчительное и потогонное); также пьютъ
и здоровые вмѣсто чая.

Стебли *чертополоха* варять въ печи въ закупоренномъ
горшкѣ и настоємъ моютъ спину и бока, когда въ нихъ
чувствуется колотье и ломота отъ простуды.

Звѣробой или *чихорѣ* выкапываютъ вмѣстѣ съ корнями, сушатъ на солнцѣ, завариваютъ и пьютъ вмѣсто чая. Въ мѣстностяхъ, гдѣ растеніе это растетъ обильно, его за-
пасаютъ и засушиваютъ массажи.

2.

ОТЪ КАШЛЯ.

Если кто кашляетъ, давай ему пить воду ячную съ сахаромъ, и поможетъ.

Толченный чеснокъ мѣшаютъ съ довольномъ количествомъ меда и въ горшкѣ ставятъ на ночь въ горячую печь. Полученный изъ этой смѣси сокъ даютъ больному во время кашля.

Толченный имбирь, сваренный вмѣстѣ съ медомъ, также служить хорошимъ средствомъ при кашлѣ.

Горчичное сѣмя, мелко истолченное, смѣшиваютъ съ медомъ и употребляютъ при кашлѣ.

Цвѣты малины и сушенныя ягоды завариваютъ и пьютъ отъ кашля.—Взваръ изъ сушеныхъ ягодъ съ краснымъ медомъ считается хорошимъ средствомъ отъ коклюша.

Чеснокъ съ черемухою употребляется при упорномъ кашлѣ съ кровохарканіемъ. Для этого оба предмета толкутъ вмѣстѣ и, затѣмъ, смѣшавъ съ медомъ, варятъ до извѣстной густоты и изъ состава дается больному по золотнику для внутренняго употребленія. Если-же при этомъ кровохарканіе продолжается, то къ смѣси прибавляютъ уксусу.

3.

ОТЪ ХРИПОТЫ.

Если человѣкъ охрипнетъ и ему затечетъ горло, то для этого берутъ *шелковую водяную траву* и, сваривъ ее, льютъ этой водой на горло.

Если-же шелковая трава не поможетъ, то берутъ пшеничныя отруби и варятъ ихъ вмѣстѣ съ укропомъ, и затѣмъ эту смѣсь даютъ пить больному. Послѣ чего хрипота уничтожается.

4.

ОТЪ ВОДЯНОЙ.

Пьютъ воду съ развареннаго или завареннаго сверчка.

Отваръ изъ корня *зори*, которая растетъ въ огородахъ, также служить хорошимъ средствомъ противъ водяной болѣзни.

Морошечный цвѣтъ (чашечный цвѣтъ) въ видѣ настоя на кипящей водѣ, считается отличнымъ средствомъ отъ водянки.

5.

ОТЪ ЛИХОРАДКИ.

Чеснокъ и хренъ толкутъ вмѣстѣ, и эту смѣсь прикладываютъ къ шеѣ. Когда начинается ознобъ, то мажутъ тѣло также этой смѣсью. — Приготовлять же нужно эту смѣсь такъ, чтобы другіе не видали.

А также употребляютъ отъ лихорадки *комониное коренье*, которое варятъ въ пивѣ и затѣмъ на тощакъ пьютъ этотъ отваръ.

Кору дерева *ивы* завариваютъ въ чайникъ, и настой этотъ пьютъ по чайной чашкѣ въ день, когда лихорадка бываетъ перемежающаяся.

Листья травы *диной зори* также употребляютъ, какъ средство противъ лихорадки; для чего изъ названнаго растенія готовятъ обыкновеннымъ способомъ настой или отваръ.

6.

ОТЪ ЗУБНОЙ БОЛИ.

Добываютъ живую змѣю и, вынувъ изъ нея желчь, мажутъ ею больной зубъ, полагая, что отъ этого пропадутъ, имѣющіеся будто-бы въ пораженномъ зубѣ, черви.

Сымена быленны кладутъ на раскаленный кирпичъ или сковороду и дымъ пропускаютъ въ открытый ротъ во время зубной боли. Отъ этого на сковороду, будто-бы, валятся маленькіе бѣлые черви, послѣ чего боль прекращается.

Прикладываютъ къ рукѣ цвѣты *лютика* (*flores ranunculi aquatici*).

Также варятъ крапиву съ уксуомъ и заставляють держать во рту.

Также дѣлають смѣсь изъ лука и перцу, свареннаго съ виномъ и медомъ, и смѣсь эту держать во рту.

7.

ОТЪ ГЛУХОТЫ.

Если человекъ оглохнетъ, то берутъ воронову желчь и кладутъ въ ухо.

А также дѣлають смѣсь изъ свиного сала и куриного жира, прибавляя къ этому луковаго соку, приготовивъ эту смѣсь, кладутъ въ пораженное ухо, въ надеждѣ, что человекъ послѣ того будетъ опять слышать по прежнему.

При боли-же въ ухахъ кладутъ въ нихъ овечью шерсть; если при этомъ изъ ушъ идетъ течь, то шерсть предварительно обмакиваютъ въ деревянное масло.

8.

ОТЪ ПОТЕРИ ГОЛОСА.

На тощакъ ѣдятъ печеный чеснокъ.

А также употребляютъ при потерѣ голоса сырыя куриныя яйца, которыя пьются на тощакъ, и тѣмъ будто возстаивается голосъ.

9.

ОТЪ ШЕЛУДЕЙ и ПАРШИ.

Берутъ живую ящерицу и жгутъ ее въ пепелъ, и этимъ пепломъ посыпають тѣ мѣста, которыя поражены шелудями.

Листья растенія *девясилъ* варятъ, и за тѣмъ этимъ отваромъ моють руки и вообще мѣста, пораженные шелудями и коростою.

10.

ОТЪ НАРЫВОВЪ.

При нарывахъ или чирьяхъ употребляютъ какъ одно изъ лучшихъ вытягивающихъ средствъ—вареный и толченый чеснокъ, который, будучи прикладывается къ болячкамъ, способствуетъ къ удаленію изъ пораженнаго мѣста скопившагося гноя.

Также примѣняется къ излѣченію нарывовъ мазь, приготовляемая изъ деревяннаго масла, сбитаго съ яичнымъ бѣлкомъ, или съ пшеничной мукой и яичнымъ желткомъ.

При кровавыхъ нарывахъ употребляется медовая пышка, которая способствуетъ къ ускоренію нагноенія и прорыву нарывающаго мѣста.

Есть еще средство, называемое *простой мальханъ*, приготовляемое изъ льнянаго масла и воска, растопленныхъ и смѣшанныхъ между собою. Это лѣкарство служить также для наружнаго употребленія при появившемся нарывѣ.

Мальханъ живучій, употребляемый для той-же цѣли, что и вышеназванное лѣкарство, и приготовляемое изъ свиного сала, коровьяго масла, воску и сосновой смолы, смѣшанныхъ въ растопленномъ видѣ въ одну массу.

Мальханъ бѣлый, употребляемый тоже при нарывахъ, и приготовляемый изъ свиного сала, бѣлизы и деревяннаго масла, смѣшиваемыхъ между собою и затѣмъ при употребленіи намазываемый на холстину.

Мальханъ желтый тилецъ. Назначеніе его одинаково съ предыдущими средствами. Приготавливается-же онъ слѣдующимъ образомъ: берутъ и варятъ въ крутую двадцать штукъ куриныхъ яицъ. Затѣмъ мѣшаютъ ихъ съ свинымъ саломъ и потомъ прибавляютъ въ эту смѣсь варенаго постнаго масла, такъ чтобы масса была не слишкомъ густою и ни слишкомъ жидкою. Когда составъ готовъ, то по мѣрѣ надобности онъ намазывается на холстину и прикладывается къ больному мѣсту.

Мальханъ зеленый на тилъ готовится изъ козьяго сала, воску, деревяннаго масла, еловой смолы и небольшого количества яри. Все это взятое вмѣстѣ разогрѣвается, стапливается и мѣшается до тѣхъ поръ, пока не остынетъ.

Есть еще другой родъ *живучаго мальхана*, который готовится слѣдующимъ образомъ. Берется воскъ, смола,

деревянное масло, скипидаръ, козье сало и мастика: все это смѣшивается въ одну массу и затѣмъ топится на огнѣ. Когда смѣсь получитъ жидкій видъ, то она пропускается сквозь холстину и мѣшается до тѣхъ поръ, пока совершенно не охладѣетъ. Послѣ всего сказаннаго, полученная мазь употребляется такъ-же, какъ и вышеназванныя.

11.

ОТЪ РАНЪ.

При ранахъ, такъ-же какъ и при нарывахъ употребляется много различныхъ лѣкарствъ, въ числѣ ихъ имѣются слѣдующія:

Медвѣжья желчь, смѣшанная съ яйцомъ, прикладывается къ ранѣ и привязывается платкомъ или чѣмъ либо инымъ; чрезъ это рана очищается отъ гноя и изъ нея показывается чистая кровь.

Дрожжи, вино и ладонъ мѣшаютъ вмѣстѣ съ битыми куриными яйцами, и получившуюся такимъ образомъ смѣсь употребляютъ какъ мазь для лѣченія ранъ.

На нечистую рану, гдѣ образовалось уже дикое мясо, кладутъ намазанную на холстину, слѣдующую смѣсь. Купоросъ и жженые квасцы мелко толкутся и смѣшиваются съ равнымъ количествомъ свиного сала и деревяннаго масла, которыя топятъ вмѣстѣ на огнѣ и послѣ постепеннаго охлажденія употребляются наравнѣ съ прочими лѣкарствами.

Также примѣняется для лѣченія ранъ и *девясилъ*, сушеные листья котораго прикладываются къ ранамъ.

Прикладываютъ къ ранамъ также и тертую морковь.

12.

ОТЪ УШИБА.

Берутъ словый пепель и смѣшиваютъ съ яичнымъ желткомъ и смѣсь эту прикладываютъ къ ушибленному мѣсту.

Если послѣ ушиба на пораженномъ мѣстѣ образовалась рана—то берутъ собачье ребро, жгутъ его въ пепель и прикладываютъ этотъ пепель къ ранѣ, накрывъ поверху листомъ подорожника или просто капустнымъ.

А также употребляется при ушибахъ, такъ называемая *сорокаприточная трава*, листья которой распариваются и прикладываются къ опухолямъ на мѣстѣ ушиба.

Если-же при ушибѣ получился и переломъ костей, то въ такихъ случаяхъ помимо лубочной перевязки употребляютъ еще и слѣдующую мазь: берутъ пиво и медъ, наливаютъ вмѣстѣ въ одинъ горшокъ и ставятъ въ печь, гдѣ эта смѣсь должна вариться до тѣхъ поръ, пока не получится масса, густотою равная спуску; этой-то мазью и мажутъ пораженныя части. Для чего массу берутъ и намазываютъ на холстинку, и затѣмъ прикладываютъ къ окружности перелома. Бинтъ, которымъ привязывается мазь, не снимается до окончательнаго излѣченія.

13.

ОТЪ ВЫВИХОВЪ.

При вывихѣ какого-либо члена употребляется слѣдующій пластырь. Берутъ уксусъ, золу и пшеничные отруби и все это смѣшиваютъ между собою въ одну общую массу, такъ, чтобы по виду походило нѣсколько на пластырь. Затѣмъ обыкновеннымъ способомъ прикладывается къ вывихнотому мѣсту.

14.

ОТЪ РУЖЕЙНЫХЪ РАНЪ.

Берется медвѣжье сало, бобковое масло, деревянное масло, небольшое количество жженныхъ квасцовъ и яичнаго желтка. Все это смѣшанное вмѣстѣ и служитъ мазью при ранахъ отъ ружейнаго выстрѣла. Иногда рану предварительно омываютъ разогрѣтымъ квасомъ, а затѣмъ уже прикладываютъ, вынесказанную мазь.

15.

ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ ГЛАЗЪ.

Если на глазѣ образовалось бѣльмо, то для уничтоженія такого примѣняютъ слѣдующее средство: достаютъ въ лѣсу *тернѣ* и жгутъ его на огнѣ; получившимся отъ этого непломъ посыпаютъ больной глазъ, полагая, что подобный способъ лѣченія долженъ принести несомнѣнную пользу больному.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣсница почему-либо принимаетъ неправильное положеніе, т. е. заворачивается или-же подворачивается внутрь и т. п. и если при этомъ начинаютъ изнутри расти волосы, которые причиняютъ больному ужасныя страданія и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ его зрѣнія, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда волосы растутъ хотя и снаружи, но искривляются и мѣшаютъ зрѣнію и причиняютъ страданія, то въ такихъ случаяхъ примѣняютъ слѣдующіе способы лѣченія и употребляютъ нижеописанныя средства, а именно:

1) берутъ вишневый клей и размачиваютъ его въ водѣ; затѣмъ этой водой промываютъ глаза и вытираютъ на сухо и тутъ-же сейчасъ эту воду впускаютъ и въ самые глаза;

2) зеленое стекло толкутъ въ мельчайшій порошокъ и къ этому порошку прибавляютъ козней желчи въ такой пропорціи, чтобы получилась средней густоты мазь; затѣмъ этой мазью мажутъ то мѣсто, откуда растутъ волосы;

3) еще употребляютъ и такое средство: берутъ бѣлаго голубя и зарѣзавъ его, выпускаютъ въ какой-либо сосудъ его кровь; затѣмъ эта кровь подвергается постепенной сушкѣ, но при такихъ условіяхъ, чтобы кровь не была выставлена ни на солнце и ни на вѣтеръ, а медленно-бы высушивалась въ холодномъ мѣстѣ. Когда кровь высохнетъ окончательно и превратится въ твердую массу, то ее берутъ и растираютъ въ мелкій порошокъ, и этимъ порошокомъ рано по утрамъ посыпаютъ пораженные мѣста и вообще порошокъ этотъ впускаютъ внутрь глазъ;

4) еще при той-же болѣзни употребляютъ и зайчій мозгъ, который берется въ сыромъ видѣ прямо изъ головы убитаго зайца и имъ мажутся больные глаза;

5) а также при описанной болѣзни служить лѣкарствомъ и смородинный листъ, который варится въ трехъ водахъ и полученнымъ отваромъ мажутъ больные глаза.

При пораженіи глазъ бѣльмомъ, помимо вышеописанныхъ средствъ, есть еще и другія, которыя также нерѣдко употребляются народомъ для излѣченія отъ бѣльма. Къ числу этихъ средствъ относятся слѣдующія:

1) добываютъ сову, которую убиваютъ и достаютъ изъ нея желчь; эта-то желчь и служитъ самымъ лѣкарствомъ, употребляемая, какъ и прочія мази, т. е. ею мажутъ глазъ, пораженный бѣльмомъ и отъ этого будто-бы бѣльмо уничтожается окончательно;

2) еще для уничтоженія бѣльма употребляютъ и такое средство: берутъ куриное яйцо и провертѣвъ его въ какомъ либо мѣстѣ, выпускаютъ изъ него бѣлокъ, оставляя желтокъ въ яйцѣ; потомъ берутъ соли самосадки и растеревъ ее, кладутъ въ яйцо, и затѣмъ яйцо обмазываютъ глиною; послѣ всего этого яйцо жгутъ на огнѣ въ пепелъ. Получившійся пепелъ тщательно просѣиваютъ и потомъ посыпаютъ имъ на бѣльмо. Чрезъ это бѣльмо также уничтожается;

3) примѣняютъ для излѣченія бѣльма и такое средство: берется лебяжья желчь и яичное масло и смѣшанное вмѣстѣ пережигается на огнѣ въ пепелъ; полученный пепелъ мѣшаютъ съ прѣснымъ медомъ и деревяннымъ масломъ, и затѣмъ этой мазью мажутъ глаза, пораженные бѣльмомъ.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда глаза имѣютъ кровавый видъ, то употребляютъ слѣдующее лѣкарство: берутъ и сушатъ сѣмя и затѣмъ мѣшаютъ его съ тремя яичными бѣлками и помѣстивъ эту смѣсь въ какой-либо сосудъ, заты-

каютъ его наглухо хлопьемъ и въ такомъ видѣ оставляютъ на нѣкоторое время. Когда этотъ составъ простоятъ определенное число часовъ, сосудъ откупориваютъ и находящейся тамъ смѣсью мажутъ больные глаза.

Когда же у человѣка глаза начинаютъ прѣть, т. е. принимаютъ воспаленный видъ и начинаютъ какъ-бы мокнуть, то въ подобныхъ обстоятельствахъ считается однимъ изъ хорошихъ средствъ слѣдующее лѣкарство, употребляемое очень часто простымъ народомъ, а именно: берутъ траву сабуръ и подсушивъ ее, трутъ въ мелкій порошокъ, затѣмъ прибавляютъ въ соответствующей пропорции къ этому порошку ртути и деревяннаго масла. Получившейся отъ этой смѣси мазью мажутъ больные глаза, но такъ, чтобы мазь эта отнюдь не попадала-бы внутрь глазъ.

При вышеописанной болѣзни употребляютъ иногда и такое оригинальное средство, которое по характеру составныхъ частей, должно казаться сомнительнымъ: а именно: берутъ козьи го..... левать пер..., толкутъ и мѣшаютъ съ преснымъ медомъ. Получившуюся отъ того мазь пускаютъ въ больные глаза, полагая, что подобное средство должно безспорно принести выздоровленіе страждущему.

Употребляютъ еще для сведенія бѣльма сокъ растенія *дибель правскій*, коимъ мажутъ глазъ, пораженный бѣльмомъ.

Считается также однимъ изъ лучшихъ средствъ, *настой изъ цвѣтовъ черемухи*, употребляемый въ видѣ глазной

примочки при различныхъ болѣзняхъ глазъ. Приготавливается же названный настой самымъ обыкновеннымъ способомъ, т. е. цвѣты черемухи кладутся въ воду и оставляются тамъ на болѣе или менѣе продолжительное время, пока видъ воды не будетъ доказывать, что сокъ цвѣтовъ достаточно смѣшался съ водою.

При вышеописанной болѣзни, известной въ народѣ подъ названіемъ «прѣніе очей» употребляется также въ видѣ глазной примочки, настой изъ цвѣтовъ земляники, который приготавливается тѣмъ же способомъ, какъ и предыдущее средство, т. е. настой цвѣтовъ черемухи.

Употребляютъ иногда при глазныхъ болѣзняхъ и коровью желчь, которая, будучи предварительно высушенной, трется, какъ и многія другія изъ вышеприведенныхъ средствъ—въ мелкій порошокъ и затѣмъ этимъ порошкомъ посыпаютъ больные глаза.

Примѣняютъ для лѣченія глазныхъ болѣзней еще и такое лѣкарство: берутъ сахарный леденецъ и растворяютъ его въ женскомъ молокѣ, а иногда и въ коровьемъ, но не иначе, чтобы корова была черной масти; затѣмъ полученный растворъ пускаютъ внутрь больныхъ глазъ.

Цвѣты растенія *шипитнякъ* иногда также служатъ лѣкарствомъ при болѣзняхъ глазъ. Берутся обыкновенно лепестки цвѣтка этого растенія и настаиваются на холодной водѣ, и

послѣ этимъ настоємъ примачиваютъ глаза въ тѣхъ случаяхъ, когда они гноятся, а также это лѣкарство употребляется и въ тѣхъ случаяхъ, когда у дѣтей глаза «засыпаются».

16.

ОТЪ ОБМОРОКА.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда съ человѣкомъ дѣлается дурно и онъ падаетъ въ обморокъ, то для приведенія его въ чувство, въ народѣ существуетъ въ употребленіи слѣдующій простой способъ скорой помощи: берутъ двѣ восковыя свѣчи и зажигаютъ обѣ; затѣмъ одну изъ нихъ тушатъ и пока она еще продолжаетъ дымиться послѣ гашенія, ее тотчасъ же подносятъ къ носу обморочнаго и какъ бы окуриваютъ идущимъ отъ свѣчи дымомъ; когда-же дымъ окончательно перестаетъ идти отъ погашенной свѣчи, то ее зажигаютъ вновь отъ первой, а первую тушатъ и продолжаютъ производить тоже окуриваніе, что было дѣлаемо и ранѣе, — и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока находящійся въ обморокѣ не очнется отъ исходящаго отъ свѣчи дыма.

17.

ОТЪ ГРЫЖИ.

При грыжѣ употребляютъ въ видѣ лѣкарства конскій мозгъ, которымъ мажутъ больное мѣсто, какъ обыкновенною мазью.

А также примѣняютъ для лѣченія грыжи собачью кровь, которой на подобіе предыдущаго средства, мажутъ больное мѣсто, будучи увѣрены, что подобное лѣченіе принесетъ несомнѣнную пользу.

Растеніе *блѣюшки*, или какъ называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—*пьянунъ*, *поповникъ* или *попы*, также считается однимъ изъ средствъ противъ болѣзни грыжи. Названное растеніе употребляется при лѣченіи въ видѣ настоя, который готовится обыкновеннымъ способомъ, какъ вообще и всѣ настои травъ и растеній.

Горлянки или *заячья трава* также употребляется для лѣченія грыжи, въ видѣ настоя, который больные принимаютъ внутрь.

Треникъ или грыжняя трава тоже примѣняется для лѣченія грыжи, при чемъ изъ названнаго растенія приготовляютъ слѣдующимъ образомъ противогрыжное лѣкарство: растеніе вмѣстѣ съ цвѣтами и листьями предварительно высушиваютъ и затѣмъ ставятъ париться въ печь; получаемый при этомъ наваръ и служитъ самымъ лѣкарствомъ, которое больные принимаютъ внутрь. Иногда это растеніе варятъ въ молокѣ и употребляютъ подобно вышеописанному, приготовленному на простой водѣ.

Бѣлый макъ также служитъ однимъ изъ средствъ при лѣченіи грыжи. Обыкновенно онъ употребляется какъ лѣкарство въ случаяхъ такъ называемой «бѣлой грыжи».

Льсная или заячья капуста тоже считается хорошимъ средствомъ при лѣченіи грыжи. Изъ листьевъ этого растенія готовится настой, который и пьютъ больные грыжей.

Грыжняя трава или молодень считается однимъ изъ лучшихъ и наиболее вѣрныхъ средствъ противъ грыжи. Употребляется названное растеніе въ видѣ настоя, причемъ настой готовится исключительно только изъ однихъ листьевъ.

Растеніе *звѣробой* или *чихорье* также употребляется при лѣченіи грыжи. Изъ этого растенія готовятъ настой, который и даютъ пить больнымъ грыжей.

ОТЪ ЗУДА И ЧЕСОТКИ.

При постоянной и мучительной чесоткѣ употребляютъ какъ лѣкарство, слѣдующее средство: берутъ жгучую крапиву, соль и яичный желтокъ, все это смѣшиваютъ вмѣстѣ и употребляютъ какъ и прочія мази, намазывая тѣ мѣста, гдѣ чувствуется зудъ или чесотка.

А также употребляютъ для лѣченія чесотки и такое средство: берутъ сѣры, селитры, купоросъ и нашатырь, прибавляютъ сюда же яри и все это вмѣстѣ трутъ въ мелкій порошокъ; затѣмъ къ этому порошокъ прибавляютъ коровьяго масла, чрезъ что и получается обыкновеннаго вида мазь, которой потомъ мажутъ тѣ части тѣла, гдѣ чувствуется зудъ или чесотка.

Овечій своробъ. Теплымъ настоемъ этого растенія моютъ руки въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ стрижки овецъ на рукахъ появляется сыпь, и начинается чувствоваться чесотка.

Кобылья кислица и *кобылий стецъ* также служатъ ередствомъ для лѣченія отъ чесотки. Изъ этихъ растений готовится слѣдующимъ способомъ противочесоточное лѣкарство. Берутъ одни только корни названныхъ растений и растираютъ ихъ въ мелкій порошокъ; затѣмъ къ порошокъ прибавляютъ смѣтаны и нѣсколько горячей сѣры, и все это тщательно перемѣшивается. Полученной такимъ образомъ мазью мажутъ руки и другія части тѣла пораженныя чесоткою.

19.

ОТЪ НЕДЕРЖАНІЯ МОЧИ.

Тѣмъ, у кого появляется недержание мочи, даютъ пить заячью кровь и ѣсть заячье мясо, полагая, что этотъ способъ леченія долженъ принести пользу и выздоровленіе больному.

20.

ОТЪ ЧАХОТКИ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣка поражаетъ ужасный недугъ чахотки и больной, что называется не умираетъ и не оживаетъ, а между тѣмъ страшно страдаетъ самъ и глядя на его мученія заставляетъ страдать и другихъ, его окружающихъ, то въ такихъ случаяхъ больного лѣчатъ слѣдующимъ способомъ: убиваютъ корову и пока она еще не освѣжевана, заставляютъ больного на локтяхъ лѣзть въ брюхо коровы и забраться туда по самое горло. Этотъ способъ лѣченія въ народѣ признается за дѣйствительный, и народъ увѣренъ, что послѣ подобнаго лѣченія болѣзнь отстанетъ и несчастный страдалецъ сдѣлается совершенно здоровымъ.

21.

ОТЪ ПОНОСА.

Настоемъ растенія *горлянка* лѣчать у дѣтей поносъ, называемый перелоемъ.

Также считается отличнымъ средствомъ отъ поноса, настой травы *шапошникъ*.

Тоже считается хорошимъ лѣкарствомъ отъ поноса растеніе *шишьякъ*, корень котораго варятъ въ водѣ и получившійся отваръ даютъ пить больному.

Настой корня растенія *кипрей*, также служить хорошимъ средствомъ при лѣченіи отъ поноса.

Кобылья кислица и *кобылій стебель* также служатъ средствами отъ кроваваго поноса. Лекарство изъ обоихъ видовъ названнаго растенія готовится слѣдующимъ образомъ: берутъ листья этихъ растений и варятъ въ водѣ, получившійся при этомъ отваръ и служитъ самымъ лѣкарствомъ при лѣченіи названнаго поноса.

Ягоды *черемхи* также служатъ однимъ изъ средствъ противъ поноса. Когда у дѣтей бываетъ кровавый поносъ, то имъ даютъ ѣсть сырыя или сушенныя ягоды этого растенія; а при таковыхъ-же обстоятельствахъ и взрослыхъ людей, ягоды *черемхи* высушиваютъ и заваривъ кипяткомъ въ чайникѣ, ставятъ въ вольную печь, чтобы настой этотъ крѣпче настоялся, и приготовленное такимъ образомъ лѣкарство даютъ пить больнымъ. А иногда при поносѣ-же примѣняется для лѣченія свѣже-содранная кора съ черемуховаго дерева, изъ которой готовится отваръ, употребляемый больными подобно и вышеописанному настою.

Корень растенія *раковая шейка* считается тоже хорошимъ средствомъ отъ кроваваго поноса у дѣтей; этотъ корень рѣжутъ на куски и кладутъ въ горшокъ; затѣмъ наливаютъ туда немного воды и, крѣпко закупоривъ, ставятъ въ вольную печь. Когда корень въ водѣ разопрѣетъ и образуетъ извѣстной густоты массу, то полученное такимъ способомъ лѣкарство даютъ пить больнымъ.

Также употребляется какъ одно изъ средствъ отъ поноса, отваръ изъ *ольховыхъ шишекъ*.

Клубни растенія *божья ручка* или *кукушкины слезы* тоже употребляются какъ средство отъ поноса. Для чего берутъ эти клубни и высушивъ ихъ превращаютъ въ мелкій порошокъ, который кладется по чайной ложкѣ на чайную чашку кипятку и затѣмъ принимается больными какъ и другія подобныя-же лѣкарства.

Настой изъ ягодъ *мождюхи* тоже считается однимъ изъ средствъ для лѣченія отъ поноса.

Настой листьевъ *брусницы* или *брусники* также употребляютъ какъ лѣкарство при лѣченіи отъ поноса.

Сушенныя ягоды *черники* тоже считаются однимъ изъ лучшихъ средствъ противъ поноса.

22.

ОТЪ ОПУСКАНІЯ МАТКИ.

Корень *кративы* варятъ въ печкѣ въ крѣпко закупоренномъ горшкѣ и затѣмъ получившійся отваръ даютъ пить женщинамъ, страдающимъ опущеніемъ матки.

23.

ПРИ НЕНОРМАЛЬНОМЪ МѢСЯЧНОМЪ ОЧИЩЕНІИ У ЖЕНЩИНЪ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда у женщины начинаютъ неправильно появляться регулы, то для устраненія этой ненормальности примѣняютъ слѣдующій способъ лѣченія: изъ березовой коры вырѣзываютъ подошвы и прикладываютъ ихъ къ голой ногѣ внутренней стороной за три или четыре дня до регулы, перемѣняя каждый день, и когда регулы, долго не появившіяся до этого откроются, то подошвы снимаютъ; и такъ поступаютъ и въ дальнѣйшихъ случаяхъ, при подобныхъ-же обстоятельствахъ.

24.

ПРИ РАЗЛИЧНЫХЪ КРОВОТЕЧЕНІЯХЪ У ЖЕНЩИНЪ.

Трава *хмелекъ* или *подборная* употребляется женщинами какъ лѣкарство въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ родовъ появляется сильное кровотеченіе.

Въ тѣхъ-же случаяхъ употребляется настой травы, называемой «*глубокая*», которая, какъ и предыдущее средство способствуетъ уменьшенію кровотеченію въ послѣродовый періодъ.

25.

ОТЪ ЗАПОРА МОЧИ.

Сѣмена растенія *попутникъ* высушиваютъ и толкутъ въ мелкій порошокъ; затѣмъ больные принимаютъ этотъ порошокъ внутрь, и онъ дѣйствуетъ какъ мочегонное.

Также считается хорошимъ средствомъ при заборѣ мочи отваръ изъ плодовъ растенія *шитлиникъ*, который принимается больными внутрь.

26.

ПРИ ПРЕКРАЩЕНІИ РЕГУЛЬ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда у женщинъ несвоевременно останавливаются отправления мѣсячнаго очищенія, употребляютъ какъ лѣкарство растеніе *дерябка* или *подгелъный бронецъ*, которое обвариваютъ кипяткомъ и теплый настой пьютъ по двѣ чайныхъ чашки, полагая, что отъ этого должны вновь открыться регулы.

Также служить хорошимъ средствомъ противъ прекращенія мѣсячныхъ очищеній растеніе *дикая гречиха* или *миллофель*, при чемъ въ подобныхъ случаяхъ нужно употреблять какъ лѣкарство разновидность этого растенія, имѣющаго красные цвѣты.

27.

ОТЪ ПАХУЧЕЙ ОТРЫЖКИ И НЕПРІЯТНАГО ВКУСА ВО РТУ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда чувствуется непріятный вкусъ во рту, употребляютъ настой растенія *бьяюшки* или *поповникъ*.

Также употребляютъ какъ лѣкарство при запахѣ изо рта *морковный* сокъ, который получаютъ слѣдующимъ способомъ: берутъ морковь и трутъ её на теркѣ; получившуюся-же массу кладутъ въ чистую тряпку и выжимаютъ сокъ, который затѣмъ даютъ пить тѣмъ, кто страдаетъ цингой или скорбутомъ.

28.

ОТЪ НОГТОЪДЫ.

При болѣзни ногтоѣды употребляется какъ лѣкарство настой растенія *жируха* или *змѣевникъ*.

Иногда ногтоѣду лѣчатъ слѣдующимъ способомъ: больной палецъ держать въ теплой водѣ и затѣмъ прикладываютъ къ нему лукъ печеный или соль съ чернымъ хлѣбомъ.

29.

ОТЪ ЗОЛОТУХИ.

При золотухѣ у дѣтей употребляютъ слѣдующее средство: въ концѣ Августа собираютъ *ягоды калины*, парятъ ихъ въ вольномъ жару и затѣмъ даютъ ѣсть дѣтямъ, страдающимъ золотухою.

Употребляютъ при лѣченіи золотухи иногда и *ветви калины*, которыя предварительно парятъ и дѣлаютъ изъ нихъ отваръ, который и служитъ самымъ лѣкарствомъ при названной болѣзни.

А также при золотухѣ у дѣтей употребляютъ и такое лѣкарство: берутъ *ягоды калины* и варятъ ихъ вмѣстѣ съ *медомъ* до тѣхъ поръ, пока не получится сиропъ; этотъ-то сиропъ и даютъ пить дѣтямъ больнымъ золотухою.

30.

ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ ГОРЛА.

Растеніе «*горлянка*» заваривается цѣбликомъ въ чайникѣ или горшкѣ и полученный такимъ образомъ отваръ пьютъ при опухолѣхъ въ горлѣ или «жабѣ».

А также трава «*горлянка*» употребляется при лѣченіи жабы какъ и наружное средство: изъ нея готовятъ припарокъ и кладутъ къ больному мѣсту.

Употребляется при лѣченіи жабы и такое средство: берутъ листья мяты и завариваютъ ихъ въ чайникѣ; когда они настоятся, то отваръ сливаютъ въ стаканъ и прибавляютъ туда немного меда и кусочекъ квасцовъ. Затѣмъ все это тщательно смѣшавъ, употребляютъ совершенно теплымъ для полосканія горла; при чемъ полощутъ горло каждыя пять минутъ.

31.

ОТЪ РЕВМАТИЗМА.

Корни *ренейника* тщательно промываютъ въ холодной водѣ и разрѣзавъ на части, парятъ въ закрытомъ горшкѣ; получающійся такимъ образомъ отваръ даютъ пить по стакану утромъ и вечеромъ людямъ, страдающимъ ревматизмомъ.

Примѣняютъ для лѣченія ревматизма и такое наружное средство: берутъ грибъ *мухоморъ*, разрѣзываютъ его на части и кладутъ въ бутылку, крѣпко закупоривъ послѣднюю; затѣмъ бутылку закапываютъ въ землю, гдѣ она находится 6 недѣль; послѣ того бутылку выкапываютъ и образовавшейся въ ней мазью мажутъ мѣста, пораженные ревматизмомъ.

А также, какъ наружное средство, употребляютъ при лѣченіи ревматизма *стручковый перецъ*, который настаивается на водкѣ и самый настой служитъ втираніемъ въ больныя мѣста; еще для лѣченія ревматизма употребляютъ и такое средство: берутъ съ полштофа спирта и въ него кладутъ $\frac{1}{8}$ ф. перца и $\frac{1}{4}$ ф. мыла, и эту смѣсь настаиваютъ въ теченіи 6 недѣль въ тепломъ мѣстѣ. Образовавшейся мазью натираютъ въ банѣ больныя мѣста.

32.

ОТЪ БѢЛЕЙ.

При бѣляхъ у женщинъ считается лучшимъ лѣкарствомъ листья *земляники* или *земляницы*, которые собираютъ еще до цвѣтенія и высушивъ на солнцѣ, завариваютъ и пьютъ вмѣсто чая.

А также употребляютъ при лѣченіи бѣлей растеніе *дикая гречиха* или *милефоль*, при чемъ въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ примѣнять для лѣченія разновидность съ бѣлыми цвѣтами.

33.

ОТЪ КАМЕННОЙ БОЛѢЗНИ.

Листья *земляницы* собираютъ до Иванова дня, т. е. пока еще нѣтъ ягодъ. Затѣмъ изъ этихъ листьевъ приготавливаютъ настой и пьютъ его тепловатымъ по чайной ложкѣ въ день. Это средство считается однимъ изъ лучшихъ отъ каменной болѣзни.

Иногда при леченіи каменной болѣзни употребляютъ какъ лѣкарства *чеснокъ* и *крапивное сѣмя*, которые, будучи сварены вмѣстѣ съ горѣлкою или винограднымъ виномъ, принимаются больными внутрь.

34.

ПРИ БОЛѢЗНЯХЪ СЕРДЦА.

При сердечныхъ болѣзняхъ употребляютъ слѣдующее лѣкарство: берутъ корни растенія *ладанца* или *свѣтлокоренка* и высушиваютъ ихъ; затѣмъ высушенные корни парятъ и полученный отъ этого настой даютъ пить больнымъ при болѣзни сердца.

35.

ОТЪ ВЕСНУШЕКЪ.

Ягоды вмѣстѣ съ цвѣточными чашечками растенія *земляницы* варятъ до полученія густаго сиропа, который и служитъ средствомъ отъ веснушекъ, будучи употребляемъ какъ наружное лѣкарство, т. е. замѣняя собою мазь.

А также употребляютъ какъ лѣкарство отъ веснушекъ — сокъ изъ ягодъ *черной смородины*, которымъ примачиваютъ лицо, усѣянное веснушками, и эта примочка считается лучшимъ средствомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

36.

ПРИ ДОЛГИХЪ МУКАХЪ ВО ВРЕМЯ РОДОВЪ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина долго мучается родами, употребляютъ какъ лѣкарство настой листьевъ растенія *кипрей* или *красноголовикъ*, который даютъ пить роженицамъ.

А также при родовыхъ потугахъ употребляется какъ лѣкарство, настоенное на водѣ или водкѣ, растеніе, называемое *боровою пострѣль*, которое собирается въ полномъ цвѣту вмѣстѣ съ корнями и какъ сказано выше, применяется къ леченію и уменьшенію страданій при родахъ.

37.

ПРИ ПОСЛѢРодовыхъ болѣзняхъ и крово- теченіяхъ.

Настой корня такъ называемой *глубокой травы* употребляется какъ лѣкарство въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ родовъ открываются сильныя кровотеченія.

А также послѣ родовъ, если бываютъ сильныя кровотеченія, или какъ говорятъ въ народѣ—«золотникъ ходитъ»,—то употребляютъ какъ лѣкарство растеніе, называемое «*синій звербой*», которое готовятъ слѣдующимъ образомъ: цвѣты этого растенія стараются сорвать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не слышно пѣнія пѣтуха; затѣмъ эти цвѣты варятъ и получаемый при этомъ наваръ и есть то самое лѣкарство, которое затѣмъ больныя употребляютъ, какъ и другія подобныя средства, внутрь, принимая въ день по нѣсколько разъ.

38.

ПРОТИВЪ ДУРНОЙ КРОВИ.

Для очищенія крови употребляютъ, какъ лѣкарственное средство почку *черной смородины*, которую сперва сушатъ, а потомъ завариваютъ и пьютъ съ молокомъ вмѣсто чая.

Употребляютъ также, какъ кровеочистительное средство *морковный сокъ*, который принимаютъ внутрь, полагая, что подобное лѣкарство должно способствовать очищенію «дурной крови».

39.

ПРИ НЕДОСТАТКѢ ГРУДНАГО МОЛОКА.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины - матери кормятъ грудью своихъ дѣтей и молока оказывается недостаточно, то для устраненія подобнаго обстоятельства примѣняютъ здѣсь какъ лѣкарственное средство растеніе *тминъ* или *гуньба*, изъ коего готовятъ настой, который затѣмъ и даютъ пить тѣмъ женщинамъ-матерямъ, у которыхъ обнаруживается недостатокъ для кормленія ребенка груднаго молока.

40.

ПРИ ЗАПОРѢ ЖЕЛУДКА.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда образуется запоръ желудка, употребляютъ какъ хорошее слабительное средство огуречный рассолъ, который легко и скоро способствуетъ очищенію желудка, а вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ, какъ одно изъ прохладительныхъ средствъ.

Употребляютъ какъ слабительное—*рябину*, ягоды которой будучи налиты водою и приведены въ броженіе, даютъ горьковато-кисловатое слабительное средство, известное подъ названіемъ рябиновой воды.

При упорныхъ-же запорахъ, гдѣ требуется сильное проносное средство, употребляютъ, какъ хорошее слабительное, такъ называемые *пропускные бобки*, которыя принимаются внутрь въ растворенномъ видѣ вмѣстѣ съ какой-либо настилою.

А также употребляютъ какъ слабительное растеніе *ревень*, и подобнымъ-же лѣкарствомъ иногда служитъ *сабуръ*, который предварительно мелко толкутъ и затѣмъ смѣшавъ съ медомъ принимаютъ внутрь.

41.

ОТЪ ГЛИСТОВЪ.

Для уничтоженія какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ глистовъ, употребляютъ какъ хорошее средство—морковь, которую ѣдятъ въ сыромъ видѣ и тѣмъ способствуютъ удаленію изъ человѣка глистовъ.

Также считается хорошимъ средствомъ отъ мелкихъ глистовъ настой растенія *тыяунъ*, который принимается большими внутрь.

Употребляютъ для уничтоженія глистовъ, какъ хорошее средство, растеніе известное подъ названіемъ *тижмы* или дикой рябины, изъ котораго готовятъ слѣдующимъ образомъ внутреннее лѣкарство: берутъ стебель и листья этого растенія, или же одни сѣмена, и затѣмъ ихъ парятъ; когда-же они распарятся, то полученный при этомъ отваръ даютъ принимать внутрь страдающимъ отъ глистовъ.

42.

ОТЪ РОДИМЦА.

При болѣзни, поражающей главнымъ образомъ, дѣтей и известной въ народѣ подъ названіемъ родимца, употребляется слѣдующее для лѣченія лекарство: берутъ по одной шестой ($\frac{1}{6}$) части—*куколицы*, *звѣробоя*, *anthriscus*, *pedicularis* и *церковнаго ладона* и къ этому набору прибавляется растеніе, называемое *кудлатый звонокъ*; затѣмъ все это смѣшивается и изъ смѣси дѣлается настой, который и служить лѣкарствомъ при вышеупомянутой болѣзни.

43.

ПРИ КАТАРРѢ ЖЕЛУДКА.

Для лѣченія вышеназванной болѣзни употребляютъ слѣдующее лѣкарство: берутъ *цвѣты растенія мелефоль* или *дикой гречихи* и смѣшиваютъ ихъ съ *цвѣтами ромашки* и затѣмъ обвариваютъ кипяткомъ и давъ постоять, получившійся настой принимаютъ внутрь.

44.

ПРИ ПОРѢЗАХЪ.

Берутъ свѣжіе листья растенія *волконога* и прикладываютъ ихъ къ порѣзанному мѣсту.

45.

ОТЪ УКОЛА.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда уколотое чѣмъ-либо мѣсто начинаетъ разбалчиваться и въ мѣстѣ укола начинается образованіе нагноенія,—въ подобныхъ обстоятельствахъ считается вѣрнымъ средствомъ растеніе, известное подъ названіемъ «*мать-мачиха*» или «*мочешникъ*», листья котораго прикладываютъ къ больному мѣсту.

Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда послѣ укола остается въ тѣлѣ заноза, которая еще болѣе способствуетъ къ усиленію боли и образованію нагноенія въ мѣстѣ укола, употребляютъ въ видѣ, какъ хорошее вытяжное средство—*сосновую смолу* или просто называемую —смолу, которая собирается съ сосноваго дерева или даже съ дровъ, и прикладывается къ уколотому мѣсту.

46.

ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕКРАЩЕНІЯ РЕГУЛЬ.

Если женщина по какимъ-либо обстоятельствамъ или со-
ображеніямъ желаетъ, чтобы у нея остановились регулы, то
въ подобныхъ случаяхъ въ народѣ считаютъ за вѣрное сред-
ство, такъ называемыя *медвѣжьи ягоды*, изъ коихъ при-
готавливается настой, въ то время, когда ягоды еще не соз-
рѣли, и этотъ настой пьютъ, какъ и всякія подобныя внут-
реннія лѣкарства, по нѣсколько разъ въ день, пока не бу-
детъ достигнуто цѣли.

47.

ОТЪ ЗАГАРА.

Для того, чтобы уничтожить съ лица и рукъ послѣд-
ствія загара, то употребляютъ, какъ умываніе, настой
травы, извѣстной подъ названіемъ *«лягушечье мыльце»*,
каковымъ моютъ лицо и руки по нѣсколько разъ въ день.

48.

ОТЪ ОБЩЕЙ СЛАБОСТИ ВЪ ТѢЛѢ.

Настой корня травы, называемой *глубокая*, употребля-
ютъ какъ внутреннее лѣкарство, когда чувствуютъ изне-
моженіе и слабость въ тѣлѣ.

49.

ОТЪ ГОЛОВНОЙ БОЛИ.

Настой листьевъ такъ называемой *льсеной травы* счи-
тается хорошимъ средствомъ противъ головныхъ болей. На-
стой этотъ больные употребляютъ какъ внутреннее лѣ-
карство.

Во время жара, ощущаемаго въ головѣ, считаютъ полез-
нымъ средствомъ листья травы *мать-мачихи*, которые при-
кладываютъ къ головѣ.

А также употребляютъ при головныхъ боляхъ, какъ на-
ружное лѣкарство, замѣняющее горчишникъ листья *лотухи*,
которые будучи еще свѣжими, прикладываютъ больному ко
лбу, или къ икрамъ.

Употребляютъ при жарѣ въ головѣ еще растеніе, называемое—*сорока-приточная трава*, изъ листьевъ которой приготавливаютъ отваръ и этимъ отваромъ мочать голову.

Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда головныя боли выражаются въ сильной ломотѣ, то употребляютъ какъ лѣкарство настой растенія, называемаго—*божья ручка*, который больные принимаютъ внутрь.

При хроническихъ и вообще болѣе продолжительныхъ головныхъ боляхъ употребляютъ какъ внутреннее лѣкарство, растеніе, называемое *дикий хмль*, изъ котораго приготавливаютъ настой и даютъ больнымъ ежедневно по утрамъ и вечерамъ пить этотъ настой по чайной ложкѣ.

Иногда при головной боли употребляютъ какъ наружное лѣкарство, слѣдующее средство: приготавливаютъ отваръ изъ растенія *чернобыльникъ* и смѣшавъ этотъ отваръ съ виномъ и уксусомъ, дѣлаютъ припарокъ, который кладутъ къ головѣ больного.

Еще считаютъ хорошимъ средствомъ при головныхъ боляхъ, какъ наружное лѣкарство—*смѣсь мяты съ ржанымъ хлѣбомъ*, которая прикладывается въ видѣ припарка снаружи къ головѣ.

50.

ПРИ ПОЛОВОМЪ БЕЗСИЛИИ.

Настой корней растенія *горлянка* употребляютъ какъ внутреннее лѣкарство при лѣченіи полового безсилія.

51.

ОТЪ БОЛИ ВЪ СПИНѢ И ПОЯСНИЦѢ.

Настой травы *помянь* принимаютъ внутрь какъ вѣрное средство противъ болѣзни въ поясницѣ, называемой въ народѣ *утинь*.

Еще считается хорошимъ лѣкарствомъ при болѣзняхъ спины настой травы, называемой *стародубка*, который обыкновенно употребляется больными какъ внутреннее средство и настой этотъ пьютъ холоднымъ.

52.

ОТЪ „ДУРНАГО ГЛАЗУ“.

Средства, употребляемые противъ различныхъ болѣзней, проявляющихся по понятіямъ народа отъ «дурнаго глазу» скорѣе принадлежать къ разряду заговорныхъ и т. п., хотя нѣкоторые тѣмъ не менѣе соединяють подобное лѣчение съ медициной и примѣняютъ какое-либо растеніе, имѣющее лечебное свойство. Такъ, употребляютъ при умываніи отъ «дурнаго глазу» водный настой изъ стебля растенія *волконога*, при чемъ берутся только такіе экземпляры названнаго растенія, у которыхъ непремѣнно насчитывается 40 листьевъ, и самое умываніе необходимо производить по утрамъ только.

53.

ОТЪ БОЛѢЗНИ НОГЪ У ДѢТЕЙ.

Нерѣдко бываютъ случаи, когда маленькіе дѣти, будучи слабыми, долго не могутъ начать ходить и считаются «сѣдунами»; въ такихъ случаяхъ считается хорошимъ средствомъ настой корня растенія, называемаго *глубокая трава*, каковымъ настоемъ малымъ дѣтямъ моютъ ноги.

54.

ОТЪ ГОРЯЧКИ.

Отъ разныхъ видовъ горячешныхъ болѣзней въ народѣ считается хорошимъ лѣкарствомъ, какъ внутреннее средство настой листьевъ *кобыляго стеца* или *Rumex Acetosa*, каковой настой даютъ пить больнымъ въ горячемъ видѣ и во всякомъ случаѣ совершенно теплымъ.

55.

ОТЪ БЕЗСОННИЦЫ.

При бессонницѣ употребляютъ какъ внутреннее лѣкарство настой травы *дрѣмы*, который считается хорошимъ средствомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Иногда при бессонницѣ употребляютъ какъ снотворное лѣкарство *лѣсной хмѣль*, который дѣйствуетъ скорѣе подобно дурману и производить на больного одуряющее состояніе.

Болѣе-же употребительнымъ средствомъ при отсутствіи сна считается въ народѣ макъ, который принимается въ разныхъ видахъ: такъ, изъ него готовятъ молоко, которое даютъ пить больнымъ, и даже цвѣты мака, положенные подъ изголовіе, по народнымъ понятіямъ должны принести съ собой сонъ.

56.

ПРИ УКУСАХЪ ЧЕЛОВѢКА БѢШЕННЫМЪ ЖИВОТНЫМЪ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ подвергается укушенію какимъ-либо бѣшеннымъ животнымъ, считаютъ хорошимъ средствомъ для излѣченія отъ этого укуса растеніе *песій языкъ*, которое употребляется какъ лѣкарство слѣдующимъ образомъ: на зарѣ раннаго утра выкапываютъ корень тройчатку названнаго растенія, затѣмъ его мелко рубятъ и запекаютъ въ хлѣбъ, который даютъ ѣсть больному, но при условіи, чтобы послѣдній ничего не зналъ о содержимомъ хлѣба.

Примѣняютъ при тѣхъ же случаяхъ и наружныя средства, какъ-то: прикладываютъ къ укушенному мѣсту мазь, приготовляемую слѣдующимъ способомъ: берутъ коровью мазь и смѣшавъ съ виномъ или водкою прибавляютъ

сюда-же *попсей травы*, и затѣмъ всю эту смѣсь употребляютъ для наружнаго лѣченія.

Если укушенный жалуетъ на головную боль, то изъ *попсей-же травы* дѣлаютъ отваръ, который прикладываютъ къ головѣ больного въ видѣ припарки.

57.

ПРИ СОРВАНІИ ПУПА.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда у младенцевъ преждевременно почему-либо отрывается пупокъ или-же если послѣ его искусственного или естественнаго сорванія начинается разбавляться пуповина, то въ такихъ обстоятельствахъ употребляютъ какъ наружное лѣкарство, въ видѣ припарки—листья растенія *попутникъ*, который способствуетъ заживленію.

58.

ОТЪ ЗАПОЯ.

Лицамъ, подверженнымъ періодическимъ запоямъ, даютъ какъ лѣкарство, слѣдующее средство: на ягодахъ, называемыхъ *моджюха*, или скорѣе на самомъ растеніи, на *чомъ*

бываютъ эти ягоды, находятъ губку, которую настаиваютъ на трехъ стаканахъ водки трое сутокъ и затѣмъ настой этотъ даютъ пить подверженнымъ запоямъ.

59.

ОТЪ БОЛѢЗНИ ЧУМЫ.

При этой опасной и легко передающейся отъ одного другому болѣзни, въ народѣ господствуютъ древнія средства, какъ-то: прижиганіе до кости раскаленнымъ камнемъ или желѣзомъ, треніе опухшихъ желѣзъ дрсвою или нюхательнымъ табакомъ, присыпаніе ѣдкой сѣлемы и мышьяку къ чумнымъ опухолямъ желѣзъ, наконецъ прокалываніе такихъ иглою и прикладываніе къ проколотому мѣсту нашатыря и купороса и т. п. другія средства пока извѣстны только за противочумныя среди простаго народа.

60.

ПРИ ОТРАВАХЪ И ПОРЧАХЪ.

Хотя послѣднее и не должно-бы причисляться къ медицинѣ, но оно тѣмъ не менѣе иногда также входитъ въ область медицины и лѣчится подобно и прочимъ болѣзнямъ.

Въ указанныхъ выше случаяхъ считаютъ хорошимъ лѣкарствомъ смѣсь травы *молодила съ помянью*, которую варили въ водѣ и затѣмъ больному давали пить получаемый при этомъ отваръ.

61.

ПРИ ПОЧЕЧУЪ.

При вышеназванной болѣзни считается хорошимъ средствомъ отваръ почечуйной травы, который принимается внутрь.

ДѢТСКІЯ ИГРЫ

и

ЗАБАВЫ.

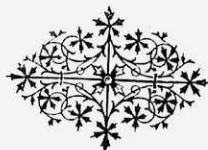
*Чуръ!
Играють,
Не воровать.
Безъ вороху,
Безъ промаху,
Безъ щелку.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Лодка.
Игра комнатная.
Кубарь или лѣнivecъ.
Сарбаканъ.
Стрѣлка.
Метанье копья.
Чирга или чижижъ.
Ожижъ.
Еги-баба.
Луны.
Пыжижъ или муха.
Должки.
Судьи.
Коровы.
Ималки.
Юла.
Черепъ.
Шарикъ.
Мячъ.
Ерга.
Змѣйка.
Пятнашки.
Охота.
Перегонки.

Орина.
Свая.
Чуръ мой.
Въ камешки.
Шаромъ.
Караванъ.
Въ ляпки.
Хлопта.
Кругомъ.
Хлопта съ клиномъ.
Кругомъ со столбомъ.
Парами.
Стойкой.
На уносъ.
Котя, котя, продай дитя!
Чирка.
Волкъ.
Голуби.
Ярки.
Ходули.
Круглымъ городомъ.
Прятки.
Въ дубъ.
Городки.
Палка-калена.
Ты куколка.
Въ цари.
Въ мачокъ.
Въ лапту.
Вотыкалка.
Лапы.
Яички.

.Свая.
Костыги.
Горшокъ.
Столбики.
Бильбоке.
Хлопушки.
Берегись.
Гуси.
Столбики.
Кошка.
Горѣлки.
Чека.
Медвѣдь реветъ.
Чурокъ, тюзикъ.
Кругъ.
Съ дѣтьми.
Груня.
Ималкомъ.
Въ «олени».
Вьюнъ.
Зимушка.
Въ «наборъ».
Стуль.

1.

ЛОДКА.

Дѣйствующія лица: *атаманъ*, выбирается рослый, говорящій басомъ. Костюмъ его: шитый галунами и блестками кафтанъ; шаровары, заправленные въ личные сапоги, мохнатая высокая шапка и подобающее вооруженіе. Иногда въ маскѣ.

Есаулъ — по костюму очень похожій на атамана, но не такъ нарядный.

Приклонскій — пьяница — разбойникъ въ статскомъ костюмѣ.

Попъ — въ маскѣ и подобающемъ костюмѣ, обыкновенно старый.

Дѣвица.

Разбойники—шайка. Костюмъ: красная рубаха, обшитая по вороту, рукавамъ и подолу галунами или золотой бумагой, и шаровары.

Атаманъ входитъ въ комнату, гдѣ находится публика; свита его останавливается въ дверяхъ. Онъ размахиваетъ саблей и поетъ:

Ты позволъ-ка, намъ, хозяинъ,
Въ нову горенку войти.

Хоръ. Ай лели, ай лели,
Въ нову горенку войти.

Атаманъ. Въ нову горенку войти,
Все имѣнье осмотрѣть.
(Хоръ тоже).

Все имѣнье осмотрѣть
Да и пиво и вино.
(Хоръ).

Да и пиво и вино,
Не прокисло-ли оно.
(Хоръ).

Атаманъ. Огнемъ горю, жаромъ пылаю, побѣды презираю. Хлѣбъ, соль, да вода, да явится шайка моя!

Хоръ (поетъ).
Наша шайка здѣсь живетъ
Вольно, безпашпортно,
Нашъ хозяинъ—острый ножъ,

Сабля—лиходѣйка.

Мы не воры, мы не воры,
Не разбойнички:
Государевы крестьяне,
Рыболовнички.
Ужъ мы рыбицу ловили
По амбарамъ, по клѣтямъ,
По высокимъ чердакамъ.

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете?

Атаманъ. Приведи мою лодку и шайку разбойниковъ (Разбойники выходятъ и садятся на полъ въ два ряда, какъ гребцы въ лодкѣ; атаманъ и есаулъ становятся по концамъ лодки другъ противъ друга. Всѣ покачиваются, изображая волненіе).

Атаманъ (къ попу). Отецъ, разрѣшите спѣть пѣсню?

Попъ. Разрѣшаю и благословляю.

Атаманъ (поетъ). Внизъ по матушкѣ, братцы, по Волгѣ...

Хоръ (пристаетъ при словѣ *братцы*). По широкому раздолью....

Атаманъ. Поднималася, братцы, погода.

Погодушка не малая,
Не малая, волновая,
Ничего въ волнахъ, братцы, не видно.

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете?

Атаманъ. Возьми мою подозрную трубку и посмотри на всѣ четыре стороны: пѣтъ ли пеня, кореня, подводнаго каменья, чтобы намъ, добрымъ молодцамъ не сѣсть на мель.

Есаулъ (смотря). Вижу.

Атаманъ. Что же ты видишь?

Есаулъ. Колоду.

Атаманъ. Какую тамъ къ чорту воеводу! Смотри, я тебя такъ ободрю и къ чорту въ ратники сошлю. Держи правѣй, никуда не ворочай (продолжаетъ):

Только видно одна шляпка,
Одна шляпочка чернѣть,
Вотъ чернѣть.
На ней паруса братцы, бѣлѣють,
На гребнахъ шанки синѣють
Вотъ синѣють....

Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете?

Атаманъ. Возьми мою подозрную трубку, и т. д...
Что же ты видишь?

Есаулъ. Червь.

Атаманъ. Какую невидаль тамъ червь! Въ водахъ червь, въ землѣ червь, въ лѣсахъ сучки, въ городахъ полицейскіе крючки, хотятъ нашихъ добрыхъ молодцевъ сковать, связать и къ чорту въ работники послать. Держи правѣй, никуда не сворачивай.

Есаулъ. Слушаю.

Атаманъ. (продолжаетъ пѣть):

На гребцахъ шляпы, братцы, синѣють,
На нихъ кушаки алѣють.
Самъ хозяинъ, братцы, во нарядѣ:
Въ кумашенькой рубашкѣ...

Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете (и т. д. какъ и ранѣе). Вижу садъ!

Атаманъ. А я этому очень радъ.

Есаулъ. При немъ находится прекрасная дѣвица.

Атаманъ. А! Это хорошо! (поетъ):

Приворачивай, братцы—ребята,
Ко крутому берегу
Ко Куляшину предворью....

Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете?

Атаманъ. Весла по бортамъ и рабочихъ по мѣстамъ.
Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете?

Атаманъ. Приведи ко мнѣ прекрасну дѣвицу, что находится за 12-ю желѣзными замками (приводятъ дѣвицу).

Атаманъ (къ ней). Не желашь-ли выйти за меня замужъ?

Дѣвица. За такого-то кровопивца!

Атаманъ. Сѣчь! рубѣть!

Разбойники (кричать). Лучше за Приклонскаго отдать!

Атаманъ. Ну, послушаю, ребята, вашего совѣта: не возьметъ-ли Приклонскій... Приклонскій!

Приклонскій (стоя за дверями, хриплымъ голосомъ) Эй?

Атаманъ. Приклонскій!

Приклонскій. Эй?

Атаманъ. Приклонскій, пьяница, поди сюда!

Приклонскій. (Входитъ, шатаясь и натыкаясь на разбойниковъ). Что прикажете, господинъ атаманъ?

Атаманъ. Не желаешь-ли жениться?

Приклонскій. Эй! жениться! по моему, лучше задавиться. Да, положимъ, при старости лѣтъ не худо: сѣдина въ бо-роду, а бѣсъ въ ребро, да кого-же ты мнѣ дашь? 70-ти лѣтнюю старуху?

Атаманъ. Я тебѣ дамъ не 70-ти лѣтнюю старуху, а 17-ти лѣтнюю дѣвицу.

Приклонскій. А гдѣ-же она? (Ему показываютъ. Онъ, пошатываясь, останавливается передъ ней). Ахъ! красоточка моя, полюби-ка ты меня! Я человѣкъ богатый: у меня есть четверка табаку, фунтъ картошки, славная будетъ окрошка, а придешь домой и полопать нечего. (Показываетъ на висячій у нея на шеѣ медальонъ). Чей это у тебя, голу-бушка, портретъ?

Дѣвица. Матушки.

Приклонскій. А кто у тебя матушка?

Дѣвица. Не знаю.

Приклонскій. А кто у тебя отецъ?

Дѣвица. Приклонскій.

Атаманъ. Ва! Приклонскій? Сѣчь! рубить! (Ее зарубаютъ).

Приклонскій (Отрезвившись къ атаману). При такой моей горести я спою пѣсню, а вы спойте къ моей пѣснѣ припѣвъ (Поетъ):

Льются слезы, духъ мятется,
Томно сердце во мнѣ бьется.

Хоръ. Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея, нѣтъ ея.

Прикл. Нѣтъ ея, звать запропала,
За рекитовъ кустъ запала. (Припѣвъ).
У кого спрошу? Кто скажетъ?
Кто несчастную покажетъ. (Припѣвъ).
Земледѣлецъ не видалъ-ли?
Ловчій въ полѣ не слыхалъ-ли? (Припѣвъ).
Пастушокъ въ лужкахъ душистыхъ,
При ручьяхъ пастушка чистыхъ. (Припѣвъ).
Злу тоску мою прервите,
Милы дѣвушки скажите. (Припѣвъ).
Нѣтъ ея, мой духъ терзайся,
Лейтесь слезы, грудь пронзайся!
(Убиваетъ себя изъ пистолета
и падаетъ).

Атаманъ. Кого мы женились. Приклонскій бурю сокращалъ, корабли останавливалъ, теперь его не стало! Поэтому надо воздать ему послѣдній долгъ, похоронить съ честью. (Вызываютъ попа). Вотъ видишь-ли, кончился нашъ Приклонскій, поэтому отслужи панихиду.

Попъ. Не ври! Мы сейчасъ съ нимъ выпивали.

Атаманъ. Говорять тебѣ: служи!

Попъ. Требникъ и кадило! (Ему подають). Съ праздникомъ господи!

Атаманъ. Какой-же это, дуракъ, праздникъ?

Попъ. А ты уменъ, какъ попъ Семень, такъ и служи самъ. (Уходитъ).

II.

Игра комнатная.

Лица, желающія препроводить сею игрою свободное время, составляютъ собою кругъ, внутри коего одинъ изъ сихъ особъ садится, занимая имя Ермака, окружающіе Ермака начинаютъ пѣть:

Маки, маки, маковицы,
Золотыя головыцы!
Станемте мы такъ,
Спросимте про такъ!

Тутъ одинъ изъ компаніоновъ спрашиваетъ Ермака:

Ермакъ! Ермакъ! поспѣлъ-ли макъ?
Отвѣчаетъ Ермакъ: только поспѣялъ.

Потомъ начинаютъ пѣть первый куплетъ, и продолжаютъ, оной при каждомъ Ермака вопросѣ.

На 2-й вопросъ отвѣтъ:	всходить.
» 3-й »	цвѣтеть.
» 4-й »	зрѣть.
» 5-й »	поспѣть.

Тутъ начинаютъ Ермака щипать, но..... чтобы не больно было.

Ш.

Кубарь или лѣннвецъ.

Кубарь есть деревянный цилиндръ въ $1\frac{1}{2}$ вершка длиною, заостренный съ обѣихъ сторонъ. Его вертять руками; для этого кубарь берутъ между ладоней и, сдвинувъ быстро одну ладонь впередъ, а другую назадъ, пускаютъ кубарь, давая ему такимъ образомъ вращательное движеніе. Затѣмъ подстегаютъ его кнутикомъ, сначала легонько, а потомъ сильнѣе, когда онъ начнетъ вертѣться плавно и не шатаясь. Кнутикомъ служитъ струпа или тонкій ремешокъ, а лучше всего кожа угря. Если полъ гладкій, то кубарь можетъ вертѣться очень долго. Когда играютъ двое, то они гоняютъ два кубаря, одинъ противъ другого, пока они не столкнутся и одинъ изъ нихъ не упадетъ. Искусный игрокъ можетъ заставить кубарь выдѣлывать на полу самыя разнообразныя фигуры.

IV.

Сарбаканъ.

Сарбаканъ состоитъ изъ палочки въ три четверти аршина и болѣе длины съ пустотой внутри, какъ чубукъ. Берутъ въ ротъ горошину, шарикъ изъ воску и тому подобное и вложивъ въ ротъ одинъ конецъ сарбакана, вталкиваютъ языкомъ горошину въ этотъ конецъ. Затѣмъ сильно и быстро дуютъ въ сарбаканъ; горошина, увлекаемая движениемъ воздуха, быстро вылетаетъ изъ другого конца съ такою силою, что можетъ пробить стекло и прорвать листъ натянутой на рамку бумаги. Гвоздикъ, воткнутый въ тряпочку, вырѣзанную звѣздочкой, красиво летитъ и втыкается въ цѣль.

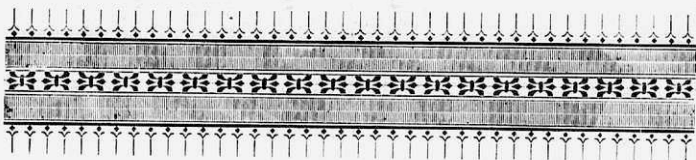

V.

Стрѣлка.

Стрѣлка состоитъ изъ круглой палочки вершковъ шести длиною, въ передній ея конецъ вставляютъ кусокъ заостренной проволоки и обвиваютъ струною или крѣпкою тонкою бичевкою, а задній разрѣзаютъ вдоль на крестъ. Затѣмъ берутъ четверть листа бумаги, складываютъ его сначала пополамъ отъ одного угла къ другому противоположному, а потомъ еще разъ пополамъ, соединяя вмѣстѣ другіе его углы, и по изгибамъ его вставляютъ крестообразно въ разрѣзъ на палочкѣ; такимъ образомъ получаютъ крылья стрѣлки. Эта стрѣлка служитъ для бросанія рукою въ цѣль.

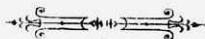

VI.

Метанье копья.

Древко копья дѣлають изъ сухаго крѣпкаго дерева, длиною въ 2 или 3 аршина и толщиною $1\frac{1}{2}$ вершка; остріе обивается жестью. Бросающій копье выставляетъ лѣвую ногу впередъ, а на правую опирается, нѣсколько согнувъ ее въ колѣнѣ; самъ же подается назадъ. Схвативъ затѣмъ копье двумя пальцами правой руки, ближе къ острію, приподнимаетъ копье до высоты праваго глаза и, прицѣпившись, бросаетъ копье, лѣвою рукою опираясь въ бедро. Цѣлью можетъ служить кольцо, повѣшенное на веревкѣ, доска съ нѣсколькими отверстіями и пр. Метать копье можно и на бѣгу, но это труднѣе.

VII.

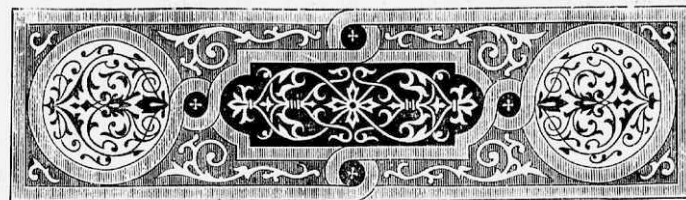
Чирга или чижикъ *).

Вырѣзывается деревяшка въ формѣ яйца, но съ заостренными концами и къ ней деревянная же лопаточка. Деревяшка и есть чирга. На землѣ чертятъ квадратъ и въ центрѣ его помѣщаютъ чиргу. Передъ началомъ игры тотъ, кто успѣетъ всѣхъ раньше крикнуть: «чуръ! мой начинъ!» и начинаетъ игру. Другой: «подзачинъ!» третій: «гузачинъ!» Закричавшій *подзачинъ*—водитъ. Или же берутъ по очереди лопатку, ставятъ ее на носокъ сапога и подкидываютъ; кто дальше всѣхъ кинетъ, тотъ начинаетъ игру.

*) Зовется также *чига* и *чигъ*.

Начинающий игру становится съ лопаточкой около чирги, а прочіе идутъ въ поле, т. е. на нѣкоторое разстояніе отъ квадрата. Заранѣе опредѣляется количество стречковъ, т. е. ударовъ по чиргѣ, обыкновенно 10. Когда стоящій въ чертѣ квадрата ударилъ по чиргѣ, и еще успѣлъ поддать ее лопаткой, онъ имѣетъ за собою два удара (два «на руку»). Если кто-либо изъ стоящихъ въ полѣ поймалъ чиргу налету, то идетъ стрекать, а стрекавшій на его мѣсто въ поле. Но если кто не поймалъ, то кто-нибудь беретъ чиргу и бросаетъ ее въ квадратъ. Если чирга упадетъ въ чертѣ квадрата, то понавшій идетъ стрекать, если же выѣ черты, то продолжаетъ стрекать первый. Игра продолжается, сколько заблагоразсудится. Надо замѣтить, что всякій, кто стрекается, если онъ ударилъ по чиргѣ и она не подскочила, то онъ теряетъ всѣ удары, бывшіе за нимъ до того.

Въ иныхъ мѣстахъ дѣлается такъ: когда начинающій игру ударить по чиргѣ и она взлетитъ, то тотъ, кто водить (закричавшій «подзачинъ»), скачетъ на одной ногѣ до мѣста паденія чирги. Если не доскачетъ и остановится, то берутъ чиргу, наставляютъ ее острымъ концомъ въ пятку скакавшаго и ударяютъ лопаткой по чиргѣ, конечно не сильно. Это называется *подковать*.

VIII.

Игра ожикомъ.

Чертятъ на землѣ кругъ и обтыкаютъ его колышками. Кто постарше, «встаетъ въ матки», а прочіе попарно ходятъ шептаться, т. е. уговариваются назвать другъ-друга какъ-либо, напр., одинъ называется *казанокъ*, другой *бабка*, подходятъ къ маткамъ и спрашиваютъ: «матка, matka, казанка или бабка?» Матка отвѣчаетъ то или другое. Кого угадаетъ, тотъ остается у нея въ партіи, а другой идетъ къ другой маткѣ; такъ и прочіе. Тогда матки кидаютъ между собой жребій, которой партіи идти въ кругъ, которой остаться «позакругу». Оставшіеся за кругомъ отходятъ, кто-нибудь изъ нихъ беретъ мячъ и прячетъ его подъ полу. Другіе тоже суютъ руки подъ полу, чтобы не узнать у кого находится

мячъ, идутъ къ кругу и ходятъ кругомъ, а тѣ, кто въ кругу, повертываются, чтобы въ нихъ не попалъ мячъ. Наконецъ тотъ, у кого мячъ, кидаетъ его въ кого-либо стоящаго въ кругу и всѣ бѣгутъ прочь. Оставшіеся въ кругѣ стараются попасть мячемъ въ кого-либо изъ бѣгущихъ. Если попадутъ, то тотъ, въ кого попало, отходить въ сторону и садится, такъ какъ онъ *выжженъ*, если же «мимнутъ», то изъ круга выходитъ тотъ, въ котораго попали приходшіе, бросившій-же остается въ кругу. Такъ игра продолжается до послѣдняго *выжма*. Когда выжгутъ всѣхъ стоявшихъ въ кругу, то эта партія вторично становится въ кругъ, если же выжили всѣхъ бывшихъ за кругомъ, то эта внѣшняя партія становится въ кругъ.

IX.

Еги-баба.

Одинъ вѣстаетъ на городокъ (верхняя площадка взъѣзда у избы) и кричитъ: еги-бабъ! а стоящіе внизу у взъѣзда спрашиваютъ: чего, дядя? Тотъ отвѣчаетъ: придай руки! Тѣ спрашиваютъ: на чьи боки? Еги-баба, т. е. стоящій на городкѣ, указываетъ на кого-либо, тотъ и долженъ взбѣжать по взъѣзду на городокъ. Еги-баба кричитъ: ѣсть хочу! Взбѣжавшій возвращается внизъ, гдѣ его встрѣчаютъ кулаками и гонятъ наверхъ, продолжая бить, затѣмъ сганиваютъ кулаками еги-бабу.

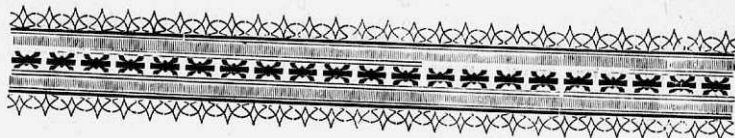
X.

Л у н ы.

Каждый для себя выкапывает лунку, всё по прямой линии. Съ обѣихъ сторонъ лунокъ параллельно имъ кладутъ по ботожку, чтобы мячъ не откатывался въ сторону. Начинаящій игру катитъ мячъ, и въ чью лунку мячъ закатится, тотъ хватается его и бросаетъ въ кого изъ играющихъ. Если попадетъ, всё бѣгутъ прочь, а тотъ въ кого попало, хватается мячъ, бѣжитъ и бьетъ въ кого угодно. Если попадетъ, тотъ въ свою очередь бросаетъ въ кого попало и т. д., если же *мимнетъ*, т. е. промахнется, то на немъ считается *копѣйка*, а мячъ хватается, кто захочетъ,

возвращается къ лунамъ и снова катитъ. Такимъ образомъ продолжаютъ игру, пока на кого-нибудь не нагонятъ пять копѣекъ. На кого нагнали, тотъ беретъ мячъ и кидаетъ его между ногъ назадъ отъ себя столько разъ, сколько игроковъ, а тѣ хватаютъ мячъ поочередно и ударяютъ имъ бросавшаго. Кто промахнулся, тотъ больше не бьетъ, а кто попалъ, тотъ имѣетъ право ударить въ бросавшаго еще четыре раза.

XI.

Пыжикъ или муха.

Въ землю вбивается наось доска; свободный конецъ ея отстоитъ отъ земли на аршинъ; на край торчавшаго конца доски кладется пыжикъ—палочка съ зарубкой; вокругъ доски чертится кругъ. Играющіе становятся на кругъ и съ носка сапога кидаютъ колъ. Чей колъ упадетъ всѣхъ дальше, тому начинать; прочіе идутъ въ «поле». Начинающій ударяетъ по пыжику палкой и пыжикъ взлетаетъ. Стоящіе въ полѣ стараются ударить его коломъ и т. д.

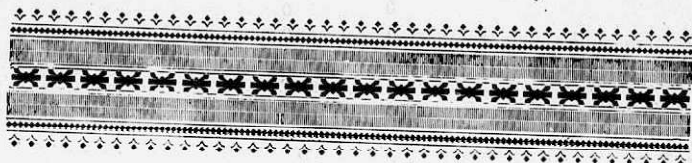

XII.

Должки.

Игра, зовущая въ другихъ мѣстахъ *пятнашками*. Тотъ, кому пришлось *водить*, бѣгаетъ за остальными и старается хлопнуть рукой по спинѣ которагонибудь. Если попадетъ, то получившій должокъ, замѣняетъ его, и т. д.

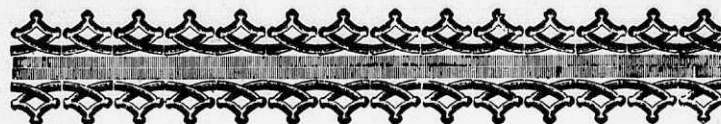
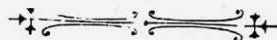

XIII.

Въ судьи.

На клочкахъ бумажки пишутся слова: *судья*, *разбойникъ*, *доказчикъ* и *палачъ*; бумажки свертываются и перемѣшиваются. Каждый беретъ по бумажкѣ и разворачиваетъ, не показывая другимъ. Кому попалось *доказчикъ*, тотъ долженъ доказывать кто *разбойникъ*. Если докажетъ не про того, кому достался *разбойникъ*, т. е. или судью или палачу, то судья присуждаетъ ему известное число ударовъ по рукѣ пальцами, что палачъ и исполняетъ.

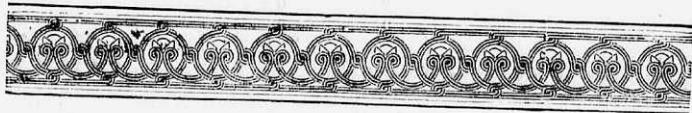

XIV.

К о р о в а.

Въ Кадниковскомъ уѣздѣ зовется *золотице*; состоитъ въ гомѣ, что замерзшій на дорогѣ коневый или коровій калъ подкидываютъ ногой, стараются подкатить кому нибудь подъ ноги и въ тоже время ударить по ногѣ, чтобы онъ упалъ.

XV.

И м а л к и.

Играють въ избѣ. Одинъ подходитъ къ печкѣ и дотрагивается до устья суставомъ пальца, чтобы замарать его сажей. Затѣмъ, согнувши кисть руки, чтобы не было видно запачканнаго сустава, подходитъ къ кому нибудь и предлагаетъ угадать, который суставъ запачканъ. Кто попадетъ на запачканный суставъ, тому и ловить. Ему завязываютъ глаза, ведутъ къ двери и спрашиваютъ: гдѣ стоишь?—Онъ отвѣчаетъ: у скобы.—Что продаешь?—Щи да квасъ.—Ну, такъ ищи три года насъ. Затѣмъ всѣ разбѣгаются, а завязанный, раскинувъ руки, идетъ впередъ и старается поймать кого-нибудь.

XVI.

Ю л а.

Играющіе становятся въ кругъ и одинъ говоритъ: «пять сотъ тюря, пономарь балля, шинель вышелъ, девятый бобъ», такъ, чтобы на каждого приходилось по слову; послѣдній выключается. Кто останется, тотъ и юла. Онъ бѣгаетъ и старается поймать кого нибудь, а тѣ его дразнятъ: «юла, юла!» (Сольвычегодской уѣздъ).

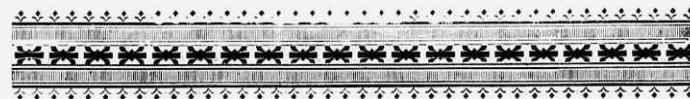

XVII.

Ч е р е п ъ.

На полѣно кладется доска такъ, чтобы находилась въ равновѣсіи. Двѣ дѣвочки ставятся по концамъ лицомъ другъ къ другу и начинаютъ прыгать. Когда одна изъ нихъ будучи подброшена и падая, попадетъ мимо доски, говорится, что она разбила *поль-черепа*, если промахнется второй разъ, то разбила *весь черепа*. Послѣ этого ее штрафуютъ и она выключается изъ игры.

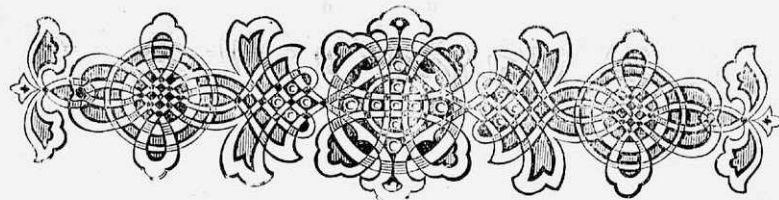

XVIII.

Ш а р и к ъ.

На землю кладется шарикъ, а поперекъ его досечка, такъ что одинъ конецъ ее лежитъ на землѣ, а другой поднятъ. На этотъ послѣдній кладется шарикъ. Затѣмъ палками выкапываютъ лунки; одна изъ нихъ побольше для матки. Кому пришлось водить, тотъ наблюдаетъ за шарикомъ, а одинъ изъ прочихъ старается попасть въ шарикъ палкой, и когда попадетъ, то бѣжитъ за палкой и затѣмъ сѣвшитъ встать на свое прежнее мѣсто у лунки, а кто водить, бѣжитъ за шарикомъ и старается занять мѣсто противника у свободной лунки. Если никто не попалъ въ шарикъ и палки остаются лежать, то «матка выручаетъ сынковъ», попадаетъ въ шарикъ, и если сшибетъ, то тотъ, кто водить бѣжитъ за шарикомъ, остальные же за своими палками и сѣвшитъ вернуться и занять свою лунку, или же лунку матки. Если тотъ, кто водить, успѣетъ схватить шарикъ и бросить въ доску, пока прочіе не заняли еще своихъ мѣстъ, то встаетъ на чье-нибудь мѣсто и тогда начинаетъ водить тотъ, на чье мѣсто онъ всталъ.

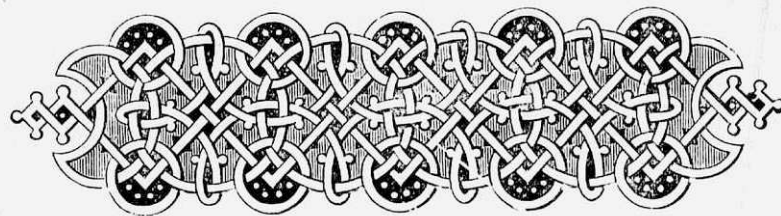

XIX.

Въ мячъ.

Играющіе раздѣляются на двѣ партіи и становятся въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. Сзади каждой партіи проводится пограничная черта. Которая нибудь партія начинаетъ пинать мячъ ногами по направленію къ другой, а та старается отпихивать и не допустить мячъ до пограничной черты сзади себя. Игра кончается тѣмъ, что которой нибудь партіи удастся догнать мячъ до пограничной черты.

XX.

Ерга.

Въ землѣ выкапываются продолговатыя ямки по числу игроковъ. Каждый становится у своей ямки и одинъ кидаетъ мячъ. Въ чью ямку попадетъ мячъ, тотъ хватается его и кидаетъ въ любого. Промахъ зовется *ийцо*. Такихъ промаховъ, иицъ, можно сдѣлать до 5-ти. Съ кѣмъ это случится, того ёргаютъ, т. е. каждый бьетъ его мячемъ въ спину, приговаривая: «на пироги, на шаньги, на мягкой хлѣбъ, на покатушнички. Ерга не ерга, баранъ не баранъ, на повѣти спалъ, въ ячею и . . . въ. Комъ, комки, порубили рубыши на еловые кражи, куда хонь побѣжи». Затѣмъ загадываютъ ему загадки и пока не отгадаетъ, его все «стегаютъ», т. е. бьютъ мячемъ (Сольвычегодскій уѣздъ).

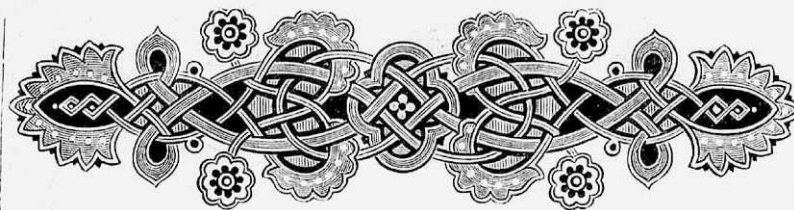

XXI.

З м ѣ й к а.

Играющіе, взявшись за руки, слѣдуютъ за вожакомъ, который бѣжитъ извилистой линіей; потомъ на бѣгу, не разрывая рукъ, вожакъ пролѣзаетъ подъ высоко поднятыя руки двухъ играющихъ, отчего въ цѣпи образуется узелъ. Попавшій въ этотъ узелъ, долженъ быстро обернуться и возстановить цѣпь. Такимъ образомъ, онъ пролѣзаетъ по порядку чрезъ руки всѣхъ играющихъ, образуя нѣсколько узловъ; или же велитъ остановиться заднему въ хвостѣ и бѣгаетъ около него до тѣхъ поръ, пока змѣйка не свернется въ клубокъ. Затѣмъ змѣйка развивается и опять свертывается хвостомъ около головы и т. д.

XXII.

П я т н а ш к и.

Жребій рѣшаетъ кому изъ играющихъ пятнать другихъ. Всѣ игроки разбѣгаются въ разные стороны, а ловящій старается запятнать когонибудь, т. е. ударить слегка ладонью; если ему удастся запятнать когонибудь, то тотчасъ же долженъ самъ бѣжать отъ него, такъ какъ запятанный можетъ снова его самого запятнать. Иногда очерчиваютъ мѣсто, домъ, куда преслѣдуемые могутъ спастись и гдѣ пятнать нельзя.

XXIII.

О х о т а.

Въ эту игру удобнѣ всего играть въ рощѣ или саду. Для того, чтобы играющіе не разбѣгались слишкомъ далеко, обозначаютъ границы, чрезъ которые они не могутъ переходить. Небольшое пространство въ саду очерчивается для отдыха играющихъ, и куда охотникъ не имѣетъ права входить. Смотря по величинѣ отведеннаго мѣста для игры, назначается одинъ или нѣсколько охотниковъ, которые отличаются отъ остальныхъ играющихъ какою нибудь замѣтною. Пойманные звѣри обращаются въ собакъ и помогаютъ охотнику ловить другихъ звѣрей.

XXIV.

П е р е г о н к а.

Играющіе становятся въ рядъ на полтора шага одинъ отъ другого. По данному знаку кѣмъ нибудь изъ старшихъ, всѣ бѣгутъ къ цѣли, т. е. къ опредѣленному мѣсту, на-примѣръ, къ дереву, дому и т. п. Кто ранѣе успѣетъ до-бѣжать, тотъ остается побѣдителемъ. Разстояніе для бѣга можетъ быть какое угодно, лишь бы не превышало силъ играющихъ. Иногда условливаются, чтобы бѣжать къ цѣли и обратно; тогда побѣдитель тотъ, кто первый возвратится назадъ. Если разстояніе не велико, то лучше сразу бѣжать шибче, если же оно значительно, тогда лучше сначала бѣжать не слишкомъ скоро и постепенно ускорять бѣгъ. Можно также скакать къ цѣли на одной ногѣ: на правой впередъ и на лѣвой назадъ.

XXV.

О р и н а.

Одинъ становится на гумнѣ къ овину, прочіе подходятъ и кричатъ: «Орина изъ овина погоняй насъ!» Орина кидается и хватаетъ когонибудь. Кого схватить, тотъ становится ориной, но не имѣетъ права переступать за гумно («на берегъ»).

XXVI.

С в а я.

Берутъ сваю толщиною въ четверть и болѣе, и длиною въ аршинъ, заостряютъ съ одного конца и начинаютъ вбивать въ землю. Каждый изъ играющихъ ударяетъ по сваѣ дубинкой по одному разу. Затѣмъ всѣ бѣгутъ и прячутся, а тотъ, кто водить, старается расшатать и выдернуть сваю. Выдернувъ ее, бѣжитъ съ нею искать спрятавшихся. Какъ только найдетъ кого-либо, возвращается на мѣсто, втыкаетъ сваю въ дыру, и кричитъ: «засалю!» Если же во время поисковъ кто-либо выскочитъ изъ-засады, подбѣжитъ къ дырѣ, прикроетъ ее ногой и закричитъ: «съѣхалъ!» то водить приходится старому.

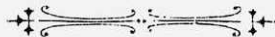

XXVII.

Чуръ мой.

Толпа играющихъ дѣлится на двѣ партіи и опредѣляетъ, которой изъ нихъ начать игру. Половина становится въ городъ, который представляетъ небольшой кругъ, огороженный колышками. Другіе разбѣгаются и прячутся, гдѣ кому поудобнѣе. Черезъ нѣсколько времени стоящіе въ городѣ кричатъ вмѣстѣ «осаросоли соли. былъ въ городу, никого не боюсь». Завидя одного изъ спрятавшихся кричатъ: «чуръ моей, чуръ!» и бѣгутъ въ городъ. Это дѣлается всякій разъ, какъ увидятъ одного изъ спрятавшихся. Найденный выходитъ и ждетъ окончанія игры. Но вотъ нѣкоторые изъ отыскивающихъ забѣжали далеко отъ города. Спрятавшіеся выскочили, ударили зазѣвавшихся шапками и сами побѣжали въ городъ. Гдѣ они ударили товарищей, съ того мѣста послѣдніе должны ихъ везти на спинѣ въ городъ. Незащитившіе городъ должны снова отыскивать товарищей.

XXVIII.

Игра въ камешки.

Игроки собираютъ по извѣстному числу камешковъ и начинаютъ *тягаться* — кому начинать игру. Камешки полагаютъ въ ладонь и, подбросивъ ихъ въ верхъ, стараются поймать хотя нѣсколько на наружную сторону кисти, а затѣмъ повернувъ ее, проворно схватываютъ камешки снова ладонью, или, какъ говорятъ, въ пясть. Кто подхватилъ болѣе другихъ, тотъ и начинаетъ игру: беретъ отъ всѣхъ камешки, также подбрасываетъ ихъ въ верхъ и, сколько можетъ, схватываетъ на лету. Затѣмъ уже онъ долженъ взять одинъ изъ пойманныхъ, подбросить въ верхъ, схватить лежащій на землѣ и поспѣть взять брошенный, пока онъ не упалъ; такъ должно сдѣлать со 2, 3 и т. д., пока

всѣхъ не переловить. Переловивши всѣ камешки, игрокъ отлагаетъ одинъ изъ нихъ въ сторону и снова начинаетъ играть игру. Если случится, что при началѣ игры игрокъ не поймаетъ ни одного камешка или брошенный выпустить изъ руки, или даже поймаетъ, но съ земли другого не успѣетъ взять; наконецъ, когда онъ всѣ эти условія и выполнитъ, но пошевелить другіе камешки, то игру начинаетъ сосѣдъ по очереди. Должно замѣтить, что играютъ сидя. Когда кто переловитъ и отложить въ сторону условленное число камешковъ, то чужіе уже ловить лѣвою рукой. Но вотъ уже всѣ камешки игроками переловлены — начинаютъ возвращать ихъ тѣмъ, которые не могли сами поймать. При этомъ проигравшій протягиваетъ руку, а тотъ, который обыгралъ подбрасываетъ *коровушку* *) въ верхъ, ущипнетъ товарищу руку и поймавъ камешекъ, возвращаетъ товарищу, хлопая его при этомъ по рукѣ. Такъ игра продолжается, пока не возвратятъ всѣхъ камешковъ. Условій много: ловятъ по одному, потомъ за разъ по два, по три, всѣ за разъ.

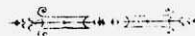
*) Такъ называется въ игрѣ камешекъ.

XXIX.

Игра шаромъ.

На ровномъ мѣстѣ кладутъ жердь (доска); противъ середины ея, въ разстояніи 3—4 сажень дѣлаютъ лунку (соль). Играющіе бросаютъ палки въ верхъ такъ, чтобы онѣ въ воздухѣ перевернулись нѣсколько разъ. Чья палка упадетъ рукояткой къ жерди, тотъ долженъ быть у шара. Если падетъ палка рукояткой къ жерди у многихъ, то перебрасываютъ, пока не останется одинъ. Затѣмъ играющіе бросаютъ палки къ лункѣ такъ, чтобы перевертываясь съ конца на конецъ и ударя въ землю, онѣ оказались за лункой. Стоящій у шара долженъ попасть имъ въ одну изъ палокъ. Если попадетъ въ чью либо палку, то бѣжитъ къ жерди, а тотъ, въ чью палку ударился шаръ, долженъ съ того мѣста, гдѣ взял шаръ, попасть имъ въ жердь. Стоящіе у жерди стараются отбить шаръ на лету. Если шаромъ удастся попасть въ жердь, то опять начинаютъ бросать палки, а гонимый долженъ попасть въ одну изъ палокъ. Если не попадетъ, то останется у соли, а остальные бѣгутъ къ жерди.

XXX.

К а р а в а н ъ.

Собирается толпа въ нѣсколько человѣкъ и становится въ рядъ. Играющіе кладутъ на плеча другъ другу руки, а тѣ, которые половче и полегче другихъ садятся на руки товарищей перваго ряда, полагая также руку на плечо сосѣда, а другою придерживаются, чтобы не упасть. Иногда на руки мальчиковъ втораго ряда садятся еще, и составляется третій рядъ. Затѣмъ, по данному знаку, толпа двигается впередъ до опредѣленнаго мѣста. Всегда случается или умышленно, или безъ умысла, нижніе игроки не могутъ поддерживать верхній рядъ, опускаютъ руки и тѣ падаютъ: кто со слезами на глазахъ отъ ушиба, а кто смѣется, что ему удалось упасть удачно.

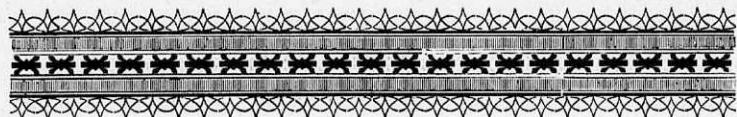

XXI.

Игра въ ляпки.

Собирается толпа и, опредѣливъ, кому идти въ гонки, разбѣгается. Оставшіеся бѣжить за товарищами, и котораго нагонитъ, бьетъ рукою, что значить «далъ ляпокъ». Пойманный замѣняетъ его и т. д. Игра продолжается, пока не наскучитъ. Въ этой игрѣ часто убѣгающій кричитъ — *на дому*, особенно когда бѣжать далѣе невозможно: если онъ забѣжитъ въ сѣни, въ амбаръ. Преслѣдующій не бьетъ его, а бѣжитъ за другими.

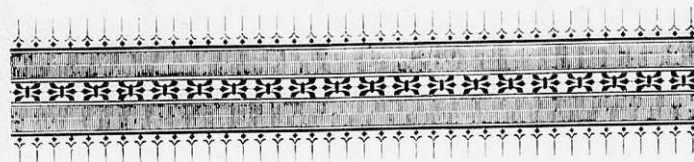

XXXII.

Игра хлоптой.

Одинъ изъ играющихъ подбрасываетъ мячикъ къверху, а другой, при паденіи его въ низъ, долженъ ударить палкой. Мячикъ летитъ, играющіе стараются поймать его. Кто поймаетъ, тотъ начинаетъ бить, а бившій — подбрасывать.

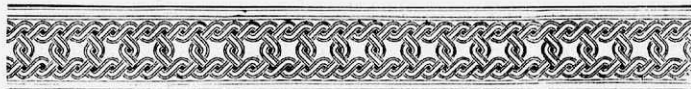

XXXIII.

Игра кругомъ.

Играющіе, взявшись за руки, образуютъ цѣпь. Одинъ изъ нихъ, обходя вокругъ цѣпи, ударяетъ кого либо изъ стоящихъ и бѣжитъ. Получившій ударъ бѣжитъ за первымъ и старается также ударить его (дать ляпокъ). Отплативъ, занимаетъ мѣсто за цѣпью, первый мѣсто въ цѣпи.

XXXIV.

Игра хлоптой съ клиномъ.

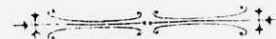
Вбиваютъ въ землю клинъ; отъ клина въ верхкахъ въ два кладутъ палку; на палку, оперши однимъ концомъ въ клинъ, кладутъ дощечку, а на нее мячикъ. Одинъ изъ играющихъ ударяетъ по дощечкѣ палкой; мячикъ летитъ въ верхъ, и играющіе стараются поймать его. Поймавшій снова начинаетъ игру.

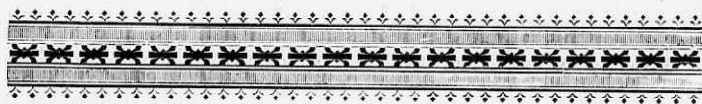

XXXV.

Кругомъ со столбомъ.

Играющіе составляютъ цѣпь. Одинъ съ завязанными глазами становится внутри цѣпи; его поварачиваютъ нѣсколько разъ и, затѣмъ, становятся спиною къ кому либо изъ играющихъ. Мальчикъ долженъ отгадать, у кого стоитъ. Если угадаетъ, то становится въ цѣпь; въ противномъ случаѣ переходитъ къ другому, третьему, пока не отгадаетъ.

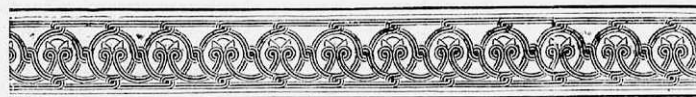
XXXVI.

Игра парами.

Играющие берут друг друга за руки и становятся парами одна за другою. Одинъ становится впереди. Задняя пара бѣжитъ мимо одинока съ обѣихъ сторонъ играющихъ. Одинокъ долженъ поймать кого либо изъ бѣгущихъ. Если поймаетъ, то становится съ пойманнымъ въ первую пару, а оставшійся дѣлается одинокомъ. Если одинокъ не успѣетъ поймать кого либо изъ пары, то продолжаетъ бѣжать слѣдующая задняя пара и т. д. *).

*) Этой игрой обыкновенно начинаются деревенскіе хороводы. Въ парахъ участвуютъ дѣвушки и парни.

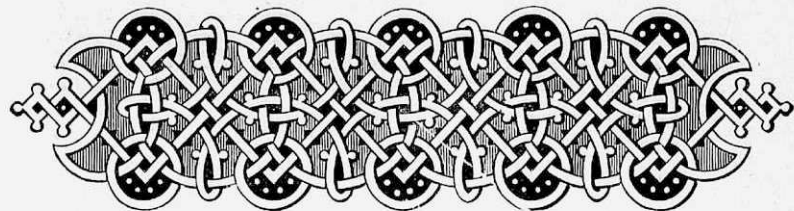

XXXVII.

Игра стойкой.

По числу играющихъ дѣлаютъ лунки въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ —2 арш. одна отъ другой. На срединѣ противъ лунокъ въ разстояніи отъ 3 до 5 саж. дѣлаютъ еще одну лунку (соль), къ которой ставятъ рюху. Одинъ изъ играющихъ по жребію долженъ ставить рюху, а остальные сбить ее съ мѣста, стоя у своей лунки. Когда собьютъ рюху, то стоящіе безъ палокъ должны сбѣгать за ними и стать на свои мѣста, пока ставящій рюху не поставитъ ее вновь. Если это онъ успѣетъ сдѣлать, то также бѣжитъ къ лункамъ и, когда перегонитъ котораго нибудь изъ товарищей, то становится къ лункамъ, а опаздавшій замѣняетъ мѣсто его у соли.

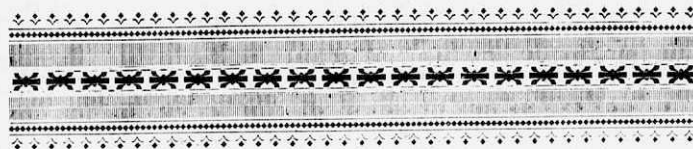

XXXVIII.

Н а у н о с ь.

Играющіе раздѣляются на двѣ равныя партіи. Одинъ изъ игроковъ бросаетъ мячикъ въ верхъ, а остальные стараются поймать его и унести. Одна партія уносить въ сторону, другая въ противоположную ей. За унесшимъ гонится противная партія, старается отнять мячъ и унести въ свою сторону. Партія, у которой унесли мячикъ, считается проигравшей.

XXXIX.

Котя, котя, продай дитя!

Игроки представляютъ, что имѣютъ у себя каждый по ребенку, а часто даже приглашаютъ маленькихъ дѣтей и садятъ ихъ передъ собою. Садятся обыкновенно кружкомъ. Тотъ, кому досталось идти въ гонки, подходитъ къ первой парѣ и говоритъ: «котя, котя, продай дитя!» Мальчикъ не соглашается отдать и потому отвѣчаетъ: «сходи за рѣку, купи табаку». Спрашивающій уходитъ, но вскорѣ обращается къ другому съ тѣми же словами. Мальчикъ отвѣчаетъ: «продаль» и бѣжитъ по кругу въ одну сторону, а спрашивающій въ другую. Кто прежде прибѣжитъ къ проданному, тотъ садится, а опоздавшій занять мѣсто снова начинается покупать.

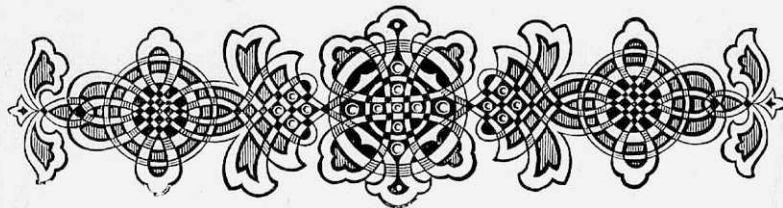

XL.

Игра чиркой.

(Въ иныхъ мѣстахъ шильцомъ).

Дѣлается четырехгранный брусокъ, вершковъ 5 длины, и срубывается съ концовъ подъ угломъ въ 45°. Отмѣриваютъ площадь въ квадратный аршинъ (городъ). Одинъ изъ играющихъ кладетъ чирку въ городъ, и бьетъ по ней палкой. Чирка взлетаетъ въ верхъ; при паденіи играющій старается еще разъ ударить ее, чтобы чирка упала дальше отъ города. Бившій указываетъ палкою середину города, а принимаемый съ мѣста, гдѣ упала чирка, дѣлаетъ три шага и бросаетъ ее въ городъ. Если попадетъ, то бьетъ чирку самъ, въ противномъ случаѣ—первый изъ играющихъ. Каждый изъ играющихъ долженъ бить чирку десять разъ съ правой стороны, одинъ разъ съ лѣвой и еще одинъ разъ съ правой. Если при ударѣ по чиркѣ дѣлается промахъ, и чирка упадетъ въ городъ, то все выбитые разы не считаются. Кто изъ играющихъ не успѣетъ сдѣлать двѣнадцати условленныхъ разъ, тотъ штрафуется (безчастки). Виновный приноситъ чирку и ставитъ ее въ городъ. Выигравшіе бьютъ чирку до перваго промаха, и проигравшій бѣгаетъ за нею и старается попасть въ городъ.

XLI.

Волкъ.

Выбираютъ волка, быть которымъ никто не отказывается; остальные игроки представляютъ овецъ. Волкъ имѣетъ садъ, гдѣ растетъ трава. Овцы приходятъ къ нему и говорятъ: «позволь намъ царь погулять въ твоемъ саду?»—Подите, погуляйте, отвѣчаетъ волкъ, да только не щиплите травы, а то мнѣ не на чѣмъ спать.—Овцы нарушаютъ данное слово, начинаютъ щипать траву, приговаривая на распѣвъ:

Щиплемъ, щиплемъ травку,
Зелену муравку,
Бабкѣ на рукавчикъ,
Дѣдкѣ на кафтанчикъ.
Сърому волку грязи на лопату.

Волкъ бросается на нихъ, и, кого поймаетъ, тотъ заступаетъ его мѣсто.

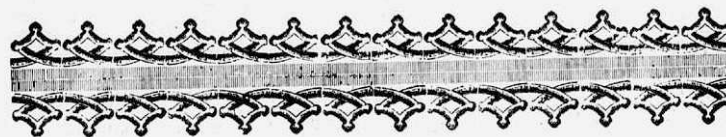

XLII.

Г о л у б и.

Тоненькими палочками огораживают нѣсколько городковъ, а въ средину ихъ становятся мальчики, представляющіе голубей. Передъ каждымъ городомъ стоитъ хозяинъ. Когда всѣ играющіе размѣстятся по городкамъ, хозяинъ выпускаетъ пару голубей. Они бѣгаютъ около другихъ городовъ, похлопывая въ ладоши: этимъ выражается полетъ голубей, прихлопывающихъ крыльями, когда они собираются летать или садиться куда нибудь. Если голубь забѣжитъ не въ свой кругъ, то хозяинъ этого круга кричитъ: «тутъ». Голубь остается у того хозяина, въ городъ котораго онъ забѣжалъ. Если же хозяинъ не успѣетъ закричать «тутъ», то голубь имѣетъ право улетѣть. Если у кого изъ города улетѣли всѣ голуби, тотъ идетъ покупать ихъ у сосѣдей, и, когда купить, опять начинаетъ играть по прежнему. Эта игра принадлежитъ къ играмъ малолѣтнихъ и участвуютъ въ ней дѣвочки и мальчики.

XLIII.

Я р к и.

По числу играющихъ вырываютъ въ землѣ, въ разстояніи одна отъ другой вершка на два, небольшія ямки; округляютъ ихъ каблукомъ сапога, а по сторонамъ всѣхъ ямокъ кладутъ въ длину двѣ палки. Назначивъ, кому принадлежитъ какая ямка, одинъ изъ игроковъ беретъ мячикъ и катитъ его чрезъ лунки. Если мячикъ остановится на чьей либо лункѣ, тотъ долженъ проворно схватить его и бросить въ товарищей, которые при этомъ обыкновенно стараются убѣжать. Если мальчику удастся попасть въ кого нибудь, то тотъ, въ котораго онъ попалъ, беретъ мячикъ и тоже старается ударить другаго. Въ случаѣ промаха, всѣ кричатъ:

«не попалъ». Въ лунку промахнушагося кладутъ щепку (она называется яркой) или палкой проводятъ на землѣ черту. Потомъ опять катятъ черезъ лунки мячикъ и снова попадаютъ имъ въ товарищей. Когда въ чьей либо лункѣ окажется условленное число ярокъ (ихъ обыкновенно 3 или 5), то начинается розыгрышъ или яренье. Проигравшій становится на свою лунку, положивши подъ ногу мячъ. Товарищи наклоняютъ его и начинаютъ бить въ спину кулаками, подъ ладъ пѣсенки:

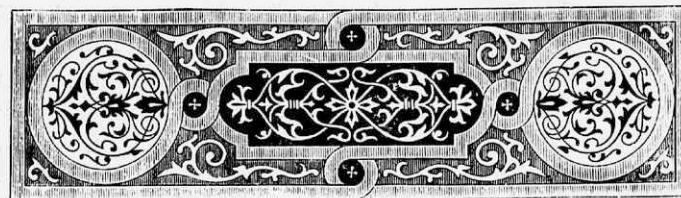
Ярка, не ярка,
Баранъ не баранъ;
Старая овечка,
Не ярочка.
Три годы баранъ
На палатяхъ спалъ,
Молоко слакалъ *).

Окончивъ пѣсню, игроки разбѣгаются во все стороны, а мальчикъ, котораго ярили, поспѣшно бросаетъ въ нихъ мячикомъ. Въ случаѣ промаха, его снова ярятъ; если же удастся попасть въ кого нибудь, то игру начинаютъ, какъ и прежде.

*) Иногда:

Быкъ-калмыкъ на палатяхъ спалъ,
Весь кисель сожралъ.

XLIV.

Ходули.

Ходули состоятъ изъ двухъ длинныхъ прямыхъ палокъ, къ которымъ приклѣпляютъ подножки; палки должны быть выше головы, а не кончаться подъ мышками. Поддержки въ видѣ петли опасны, а лучше прибить къ палкѣ толстую продолговатую досечку, на которой могла бы помѣститься нога. Для начинающихъ подножки должны быть прибиты не выше полуаршина отъ земли. Иногда ноги привязываютъ ремнями къ подножкамъ. Чѣмъ ниже подножки, тѣмъ легче и безопаснѣе ходить на ходуляхъ.

Ставъ на подножки надо держать ходули такъ, чтобы верхніе ихъ концы проходили сзади рукъ; локти прижать къ тѣлу, кисть руки повернуть, держать ходули такъ, чтобы большой палецъ обхватывалъ ихъ снизу, а остальные сверху; тѣло держать всегда прямо и во время ходьбы нѣсколько болѣе опираться на заднюю ногу. Сначала надо ходить тихо; научившись, можно бѣгать и даже подпрыгивать.

XLV.

Круглымъ городомъ.

Играющіе раздѣляются на двѣ партіи и опредѣляютъ, кому начинать игру. Чертятъ городъ; одна партія становится въ него, а другая идетъ прятать мячикъ, который дается одному изъ играющихъ. Прятаншіе мячикъ возвращаются, при чемъ каждый держитъ руку въ карманѣ или за пазухой, для того, чтобы находящіеся въ городу, не могли догадаться у кого мячикъ. Мальчики бѣгаютъ вокругъ города, приговаривая: «ужъ я иного огрѣю, ужъ я иного ожгу». Тотъ, у кого мячикъ, выжидаетъ удобнаго случая упечь товарища. Въ случаѣ промаха, все кричатъ: «сгорѣлъ! сгорѣлъ!» и мальчикъ оставляетъ игру. Если же играющему удастся попасть, то тотъ, въ кого онъ попалъ, долженъ отвѣтить тѣмъ-же; иначе также оставляетъ игру. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ *упеченъ* послѣдній изъ бывшихъ въ городу.

XLVI.

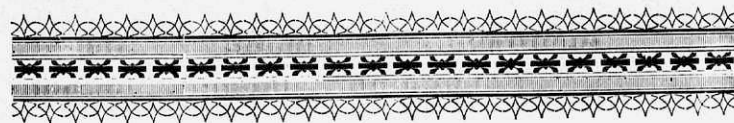
Игра въ прятки, или ухоронки, палочкой ворованной.

Послѣ обѣда собираются дѣти во дворъ къ какому нибудь изъ своихъ товарищей, особенно къ такому, про котораго знаютъ, что онъ не откажется поиграть самъ, да и другихъ еще вызоветъ. Обыкновенно этотъ мальчикъ постарше другихъ или пользуется уваженіемъ за свое проворство, а что еще чаще бываетъ, отличается силою. Собрались дѣти въ кружокъ и, чтобы не терять времени, начинаютъ уговаривать маленькихъ товарищей *идти въ гонки*. Охотниковъ не нашлось. Коноводъ начинаетъ считать *) легко

*) Считать—въ смыслѣ произносить. Кромѣ приведеннаго считанья есть и другія, напр., слѣдующія лишеныя смысла: «перя, нери, суга, дуга, пяти, сота, ива, сива, дубъ, крестъ, палъ въ лѣсъ, шишелъ вышелъ, вонъ пошелъ»; или: «тани, бини, станъ подь нами, подь желѣзными столбами, трында, брында, самъ король». Иногда считаютъ: первой, другой, и т. д. до десяти.

ударяя въ грудь каждаго: «яблочекъ катился вкругъ огорода, кто его поднялъ, тотъ воевода, воеводскій сынъ», шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ». При словѣ «пошелъ» изъ круга отдѣляется одинъ изъ играющихъ и именно тотъ, на долю котораго пришлось это слово. Начинаютъ считать снова, повторяя тѣ же самыя слова до тѣхъ поръ, пока не останется одинъ изъ игроковъ, который и долженъ идти въ гонки. Часто случается, что тотъ, которому пришлось отыскивать товарищей, начинаетъ вздорить, доказывая, что неверно считали. Игра замедляется: на спорящаго сыплется потокъ насмѣшекъ, порой остроумныхъ, а иногда такихъ, которыя показываютъ нравственную порчу дѣтей. Чтобы положить конецъ спору, коноводъ беретъ палку и крича: палка менѣ, любого болѣ; заставляетъ каждаго захватывать ее рукою. Положивши руку на конецъ палки идетъ въ гонки, въ противномъ случаѣ исключается изъ игры. Затѣмъ одинъ изъ игроковъ бросаетъ палку сколь возможно дальше, чтобы товарищи имѣли время убѣжать и спрятаться. Палка брошена, игроки разбѣжались. Отыскивающій подымаетъ палку и кладетъ ее на условленное мѣсто со словами: «палочка пришла, никого не нашла, кого перваго найдетъ, тотъ за палочкой поидетъ»; или: «чуръ моя палочка не украденная, не ворованная». Этимъ онъ даетъ знать, чтобы всѣ были осторожными, если не хотятъ замѣнить его. Посмотрѣвъ вокругъ, отыскивающій сторожить, не спрятался-ли кто за угломъ или не услышитъ ли разговора. Повергившись около одного мѣста, онъ отходитъ подальше отъ палки, и, замѣтивъ товарища, кричитъ: «чуръ, Мишка, выходи!» самъ бѣжитъ къ палкѣ и колотитъ ею. Этотъ стукъ даетъ знать товарищамъ, что можно быть уже посмѣлѣе, когда одинъ *очурканъ*. Наидеишій выходитъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда его выкупятъ. Онъ кричитъ, когда отыскивающій отойдетъ въ сто-

рону, «*лети, лети*» чтобы онъ подумалъ, что тамъ кто нибудь спрятался. Ищущій вѣрить и бѣжить; найденный же, обманывая, кричить: «стой», или «дальше, дальше». Изъ-за уголка между тѣмъ выскакиваетъ спрятавшійся, хватя палку и кричить: «украдена». Палка бросается снова и тотъ же мальчикъ идетъ въ гонки; если же онъ отыскалъ всѣхъ, то его замѣняетъ прежде всѣхъ найденный. Надо замѣтить, что въ этой игрѣ принимаютъ участіе мальчики вмѣстѣ съ дѣвочками, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, подобныхъ играхъ.

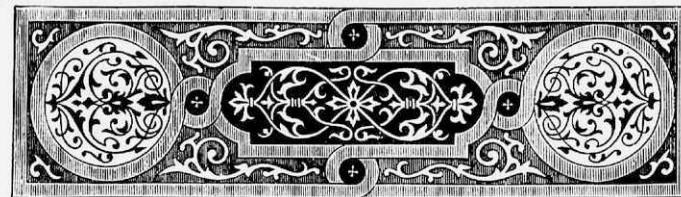

XLVII.

Игра въ дубъ.

Поперекъ дороги кладется жердь, называемая *дубъ*. Въ саженьяхъ двухъ отъ дуба выкапывается ямка, называемая *саломъ* или *лушкой*. Играющіе берутъ каждый свою «кули-калку», т. е. палку и «выкуликиваютъ» ихъ такъ, чтобы палка шла колесомъ. Чья палка упадетъ ближе, тому и «водить». Вмѣсто куликанья «чеканять, подстрекиваютъ» шарикъ, т. е. подкидываютъ его на палкѣ извѣстное число разъ, или же, наконецъ, бросаютъ палки каждый черезъ свою голову, и кто пострекнетъ шарикъ наименьшее число разъ, или чья палка упадетъ ближе, тому водить.

Тотъ, кому пришлось водить, беретъ шарикъ и кладетъ его въ сало, а прочіе вышибаютъ его оттуда палками. Когда шаръ вышибленъ, тотъ, кто водить, бѣжитъ за нимъ, и съ того мѣста, гдѣ шаръ остановился, катитъ его, стараясь попасть имъ въ дубъ, или же бросаетъ, что зовется «съ навѣсу». Прочіе стараются не допустить шарикъ попасть въ дубъ и отстрекиваютъ его. Если шарикъ попалъ въ дубъ, то всѣ куликаютъ свои палки по направленію къ салу. Кто водить, старается попасть шарикомъ въ чью нибудь палку и если попадетъ, то становится на мѣсто того, чья была эта палка, а владѣлецъ палки долженъ водить.

XLVIII.

Городки *).

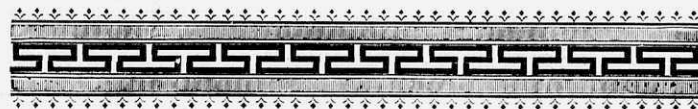
Чертятъ на землѣ два квадрата шагахъ въ десяти одинъ отъ другаго и на сторонахъ, обращенныхъ одна къ другой, устанавливаютъ городки, т. е. цилиндрическіе деревянные обрубки.

Передъ началомъ игры, играющіе раздѣляются по-ровну на двѣ партіи и на каждого назначаютъ по извѣстному количеству ударовъ. Въ каждой партіи лучшій игрокъ назначается *маткой*; онъ и начинаетъ игру. Матки выходятъ

*) Эта распространенная во всей Россіи игра представляетъ въ Вологодской губ. нѣкоторыя особенности.

впередъ, и прежде чѣмъ кинуть палки, спрашиваютъ другъ у друга: «*тыки* или *ляты*?» оба отвѣчаютъ то или другое. Затѣмъ кидаютъ палки. Кто угадалъ, т. е. сказалъ, напр. *ляты* и палка упала плашмя, или сказалъ *тыки* и палка воткнулась въ землю, тотъ начинаетъ игру. Начинаящая партія съ своей маткой становится около одного ряда городковъ спиной къ нимъ и лицомъ къ другимъ и кидаетъ палки въ городки. Прокидываютъ всѣ палки, сколько положено. Если при этомъ какой нибудь городокъ упалъ на черту, гдѣ стоятъ городки, то онъ зовется разстригой и остается лежать на чертѣ. Его кладутъ себѣ на грудь и надо, чтобы онъ съ груди выкатился за черту, если не выкатится, то его вышибаютъ. Если же городокъ упадетъ на которую либо изъ остальныхъ чертъ, его называютъ *пономъ*, и ставятъ на черту.

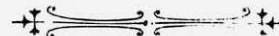
Когда кончила первая партія, начинается другая. Если первая партія вышибла всѣ городки изъ черты, то вторая «отшибается» тѣмъ количествомъ палокъ, какое употребила первая для игры. Если не отшибается, то ставятъ снова всѣ городки въ обоихъ квадратахъ, или же проигравшая партія возить на спинѣ своихъ побѣдителей отъ черты до черты.

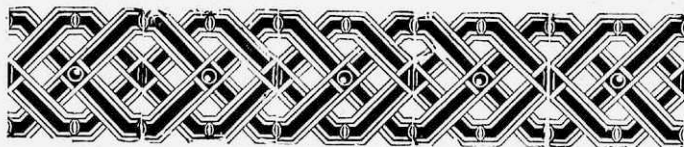

XLIX.

Палка-калена.

Игра эта зовется въ разныхъ мѣстахъ различно: *заколотка*, *упрятки* или *гамы*. Играютъ обыкновенно маленькіе ребятишки. Берутъ палку, охватываютъ ее руками «въ замокъ», и чья рука очутится на верху, тому *водитъ*. Кто нибудь забрасываетъ палку, какъ можно дальше, и затѣмъ всѣ разбѣгаются, куда попало, и прячутся. Тотъ, кто водить, бѣжитъ за палкой, хватаетъ ее, стучитъ по чему попало и кричитъ: «палка-калена искать пошла!» Оставивъ палку на мѣстѣ, онъ идетъ искать спрятавшихся. Кто нибудь старается подкрасться въ это время незамѣтно, схватить палку и *выкалать* того, кто водить. Если же послѣдній найдетъ кого-нибудь изъ спрятавшихся, а выкалать его никто не успѣетъ, то найденный долженъ водить.

Л.

Т Ы к у к о л к а .

Весной, какъ только первая лужайка растаетъ, въ какой нибудь праздникъ собираются дѣти, становятся въ кругъ, а одинъ въ средину. Этотъ послѣдній поворачивается вокругъ себя, дотрогивается каждому до груди и говоритъ «ты куколка, я куколка, зачѣмъ долго не была, не боялась тишуна; типу, тишу, не судья, ради кошеля, шисель, вышель, вонъ пошель». — На кого упало слово «посшель», тотъ отходитъ, и т. д. до послѣдняго. Кто остался, тотъ бѣгаетъ за другими и ловить. Кого поймаетъ, тотъ въ свою очередь долженъ ловить, и т. д.

Ш.

Игра въ цари.

Берутъ палку и всѣ играющіе охватываютъ ее одной рукой. Чья рука очутится на верху, тотъ *царь*. Онъ садится, беретъ мячъ, и приказываетъ, кому ему угодно, кинуть мячомъ въ кого-либо по его-же, царя, указанію. Промахъ зовется *ячо* (яйцо). Кто сдѣластъ три яча, тотъ выключается изъ игры, такъ до послѣдняго. Послѣдній становится царемъ, садится на мѣсто прежняго царя и приказываетъ въ свою очередь, старому царю колотить мячомъ въ спину, всѣхъ по очереди.

(Сальвычегодскій уѣздъ).

ЛП.

Игра въ мячокъ.

Начинающій игру беретъ перочинный ножъ и кладетъ на указательный палецъ такъ, чтобы ножъ былъ въ равновѣсїи и, не сгибая пальца опрокидываетъ ножъ, стараясь, чтобы онъ воткнулся въ землю. Потомъ кладетъ на два, на три пальца и т. д. и если дѣло идетъ успѣшно и ножъ всякій разъ втыкается въ землю, то играющій, согнувши руку въ кулакъ и, держа ножъ горизонтально, кладетъ его на кулакъ поперекъ пальцевъ и опять опрокидываетъ. Это зовется *на шести*, потомъ *на рюмку*, т. е. на кулакъ, поставленный вертикально, затѣмъ *на вижу*, т. е. вдоль

ладони, затѣмъ *на закуску*, т. е. на верхнюю поверхность кисти. Если онъ кончилъ закуской, то говорится *вышелъ на руку* и, если не желаетъ болѣе играть, то говорить: «чуръ, не заигрался». За нимъ слѣдуетъ другой тѣмъ же порядкомъ. Если играющій промахнулся, т. е. ножъ упалъ и не воткнулся въ землю, тогда дѣлаютъ *мачокъ*. Это деревянный гвоздикъ, который втыкается въ землю и играющій ударяетъ по немъ положенное число разъ черешкомъ ножа и затѣмъ долженъ вытащить мачокъ зубами.

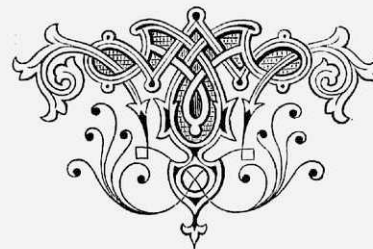

ЛП.

В ъ л а п т у .

Выбираютъ ровное мѣсто и раздѣляются на двѣ партіи. Каждая партія выбираетъ себѣ матку (посредствомъ перехватыванія рукою палки: чья рука наверху, тотъ матка). Каждая матка, держа палку за вершину, обноситъ ее вокругъ своей головы, подкидываетъ и хватаетъ. Если уронить, зачинъ не ея. Затѣмъ выбираютъ сынки. Одинъ изъ играющихъ назоветъ себя палкой, другой соломенкой (или какъ нибудь иначе), подходятъ къ маткѣ и спрашиваютъ: палка или соломенка? Если матка угадаетъ, то спрашивавшій остается при ней. Когда выборъ сынковъ конченъ, то тотъ, чей зачинъ, остается на *салѣ*, т. е. на мѣстѣ, откуда бу-

дутъ стрекать мячъ, а прочіе уходятъ въ поле.—Начинаютъ стрекать сынки. Когда первый сынокъ стрекаетъ, другой бѣжитъ въ поле, а въ то же время сынки, стоящіе въ полѣ, стараются *ужечь* бѣгущаго, т. е. попасть въ него мячомъ. Если не ужгутъ, то онъ остается въ полѣ, а остальные сынки стрекаютъ мячъ. Когда всѣ прострекаютъ, стрекаетъ матка. Тогда сынки возвращаются изъ поля въ сало, а тѣ, которые въ полѣ, стараются ужечь кого-нибудь изъ бѣгущихъ. Если ужгутъ, быстро перебѣгаютъ въ сало и стрекать начинаютъ тѣ, которые были въ полѣ. Если случится, что кто нибудь схватитъ мячъ на лету, тогда всѣ переходятъ въ сало стрекать мячъ.

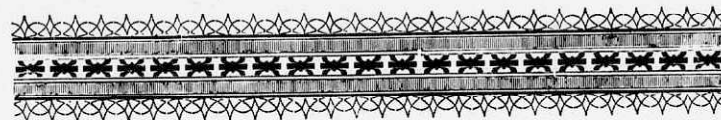

LIV.

Вотыкалка.

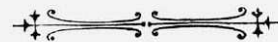
Чертятъ на землѣ кругъ въ $\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ, подвостряютъ палку и втыкаютъ поочередно въ кругъ. У кого палка не воткнется и упадетъ, его начинаютъ *гонять*; именно: кто угодно беретъ вотыкалку, идетъ впередъ и влѣпляетъ ее въ землю до тѣхъ поръ, пока она не свалится при неудачномъ ударѣ. Тогда беретъ другой и продолжаетъ втыкать, и такъ до послѣдняго. Когда всѣ перевтыкали, то тотъ, котораго гонять, беретъ вотыкалку и скачетъ съ нею на одной ногѣ къ кругу. Ежели скакать устанетъ, то даютъ отдыхать (стоя на одной ногѣ) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была перемѣна гонявшихъ.

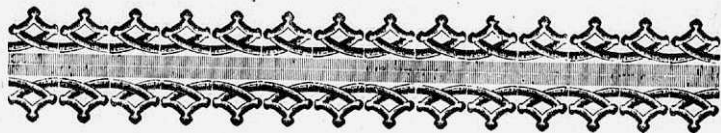

LV.

Ланы.

Выкапываются въ рядъ ямки—*ланы* каждымъ изъ играющихъ. Затѣмъ чеканятъ какъ шаръ, т. е. подбрасываютъ его палкой, чтобы узнать кому придется водить. Каждый становится у своей ланы, заступивъ ее ногою и держа палку въ рукѣ и когда тотъ, кто водить, покатитъ шаръ, въ шаръ бросаютъ палками. Если шаръ укатится далеко, кто водить, бѣжитъ за шаромъ, а прочіе за своими палками. Въ случаѣ, если никто не попалъ въ шаръ, то matka говоритъ: «ставь на стамочки на выручку» Тотъ, кто водить, кладетъ шаръ на горбылекъ, т. е. на какой-нибудь бугорокъ и matka сбиваетъ шаръ съ этого бугорка. Если и matka промахнулась, то тотъ, кто водить, *печатаетъ* всѣ ланы, т. е. дотрагивается шаромъ до каждой ланы, и тогда снова чеканятъ.

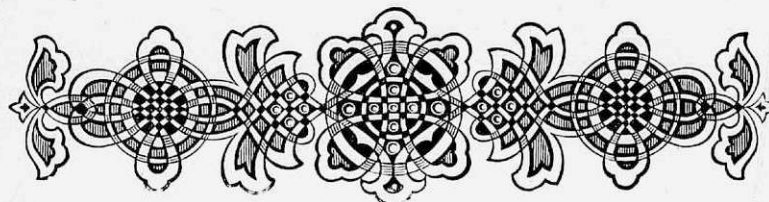

LVІ.

Я и ч к и.

Каждый для себя дѣлаетъ лунку, всѣ по прямой линіи, передъ игрой уговариваются, сколько кому класть на «руку»; затѣмъ шарикъ катить вдоль лунокъ; въ чью лунку онъ закатится, тотъ *жесетъ*, т. е. кидаетъ въ кого нибудь шарикомъ, и если промахнется, то въ его лунку кладутъ яичко, т. е. камешекъ, а если попадетъ, то тотъ, въ кого попало, старается *отжечь*, т. е. попасть въ свою очередь въ кого либо; если промахнется, то и ему кладется въ лунку яичко, и т. д. Когда положить яичко, то всѣ становятся у своихъ лунокъ, берутъ шарикъ и говорятъ: «*чуръ не за мячъ*»; кто же возьметъ мячъ, не сказавши этихъ словъ, то остальные кричатъ: «*чуръ за мячъ*», и ему кладутъ яичко. Потомъ катить снова, и т. п., наконецъ у кого дойдетъ до положеннаго числа яичекъ, напр. до пяти, то онъ долженъ *выгребать* яички изъ лунокъ руками, а прочіе въ это время колотятъ его по спинѣ.

LVІІ.

С в а я.

Берутъ сваю толщиною въ четверть и болѣе, и длиною въ аршинъ, заостряютъ съ одного конца и начинаютъ вбивать въ землю. Каждый изъ играющихъ ударяетъ по сваѣ дубинкой по одному разу. Затѣмъ всѣ бѣгутъ и прячутся, а тотъ кто водить, старается расшатать и выдернуть сваю. Выдернувъ ее, бѣжитъ съ нею искать спрятавшихся. Какъ только найдетъ кого либо, возвращается на мѣсто, втыкаетъ сваю въ дыру, и кричитъ: «засалю!» Если же во время поисковъ кто-либо выскочитъ изъ засады, подбѣжитъ къ дырѣ, прикроетъ ее ногой и закричитъ: «сбѣхалъ!», то водить приходится старому.

LVIII.

Игра въ казанки или костыги.

Съ бую.

Костыги ставятся у стѣны и каждый по очереди бросаетъ свой казанокъ въ стѣну. Чей казанокъ отскочитъ всѣхъ дальше отъ стѣны, тотъ первый и бьетъ. Сколько выбьетъ, столько и беретъ себѣ.

LIX.

Горшокъ.

На ровномъ открытомъ мѣстѣ ставятъ горшокъ, оборотивъ его внизъ, а подъ нимъ клалутъ орѣхи, фрукты и проч. Затѣмъ, одного изъ играющихъ отводятъ отъ горшка на разстояніе 20, 25 шаговъ, даютъ ему въ руки палку и завязываютъ глаза. Игра состоитъ въ томъ, чтобы онъ съумѣлъ подойти къ горшку и сбросить его; тогда онъ беретъ себѣ то, что лежало подъ горшкомъ. Играющій можетъ предварительно вымѣрить разстояніе до горшка; затѣмъ его ставятъ лицомъ къ горшку, завязываютъ глаза и, обернувъ три раза на одномъ мѣстѣ, пускаютъ пытаться счастье.

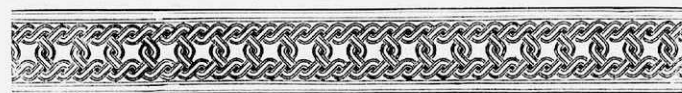

LX.

Игра въ столбики.

Выбираютъ мѣсто, гдѣ есть какіе нибудь столбики или нѣсколько угловъ и каждый становится у своего. Одинъ изъ играющихъ подходитъ къ другому и спрашиваетъ: гдѣ твой домъ? Тотъ отвѣчаетъ: за рѣкой; идетъ къ слѣдующему и дѣлаетъ тотъ же вопросъ. Между тѣмъ прочіе перебѣгаютъ въ это время одинъ на мѣсто другого. Спрашивающій долженъ осматриваться и воспользоваться оплошностью котораго нибудь изъ перебѣгающихъ, чтобы занять его мѣсто. Послѣдній долженъ тогда ходить и спрашивать.

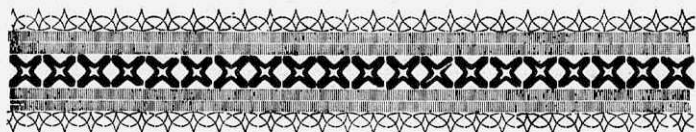
LXI.

Бильбоке.

На деревянную палочку крѣпко насаживаютъ неглубокую чашечку, а другой конецъ ея немного заостряютъ; къ серединѣ палочки привязываютъ шнурокъ, на которомъ виситъ шарикъ. Шарикъ этотъ просверленъ насквозь и шнурокъ продѣтъ чрезъ это отверстіе и закрѣпленъ узелкомъ.

Правою рукою берутъ за середину палочки такъ, чтобы чашечка была вверху; затѣмъ слегка поддерживаютъ палочку вверхъ такъ, чтобы шарикъ подскочилъ выше чашки и тогда стараются поймать въ нее шарикъ. Или оборачиваютъ бильбоке остриемъ вверхъ и стараются насадить шарикъ на острие.

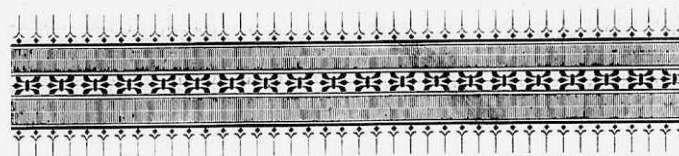

LXII.

Хлопушка.

Хлопушку дѣлають изъ перьевъ или дерева. Отрѣзають отъ не слишкомъ толстой вишни (лучше бузины) прямую, крѣпкую, безъ узловъ, палочку и проволокой или чѣмъ нибудь инымъ вычищаютъ въ ней сердцевину; такимъ образомъ получается палочка съ пустотою внутри. Затѣмъ вырѣзываютъ изъ дерева палочку такой толщины, чтобы она плотно входила въ эту пустоту. Разрѣзавъ сырой картофель или рѣпу на пластинки, однимъ концомъ хлопушки ударяють по пластинкѣ, тогда кусокъ картофеля войдетъ въ пустоту хлопушки. Такимъ же образомъ заряжаютъ и другой конецъ хлопушки. Затѣмъ вкладываютъ палочку въ отверстие и толкають ею одинъ зарядъ къ другому; воздухъ, находящійся между обоими зарядами, сожмется и съ шумомъ вытолкнетъ передній зарядъ. Хлопушка изъ пера гораздо лучше; для этого служить длинный прямой очинъ гусиного пера.

LXIII.

Берегись.

Въ эту игру могутъ играть отъ пяти до ста человѣкъ. Возлѣ стѣны, въ шагахъ отъ пяти до двадцати, смотря по числу играющихъ, протягивають веревку. Въ пространствѣ между стѣною и веревкою становятся играющіе, кромѣ одного, который начинаетъ игру. Онъ становится въ веревки и бѣгая по всему протяженію ея, кричитъ: *берегись разъ! берегись два! берегись три!* При последнемъ словѣ онъ, перескочивъ черезъ веревку, ударяетъ кого нибудь и, крича *пойманъ*, схватываетъ его за руку и быстро перепрыгиваетъ обратно черезъ веревку. Затѣмъ оба они, держась за руки, прокричать три раза *берегись!* снова перепрыгивають, ударяють третьяго и съ нимъ возвращаются за веревку. Игра

продолжается такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока половина играющихъ не будетъ поймана. Ловимымъ воспрещается выбѣгать за веревку; ловящіе же не должны во время лова отдѣляться отъ руки своихъ товарищей. Они должны перепрыгивать черезъ веревку всѣ разомъ; не позволяется также ловить, если веревка нечаянно порвется или упадетъ на землю. Когда ловящіе разорвутъ веревку, то послѣдніе разбѣгаются, а находящіеся за веревкою стараются ихъ поймать; каждый пойманный долженъ нести къ веревкѣ на своей спинѣ поймавшего его. Если ловимые разорвутъ веревку, то ловящіе преслѣдуютъ ихъ и пойманные несутъ ихъ на себѣ.

LXIV.

Г у с и.

Предводитель игры, вожакъ, становится впереди всѣхъ, а за нимъ остальные играющіе въ одинъ рядъ, гуськомъ. Вожакъ бѣжитъ прямо, поворачиваетъ на лѣво, на право, перепрыгиваетъ чрезъ канавки и т. д., а остальные играющіе должны подражать всѣмъ его движеніямъ.

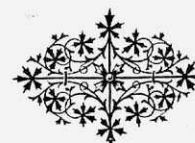

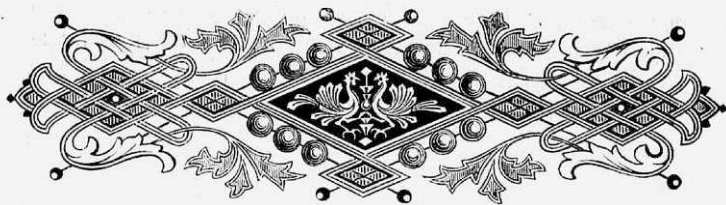
LXV.

Столбики.

Проводятъ на землѣ двѣ черты, на шагъ одна отъ другой. На первую черту каждый играющій ставитъ столбики, т. е. три рюхи, поставленныя одна на другую; разстояніе между столбиками полагается одинъ шагъ. Столбиковъ всегда должно быть одинаковое число съ играющими и каждый игрокъ долженъ знать свой столбикъ. Каждый игрокъ, ставъ въ 10 шагахъ отъ столбиковъ, бросаетъ, по очереди, палкой въ свой столбикъ, стараясь сбить въ первый разъ одну верхнюю рюху. Когда каждый броситъ свою палку по одному разу, идутъ осматривать столбики. Кто сбилъ со своего столбика только верхнюю рюху и вмѣстѣ съ тѣмъ выбилъ ее за вторую черту, тотъ присчитываетъ себѣ три очка;

кто же вмѣстѣ съ верхнею сшибъ и вторую или всѣ три рюхи вмѣстѣ, то за это кромѣ игравшаго, всѣ присчитываютъ себѣ по одному очку. Если кто собьетъ рюхи съ чужаго столбика, тогда тотъ, чей это столбикъ, присчитываетъ себѣ три очка за верхнюю рюху, а если сбиты и остальные, то всѣ другіе игроки присчитываютъ себѣ по одному очку. Сдѣлавшій промахъ ничего не считаетъ; за рюхи, не выбитые за другую черту, ничего не считается. Убравъ сбитыя рюхи, бьютъ во второй разъ, но уже съ того мѣста, гдѣ легла палка; но если палка легла ближе къ столбикамъ нежели на два шага, то отступаютъ еще на два шага далѣе. Теперь сбиваютъ вторыя рюхи, а затѣмъ и третьи, счетъ тотъ же. Кто прежде всѣхъ насчитаетъ 25 очковъ, тотъ и выигрываетъ. Кто въ продолженіи одной игры два раза уронитъ весь свой или чужой столбикъ, у того высчитывается половина очковъ, выигранныхъ имъ; уронившій въ третій разъ—выходитъ изъ игры.

LXVI.

Кошка.

Играютъ въ сумерки въ саду или на полѣ, гдѣ много кустарниковъ и деревьевъ. Самый проворный изъ игроковъ назначается *кошкою*. Остальные дѣти, подъ предводительствомъ кого нибудь изъ старшихъ, который называется *маткою*, идутъ отыскивать кошку и окружаютъ то мѣсто, гдѣ по ихъ соображенію кошка спряталась. Кошка же прячется гдѣ нибудь въ кустарникъ или за деревомъ, и затѣмъ играющіе стараются поймать ее. Кошка, по требованію матки, можетъ откликнуться, особенно если отыскивающіе далеко отъ нее и она надѣется успѣть перебѣжать и спрятаться въ другое мѣсто, въ то время, когда они бросаются на раздавшееся «*мяу*» кошки. Вся игра состоитъ въ томъ, чтобы кошка быстро успѣла скрыться въ другое, отдаленное мѣсто и тѣмъ обмануть ищущихъ ее.

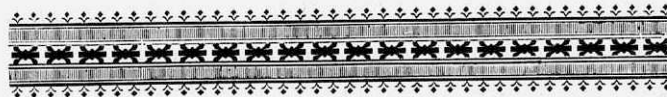

LXVII.

Горѣлки.

Играющіе становятся по парно, одна пара за другою; впереди первой пары становится одинъ, по жребію, который долженъ *горить*, т. е. ловить выбѣгающія пары. Горѣльщикъ не долженъ оглядываться назадъ. Играющіе приговариваютъ: «*Гори, гори ясно, чтобы не погасло*», и въ это время горѣльщикъ хлопаетъ въ ладоши три раза. За третимъ разомъ, послѣдняя пара раздѣлившись, т. е. одинъ на право, а другой на лѣво, начинаетъ бѣжать впередъ, по обѣимъ сторонамъ играющихъ и далѣе, стараясь схватиться руками непременно *впереди* горѣльщика. Если послѣдній поймаетъ кого нибудь изъ бѣжавшей пары, то онъ стано-

вится съ пойманнымъ впереди всѣхъ паръ, а оставшіеся должны горѣть. Если же не поймаетъ и пара успѣетъ сойтись и взяться за руки,—онъ снова горитъ и ловитъ другую пару и т. д., до тѣхъ паръ, пока не поймаетъ когонибудь. Бѣжать всегда должна та пара, которая стоитъ позади всѣхъ. Для того, чтобы обмануть горѣльщика, правый въ парѣ можетъ бѣжать по лѣвую сторону, а лѣвый по правую.

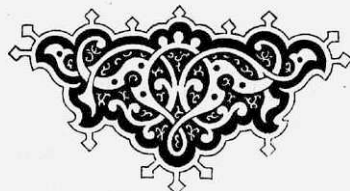

LXVIII.

Ч е к а (м у х а).

Вбиваютъ въ землю колъ, аршина въ полтора или въ аршинъ длиною; наверхъ этого кола насаживаютъ палочку вершка въ 4 длины, вырѣзанную на подобіе буквы Г. Эта палочка и называется *чекою* или *мухою*. Чеку сбиваютъ палками съ кола. По числу играющихъ, за исключеніемъ одного, выкапываются шагахъ въ 10—12 ямочки, мазла, откуда и сбиваютъ чеку. Ямочки дѣлаютъ на разстояніи одной сажени одна отъ другой. Оставшіеся безъ мѣста, водитель, долженъ наставлять муху, когда ее собьютъ. Водитъ тотъ, чья палка ляжетъ ближе всѣхъ къ колу, для этого всѣ играющіе становятся съ палками рядомъ, ставятъ конецъ палки на носокъ сапога, и стараются отшвырнуть ее отъ себя какъ можно дальше; чья палка ляжетъ ближе всѣхъ, тотъ и водитъ.

Кто промахнулся, тотъ долженъ стоять на своемъ мазлѣ до тѣхъ поръ, пока кто либо не собьетъ чеку, потому что ему тогда не выгодно бѣжать за своею палкою; водитель легко займетъ его мазло. Если слѣдующій игрокъ собьетъ чеку, тогда онъ и сбившій бѣгутъ за своими палками, стараясь успѣть поднять палки и приближать къ своимъ мазламъ въ то время, пока навѣшиваютъ чеку, въ противномъ же случаѣ, водитель, навѣсивши чеку, занимаетъ свободное мазло, и оставшійся безъ мазла долженъ стать сбоку у кола у наставлятъ чеку. Чеку сбивать должно со своихъ мѣстъ по очереди.

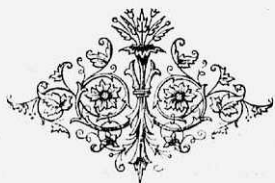

LXIX.

Медвѣдь реветъ.

На ровномъ мѣстѣ вкапываютъ въ землю камень или вбиваютъ коротенькій колышекъ, а на него кладется деревяшка толщиною въ 2 пальца и въ полтора вершка длиною; эта деревяшка и называется медвѣдемъ. Затѣмъ, на разстояніи 5—8 шаговъ отъ деревяшки, чертятъ на землѣ большой полукругъ, на которомъ становятся играющіе, на разстояніи двухъ шаговъ одинъ отъ другаго, обозначивъ свое мѣсто камнемъ, ямой или колышкомъ. Въ сторонѣ отъ полукруга стоитъ выбранный по жребію, облавщикъ, обязанность котораго ставить медвѣдѣя, когда его сшибутъ. Игроки, каждый со своего мѣста, бросаютъ по очереди въ

медвѣдя палкой въ аршинъ длиною и пальца въ два толщиною. Какъ только медвѣдь сбитъ, облавщикъ кричитъ: «медвѣдь реветъ»; бросившіе бѣгутъ за своими палками, а въ это время облавщикъ ставитъ медвѣдя на мѣсто и занимаетъ чье либо мѣсто; если онъ успѣетъ поставить медвѣдя и занять мѣсто одного изъ играющихъ, пока бѣжавшій за палкою не возвратился на свое мѣсто, то тотъ, чье мѣсто онъ занялъ, дѣлается облавщикомъ; въ противномъ случаѣ—онъ и на второй разъ остается облавщикомъ. Чтобы не попасть въ другихъ игроковъ палкою, бьющій становится правою ногою на свое мѣсто, а лѣвою подается впередъ и влево. Кто хочетъ сойти со своего мѣста, тотъ долженъ сказать: «чуръ мое мѣсто»; въ противномъ случаѣ облавщикъ можетъ занять его мѣсто.

LXX.

Чурокъ, тюзикъ.

Чуркомъ или тюзикомъ называется палочка въ 3—4 вершка длиною, съ обоихъ концовъ заостренная. Если бросить чурокъ на землю и ударить по заостренному концу не очень толстою палкою, въ аршинъ длиною, то чурокъ подскочитъ. Играть можно вдвоемъ, втроемъ и даже болѣе. Играютъ слѣдующимъ образомъ: чертятъ на землѣ кружокъ въ одинъ аршинъ въ діаметрѣ и одинъ изъ играющихъ (при игрѣ вдвоемъ), ставъ въ кружокъ, бросаетъ на землю чурокъ и ударяетъ по немъ палкою; когда чурокъ взлетитъ на воздухъ, онъ старается подбить чурокъ на лету палкою такъ, чтобы отбросить его сколь возможно далѣе. Другой

игрокъ становится вдали отъ кружка и старается поймать чурокъ на лету. Если онъ поймаетъ, то смѣняетъ перваго игрока и бьетъ по чурку въ свою очередь; если же не поймаетъ, то съ того мѣста, гдѣ чурокъ легъ, онъ бросаетъ его въ кружокъ; первый, стоя въ кружкѣ и не выходя изъ него, можетъ опять отбить палкой чурокъ, но не съ земли, а на лету; если отобьетъ, то второй снова бросаетъ; когда же попадетъ въ кружокъ, то смѣняетъ перваго. Если чурокъ легъ на черту, то по крайней мѣрѣ большая половина его должна лежать въ кружкѣ. Если стоящій въ кружкѣ промахнулся, т. е. не подбилъ съ перваго раза чурка, то онъ становится въ средину круга и пробуетъ достать чурокъ руками, если достанетъ, то перебиваетъ снова, и это позволяется до трехъ разъ; если же не достанетъ, то стоящій внѣ круга съ того мѣста гдѣ легъ чурокъ, бросаетъ его въ кружокъ.

Когда играетъ нѣсколько человѣкъ, то они раздѣляются на двѣ партіи, изъ коихъ одна бьетъ по очереди, а другая стоитъ въ полѣ на различныхъ мѣстахъ и ловитъ чурокъ. Каждый игрокъ бьетъ чурокъ по очереди и до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ промаха. Вторая партія смѣняетъ первую, только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда всѣ игроки первой партіи сдѣлали промахъ; 2) когда подбитый чурокъ пойманъ на лету и 3) когда чурокъ легъ такъ близко къ кругу, что вмѣсто того, чтобы вбросить его, можно, вытянувъ руку положить въ кружокъ. Если вторая партія не вброситъ чурка въ кружокъ, то бьютъ чурокъ съ того мѣста, гдѣ онъ легъ.

LXXI.

К р у г ъ.

Чертятъ на землѣ большой кругъ; играющій, стоя въ срединѣ круга, долженъ, ударивъ палкою по кончику чурка, сразу выбросить его изъ круга, не подбивая на лету. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то другой смѣняетъ его; если же выброситъ чурокъ, то, измѣривъ глазомъ разстояніе между серединою круга и тѣмъ мѣстомъ, куда упалъ чурокъ, требуетъ столько взятокъ, сколько по его мнѣнію, уляжется на этомъ разстояніи палка, которою онъ билъ. Тотчасъ же измѣряютъ это разстояніе палкою и если мѣра окажется вѣрною, то угадавшему приписываютъ это число очковъ;

если же онъ сказалъ болѣе или менѣе, нежели сколько на самомъ дѣлѣ при измѣреніи оказалось, то отсчитываютъ у него столько очковъ, на сколько онъ ошибся; при этомъ половина и болѣе половины палки считается за цѣлую палку, а меньше половины не считается. У кого наберется ранѣе 15—20 и болѣе, смотря по условію, очковъ, тотъ и выигрываетъ.

LXXII.

Игра съ дѣтьми.

Капки по капки
Гдѣ были, у бабки.
Что ѣли, капки.
Что пили, капки.
Ѣли мы кашку,
Пили мы бражку
У бабушки.
Бражка слатенька,
Бабушка добренька.
(Въ Вологодской губ.).

LXXXIII.

Г р у н я.

Нѣсколько дѣвицъ и парней становятся въ ширину попарно и такъ, чтобы одна пара приходилась противъ другой, затѣмъ пары схватываются руками и дѣлаютъ оборотъ по избѣ и опять становятся на свои мѣста.

При этой шпль поютъ слѣдующую пѣсню:

Груня, Груня, Груня я,
Груня ягода моя!
Воспавадилась Груняша
Часто по воду ходить,
По задворью воду лить
Да къ Олексію заходить,

Алексіюшка будить:
Ужъ ты встань, душа Олѣша.
Олексій, встань, пробудись,
На меня не сердись...
Я дѣвочка не спѣсива
Люблю свѣта Олексія...
Я заплачу, зарыдаю,
Тяжелехонько вздохну,
Дружка Олешу вспомяну.
Вспомяну дружка милово
На чужой на сторонѣ,
На чужой дальней сторонкѣ
Во Питерѣ иль Москвѣ?
Тамъ и дѣвушки дородни
Собою-то благородны:
Вдоль по улочкѣ идуть
Ровно (словно) павушки плывуть.
На павушкѣ перышко
Ровно пять тысячъ дано,
Какъ другое-то перо
Изъ Парижа везено
Да Груняшѣ дарено.
По бѣлому бархату,
Ужъ я этимъ-то перомъ
Напишу я грамотку,
Отошлю я грамотку
Въ Сибирь-городъ къ батюшкѣ,
Къ родимой матушкѣ...
Родимая моя мать!
Позволь дочерѣ гулять....
Гуляй, гуляй, дидятко,
Гуляй доць хорошая,

Груняша пригожая!
 Гуляй, доцюшка моя,
 Пока волюшка своя,—
 Не расплетена коса,
 Не покрыта голова.
 Какъ покроется головка—
 Вся минуется гульба,
 Вся минуется, рѣшится
 И дѣвичья красота.
 Расплетутъ русую косу—
 Будетъ воля не своя,
 Не своя воля велика—
 Чуже—дальна мужика.
 Какъ чужой мужикъ дуракъ
 Не отпустить погулять;
 Хоть отпустить—пригрозить,
 Велитъ сосѣдамъ присмотреть...
 При тебѣ гулять не стану,
 А уйдетъ, такъ не уйметъ!...

LXXIV.

И малкомъ.

Эта игра заключается въ томъ, что одному изъ участвующихъ въ игрѣ завязываютъ глаза, а затѣмъ приводятъ его къ печному столбу и, ударяя въ спину, спрашиваютъ:

— Гдѣ стоишь?

Ималко, т. е. тотъ человѣкъ, что съ завязанными глазами, долженъ отвѣчать: «У столба».

— Чего пьешь? спрашиваютъ игроки.

— Квасъ да ягоды! отвѣчаетъ Ималко.

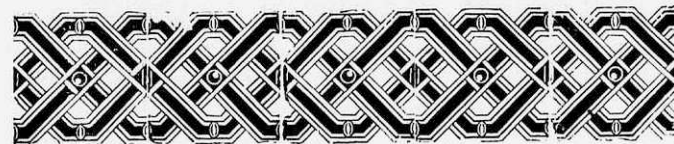
— Ну, такъ ищи насъ два года! крикнуть игроки и разбѣгаются въ разные стороны. Ималко обязанъ кого—либо

схватить, поймать (потому и называется «ималко»), а пока этого не сдѣлать—всѣ дуютъ его по спинѣ кулаками, сами же ловко отвергиваясь прячутся. Кто же попадетъ въ руки ималку, тотъ самъ становится имъ, и ему также завязываютъ платкомъ глаза, а прежняго освобождаютъ.

Что же касается того, кому впервые быть «ималкомъ», то дѣлается это такъ: одинъ изъ пожелавшихъ участвовать въ игрѣ запачкаетъ у себя палецъ печной сажей и, зажавши кулаки накрѣпко, подходитъ къ другимъ съ предложеніемъ расжать одинъ изъ пальцевъ его рукъ. Кто изъ игроковъ разожметъ запачканный палецъ, тотъ и будетъ «ималко». Если-же случится, что всѣ разжали по «бѣлому» пальцу, то ималкомъ становится самъ, предлагавшій.

Само-собою, разумѣется, зажимается столько пальцевъ, сколько человѣкъ участвуетъ въ игрѣ, и само запачканіе дѣлается секретно отъ прочихъ игроковъ.

Играютъ въ эту игру большею частью въ святки и днемъ, а не вечеромъ, преимущественно дѣти отъ 10 до 15 лѣтъ.

LXXV.

Игра въ „Оленя“.

Садятся нѣсколько парней посреди избы на скамейку, а дѣвицы вокругъ ихъ ходятъ и поютъ слѣдующее:

Тепло ли тебѣ олень? *)
Холодно-ли тебѣ олень?
Мнѣ-ка въ литѣ-то тепло,
А зимою холодно...
Принакройте-тко,
Да приодиныйте-тко!...
Съ дѣвушки—платокъ,
Съ молодунки выюнокъ (вѣнокъ),

*) Въ пѣсняхъ сохраненъ мѣстный выговоръ.

Съ молодца кафтанъ
Со старыя старушки
Косой воротокъ *),
Со малово ребѣнчка —
Пелѣночка,
Съ удалово молодца —
Красна шапочка,
Со красныя дѣвицы —
Платокъ съ головы...

Въ это время одна изъ дѣвицъ подходитъ къ которому нибудь парню и отдаетъ ему съ головы свой платокъ, а остальные дѣвицы опять запѣютъ эту же пѣсню съ начала и т. д., пока всѣхъ парней не прикроютъ. Когда у каждаго изъ парней окажется въ рукахъ по платку, тогда одинъ изъ нихъ—обыкновенно сидящій съ краю скамьи—машетъ по полу платкомъ и поетъ:

Волочу я, волочу,
На кабакъ сволочу
И на винѣ пропью!...

Въ это время та дѣвица, чей платокъ волочить парень, подходитъ къ нему съ цѣлю выкупить платокъ; при этомъ поетъ:

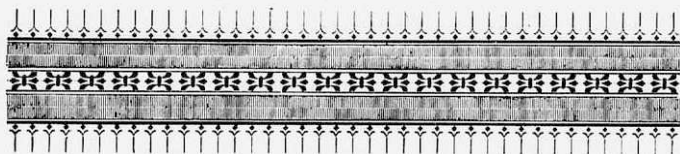
Я не дамъ изволочить,
Я не дамъ изтолочить...
Я сама изволочу,
Я сама изтолочу,

*) Рубашка съ косымъ воротомъ.

И на кабакъ снесу,
На винѣ пропью,
И повыскочу повыше
Поцѣлую молодца!

Дѣвица цѣлуетъ парня, и тотъ отдаетъ ей платокъ. Слѣдующая дѣвица продѣлываетъ тоже самое, и игра продолжается до тѣхъ поръ, пока у всѣхъ парней не будутъ выкуплены платки. Но бываетъ и такъ, шутки-ради, что парень, поцѣловавшись, вмѣсто того, чтобы немедленно отдать дѣвицѣ платокъ, отдаетъ его другому парню, наиболѣе знакомому дѣвицѣ, и тотъ тоже получаетъ «выкупъ» платка, заключающійся въ поцѣлуѣ.

LXXVI.

Со вьюномъ.

Всѣ дѣвицы поютъ, а одна изъ нихъ ходить по полу съ платкомъ въ рукѣ, изображающемъ вьюнокъ — вѣнокъ, ребята же сидятъ въ противоположной сторонѣ отъ дѣвицъ. Ходящая по полу дѣвица должна положить вьюнокъ одному изъ парней на плечо и поцѣловать его, когда кончится пѣсня. Пѣсня поется слѣдующая:

Ужъ я со вьюномъ хожу (2-жды),
Съ золотымъ хожу:
Я не знаю куда вьюнъ положить (2-жды),
Положу, положу
Положу я вьюнъ на правое плечо (2-жды).

(Кладетъ платокъ къ себѣ на правое плечо).
Я ко молодцу (2-жды),
Я ко молодцу иду, иду, иду,
Поцѣлую да и прочь уйду!

Пропѣвши это, дѣвица цѣлуетъ парня и передаетъ ему платокъ, съ которымъ начнетъ ходить по полу уже парень, сидящія же дѣвицы поютъ ему тоже самое, измѣняя лишь вмѣсто «ко молодцу иду», говорятъ: «ко дѣвицѣ иду» Парень тоже цѣлуетъ которую нибудь дѣвицу и передаетъ ей платокъ и т. д. Этой игрой занимаются до тѣхъ поръ, пока всѣ въ бесѣдѣ не перецѣлуются.

LXXVII.

З и м у ш к а.

Двѣ дѣвицы ходятъ по полу, а остальные въ бесѣдѣ
поютъ имъ:

Ахъ, ты, зимушка зима,
Холодна очень была!
Заевило, занесло
Всѣ дорожки и лужка
И крутые бережка...
Стели, стели постеленьку,
Стели пуховую,
Я кого изъ васъ люблю —
Тово поцѣлую!

Въ это время тѣ дѣвицы, что ходили по полу, цѣлуютъ
излюбленныхъ ими парней и садятся на лавку, а парни
въ свою очередь начнутъ тоже ходить по полу, дѣвицы имъ
поютъ:

Литили двѣ птички,
Собой невелички...

Припѣвъ:

Тамъ, тамъ лѣто,
Здѣсь—зима,
Чернобровая моя!..
Гдѣ они литили—
Всѣ люди глядили

Опять тотъ же припѣвъ.

И сили на талинку
На самую вершинку...

Припѣвъ.

Взвились—улитили...
Тамъ, тамъ лѣто,
Здѣсь—зима,
Чернобровая моя,
Я цѣлую тебя!

Послѣ этого парни цѣлуютъ дѣвицъ.

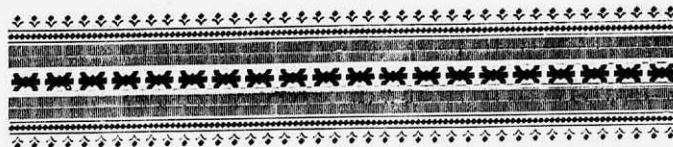

LXXVIII.

Игра въ „наборъ“.

На бесѣдѣ дѣвицы и парни устраиваютъ иногда слѣдующую игру, носящую названіе «наборъ». Одна изъ дѣвицъ обходитъ всѣхъ остальныхъ своихъ товарокъ и каждой шепчетъ на ухо имя того парня, котораго по ея назначенію та должна поцѣловать; но отъ послѣдняго сохраняется это въ тайнѣ. Парни по-очередно подходятъ то къ одной, то къ другой дѣвицѣ съ цѣлю поцѣловаться; но если парень подойдетъ не къ той, съ которой назначено ему цѣловаться, то послѣдняя щелкнетъ въ ладоши и парень отходитъ прочь «не солоно хлебавши». Когда угадаетъ — цѣлуются. Послѣ того парни и дѣвицы обмѣниваются ролями: парни загадываютъ, а дѣвицы такимъ же образомъ подходятъ къ нимъ.

LXXIX.

С т у л ь.

Парень или дѣвица по-очередно садятся на стулъ — деревянный орудокъ — среди избы, остальные дѣвицы поютъ:

Я горю, горю, горю,
На калиновомъ мосту:
Ахъ, кто меня любить,—
Тотъ и выкупить!..

Въ это время, если сидитъ дѣвица, то подходитъ парень и цѣлуетъ ее, а самъ садится на ея мѣсто, ему поется тоже самое. Подходить, конечно, большей частью тѣ, кто съ кѣмъ знакомѣ или «слюбившись». Но бываетъ и такъ, что сидящая — нелюбимая никѣмъ дѣвица или некрасивая, и желаю-

щихъ выкупить ее изъ числа парней не оказывается, тогда горе ей! сидитъ, бѣдная, чуть не плачетъ отъ стыда, а подруги ея въ тихомолку посмѣиваются. Но, надо сказать правду, это очень рѣдко случается, такъ какъ подобное невниманіе считается неприличнымъ со стороны парней, а потому кто вибуди изъ нихъ подойдетъ и выкупить ее своимъ поцѣлуемъ, хотя бы изъ чувства приличія только.

